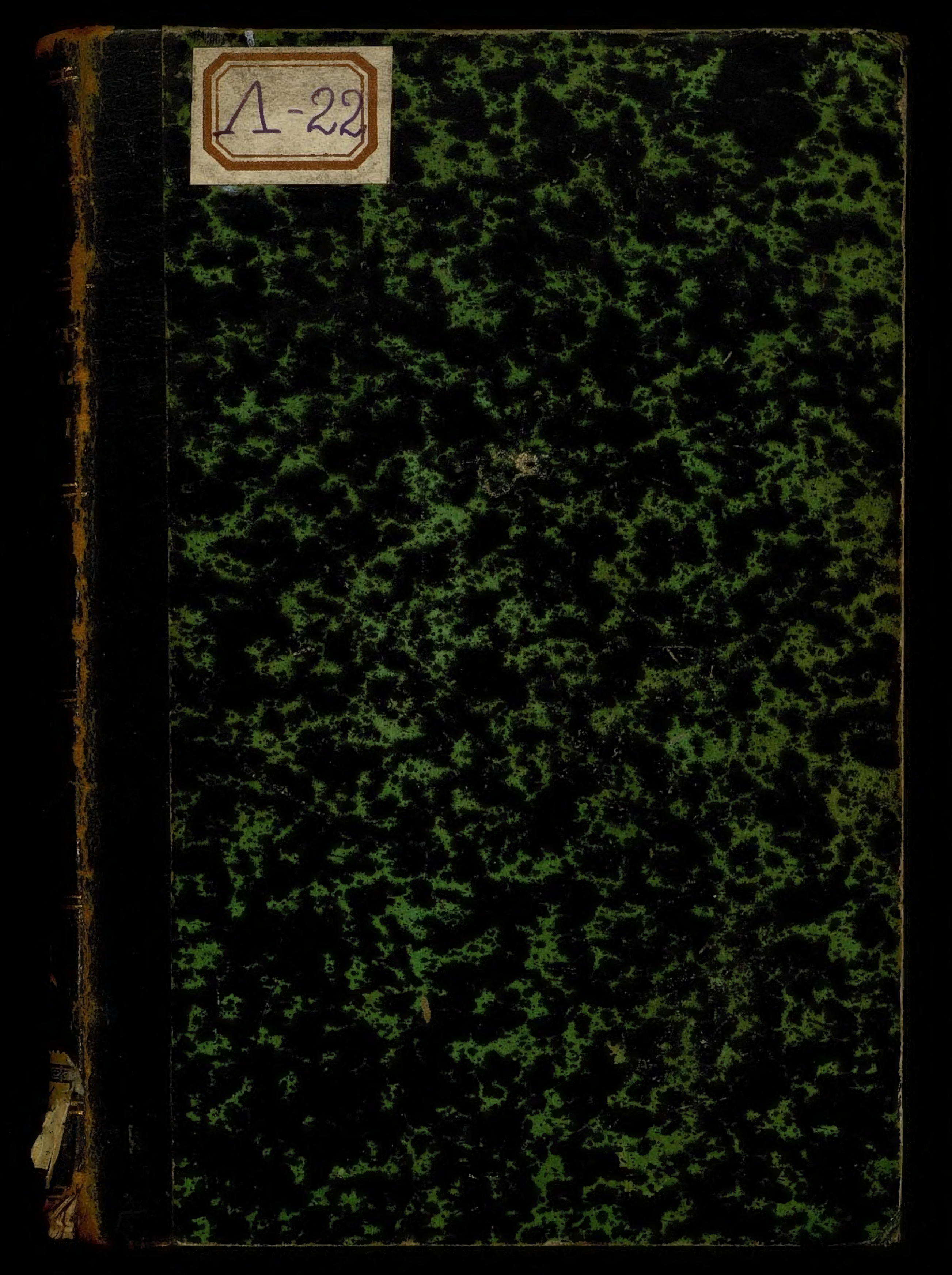

Л-22

ИСТОРІЯ
НАПОЛЕОНА I.

сочинение

П. ЛАНФРЕ.

переводъ подъ редакціею

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

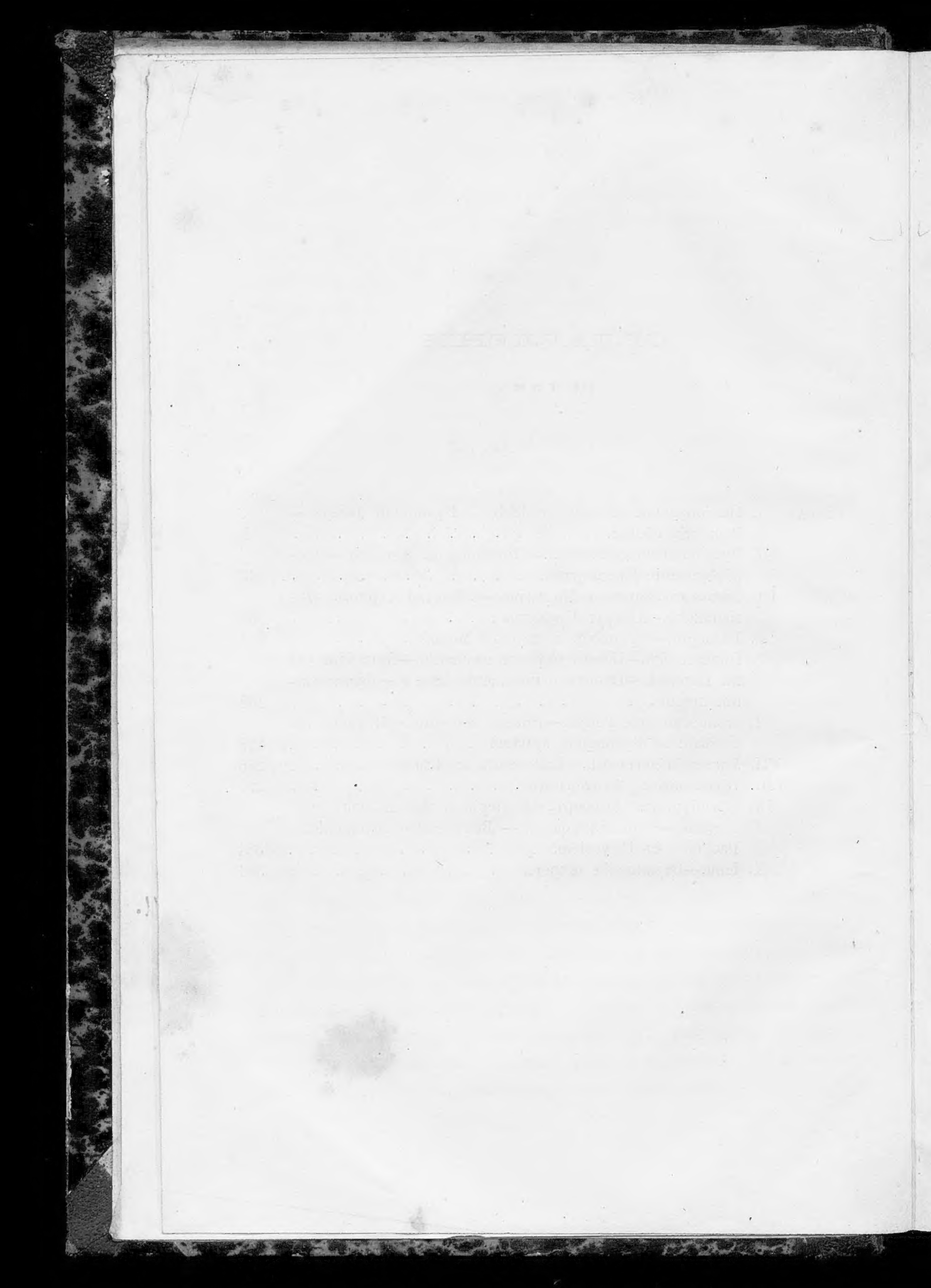
МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1871.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ОГЛАВЛЕНІЕ

III ТОМА.

ГЛАВА I.

Національное движеніе въ 1803 г. — Булонскій лагерь. — Внѣшніе сборы.

Я приступаю теперь къ разсказу о неслыханныхъ успѣхахъ, ознаменовавшихъ начало и апогей императорской эпохи. Не смотря на безчисленныя бѣдствія и страшныя неудачи, которыя ихъ сопровождали и за ними слѣдовали,—эти успѣхи, столь дорого оплаченные, оставили по себѣ такое обаяніе, что нація наша долго не могла ни утѣшиться объ ихъ потерѣ, ни обсудить ихъ хладнокровно, признавая все, что было въ нихъ эфемернаго. Нечего удивляться ея упрямству къ сохраненію иллюзій, столь лестныхъ для ея гордости; всѣ народы, мечтавшіе о всемірной имперіи, были наказаны этимъ продолжительнымъ ослѣпленіемъ. Безъ сомнѣнія, неблагодарная задача—разубѣдить ихъ, показать націи, столь гордящейся этимъ краткимъ моментомъ своей имперіи, что она упустила свою судьбу, сдѣлавшись великодушнымъ орудіемъ нечестиваго владычества; здѣсь не предстоитъ ни славы, ни популярности, и обязанность эта въ особенности тягостна въ странѣ рутины, въ странѣ, любящей общія мѣста, и гдѣ не прощаютъ никогда того, кто затронетъ извѣстныя суевѣрія. Но опытъ показалъ намъ, безвредны ли для будущаго эти заблужденія относительно прошедшаго. Впрочемъ

сама эта точка зрѣнія второстепенная. Нравится ли намъ истина или нѣтъ, она господствуетъ надъ нами, и опытъ служитъ во всемъ этомъ лишь ея покорнѣйшимъ слугою. Она не создана быть льстецомъ народа, точно также какъ и льстецомъ короля. Необходимо, чтобъ такъ называемые патріотическіе предразсудки воспользовались этимъ; теперь невозможно историку быть *національнымъ* въ узкомъ смыслѣ этого слова. Его патріотизмъ—любовь къ истинѣ. Онъ не принадлежитъ племени или странѣ, онъ человѣкъ всѣхъ странъ и говоритъ во имя общей цивилизаціи; онъ принадлежитъ къ общимъ интересамъ всѣхъ націй, интересамъ человѣчества, и народъ, который служитъ имъ усерднѣе,—его народъ. Если онъ, напримѣръ, заодно съ Франціею противъ Испаніи Карла V, онъ заодно съ Испаніею противъ Франціи Наполеона. Онъ поочередно голландецъ противъ Филиппа II, англичанинъ противъ Людовика XIV, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ противъ Георга III; но онъ нѣкоторымъ образомъ не можетъ усвоить этихъ индивидуальностей до тѣхъ поръ, пока не очиститъ ихъ отъ всего пристрастнаго и крайняго. Отечество его царитъ надъ всѣми границами, дѣло его—дѣло общественное, непреложное, дѣло права противъ силы, дѣло свободы противъ угнетенія. Исключительность, которую хотѣли бы навязать ему, была возможна въ маленькихъ древнихъ государствахъ, смотрѣвшихъ враждебно на все иностранное, но не можетъ держаться среди великой европейской общины, живущей одною жизнью, питающейся одною и тою же мыслью. Еще Римъ, завоевывая вселенную, умѣлъ возвыситься до понятія гуманности, и въ этомъ-то заключается несравненное величіе Тацита. Не смотря на его предразсудки, въ немъ видишь человѣка всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, или скорѣе слышится въ немъ самъ родъ человѣческій, произносящій неизгладимый приговоръ надъ своею собственною исторіею. Въ настоящее время европейскіе народы такъ солидарны, что безъ особенныхъ усилій можно различить все, что, въ ихъ

частныхъ видахъ, можетъ служить или повредить дѣлу общихъ интересовъ; и вотъ въ чемъ заключается единственное правило для сужденій, которое можетъ принять свободный умъ.

Изъ этого явствуетъ, что народы несутъ отвѣтственность менѣе замѣтную, но не менѣе существенную, чѣмъ отвѣтственность индивидуумовъ. Тѣ, которые отрицаютъ это, должны были бы, чтобъ быть послѣдовательными, — удержаться отъ опасной лести, какую часто расточали нашей національной суетности, ибо похвала обязываетъ къ этой отвѣтственности также, какъ и порицаніе. Нечего напоминать, что народы становятся великими лишь по мѣрѣ того, какъ умѣютъ возвыситься до степени достоинства *личности*, когда они являются способными къ разборчивости, къ свободѣ дѣйствій, къ настойчивости; вотъ вся тайна ихъ славы, или ихъ безчестія. Франція сдѣлала большую ошибку относительно самой себя, отдавшись, очертя голову, человѣку, создавшему 18 брюмэра; она еще неосторожнѣе поступила противъ Европы, слѣдуя за нимъ, зажмуривъ глаза, въ его безумной и дерзкой политикѣ, доведшей до нарушенія Аміэнскаго трактата. Послѣдствія этой двойной ошибки не замедлили обнаружиться: внутри это было—усиленіе деспотизма, извнѣ—окончательное усвоеніе системы завоеванія.

Объявивъ войну, Первый Консулъ рѣшился вести ее страшнымъ и рѣшительнымъ образомъ. При не весьма еще обезпеченномъ положеніи его захватовъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, опасно было для него, чтобъ видѣли продолжительное время, какъ побѣдителя Европы ставилъ въ тупикъ народъ, называемый имъ презрительно „народомъ торгашей.“ И потому съ первыхъ же дней нарушенія Аміэнскаго трактата, онъ обнаружилъ безпощадный характеръ, какой хотѣлъ придать непріязненнымъ дѣйствіямъ. Арестованіе англійскихъ семействъ, путешествовавшихъ по Франціи подъ охраною трактатовъ и успокоительныхъ объясненій *Монитера*, было дѣломъ безпримѣрнымъ и непроститель-

1*

нымъ. Оно основывалось на самыхъ фальшивыхъ предлогахъ [1]), и самъ виновникъ его сознал впослѣдствіи его беззаконіе [2]), объявляя съ нѣкоторымъ маккіавелическимъ остроуміемъ, что въ этомъ случаѣ не имѣлъ другой цѣли, какъ только возстановить британскую націю противъ ея министровъ. Каковы бы ни были его намѣренія, но послѣ подобнаго насилія не оставалось другаго средства какъ война на жизнь и на смерть. Онъ и приготовился къ ней дѣйствительно, употребивъ всю громадную дѣятельность своего генія къ соединенію въ своихъ рукахъ всѣхъ средствъ, чтобъ поразить въ самое сердце единственную націю, которая среди всемірнаго покорства осмѣливалась противиться его намѣреніямъ и презирать его угрозы. И онъ возненавидѣлъ ее съ тѣхъ поръ со всею силою оскорбленной гордости, со всею силою мщенія за свободныя идеи, со всею яростью своего пожирающаго самолюбія. Давно уже онъ задумалъ нападеніе на нее; онъ часто вычислялъ необходимые размѣры и силу вооруженій; но прежде всего онъ чувствовалъ необходимость имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе Европы, а въ особенности Франціи.

Будучи далека отъ того, чтобъ раздѣлять его крайнее раздраженіе противъ Англіи, французская нація, сдѣлавшаяся по милости Бонапарте, почти чуждою общественнымъ дѣламъ, едва имѣла смутное понятіе о чисто личныхъ неудовольствіяхъ, приведшихъ къ нарушенію трактата. Она ни мало не заботилась о статьяхъ англійскихъ газетъ, которыхъ не читала; чувствовала себя достаточно сильною на континентѣ, чтобъ черезчуръ тревожиться занятіемъ о. Маль-

---

[1]) Приказаніе о наложеніи амбарго на непріятельскія суда было отдано Первымъ Консуломъ тремя днями ранѣе Англіи. (См. II т. стр. 425). Что же касается до мотива, основаннаго на отсутствіи формальнаго объявленія войны, то онъ также неискрененъ, ибо Англія никогда не объявляла войны иначе, какъ отозвавъ своего посланника.

Прим. автора.

[2]) *Мѣморіалъ*, Лас-Каза. *Прим. автора.*

ты—въ глазахъ ея это былъ скорѣе вопросъ дѣла, затрогивающаго честь, но не вопросъ чести. Она съ искреннею и живѣйшею радостью привѣтствовала заключеніе Аміэнскаго трактата, начинала собирать его примирительные плоды, ожидая отъ него всѣхъ благъ внутренняго преуспѣянія. Итакъ, необходимо было пробудить въ ней уснувшую ненависть и снова, предавъ демону войны, натолкнуть на прежнюю соперницу. Европа на то время казалась равнодушною и какъ бы дремала. Иныя державы были на половину задобрены лестью, обѣщаніями или существенными выгодами отъ раздѣла германскихъ вознагражденій; другія, безгласныя и запуганныя, еще не излѣчились отъ нанесенныхъ имъ ранъ и не могли обнаруживать настоящихъ своихъ намѣреній. Всѣ эти державы то изъ боязни, то изъ смиренія, рѣшились, повидимому, оставаться простыми зрителями борьбы, а поэтому необходимо было ихъ обольстить, привлечь, скомпрометировать и, если можно, нечувствительно принудить къ дѣйствію противъ общаго непріятеля. Такова была двойная задача, надъ которою работалъ Бонапарте съ дѣятельностью, обнаруживавшею въ необычайной степени эту удивительную смѣсь разсчета и ярости, которая дѣлала столь страшными его способности.

Общественное мнѣніе во Франціи потеряло всѣ свои естественные органы. Приняты были мѣры, чтобъ національное чувство не могло обнаружиться ни посредствомъ свободной печати, ни посредствомъ независимыхъ собраній. Но если нельзя было разсчитывать на добровольный порывъ общественнаго духа, который систематически старались ослаблять и уничтожать, то легко было создать его подобіе, благодаря разумной организаціи, отдававшей всю силу и всю власть націи въ руки правительства. Можно сказать, что Бонапарте собственно изобрѣлъ искусство замѣнять отсутствующее общественное мнѣніе мнѣніемъ искусственнымъ, которое подражало движеніямъ настоящаго на столько, на

сколько движенія чучелы подражаютъ живому человѣку. Прежнее правительство пренебрегало этимъ средствомъ. Революція жила могуществомъ общественнаго мнѣнія; партіи насиловали его въ пользу своихъ страстей, но не конфисковали и не поддѣлывали. Бонапарте, сперва доведшій его до молчанія, рѣшился овладѣть этою драгоцѣнною силою, пустивъ ее въ ходъ съ болѣе податливыми пружинами. Централизація отдала ему въ руки всѣ эти пружины. Всѣ государственныя учрежденія, администрація, всѣ собранія, всѣ граждане, располагавшіе какимъ бы то ни было вліяніемъ, будучи назначаемы и оплачиваемы Первымъ Консуломъ, двигались по его мановенію. Достаточно было одного слова, чтобъ привести въ дѣйствіе эту громадную машину, охватывавшую все государство и двигавшую его до основанія. Если нужно было національное движеніе, его заказывали, и подобіе его немедленно исполнялось съ точностью военной эволюціи: стоило только отдать приказъ префектамъ и епископамъ. И эта страна, жаждавшая спокойствія, пресыщенная военною славою, сдѣлавшая столько завоеваній, что не могла сохранять ихъ, чуждая спорамъ своего повелителя и желавшая прежде всего мира, вдругъ разразилась продолжительнымъ военнымъ крикомъ, который странно было слышать отъ нея; мало по малу обманутая иллюзіею этого искусственнаго движенія, она воспламенилась новымъ жаромъ противу врага, который не сдѣлалъ ей ни малѣйшаго вызова. Это были въ одно время и опытъ и торжество централизаціи, которую Бонапарте возстановилъ съ такимъ глубокимъ инстинктомъ условій деспотизма. Это было также первое наказаніе той гнусной апатіи, съ которою нація дозволила навязать ей это постыдное владычество. Она искала въ немъ спокойствія, а нашла войну.

Сигналъ, какъ водится, поданъ былъ въ Парижѣ. Общественныя собранія—первыя получили пароль. Поочередно уменьшаемыя, очищаемыя, уничтожаемыя длиннымъ рядомъ

перемѣнъ и искусной регламентаціи, они пребывали въ молчаніи, ограничиваясь только вопросами гражданскаго права и администраціи; они уже привыкли смотрѣть на политику, какъ на область, предоставленную исключительно исполнительной власти. По обстоятельствамъ имъ разрѣшили употребленіе слова, сообщивъ кое-какіе дипломатическіе документы относительно разрыва съ Англіею. Дорю прочелъ хвалебный рапортъ Трибунату по поводу этихъ переговоровъ и былъ поддержанъ Ренье, который постарался выставить на свѣтъ „неизмѣнную умѣренность Перваго Консула“ (23 мая 1803 г.). Трибуны отвѣчали на призывъ единодушно и съ рвеніемъ собранія, въ которомъ, послѣ очищенія, не оставалось ни одного независимаго человѣка. Боасси д'Англо предсказалъ съ увѣренностью, что въ этой войнѣ всѣ народы пристанутъ къ союзу съ нами противъ Англіи, ибо эта держава желала только рабства. Карріонъ Низа́ возставалъ въ особенности противъ коварства англичанъ, противъ ихъ меркантильной жадности, противъ ихъ *варварскаго бестыдства.* „Какъ! сказалъ онъ:—они осмѣливаются требовать очищенія Голландіи, Швейцаріи и вознагражденія за Пьемонтъ? Еще четыре или пять нотъ и они потребовали бы Марсели, Бреста, Тулона, они потребовали бы старинныхъ завоеваній Чернаго Принца, а также и Мальборо.“ Послѣ него всталъ Ріуфль, и, превзойдя еще своего предшественника въ декламаціи, заставилъ вотировать предложеніе, чтобъ Трибунатъ цѣликомъ отправился „благодарить Перваго Консула за его *великодушіе* и за примѣрную умѣренность.“ Ріуфль не разъ уже доказывалъ свое рвеніе; вскорѣ послѣ этого онъ отправился отдыхать отъ своихъ ораторскихъ трудовъ въ комфортабельной префектурѣ Котъ-д'Ора.

25 мая 1803 г. Трибунатъ цѣликомъ и депутаціи отъ Сената и Законодательнаго Корпуса, явились поздравить Перваго Консула на тему, данную имъ заранѣе. Въ этихъ стереотипныхъ рѣчахъ замѣчательна одна только фраза *консуль-*

ское величество, употребленная генераломъ Гарвиллемъ отъ имени Сената. Выраженіе это предвѣщало новую эпоху. Бонапарте отвѣчалъ рѣчью, спокойный и умѣренный тонъ которой представлялъ очевидно разсчитанную противоположность съ его деспотическою манерою выражаться въ подобныхъ случаяхъ. Онъ хотѣлъ поразить умы кажущеюся умѣренностью. Въ замѣну, рѣчь его заключала чрезвычайно ложные доводы, которые странно противорѣчили тону невинной и непорочной жертвы. „Онъ принужденъ былъ вести войну для отраженія несправедливаго нападенія, и обѣщалъ вести ее со славою. Правота нашего дѣла признавалась даже самыми нашими врагами, потому что они нашлись въ необходимости отказать посредничеству Россіи и Пруссіи, поддѣлать или устранить часть документовъ о переговорахъ, приписать ему слова, которыхъ онъ никогда не произносилъ, какъ напримѣръ разговоръ, сообщенный лордомъ Уайтвортомъ, разговоръ *чисто вымышленный.* Англійское правительство третировало Францію словно индійскую провинцію. Если оно ожидало отъ насъ позволенія нарушать трактаты, *то надо было скорбѣть о судьбѣ человѣчества!* Во всякомъ случаѣ, мы предоставили бы ему *иниціативу насильственныхъ поступковъ противъ мира, и Англія получитъ отъ насъ примѣръ умѣренности, которая лишь одна можетъ поддержать общественный порядокъ.*"

Въ этихъ словахъ заключалась смѣлая и полнѣйшая перемѣна ролей. Весь починъ ссоры принадлежалъ исключительно ему одному; британское правительство рѣшилось на войну лишь послѣ многократныхъ вызововъ, и если отказалось отъ предложеннаго Россіею въ послѣдній моментъ посредничества, то потому, что въ этомъ видѣло лишь средство, изобрѣтенное противникомъ для выигрыша времени. Разговоръ съ Уайтвортомъ положительно не оспоримъ, а что касается до поддѣлки и скрытія дипломатическихъ документовъ, то стоитъ только сравнить нѣсколько нотъ, со-

общенныхъ нашимъ собраніямъ, съ объемистымъ томомъ документовъ, представленныхъ англійскому парламенту, чтобъ рѣшить, на чьей сторонѣ была благородная гласность свободныхъ странъ, а на чьей—лицемѣріе деспотическаго правительства.

Бонапарте впрочемъ самъ очень хорошо сознавалъ слабость и невѣроятность своихъ жалобъ на Англію, справедливость которыхъ было очень трудно провѣрить для публики, и часто къ нимъ возвращался; онъ какъ будто бы только и думалъ о нихъ и возобновлялъ безпрерывно, словно защищая отъ замѣчаній воображаемаго собесѣдника. *Мониторъ* напечаталъ 12 мая декларацію, въ которой англійское правительство заявляло свои жалобы на правительство консульское. Бонапарте велѣлъ помѣстить тутъ же безконечное опроверженіе, на которое можно смотрѣть какъ на самую серьезную изъ этихъ апологій, краснорѣчивыхъ, но не существенныхъ. Если помимо нѣкоторыхъ подробностей, развитыхъ непомѣрно съ очевидною цѣлью отвратить вниманіе отъ главнаго и направить его на побочныя обстоятельства, вы будете искать серьезной сущности, то не найдете здѣсь сколько нибудь правдоподобнаго отвѣта на упреки, формулированные англійскимъ кабинетомъ. На жалобу относительно занятія Голландіи, независимость которой обезпечивалась Люневильскимъ трактатомъ, отвѣчаютъ, что занятіе это совершилось и поддерживалось *по волѣ* голландскаго правительства! На жалобу касательно занятія Швейцаріи, прикрытаго названіемъ посредничества, отвѣчали, что это занятіе совершилось *по волѣ* Европы! Что касается до присоединенія Пьемонта, до болѣе или менѣе явнаго захвата Пармы и Пьяченцы, Цизальпины, Генуи, королевства Этрурскаго, то ограничились весьма краткимъ отвѣтомъ, „*что до этого нѣтъ дѣла Англіи.*“ Опроверженіе на депешу Уайтворта о свиданіи съ Первымъ Консуломъ также энергично, но и также неискренно, какъ и прежнее. Видите ли, разговоръ этотъ былъ

не только далекъ отъ раздраженія, „*но былъ со стороны Перваго Консула исполненъ кротости, готовности къ соглашенію, желанія устранить затрудненія.*“ Наконецъ не менѣе рѣшительно утверждалось, что знаменитый рапортъ Себастіани ни мало не оскорблялъ англійской арміи, что Бонапарте не имѣетъ ни малѣйшихъ видовъ на Египетъ, что столь прискорбное мѣсто изъ знаменитаго „Отчета о положеніи республики“, гдѣ говорится, что Англія одна не въ состояніи бороться съ Франціею, — только подтверждало фактъ, признанный всѣмъ міромъ, и служило лишь законнымъ отвѣтомъ на нападенія англійскихъ журналистовъ.

Эхо этихъ клеветъ, сочиненныхъ для усыпленія общественнаго мнѣнія, громко повторялось тысячами голосовъ громадной арміи чиновниковъ. Они немедленно отвѣчали на призывъ правительства на всемъ пространствѣ французской территоріи, и каждое утро *Монитеръ* печаталъ многочисленные адресы, исполненные ругательствъ противъ Англіи, и лести къ герою, великому человѣку, ниспосланному Провидѣніемъ, который очевидно былъ предназначенъ наказать „Новый Кароагенъ.“ Совѣты генеральные, окружные, муниципальные, префекты, мэры, чиновники, генералы, солдаты, все, что зависѣло въ какой бы то ни было степени отъ правительства, долженствовало волею-неволею участвовать въ этой демонстраціи и отдавать двойную дань—оскорбленій и раболѣпства. Но однообразный тонъ этихъ адресовъ, ихъ неизмѣнная угодливость, разсчитанная дисциплина, которую сохраняли они среди мнимыхъ порывовъ восторга, пахли приказомъ и обличали свое происхожденіе. Этотъ взрывъ офиціальнаго гнѣва и доказанной преданности не подѣйствовалъ на умы проницательные, но отраженіе его мало по малу сообщилось народнымъ массамъ, издавна привыкшимъ получать импульсъ отъ правительства вмѣсто того, чтобъ самому сообщать его. Впрочемъ постановка на сцену этой агитаціи была задумана и исполнена съ неподражаемымъ искусствомъ

этого мастера театральныхъ эффектовъ. Онъ разсчиталъ такимъ образомъ, чтобъ дѣло шло *crescendo* до конца. Въ моментъ, когда начинало истощаться и замедляться движеніе адресовъ, наполнявшихъ столбцы *Монитера* въ теченіе іюня 1803 г., вдругъ появилась процессія „епископовъ" на мѣсто фаланги чиновниковъ. Послѣ воззванія къ чувствамъ патріотизма, обратились къ чувствамъ религіознымъ. Агитація пастырскихъ посланій и публичныхъ молебствій продолжала и поддерживала агитацію адресовъ. Епископы прямо были приглашены коротенькимъ циркуляромъ отъ кабинета Перваго Консула [3]) предписать молебствія объ успѣхѣ войны противъ англійскаго короля, „который нарушилъ святость договоровъ, *отказавъ возвратить Мальту ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго.*"

Мальта дѣйствительно составляла церковное владѣніе. Но прилично ли было первому грабителю мальтійскаго ордена осмѣливаться приводить какъ доказательство этотъ отказъ возстановленія. Епископы повиновались этому приглашенію съ отчаяннымъ рвеніемъ, употребляя свое посланничество мира на преобразованіе этой войны въ крестовый походъ. Большая часть этихъ почтенныхъ особъ находила пріютъ въ Англіи во время эмиграціи; они находили тамъ не только убѣжище и покровительство, но пользовались помощью и самымъ радушнымъ пріемомъ: въ теченіе десяти лѣтъ они питались хлѣбомъ британскаго гостепріимства. Теперь они выражали свою благодарность, призывая всѣ громы небесные на народъ, который кормилъ ихъ въ дни невзгоды. Они проповѣдывали ненависть и ярость; они взывали къ небу, подымали народы въ пользу войны, беззаконность которой понимали лучше, нежели кто либо. Они умышленно обманывали простыхъ людей, вѣрившихъ ихъ слову. Но не нужно ли было заплатить за Конкордатъ новому Кон-

---

[3]) Отъ 7-го мая 1803 г. *Прим. автора.*

стантину? Таковы были знаменательные плоды этого, столь прославленнаго соглашенія церкви съ государствомъ.

Когда замолкли воинственные призывы этихъ евангельскихъ пастырей, агитація съ неменьшимъ успѣхомъ началась посредствомъ списковъ добровольнымъ пожертвованіямъ, принесеннымъ, болѣе или менѣе добровольно, департаментами, общинами и частными лицами въ помощь правительству на военныя издержки противъ Англіи. Пожертвованія эти, столь шумно обнародованныя Монитеромъ, состояли отчасти въ денежныхъ суммахъ, отчасти въ морскихъ судахъ всѣхъ формъ и размѣровъ. Они сопровождались новыми патріотическими ругательствами, которыя были тѣмъ рѣзче, что у иныхъ возбужденіе начинало становиться искреннимъ, тогда какъ у другихъ усложнялось всѣмъ неудовольствіемъ отъ увеличенія неожиданныхъ налоговъ. Послѣдніе, поставленные въ невозможность излить неудовольствіе на настоящихъ виновниковъ своего бѣдствія, были рады побранить хоть сыновъ коварнаго Альбіона.

Чтобъ составить себѣ точное понятіе о шумномъ распространеніи этихъ манифестовъ, исполненныхъ ненависти и гнѣва къ народу, называвшемуся нашимъ *вѣчнымъ врагомъ*, противъ его наглости и вѣроломства, противъ *этой великой націи, томимой сплиномъ и стремившейся, очертя голову, къ своей погибели*, очень важно припомнить, что во Франціи какъ съ трибуны, такъ и въ печати, раздавался только одинъ голосъ правительства и его креатуръ. Положеніе печати въ этомъ отношеніи болѣе унизительно и плачевно, нежели положеніе общественныхъ собраній. Статистическія данныя скажутъ объ этомъ краснорѣчивѣе всѣхъ диссертацій. Изъ числа *двѣнадцати журналовъ*, которымъ ограничилъ парижскую печать консульскій декретъ VIII года, оставалось только *восемь*, благодаря новымъ притязаніямъ Бонапарте, и у этихъ журналовъ было всего *18,630 подписчиковъ!* Знаменательная эта цифра громко говоритъ о равнодушіи пуб-

лики; но если она не читала этихъ забытыхъ листковъ, то нисколько не потому, что не заботилась о собственныхъ интересахъ, но по весьма основательному убѣжденію — не найдти въ нихъ и тѣни независимаго мнѣнія. Журналы эти, находясь подъ суровымъ наблюденіемъ подозрительной и грубой полиціи, постоянно въ страхѣ за собственное существованіе, которое могло погибнуть отъ одного слова, имѣли только единственную заботу — угадывать мысль властелина и ограничивались робкимъ объявленіемъ новостей, которыя дозволялось имъ печатать. Что касается до книгъ, то книгопродавцы не смѣли ихъ продавать иначе какъ чрезъ *семь дней послѣ отсылки одного экземпляра въ полицію,* „на тотъ конецъ, чтобъ можно было ихъ арестовать, если попадется вредное сочиненіе, какъ напримѣръ поэма *Pitié,* или книга гражданина Саля [4]). Бѣдный этотъ Саль напечаталъ незначительное сочиненіе о революціи, и Бонапарте писалъ письмо за письмомъ, чтобъ его *выгнали изъ Института,* какъ человѣка позорящаго это учрежденіе. Вотъ до какого униженія дошла эта парижская печать, нѣкогда столь блестящая и уважаемая во всемъ мірѣ! Эта печать, которая нѣсколько лѣтъ назадъ считала въ своихъ рядахъ Мирабо и Камилла Демулена. И тотъ, кто способствовалъ довести ее до подобнаго униженія, не былъ обезоруженъ ея безсиліемъ вредить ему, не могъ, повидимому, насытиться зрѣлищемъ ея униженія: рука полиціи казалась ему слишкомъ легкою и мягкою—онъ упрекалъ ее въ снисходительности, и рѣшился даже написать главному судьѣ Ренье три письма въ одинъ день, чтобъ подстрекнуть его рвеніе. Въ одномъ онъ предлагалъ ему сдѣлать выговоръ собственникамъ *Journal des Débats* и *Publiciste,* за то, что они напечатали новости, извлеченныя изъ нѣмецкихъ газетъ и касавшіяся *мнимыхъ вооруженій въ портахъ Россіи.* Во второмъ онъ велѣлъ по-

---

[4]) Бонапарте къ Ренье, 7-го іюля 1804 г. *Прим. автора.*

требовать у собственника *Citoyen Français* перемѣны редактора. Въ третьемъ преказывалъ запретить журналамъ сообщеніе „политическихъ новостей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ газетъ.“ Впрочемъ, прибавлялъ онъ, *журналамъ всегда позволяется перепечатывать новости, которыя могутъ быть объявлены въ Монитерѣ* [5]). Они имѣли право копировать *Монитеръ:* это была единственная вольность, имъ предоставленная.

Такимъ образомъ французской націи было не только запрещено всякое политическое обсужденіе, но извѣстія, т. е. самые факты,—вещь непреложная, неоспоримая, независящая отъ нашихъ толкованій, и которая, разъ совершившись, остается неизмѣнною, должны были быть ей извѣстны лишь въ той мѣрѣ, въ какой правительство находило это приличнымъ. Этимъ способомъ уничтожались всѣ факты, помогавшіе обсуждать его политику. Событіе не существовало, пока не было какъ должно засвидѣтельствовано и узаконено *Монитеромъ.* Нельсонъ могъ уничтожить нашъ флотъ при Трафальгарѣ, но этотъ неслыханный фактъ не былъ признанъ, и горе тому, кто осмѣливался намекнуть о немъ! Объ этомъ заговорили только при паденіи имперіи. Это не былъ даже деспотизмъ прежняго правительства: чтобъ найдти нѣчто подобное, необходимо обратиться къ азіатскому варварству.

Итакъ, Франція читала въ сущности только одинъ журналъ, *Монитеръ*, и этотъ журналъ въ эпоху разрыва съ Англіею, наполнялся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишь льстивыми похвалами одному человѣку, и кровавыми оскорбленіями націи, которую онъ хотѣлъ погубить. Если принять во вниманіе все, что Бонапарте сдѣлалъ до тѣхъ поръ для приготовленія почвы, то можно подумать, что онъ перешелъ мѣру и преувеличилъ препятствія. Дѣйствительно, не требовалось столькихъ усилій для успѣшнаго достиженія

---

[5]) Бонапарте къ Ренье, отъ 3-го іюня 1803 г. *Прим. автора.*

двойной цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду, я хочу сказать о его стремленіи къ императорскому сану, и объ окончательномъ преобладаніи военнаго духа и системы завоеваній. Для осуществленія перваго факта, стоило только измѣнить слово въ началѣ Конституціи; что же касается втораго, то онъ заботился объ этомъ со времени учрежденія Консульства, и могъ видѣть, что и это было такъ же легко исполнимо, о чемъ свидѣтельствовалъ возраставшій военный жаръ, благодаря его возбужденіямъ и воспоминаніямъ о его чудесныхъ подвигахъ. Онъ рѣшился ускорить еще это движеніе, вступивъ въ прямыя сношенія съ провинціями, которыя, по своему географическому положенію, были призваны принять главное участье въ борьбѣ съ Англіею. Независимо отъ пользы осмотрѣть приморскій берегъ отъ Булона до Анвера и придать новую дѣятельность морскимъ приготовленіямъ, поѣздка эта представляла ему еще и то преимущество, что и на весьма холодномъ Парижѣ могло отразиться эхо провинціальнаго энтузіазма, столь уловимаго, и который вызывается такъ легко всѣмъ, что похоже на силу, власть и могущество. Бельгійское населеніе, питавшее глухую вражду, могло быть задобрено, посредствомъ заразы всеобщаго восторга, ослѣпленное обаяніемъ такой славы и могущества.

Онъ отправился 24 іюня въ это почти двухмѣсячное путешествіе, которое должно было сдѣлаться одною, продолжительною оваціею. Вездѣ народъ выбѣгалъ къ нему на встрѣчу, чтобъ видѣть необыкновеннаго человѣка, котораго подвиги и неслыханное счастье—поразили уже воображеніе всѣхъ. Города высылали къ нему депутаціи, подносившія ему городскіе ключи, какъ это встарину дѣлалось при встрѣчѣ съ королями. Онъ проѣзжалъ чрезъ города подъ тріумфальными арками, окруженный почетною стражею; обыкновенно отправлялся онъ въ ратушу по улицамъ, усыпаннымъ цвѣтами, разспрашивалъ о городскихъ нуждахъ, о необходимыхъ улучшеніяхъ, о чемъ велѣлъ подавать себѣ за-

писки, и уѣзжалъ, послѣ кратковременнаго пребыванія, оставляя послѣ себя, на память своего проѣзда, планъ какой нибудь общественной работы, украшенія, которому по большей части суждено было оставаться въ видѣ проэкта. Обязательною темою всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ при всѣхъ этихъ торжественныхъ пріемахъ, была болѣе нежели когда нибудь война съ Англіею, и провинціалы тѣмъ легче ловились на эту удочку, что слово война, безпрерывно повторяемое среди пировъ и праздниковъ, наводило лишь на мысль о славѣ, величіи и благоденствіи, вмѣсто печальныхъ картинъ, вызываемыхъ имъ обыкновенно. Завоеваніе казалось чѣмъ-то въ родѣ торжественной прогулки. Никто не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія, заявленнаго съ такимъ веселіемъ, и городъ Аміэнъ, въ полной надеждѣ на будущія побѣды, не поколебался помѣстить надъ воротами, въ которыя выѣхалъ Первый Консулъ, тріумфальную арку съ надписью: *„Дорога въ Англію!“* Это была дѣйствительно дорога, по которой пошелъ Бонапарте, объявивъ гибельную войну! дорога, которой не суждено было ему оставить, по которой онъ слѣдовалъ, самъ того не зная, вступалъ завоевателемъ въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Москву, и которая въ тоже время была длиннѣе, нежели онъ предполагалъ, и ознаменована безчисленными чудесами; но еслибъ взоръ его могъ проникнуть сквозь завѣсу будущаго, онъ увидѣлъ бы въ концѣ этой торжественной арки не побѣду, о которой мечталъ, но неподвижный *Беллерофонъ*, ожидающій своего гостя.

Самъ онъ однакоже ни мало не раздѣлялъ восторга, возбуждаемаго въ другихъ: онъ предавался лишь своимъ политическимъ и военнымъ соображеніямъ и только отъ нихъ ожидалъ успѣха. Онъ въ особенности внимательно слѣдилъ за развитіемъ приготовленій къ экспедиціи. Франція была какъ бы мгновенно превращена въ обширное кораблестроительное заведеніе. Въ виду невозможности исполнить въ нашихъ западныхъ портахъ постройку всѣхъ необходимыхъ

судовъ, начали работы во всѣхъ внутреннихъ городахъ, сообщавшихся съ притоками океана, посредствомъ рѣкъ или каналовъ, что́ представляло двойную выгоду, ибо этимъ избѣгалось загроможденіе въ портахъ и облегчалось самое дѣло раздѣленіемъ труда. Первый Консулъ возымѣлъ честолюбивый и непомѣрный замыселъ создать такую многочисленную флотилію, съ помощью которой можно было бы за однимъ разомъ бросить полтораста тысячъ человѣкъ на берега Англіи. Всѣ проэкты нападенія, пускаемые съ тѣхъ поръ въ ходъ Директоріею или самимъ Бонапарте, служили только пугаломъ, на которое никто не обращалъ серьезнаго вниманія. На этотъ разъ онъ рѣшился привести въ исполненіе угрозу, высказанную Уайтворту: онъ рѣшился, вопреки мнѣнію компетентныхъ лицъ и преслѣдовалъ эту химеру, не менѣе безумную, какъ и впослѣдствіи походъ въ Россію,— съ обдуманностью, съ холоднымъ разсчетомъ, съ методическимъ упорствомъ, чѣмъ выкупалось часто на практикѣ то, что въ его планахъ было неразумнаго. Какія бы ни представлялись непреодолимыя затрудненія, неразлучныя съ исполненіемъ этого проэкта, но достаточно было ему овладѣть такимъ человѣкомъ, какъ Бонапарте, чтобъ принять зловѣщіе и ужасающіе размѣры.

Самые опытные наши моряки, Декре, морской министръ, адмиралъ Гантомъ, Вильневъ, самъ Брюи не вѣрили, или мало вѣрили въ возможность успѣха, и поочередно старались отговорить Бонапарте отъ его намѣренія. Они полагали, что, благодаря нашимъ завоеваніямъ, располагая портами Голландіи, Лигуріи, Тосканы, а въ случаѣ надобности и всей Италіи, имѣя въ рукахъ средства столь обширныхъ владѣній, было вѣрнѣе и благоразумнѣе воспользоваться всѣмъ этимъ для постепеннаго возстановленія нашего флота, уже возраждавшагося, и выжидать время, когда его силы позволили бы снова помѣряться съ англійскимъ флотомъ по обыкновенной системѣ морскихъ войнъ. Но подобный планъ обѣ-

щалъ результаты весьма неполные и въ особенности чрезвычайно медленные для того, чтобъ понравиться этому пылкому генію. Все или ничего—было его девизомъ. Онъ желалъ не войны, болѣе или менѣе выгодной, но уничтоженія англійскаго могущества въ битвѣ на жизнь и смерть, рискуя повредить навсегда нашему могуществу. Всѣ эти представленія онъ слушалъ съ нетерпѣніемъ человѣка, уже твердо рѣшившагося и котораго успѣхи пріучили не вѣрить болѣе въ невозможность. Замѣчанія ихъ, внушенныя спеціальнымъ знаніемъ дѣла, пріобрѣтаемымъ лишь продолжительною опытностью, казались ему внушеніями рутины; онъ видѣлъ въ этомъ лишь робость ума, неспособнаго подняться на высоту его видовъ, или свойственное всѣмъ спеціалистамъ оскорбительное недовѣріе къ планамъ, задуманнымъ людьми непосвященными. Онъ не умѣлъ скрыть неудовольствія на ихъ замѣчанія, а такъ какъ эти адмиралы знали, чего стоило сопротивленіе его намѣреніямъ, и умѣли быть при случаѣ такими же хорошими царедворцами, какъ и моряками, то они ревностно принялись за дѣло, хотя и сожалѣли о немъ въ глубинѣ души.

Отъ флотиліи, которую пытался сжечь Нельсонъ въ 1801 г., оставалось еще значительное количество судовъ; они образовали первую основу флотиліи 1803 г. Къ нимъ присоединили огромное число судовъ, построенныхъ по новому образцу, размѣры которыхъ измѣнялись сообразно съ количествомъ груза, для котораго они предназначались. Флотилія эта, состоявшая преимущественно изъ плоскодонныхъ судовъ, имѣвшихъ важный недостатокъ—не выносить большаго волненія, но обладавшихъ удобствомъ пристать когда угодно и слѣдовательно облегчить высадку. Суда эти, состоявшія изъ канонерскихъ шлюбокъ и лодокъ, изъ большихъ и малыхъ шлюбокъ и простыхъ рыбацкихъ лодокъ, предназначенныхъ дли перевозки припасовъ, по большей части вооружены были пушками; они ходили на веслахъ и подъ парусами; имѣли

углубленіе отъ осьми до десяти футовъ, могли нести отъ пятидесяти до ста человѣкъ въ полномъ вооруженіи и со всѣми припасами и съ помощью штиля или тумана, одинаково неудобныхъ для англійскаго флота, могли въ нѣсколько часовъ перейдти пространство, раздѣляющее булонскій берегъ съ британскимъ и высадить за однимъ разомъ стопятидесятитысячную армію. Впослѣдствіи только, и то лишь по настоятельнымъ совѣтамъ своихъ моряковъ, Бонапарте рѣшился употребить флотъ для содѣйствія высадкѣ, назначивъ ему сборное мѣсто въ каналѣ, гдѣ его обязанностью было нейтрализировать британскихъ крейсеровъ. Въ случаѣ удачной высадки онъ не сомнѣвался въ окончательномъ успѣхѣ; по его мнѣнію, это было бы паденіемъ англійскаго могущества. Въ ожиданіи окончанія приготовленій, которыя позволили бы ему нанести рѣшительный ударъ, проэктъ его представлялъ большія выгоды, даже предположивъ, что онъ останется неисполненнымъ. Такимъ образомъ онъ вызывалъ въ Англіи постоянную тревогу, заставлялъ ее принимать разорительныя оборонительныя мѣры; онъ упражнялъ силы нашей арміи, бывшей безпрерывно на готовѣ и употребляемой подобно римской арміи на возведеніе укрѣпленій, на прорытіе новыхъ бассейновъ въ портахъ Булони, Вимере, Амблетезъ; а такъ какъ завоеванія наши обязывали насъ держать подъ ружьемъ значительную армію для внушенія континенту уваженія, то гораздо лучше, чтобъ она находилась въ Булони и вблизи береговъ отъ Анвера до Байоны, сосредоточенная, готовая къ войнѣ, нежели раздробленная по гарнизонамъ; наконецъ присутствіе главной части этой арміи, одушевленной восторженною преданностью къ своему начальству, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Парижа, должно было неизбѣжно подѣйствовать на толпу и облегчить рѣшительную перемѣну въ нашихъ учрежденіяхъ, задуманныхъ Бонапарте.

Побочныя эти причины, имѣвшія въ глазахъ его капитальную важность, безъ сомнѣнія, способствовали къ ослѣпле-

нію его на счетъ непреодолимыхъ почти затрудненій, которыя природа вещей противополагала его предпріятію. Разсмотрѣнный въ цѣломъ и широко разсчитывая на благосклонность случайности, проэктъ, казалось, былъ простъ и удобенъ для исполненія; но, будучи разсмотрѣнъ въ подробностяхъ во всѣхъ послѣдовательныхъ фазахъ и съ хладнокровіемъ анализа, онъ казался самою безумною ставкою, какая когда либо соблазняла воображеніе игрока. Эта многочисленная флотилія отличалась, во первыхъ, тѣмъ неудобствомъ, что не могла выносить волненія. Плоскодонныя суда могли опрокинуться при первомъ шквалѣ, а такъ какъ имъ предстояло быть нагруженными массою солдатъ, то достаточно было небольшаго волненія, чтобъ подвергнуть ихъ опасности. Итакъ необходимо было разсчитывать на совершенный штиль въ теченіе двухъ или трехъ дней, ибо флотилія не могла вступить подъ паруса во время одного отлива. Самъ Наполеонъ признаетъ это формальнымъ образомъ во многихъ мѣстахъ своей Корреспонденціи, а въ особенности въ письмѣ къ Декре [6]), гдѣ онъ сознается, кромѣ того, что съ тѣхъ поръ какъ англичане сдѣлали это открытіе, флотилія не внушаетъ имъ ни малѣйшаго страха. Но и штиль не предохранялъ насъ отъ не менѣе важнаго неудобства другаго рода. Если онъ устранялъ препятствіе относительно вѣтра, то не предохранялъ отъ опасности, происходящей отъ теченій, которыя такъ затрудняютъ плаваніе по Ламаншу. Море, заключающееся въ этомъ узкомъ проходѣ, дѣйствительно чрезвычайно стремительно при каждомъ приливѣ и отливѣ—вслѣдствіе недостаточнаго пространства, ему предоставленнаго, и неровности береговъ, столь глубоко изрытыхъ. Сила этихъ теченій сбила бы съ пути наши суда такимъ образомъ, что имъ нельзя было бы пособить ни парусами, которые сдѣлались бы безполезны во время штиля, притомъ слишкомъ слабыми относительно массы,

---

[6]) Отъ 8-го сентября 1805 г. *Прим. автора.*

требовавшей движенія, ни веслами, которыя сами по себѣ недостаточны, чтобъ противиться теченію. Это не все: это неизбѣжное уклоненіе отъ пути, вслѣдствіе котораго мы могли высадиться весьма далеко отъ назначеннаго пункта, должно было непремѣнно разсѣять флотилію и нагнать ее на непріятеля въ этомъ гибельномъ состояніи разрозненности. Судамъ нашимъ предстояло покрыть пространство въ нѣсколько миль, а потому не только сила теченій могла измѣняться на такомъ пространствѣ и дѣйствовать неравномѣрно, но должна была оказывать совершенно неодинаковое дѣйствіе на суда, изъ которыхъ иныя могли бороться съ нею, а другія были не въ состояніи; однимъ словомъ, она должна была произвести столько уклоненій, сколько имѣлось различныхъ размѣровъ во флотиліи, а ихъ считалось *minimum* отъ пяти до шести. Легко представить себѣ безпорядокъ, могшій произойти во время слѣдованія флотиліи, въ особенности принявъ во вниманіе неопытность нашихъ моряковъ и суда, обремененныя непомѣрнымъ грузомъ; а между тѣмъ все предпріятіе основывалось на предположеніи произвести высадку въ одномъ пунктѣ. По этому поводу основательно припоминали, какъ въ 1801 году разбросаны были дивизіи Нельсона, когда онъ пытался сжечь нашу первую флотилію, а между тѣмъ эти дивизіи состояли изъ судовъ съ килями болѣе устойчивыми, нежели плоское дно; на нихъ находились моряки искуснѣйшіе въ мірѣ, и они отплыли не съ противоположнаго берега, но съ гораздо ближайшаго разстоянія; наконецъ численность ихъ судовъ едва равнялась двадцатой части нашей дѣйствительной флотиліи. Кто можетъ сказать насколько увеличивала бы это замѣшательство встрѣча даже съ отдѣльными британскими силами.

Силы эти не представляли только пугала; ихъ легче было отрицать, нежели одолѣть. Французскіе адресы неизмѣнно вызывали воспоминаніе о Цезарѣ и Вильгельмѣ-Завоевателѣ; но все значительно измѣнилось со времени тѣхъ отдаленныхъ эпохъ. Цезарь не встрѣтилъ ни одной непрія-

тельской барки, которая защищала бы отъ его восьми сотъ судовъ приступъ къ берегу: ему предстояло бороться въ Англіи лишь съ полудикими племенами. Вильгельмъ тоже встрѣтилъ такія же ничтожныя препятствія. Съ тѣхъ поръ всѣ различные элементы, какъ-то: кельты, датчане, саксонцы, норманы, образовавшіе основаніе англійской національности, смѣшались и слились, и изъ этой смѣси вышелъ чрезвычайно равномѣрный народъ, такъ сказать, созданный для политики, привыкшій къ самоуправленію, гордый своими вольностями, ставшій въ первомъ ряду по своей интеллигенціи, по энергіи, по богатству, по національному духу. Въ особенности за столѣтіе назадъ, силы его и средства приняли такіе обширные размѣры, и онъ столько разъ успѣшно боролся противъ насъ, не смотря на меньшую численность своего населенія, что могъ смотрѣть безъ страха на новую бурю, готовую надъ нимъ разразиться. Англійское правительство однако не скрывало отъ себя, что война, въ которую вступало оно съ Первымъ Консуломъ, была уже не война обыкновенная, а на жизнь и смерть; оно знало, хотя бы изъ положенія, занимаемаго тогда Европою, частью снисходительною, частью порабощенною, на что былъ способенъ геній его противника, и оно соразмѣрило свои усилія съ великостью предстоявшей борьбы. При томъ же въ этомъ отношеніи оно не имѣло никакой надобности возбуждать патріотизмъ націи притворными демонстраціями. Привыкнувъ издавна слѣдить за общественными дѣлами, ежедневно обсуждаемыми и свободною печатью въ газетахъ, и въ великолѣпныхъ рѣчахъ государственныхъ людей и знаменитыхъ ораторовъ, англійская нація не оставалась чуждою вопросу, столь прямо затрогивавшему ея честь, она единодушно взялась за дѣло, отнесла къ себѣ оскорбленія, сдѣланныя Бонапарте ея представителямъ и учрежденіямъ, и, въ особенности въ послѣднее время, чувства ея выказались съ достаточною силою, чтобъ Аддингтона, дотолѣ нерѣшительнаго, поставить въ необходимость или разорвать съ Франціею, или

оставить министерство. Слѣдовательно, не требовалось возбуждать національнаго движенія, а надо было только направлять его. И за это взялись не полчища чиновниковъ, послушныхъ приказу, разражавшихся предписанною яростью сообразно съ камертономъ министерскаго циркуляра, и подражавшихъ, насколько хватало умѣнья,—доброй волѣ или увлеченію народныхъ движеній, — но цвѣтъ націи, все что отличалось въ Англіи именемъ, богатствомъ, популярностью, геніемъ и добродѣтелями. Вездѣ частная инціатива явилась поддержкою правительственной, и часто опережала ее, и вмѣсто жалобъ на пожертвованія, которыхъ потребовали у націи, граждане упрекали правительство лишь въ томъ, что оно требовало не довольно. Это такъ справедливо, что для ниспроверженія кабинета Аддингтона, Питтъ не употребилъ другаго оружія какъ предложеніе съ требованіемъ *добавочныхъ силъ.*

Въ минуту разрыва, Англія имѣла регулярную армію въ 130,000 человѣкъ и милицію около 70,000; вначалѣ прибавили резервъ въ 50,000, по жеребью; потомъ министерство представило билль о вербовкѣ въ военную службу всѣхъ здоровыхъ мужчинъ отъ 17 до 50 лѣтъ, который и былъ принятъ. Хотя этимъ правомъ воспользовались съ умѣренностью, однако къ концу лѣта 1803 г. собралась, по свидѣтельству Аддингтона, армія въ 300,000 волонтеровъ, которые безпрерывно занимались ученьями. Вообще вооруженныя силы состояли изъ 550,000 человѣкъ, отличавшихся, правда, не одинаковыми достоинствами, но подававшихъ надежду на усовершенствованія, потому что имъ предстояло сражаться не для какого нибудь отдаленнаго завоеванія, но за свои дома, семейства, за свое національное существованіе. Изъ офиціальнаго отчета видно, что въ декабрѣ того же года число волонтеровъ возрасло въ Англіи до 374,943, въ Ирландіи до 82,241 [7]). Объ этой арміи отзывались съ презрѣніемъ, доказывавшимъ и ма-

---

[7]) *Annual register for the year 1803 г.* *Прим. автора.*

лое пониманіе дѣла, и слабую память: наши волонтеры 1792 и 1793 гг., испанскіе, вслѣдъ за нашествіемъ, прусскіе въ 1813 г. достаточно убѣждаютъ, на что способны подобныя арміи во время великихъ кризисовъ. Не хотѣли ль заявить, что англійскій народъ по энергіи и патріотизму стоялъ ниже упомянутыхъ мною народовъ? Было даже лишнимъ опровергать подобное странное предположеніе, и надобно ли прибавлять къ выгодѣ англійской защиты, что Бонапарте, высадившись на островъ съ 150,000, очутился бы какъ бы въ запертомъ пространствѣ, безъ средствъ исправить свои потери. Въ то же время организованы были всѣ необходимыя по обстоятельствамъ средства защиты. Вокругъ Лондона возвели укрѣпленія, которыя могли защищать его отъ нападенія и дать время арміи явиться къ нему на помощь. Устроена была система сигналовъ для передачи извѣстій при первомъ появленіи непріятеля, и огромные фургоны въ шесть лошадей, на шестьдесятъ человѣкъ каждый, были предоставлены въ распоряженіе всѣхъ корпусовъ для облегченія перевозки войскъ на данное мѣсто.

Морскія приготовленія не уступали сухопутнымъ. Съ 10 іюня 40,000 новыхъ матросовъ присоединились къ имѣвшимся уже 80,000 на англійскомъ военномъ флотѣ. Семьдесятъ пять линейныхъ кораблей, число которыхъ вскорѣ возрасло за сто, болѣе ста фрегатовъ, нѣсколько сотень бриговъ и корветовъ, восемьсотъ канонерскихъ лодокъ, предназначенныхъ собственно для защиты береговъ, огромное количество авизо, служившихъ въ родѣ телеграфной сѣти—таковы были громадныя вооруженія, которыя въ одно и тоже время защищали Англію какъ подвижное укрѣпленіе, блокировали наши порты, и преслѣдовали на моряхъ наши эскадры [8]). Что касается до расходовъ, необходимыхъ,

---

[8]) Я привожу здѣсь результаты, собранные послѣ вступленія Питта въ министерство, ибо при прежнемъ кабинетѣ они были ниже этихъ

для подобнаго развитія силъ, то они покрыты были временнымъ займомъ въ 12 мильоновъ фунтовъ стерлинговъ и увеличеніемъ акциза и податей на такую же почти сумму. Эти необыкновенные рессурсы въ соединеніи съ громаднымъ бюджетомъ, которымъ не стѣснялась тогда Англія и которые служили бы страшнымъ бременемъ для другой націи, должны были въ одно и то же время удовлетворить первымъ необходимостямъ, и поставить англійскій кабинетъ въ возможность сдѣлать намъ диверсію и въ Европѣ и даже во Франціи.

Рядомъ съ этою картиною слѣдуетъ сопоставить краткое обозрѣніе нашихъ собственныхъ финансовъ, а въ особенности средствъ, съ помощью которыхъ предполагали покрыть излишекъ расходовъ, вызванныхъ войною, ибо если бюджетные формы и пріемы тогдашняго времени довольно сходотвенны съ нынѣшними и мало представляютъ интереса для исторіи, то не таковъ былъ способъ для изысканія экстраординарныхъ рессурсовъ. Бюджетъ, вотированный въ мартѣ 1803 г., подъ вліяніемъ близкаго разрыва съ Англіею, предвидѣлъ уже отчасти тягостныя нужды, которыми угрожала эта случайность; были увеличены на 89 милліоновъ общественныя подати, не превышавшія въ предшествовавшемъ году 500 мильоновъ. Но какъ ни былъ этотъ бюджетъ значителенъ для тогдашняго времени, онъ далеко не могъ покрыть издержекъ, потребныхъ на такое колоссальное предпріятіе. Для того, кто его задумалъ и на кого одного должна была пасть отвѣтственность, оставались только двѣ честныя и правильныя мѣры для покрытія издержекъ, а именно откровенный призывъ къ націи—о займѣ или объ увеличеніи налоговъ. Такъ какъ она желала войны — покрайней мѣрѣ такъ говорили — то и

цифръ, что̀ видно изъ рѣчи Тирнея въ пользу управленія лорда Сенъ-Винцента, завѣдывавшаго въ то время адмиралтействомъ: *Annual register for the year 1804 г.* *Прим. автора.*

должна была знать, чего это стоило, и приготовиться къ необходимымъ издержкамъ. Но Первый Консулъ, сказывали, очень любилъ экономію, и заемъ противорѣчилъ его принципамъ. Между тѣмъ его принципы согласовались съ множествомъ случаевъ, болѣе неудобныхъ, и не трудно открыть здѣсь настоящую побудительную причину. Что сталось бы съ популярностью этой войны, а въ особенности съ популярностью ея виновника, еслибъ надобно было заранѣе исчислять всевозможныя пожертвованія, предстоявшія странѣ? Можно безъ боязни требовать пожертвованій для войны національной, но опасно дѣлать это для войны, вызванной честолюбіемъ. Между Бонапарте и буйною демократіею, рукоплескавшею всѣмъ его военнымъ замысламъ, послѣдовало съ тѣхъ поръ какъ бы молчаливое соглашеніе: онъ могъ, по своему желанію, навязывать ей войну, но съ условіемъ — не нести тягостей, а пользоваться только выгодами.

Первый Консулъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ надобности придумывать средства для даровыхъ рессурсовъ по случаю недостаточности финансовъ: прошлое поведеніе его представляло ему въ этомъ случаѣ всѣ необходимыя условія. Въ первую итальянскую войну онъ своимъ лихоимствомъ усилилъ истощенную казну Директоріи; но хотя эти грабительскіе налоги и были взяты съ народовъ, которыхъ мы взялись освобождать, однако для оправданія ихъ можно было сослаться на аксіому „войну должно питать войною." Но со времени вступленія его въ консульство, фактъ этотъ, бывшій до тѣхъ поръ исключительнымъ, сдѣлался общимъ, онъ сталъ нормальнымъ и примѣнялся не только къ странамъ завоеваннымъ и непріятельскимъ, а и къ націямъ союзнымъ. Обѣ кампаніи 1800 большею частью подготовлялись и поддерживались деньгами дружественныхъ народовъ, сдѣлавшихся нашими данниками [9]). Миръ уменьшилъ лежавшія на нихъ тягости, но не положилъ

---

[9]) См. объ этомъ во III томѣ. *Прим. автора.*

имъ предѣла. Полуугрожающее положеніе, принятое Бонапарте относительно великихъ европейскихъ державъ, его совершенныя или предполагаемыя нападенія на государства слабыя, принуждали его держать армію, далеко превосходившую средства Франціи. Расходы по этому поводу ему приходилось отчасти возлагать на сосѣдей, которыхъ мы себя признавали покровителями. Въ нашихъ бюджетахъ, даже въ мирное время, заключались настоящія субсидіи, вписанныя подъ названіемъ *внѣшнихъ доходовъ* — остроумное смягченіе выраженія, придававшее правильный и скромный видъ факту, который былъ не слишкомъ правиленъ и не слишкомъ скроменъ. Часть этой доли, объявляемая правительствомъ публикѣ, что не всегда было для него удобнымъ — доходила, только по отношенію къ сѣверной Италіи, до 23 мильоновъ. Теперь же, благодаря войнѣ, необходима была ежегодно сумма по крайней мѣрѣ въ 100 мильоновъ. Вслѣдствіе этого онъ рѣшился добыть ее мирнымъ путемъ или силою не только отъ вассальныхъ намъ государствъ, какъ Голландія, Генуа, Цизальпина, но и отъ всѣхъ тѣхъ, которыя по своей слабости не могли защищаться противъ насъ, какъ Неаполь, Испанія, Португалія, Ганноверъ.

Сувереномъ Ганновера былъ англійскій король, но давно уже управленіе этою страною ни мало не зависѣло отъ Англійскаго кабинета. Послѣ войнъ XVIII столѣтія министры становились популярны, утверждая, что Ганноверъ служилъ помѣхою для Англіи, и былъ бы долженъ образовать отдѣльное государство. Онъ составлялъ часть Германской имперіи, имѣлъ свое управленіе, и хотя ганноверскимъ электоромъ былъ король Георгъ III, — однако оба эти государя въ дѣйствительности были отдѣльны. Положеніе это, не единственное въ Европѣ, освящено было договорами и признано самою французскою республикою. Въ 1795 г., въ силу Базельскаго договора, она признала нейтралитетъ Георга, въ качествѣ Ганноверскаго Электора, въ то время какъ находилась въ

войнѣ съ нимъ, какъ съ Англійскимъ королемъ. Но подобныя различія были и слишкомъ метафизичны, и слишкомъ благопріятствовали независимости слабыхъ для того, чтобъ нравиться Первому Консулу: „Еслибъ Ганноверъ могъ выставить двѣсти тысячъ войска, велѣлъ онъ напечатать въ *Монитерѣ*: — то король Георгъ не потребовалъ бы нейтралитета“ [10])! Предположеніе, казавшееся ему весьма достаточнымъ для оправданія непріятельскихъ дѣйствій. На другой же день послѣ разрыва, Мортье напалъ на Ганноверъ. Ганноверская армія, не будучи въ состояніи намъ противиться, принуждена была на капитуляцію, и электоратъ оставался у насъ въ рукахъ, не смотря на тревогу обезпокоенной Пруссіи и на неудовольствіе униженной Конфедераціи. Занятіе Ганновера было, можетъ быть, войною съ Европою въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, но въ ожиданіи наложили руку на всѣ источники страны, конфисковали все имущество электора, захватили три тысячи лошадей, и кромѣ того продовольствовали и экипировали 30,000 человѣкъ нашихъ войскъ на чужой счетъ: наша политика ничего не видѣла далѣе этой непосредственной выгоды.

Неаполитанское королевство было еще болѣе чуждо новой войнѣ, нежели Ганноверъ. Хотя въ прежнее время оно и было въ союзѣ съ Англіею, но заключило съ нами сепаратный мирный договоръ и хлопотало только о поддержаніи нейтралитета. Но развѣ не необходима намъ была позиція Таренте для угрозъ Мальтѣ и Египту, и не имѣли ли мы надобности въ неаполитанскихъ субсидіяхъ? Поэтому генералъ Сенъ-Сиръ получилъ приказаніе вступить безъ церемоніи во владѣніе Неаполитанскаго короля, ввести гарнизоны въ Пескару, Отранде, Бриндизи, Таренте, и потребовать, чтобъ Неаполитанскій король экипировалъ наши войска и удовлетворилъ всѣмъ довольствіемъ [11]). Благодаря этому

[10]) *Монитеръ* отъ 14-го іюня 1803 г. *Прим. автора.*

[11]) Бонапарте къ Мюрату 22-го мая. *Прим. автора.*

пріему, другая наша армія содержалась на чужой счетъ. Когда Неаполитанская королева написала къ Бонапарте, съ цѣлью умилостивить его, онъ отвѣчалъ, увѣряя въ своемъ постоянномъ желаніи сдѣлать ей угодное. Онъ соглашался въ принципѣ, что по традиціонной политикѣ Франція помогала болѣе слабой державѣ, благосостояніе которой было полезно для нашей коммерціи. Но „зачѣмъ оставитъ она во главѣ администраціи человѣка, который сосредоточилъ въ Англіи всѣ свои богатства и свои привязанности?“ Другими словами — какъ она смѣла позволить себѣ управлять своимъ королевствомъ по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, продолжалъ онъ, ему *было непріятно вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ державъ; и онъ только, желая быть искреннимъ*, выставлялъ въ настоящемъ свѣтѣ ея поведеніе! [12]). Генералъ Оливье, командовавшій нашими войсками въ мнимомъ Этрурскомъ королевствѣ, менѣе двухъ лѣтъ назадъ, уступленномъ въ *полную собственность* Испанскому дому, и управляемомъ въ качествѣ французскаго департамента, получилъ въ тоже время приказаніе изъ Парижа объявить Ливорно въ осадномъ положеніи. Мюрата пригласили извѣстить, „что могло королевство доставить для общей защиты.“ Въ Лигуріи, которая служила уже намъ гарнизономъ и морскою станціею, увеличилось по этому случаю войско, которое она должна содержать на свой счетъ, обязавшись кромѣ того доставить новый корпусъ въ 12,000 человѣкъ. Вскорѣ потомъ, настоящимъ трактатомъ отъ 24-го февраля 1804 г., который Бонапарте изъ излишней осторожности заставилъ подписать эту несчастную республику, подъ предлогомъ „*скрѣпить тѣснѣе узы, соединявшія обѣ державы*,“ Первый Консулъ обязалъ ее выставить 4,000 матросовъ. Въ замѣнъ за огромную для такой малой территоріи жертву, онъ осмѣлился предложить генуэзцамъ насмѣшливое

[12]) Бонапарте къ Неаполитанской королевѣ 28-го іюля 1803 г.

вознагражденіе обѣщаніемъ, по которому принималъ на себя обязательство принудить Англію *признать независимость Лигуріи!* (§ VI.)

Когда такимъ образомъ наложена была контрибуція на всю Италію, другая конвенція, заключенная въ Парижѣ 25 іюня 1803 г., порѣшила съ Голландіею. Батавская республика хлопотала только о сохраненіи своего нейтралитета, а если можно, то и независимости. Будучи въ эпоху переговоровъ объ Аміэнскомъ мирѣ, уже подчинена Франціи и принуждена слѣдовать за послѣднею, она осмѣлилась робко заявить желаніе, чтобъ въ договоръ включена была статья, которою признавалось бы дѣйствительно независимое существованіе, столь щедро признаваемое на словахъ; но строгій и повелительный приказъ, надиктованный Первымъ Консуломъ Готриву, немедленно показалъ ей ея дѣйствительное положеніе. „Державы, которыя, какъ Голландія, говорилось въ этой депешѣ:—были побѣждены и завоеваны, послѣ того какъ онѣ воевали съ Франціею, должны были бы избавить насъ отъ непріятности напоминать имъ объ основаніяхъ настоящаго ихъ существованія: *существованіемъ этимъ онѣ обязаны намъ; мы имъ ничего не должны, а онѣ должны намъ все* [13])." Еслибъ это было такъ, то къ чему эта длинная и гнусная комедія Люнневильскаго договора и столько торжественныхъ заявленій, гарантирующихъ независимость Батавской республики? Наконецъ для чего же *договоры* съ завоеванною и побѣжденною страною? Есть нѣчто возмутительнѣе грубости силы—это ея подлости и лицемѣріе. Какъ бы то ни было, если бы и оставалось нѣсколько мечтаній у патріотовъ, льстившихъ себя надеждою, сохранить интересы своего отечества съ помощью покорности и уступчивости французскому правительству, то договоръ 25 іюня показалъ имъ—на сколько они были обмануты. Батавская республика

[13]) Депеша Готрива Іосифу, 9-го января 1802 г.

должна была содержать 18,000 нашего войска, независимо отъ собственной шестнадцатитысячной арміи, что вмѣстѣ составляло 34,000 человѣкъ. Кромѣ того она должна была выставить пять военныхъ линейныхъ кораблей, пять фрегатовъ, сто канонерокъ, съ тремя-четырьмя стами орудій, двѣсти пятьдесятъ плоскодонныхъ судовъ и нѣсколько сотъ транспортовъ. Таковъ былъ громадный налогъ, которымъ рѣшились обременить дружественную страну, которая, содержа себя лишь своимъ флотомъ и колоніями, вдругъ увидѣла въ одно время истощеніе всѣхъ источниковъ своего богатства. Въ замѣну французская республика гарантировала *цѣлость ея территоріи и возстановленіе ея колоній* (§ V). Такимъ образомъ Первый Консулъ взялъ на себя разрѣшеніе странной задачи, состоявшей въ возстановленіи части съ удержаніемъ цѣлаго!

Гельветическая республика, подчинившаяся намъ со времени акта посредничества, требовала гораздо большаго снисхожденія, нежели Голландія. Швейцарія, по своему географическому положенію и по энергіи своихъ жителей, могла въ данный моментъ сдѣлаться весьма для насъ опасною; при томъ же она мало представляла матерьяльныхъ рессурсовъ, и ее надолго разорили поборы на покрытіе египетской экспедиціи. Итакъ, не имѣя возможности вырвать денегъ, у нее потребовали людей. Договоромъ, подписаннымъ въ Фрибургѣ 27 сентября 1803 г., она обязалась доставить намъ шестнадцатитысячный корпусъ и кромѣ того резервъ въ четыре тысячи человѣкъ для его пополненія. Войска эти должны были содержаться на нашъ счетъ. Въ силу оборонительнаго и наступательнаго союза, заключеннаго въ тотъ же день, условлено было, что въ случаѣ нападенія на французскую территорію, Кантоны выставятъ намъ еще восемь тысячъ войска, что доводило швейцарскій контингентъ *до двадцати осьми тысячъ человѣкъ*. Это значило поставить около двадцатой части мужскаго населенія въ зависимость отъ случайности

войны и при томъ для защиты державы, отнявшей у Швейцаріи національное существованіе.

Оставалось обобрать Испанію и Португалію. Португалія, къ ея счастью, находилась не близко, хотя и не на столько далеко, чтобъ быть обезпеченной отъ нашихъ требованій. Вовлеченное волею-неволею въ орбиту Англіи, это маленькое государство было нѣкогда въ войнѣ съ нами, хотя само по себѣ и не могло приносить намъ ни вреда, ни пользы; вся вина его заключалась въ томъ, что оно отдалось нашимъ врагамъ, противъ которыхъ не могло защищаться. Оно однакожъ поплатилось за это, и мы навязали ему самый тягостный миръ, при помощи Испаніи. Съ тѣхъ поръ Португалія не подавала намъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Что касается Испаніи, то она давно уже имѣла тысячу поводовъ быть недовольною на насъ. Вмѣшательство Перваго Консула во внутреннія дѣла этой страны, его открыто угрожающее положеніе во время войны съ Португаліею, его циническая неустойка относительно Этрурскаго королевства, въ обмѣнъ за которое онъ взялъ Луизьяну, и которое все таки оставалось въ полномъ его распоряженіи, его оскорбительное обращеніе съ королемъ, человѣкомъ не большаго ума, но исполненнымъ къ нему преданности и доброжелательства, наконецъ пожертвованіе, вырванное имъ въ эпоху Аміэнскаго трактата у Испаніи оставленіемъ о. св. Троицы, противнымъ всѣмъ нашимъ обязательствамъ—все это значительно охладило отношенія наши съ испанскимъ правительствомъ. Подобно Голландіи, Неаполю, Швейцаріи, Генуѣ, Португаліи и Этруріи, истощенная Испанія была бы довольна остаться нейтральною въ наступавшей борьбѣ; но для поддержки этого положенія ей недоставало одного, самаго главнаго, именно—силы! При томъ же Первый Консулъ имѣлъ противъ нее страшное оружіемъ, а онъ былъ не изъ тѣхъ, чтобъ выпустить его изъ рукъ, это Сентъ-Ильдефонскій договоръ.

Договоръ этотъ, заключенный въ 1796 г. между Испанскимъ королемъ и Французскою республикою, связалъ обѣ державы *вѣчнымъ* союзомъ, въ силу котораго онѣ обязывались поддерживать другъ друга, въ случаѣ войны, сухопутными и морскими силами; при чемъ было предвидѣно и опредѣлено количество этихъ силъ. Чтобъ подлежащая держава исполнила свою обязанность, достаточно было одного простаго требованія „безъ необходимости входить въ какія бы то ни было разсужденія относительно вопроса—будетъ ли война оборонительная или наступательная“ (VIII). Подобное условіе было монументальною глупостью монарха и непроницательностью министра, ибо оно неминуемо отдавало слабую державу въ распоряженіе болѣе сильной.

Чтобъ судить, какимъ образомъ Бонапарте истолковывалъ этотъ трактатъ, нѣтъ надобности спрашивать—что отвѣчалъ бы онъ, еслибъ Испанскому королю пришла фантазія обратиться къ нему за помощью по случаю какой либо войны, а достаточно только припомнить его поведеніе во время заключенія Аміэнскаго договора. Испанія не хотѣла тогда ни за какую цѣну уступить о. Троицы, имѣла тысячу разъ право требовать *casus foederis* и заставить насъ продолжать войну; онъ угрозами и запугиваньями принудилъ ее оставить англичанамъ этотъ выкупъ собственныхъ нашихъ колоній. Между тѣмъ Сентъ-Ильдефонскій трактатъ гласилъ, „что миръ можетъ быть заключенъ съ общаго согласія,“ онъ прибавлялъ, что атакованная держава не можетъ заключить сепаратнаго мира иначе какъ съ условіемъ, „чтобъ отъ этого не произошло никакого ущерба союзной державѣ“ (§ XIV).

Этотъ львиный трактатъ, выманенный у неспособнаго, легкомысленнаго министра, не только былъ ничтоженъ съ самаго начала, ибо, предположивъ добросовѣстное его исполненіе, онъ обѣ державы повергалъ произволу иностраннаго правительства,—но изуродованъ потомъ всѣми насиліями, совершенными Первымъ Консуломъ надъ Испаніею, и наруше-

ніями, которыя онъ самъ въ немъ сдѣлалъ. Тѣмъ не менѣе Бонапарте не преминулъ сослаться на него, чтобъ принудить Испанію объявить войну націи, жить въ мирѣ съ которою она имѣла основательные поводы; но какъ онъ мало ожидалъ отъ содѣйствія, вынужденнаго силою, то и объявилъ, что готовъ удовольствоваться денежными субсидіями, которыя самъ назначилъ по шести мильоновъ въ мѣсяцъ или семьдесятъ два мильона въ годъ. Въ то же время дано было знать Мадридскому двору, что если онъ не захочетъ подчиниться этимъ условіямъ, то Ожеро вступитъ въ Испанію. Дрожащій дворъ этотъ, находясь между страхомъ нашествія и желаніемъ избавиться отъ ига, принималъ поочередно самыя противоположныя рѣшенія. То просилъ онъ уступки изъ цѣны, дѣйствительно неумѣренной, требуемой за его спокойствіе, то хотѣлъ прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, желая сопротивляться, объявлялъ наборъ въ сто тысячъ человѣкъ для поддержанія національной независимости.

Къ этимъ недостойнымъ колебаніямъ онъ присоединилъ еще разныя выходки, подававшія поводъ къ неудовольствіямъ, допустилъ захватить два наши корабля въ виду Алжезира и подъ его орудіями и выказывалъ дурное, весьма впрочемъ естественное, расположеніе къ нашимъ эскадрамъ, которыя заходили въ испанскіе порты. Посланникъ нашъ Бернонвилль получилъ повелѣніе потребовать немедленно наказанія алжезирскаго губернатора и отмѣны набора въ сто тысячъ человѣкъ, и заявить, что въ противномъ случаѣ войска наши вступятъ въ Испанію и разгромятъ ее. „Необходимо, писалъ Бонапарте въ формѣ заключенія:—одно изъ трехъ—пусть Испанія объявитъ войну Англіи, или заплатитъ субсидіи, или наконецъ мы объявимъ войну, ибо невозможно, чтобъ продолжалось подобное положеніе“ [14]). При болѣе гордомъ министрѣ нежели принцъ Мира, подобныя продѣлки сдѣлали бы

[14]) Бонапарте къ Талейрану, 16-го августа 1803 г. *Прим. автора.*

послѣдній результатъ неизбѣжнымъ; но Первый Консулъ ни мало не сомнѣвался, что страхъ, внушаемый фавориту, превозмогалъ робкое его желаніе къ сопротивленію, а такъ какъ Испанскій дворъ заставлялъ себя ожидать относительно субсидій, не смотря на его угрозы, то онъ и рѣшился поразить его ужасомъ посредствомъ одной изъ тѣхъ страшныхъ нечаянностей, тайна которыхъ была лишь ему одному извѣстна. Секретарь посольства Германнъ былъ посланъ къ Бернонвиллю съ письмомъ Перваго Консула къ Испанскому королю, и съ нотою, адресованною на имя министра иностранныхъ дѣлъ Цевалоса. Въ первомъ король извѣщался объ измѣнѣ и машинаціяхъ, которыхъ онъ считался жертвою со стороны фаворита,—вторая—дружеское сообщеніе всему министерству, имѣла цѣлью опозорить его публично, объявляя объ отношеніяхъ фаворита къ королевѣ. Бернонвилль долженъ былъ сообщить принцу Мира копію съ письма и ноты, и заявить, что и то и другое будетъ доставлено по адресу лишь въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ упорствовать въ согласіи на договоръ. Принцъ Мира дѣйствительно получилъ это сообщеніе отъ секретаря Германна; со слезами стыда и гнѣва онъ прочелъ въ немъ доносъ на свои отношенія къ королевѣ, въ замаскированныхъ, но достаточно понятныхъ выраженіяхъ въ письмѣ къ королю, совершенно ясныхъ въ нотѣ къ министру, и сопровождаемыхъ какъ въ томъ, такъ и въ другой самыми кровавыми оскорбленіями, какимъ только можетъ подвергнуться человѣкъ. Въ нотѣ говорилось, „что французы, возведшіе Бурбоновъ на тронъ Испаніи, съумѣютъ найдти дорогу къ Мадриду, чтобъ изгнать оттуда человѣка, продавшаго Францію въ Бадахоцѣ, *этого фаворита, достигшаго самымъ преступнѣйшимъ въ мірѣ путемъ*—милости, неслыханной въ лѣтописяхъ новѣйшей исторіи [15]). Письмо къ королю отличалось не меньшею ясностью; Бонапарте

[15]) Биньонъ. *Дипломатическая Исторія.* *Прим. автора.*

просилъ его „раскрыть глаза на пропасть, вырытую подъ престоломъ. Вся Европа огорчалась и оскорблялась *родомъ сверженія съ престола*, въ какомъ принцу Мира нравилось выставлять его величество предъ всѣми правительствами. „Это онъ, продолжаетъ Бонапарте:—который дѣйствительно *царствуетъ въ Испаніи*, и я съ грустью предвижу, что буду принужденъ объявить войну этому новому королю... Вступите, ваше величество, снова на свой престолъ и удалите отъ него человѣка, который постепенно завладѣлъ всею королевскою властью и сохранилъ въ своемъ санѣ низкія страсти своего характера, никогда не умѣлъ возвыситься до чувства сроднаго славѣ, существовалъ только своими пороками и будетъ руководствоваться единственно лишь жаждою къ золоту. Я долженъ предполагать, что отъ вашего величества до такой степени скрывали всѣ происшествія, что письмо мое будетъ для васъ совершенною новостью, и *я искренно огорченъ, предвидя, какую оно причинитъ непріятность*. Но наконецъ не лучше ли, чтобъ вы ясно увидѣли настоящее положеніе дѣлъ вашего королевства“ [16]).

Смотрѣть ли на это письмо и на эту ноту съ точки зрѣнія отношеній человѣка къ человѣку или съ точки зрѣнія достоинства монарха — они составляютъ самую кровную обиду, какая только могла быть нанесена тому, кому они имѣли въ виду открыть глаза. И чѣмъ провинился этотъ добродушный король, котораго ударили по лицу, и какъ человѣка, и какъ государя, и какъ супруга? Онъ былъ восторженнымъ поклонникомъ генерала Бонапарте; тщеславился его дружбою и былъ нашимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ. Но жестокимъ образомъ употребили во зло его доброе расположеніе. Надъ нимъ совершили насиліе во время Бадахоцкаго трактата, его обманули въ дѣлѣ Королевства Этрурскаго,

---

[16]) Бонапарте къ Испанскому королю, отъ 3-го сентября 1803 г. *Прим. автора.*

его ограбили и обманули въ эпоху трактата Аміэнскаго, и когда онъ увидѣлъ, что мы увлекали его отечество въ несправедливую и разорительную войну, онъ началъ увертываться. Чтобъ покончить съ этими колебаніями, Первый Консулъ нанесъ ему публично одно изъ тѣхъ непоправимыхъ оскорбленій, передъ которыми останавливаются даже люди самые грубые, словно не сознаютъ себя въ правѣ наносить рану, которой ничто не можетъ ни отомстить, ни излѣчить, словно чувствуютъ, что подобныя оскорбленія болѣе унижаютъ того, кто ихъ причиняетъ, нежели того, кто дѣлается ихъ жертвою. Будучи нанесено существу слабому, беззащитному, обремененному отвѣтственностью, оскорбленіе это принимало характеръ низкій и отвратительный и походило на ударъ кинжала во мракѣ, нанесенный безоружному противнику. Никогда человѣкъ честный или проникнутый идеями столь гуманной цивилизаціи XVIII вѣка не согласился бы употребить подобный пріемъ, свойственный Борджіа. Здѣсь выказывается вполнѣ, какъ и во всѣхъ крайнихъ положеніяхъ, корсиканецъ изворотливаго ума, съ буйными и дикими страстями, который не останавливается ни предъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли. Столь извѣстная Байонская трагедія, которую Бонапарте подготовлялъ, какъ видно, издавна, безъ сомнѣнія, представляется въ менѣе мрачномъ цвѣтѣ, но она нѣкоторымъ образомъ не столь безчестна, какъ эта измѣна, совершенная съ такою подслащенною жестокостью.

Но ударъ не совсѣмъ удался. Такъ какъ фаворитъ, не смотря на угрозы Перваго Консула, снова отказался согласиться на всѣ статьи трактата, — сопротивленіе, дѣлающее ему большую честь, ибо оно могло погубить его, не принося никакой личной выгоды, — Бернонвилль смѣло явился къ королю и вручилъ ему въ собственныя руки письмо Бонапарте; но король, будучи предупрежденъ, что въ письмѣ заключались неприличныя выраженія, отказался его распе-

чатать и увѣрилъ посланника, что это было безполезно, потому что испанскій министръ въ Парижѣ получилъ приказаніе подписать трактатъ. Дѣйствительно, это такъ и было. Получивъ извѣщеніе о необходимости подчиниться, Азара заключилъ этотъ странный союзъ 19 октября 1803 г., согласивъ отчасти французскій кабинетъ принять ограниченія, поддерживаемыя принцемъ Мира, усилія котораго были не совсѣмъ безполезны для отечества.

Такимъ образомъ получились отъ Испаніи субсидіи по шести мильоновъ въ мѣсяцъ. Этою-то цѣною и въ нѣкоторомъ родѣ, чувствуя остріе ножа на горлѣ, король полагалъ купить нейтралитетъ въ новой войнѣ, ибо онъ льстилъ себя надеждою, что не смотря на это, столь дурно прикрытое содѣйствіе, Англія согласится пощадить Испанію и ей оставитъ ея колоніи. Покорность Испаніи подѣйствовала въ томъ же смыслѣ и на Португалію, выказывавшую до тѣхъ поръ упорство. Испанія даже обязывалась по одному параграфу трактата (§ 7) принудить свою слабую сосѣдку подписать договоръ о субсидіяхъ: не видно ли здѣсь высочайшее искусство употреблять притѣсняемаго на поддержку и на пропаганду притѣсненія? Согласіе Португаліи на эту конвенцію послѣдовало 19 декабря того же года, и оно замѣчательно по способу, какимъ было мотивировано. Держава эта, не подавъ намъ ни малѣйшаго, сколько-нибудь основательнаго повода къ жалобамъ, получила приглашеніе превратить въ денежную субсидію въ 16 мильоновъ — обязательства ея, вытекавшія изъ перваго мирнаго трактата съ Французскою республикою, подписаннаго ею 20 сентября 1801 г. Обязательства эти заключались только въ закрытіи портовъ для англичанъ „до заключенія мира между Франціею и Англіею," т. е. на все продолженіе войны, которая тогда оканчивалась. Окончилась война, заключили Аміэнскій трактатъ, а слѣдовательно и обязательство относительно закрытія портовъ уничтожилось само собою. Тѣмъ не менѣе Португалія

должна была заплатить 16 мильоновъ субсидій, чтобъ откупиться отъ новаго исполненія обветшавшихъ условій, и сохранить нейтралитетъ, котораго могла сохранить лишь подобіе.

Благодаря этому вспомоществованію, столь странно полученному, и суммамъ пожертвованнымъ, какъ говорили, нашими департаментами и городами, продажѣ Луизьяны, за которую получили деньги, пріобрѣвъ ее за фальшивую монету, Бонапарте былъ въ состояніи выдержать военные расходы, не имѣя надобности прибѣгать ни къ увеличеннымъ налогамъ, ни къ займамъ, которымъ обязана была подвергнуться Англія, имѣвшая менѣе смѣлыя понятія о политикѣ. Надобно признаться, что финансовая система эта была остроумно придумана для того, чтобъ избавить насъ отъ тягостей войны, ибо она возлагала все бремя на народы, которые не могли ожидать отъ нея ни славы, ни выгоды, и которые могли надѣяться отъ побѣды одного лишь увеличенія бѣдствій; но безчестная и возмутительная съ точки зрѣнія права, она была гибельна съ точки зрѣнія—нашего вліянія въ Европѣ. „Первый Консулъ, писали по этому поводу:— принялъ рѣшеніе, *котораго справедливости отрицать невозможно*—онъ заставилъ всѣ морскія націи соперничать въ нашей борьбѣ съ Великобританіею“ [17]). И отъ этой точки отправляются, чтобъ оправдать это гнусное лихоимство, только что мною выставленное. Развѣ не *въ интересахъ* этихъ націй, — прибавляютъ, — было видѣть уничтоженіе Англіи? Не должны ли онѣ желать положить конецъ *тираніи на моряхъ?*“

Можно пытаться объяснить подобныя заблужденія продолжительнымъ и замѣчательнымъ ослѣпленіемъ, которое ихъ вызвало, но было бы нѣсколько смѣшно опровергать

---

[17]) Тьеръ, *Исторія Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

ихъ. Народы, на которыхъ лежала тогда суровая тиранія, господствовавшая надъ половиною континента, понятно, очень мало заботились о сопротивленіи тираніи права осмотра! Они умѣли находить разницу между притѣсненіемъ, причиняемымъ нѣсколькимъ купеческимъ кораблямъ, и деспотическимъ господствомъ, охватывавшимъ у нихъ все, начиная отъ правительства до частной собственности. Они научились съ тѣхъ поръ распознавать—какими средствами Бонапарте предположилъ сдѣлать ихъ счастливыми противъ ихъ воли! Они не утѣшались мыслью, что онъ грабилъ ихъ для ихъ величайшаго блага и съ наилучшими намѣреніями: чтобъ ненавидѣть въ немъ притѣснителя, имъ достаточно было видѣть презрѣніе, звѣрство и цинизмъ, съ какими среди бѣла дня обнаруживался этотъ международный разбой. Какое чувство могло возбудить все это у народовъ, которыхъ мы сперва унизили, а потомъ эксплуатировали? и какая неумолимая ненависть не должна была затаиться у этихъ монарховъ, у этихъ государственныхъ людей, оскорбленныхъ столь жестоко? Маккіавелевскій государь, можетъ быть, также былъ бы къ нимъ безжалостенъ, но, сотворивъ изъ нихъ враговъ, не оставилъ бы ихъ жить. Надо было или подражать ему до конца, или отъ него не заимствоваться. Да, эта политика сберегала Франціи деньги, но какою цѣною? Цѣною ея чести, цѣною ея реноме, какъ вѣжливой и великодушной державы, цѣною обаянія, которымъ она была обязана благороднымъ, гуманнымъ, безкорыстнымъ принципамъ своей революціи. Самое необузданное мотовство было бы для нея не столь гибельно, какъ подобная экономія. *Монитеръ* ежедневно выставлялъ „адскій геній“ Англіи и *постыдныя* средства, которыми она приготовляла намъ враговъ въ Европѣ. Постыдно ли было средство или нѣтъ, но она въ этомъ случаѣ слѣдовала системѣ, совершенно противоположной съ нашею. Наша политика заключалась въ томъ, чтобъ вымогать

у иностранныхъ державъ какъ можно больше денегъ, а англійская, напротивъ, предлагала и давала деньги этимъ державамъ. Это можно порицать и не порицать, но невозможно, чтобъ съ теченіемъ времени народы не были поражены различіемъ двухъ системъ и въ смыслѣ, который не долженъ былъ намъ благопріятствовать.

ГЛАВА II.

Русское посредничество. — Полемика противъ Англіи. — Преобразованіе Института.

Перевѣсъ, который нѣсколько уже лѣтъ присвоивала себѣ Франція, много причинилъ тревоги державамъ; наше вооруженіе противъ Англіи дало имъ большія преимущества. Казалось, Бонапарте почувствовалъ необходимость быть осторожнѣе; сперва онъ показалъ даже льстивое вниманіе, относительно Пруссіи и Россіи. Но демонстраціи эти имѣли одну только цѣль—увлечь ихъ въ лигу противъ Англіи, ибо преобладающая мысль, для исполненія которой онъ долженъ былъ израсходовать столько сокровищъ и крови, нелѣпая и безплодная мысль — поразить Англію, заперевъ ей континентъ, т. е. вооруживъ его весь противъ насъ, овладѣла уже его умомъ до помраченія. Имѣя въ виду воспользоваться молодостью и неопытностью императора Александра и выиграть время для спасенія нашего флота, онъ не поколебался предложить ему третейскій судъ въ распрѣ между Франціею и Англіею въ надеждѣ выиграть въ случаѣ отказа Англіи, а на случай ея несогласія—обмануть, какъ въ Регенсбургѣ. Предположеніе это оправдывается тѣмъ, что онъ предложилъ условія, которыя онъ опровергалъ до тѣхъ поръ, и о которыхъ слышать не хотѣлъ впослѣдствіи. Онъ со-

глашался почти на всѣ условія, включенныя въ ультиматумъ лорда Уайтворта—на уступку Лампедузы Англіи, очищеніе Швейцаріи и Голландіи, вознагражденіе Пьемонтскаго короля, но постарался прибавить одну статью, зная, что Англія ни за что не согласится на нее, именно—немедленное прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій. Держава эта, рѣшившаяся на войну только послѣ долгаго колебанія, но которая желала теперь вести ее рѣшительно, не думала соглашаться на безапеляціонный третейскій судъ, въ кототоромъ она имѣла столько основаній видѣть ловушку, но заявила готовность принять посредничество, лишь бы только переговоры коснулись „всѣхъ несогласій, породившихъ войну между Франціею и Англіею.“

Императоръ Александръ искренно желалъ поддержать миръ въ Европѣ;—самолюбіе государя не исключало въ немъ благородныхъ и возвышенныхъ страстей — но имѣлъ на столько тонкости, чтобъ понять разсчетъ, внушившій Первому Консулу подобное намѣреніе. Онъ видѣлъ кромѣ того, что, назначая его суперъ-арбитромъ, на него самого смотрѣли, какъ на незаинтересованнаго ни сколько въ вопросѣ и какъ бы чуждаго европейскимъ спорамъ. Бонапарте дѣйствительно льстилъ себя надеждою нейтрализовать Россію цѣною пустаго титула посредничествующей державы, и допускаемаго верховнаго владычества надъ Іоническими островами. Это было бы купить дешево любезность и услуги Александра; но это значило слишкомъ уже разсчитывать на его неопытность, и этотъ государь съумѣлъ эту ловкую штуку обратить въ свою пользу. Если читатель припомнитъ, что Россія никогда не переставала вступаться передъ нашею дипломатіею за своихъ неаполитанскихъ, пьемонтскихъ и германскихъ кліентовъ, что мы всегда отвѣчали ей ложными обѣщаніями или непринятіемъ ходатайства, то не трудно понять, что она имѣла много общихъ жалобъ съ Англіею, чтобъ разгнѣваться на отказъ этой державы отъ

подчиненія произвольному безапеляціонному рѣшенію, которое должно было коснуться лишь части вопросовъ этого спора. Александръ не только не поссорился съ Англіею, но возобновилъ отъ своего имени прежнія требованія и протестовалъ съ живостью противъ занятія Ганновера и противъ новой экспедиціи, направленной противъ Неаполя.

Представителемъ Россіи въ Парижѣ былъ Марковъ, дипломатъ высокомѣрный, не весьма сговорчивый, но человѣкъ быстраго ума, весь преданный интересамъ своего отечества и видѣвшій съ грустью, какъ старались обмануть Россію со времени германскаго посредничества. Вмѣсто того чтобъ смягчить порученныя ему представленія, Марковъ энергически ихъ усиливалъ; его подкрѣпляло неудовольствіе его націи на Францію, и во многихъ случаяхъ онъ не боялся высказывать, что за царемъ стояли русскіе. Досада Бонапарте въ виду этого положенія, принятаго Россіею, была тѣмъ живѣе, что онъ менѣе всего ожидалъ этого со стороны Александра и молодыхъ людей, бывшихъ друзьями и совѣтниками императора. Не будучи въ состояніи скрыть своего неудовольствія, онъ разгнѣвался на Маркова, началъ оскорблять его такъ же, какъ лорда Уайтворта, и кончилъ тѣмъ, что прямо донесъ на него Александру, какъ на человѣка, „который часто и непріятнымъ образомъ вмѣшивался въ интриги страны“ [18]), что давало ему право требовать отозванія этого „шалуна“ [19]). Не взирая на это взаимное дурное расположеніе, Россія настаивала не на третейскомъ судѣ, но на посредничествѣ.

Въ срединѣ августа она представила французскому правительству общее обозрѣніе уступокъ, которыя, по ея мнѣнію, могли привести къ соглашенію воюющія стороны. Но

---

[18]) Бонапарте къ Александру, отъ 29 іюля 1803 г. *Прим. автора.*

[19]) Къ Талейрану, отъ 23-го августа. *Прим. автора.*

Первый Консулъ, требовавшій третейскаго суда, и слышать не хотѣлъ о посредничествѣ, а условія, которыя онъ самъ предлагалъ съ единственною цѣлью добиться перемирія и вовлечь Россію, казались ему теперь поразительною *нелѣпостью.* Онъ по этому поводу выразилъ свои мысли въ цѣломъ рядѣ сообщеній, безпорядокъ и несвязность которыхъ обличаютъ смятеніе [20]). Онъ ни за что не соглашался на уступку Лампедузы, которую предлагалъ назадъ тому два мѣсяца; онъ отказывался вступить въ договоръ съ Англіею относительно континентальныхъ дѣлъ; заявилъ готовность очистить Голандію и Швейцарію, но *не соглашался ни за что включить эту статью въ условія.* Что касалось до вознагражденій, требуемыхъ для Сардинскаго короля, то онъ готовъ на это удовлетвореніе не иначе какъ съ тѣмъ, „чтобъ Англія уступила Цейлонъ Голландіи, или о. св. Троицы Испаніи." Онъ даже сказалъ, что не угрожаетъ нейтралитету малыхъ державъ и не стѣсняетъ его ни въ чемъ, а если ввелъ въ нихъ свои войска, то единственно потому „что Англія удерживала Мальту и нарушила германскую независимость" [21]). По этимъ предложеніямъ, единственнымъ, какія отчетливо выдѣляются изъ наплыва фразъ, можно судить о степени добросовѣстности, вносимой имъ въ переговоры, и о заднихъ мысляхъ при его требованіи третейскаго суда. Они положили конецъ русскому посредничеству; но этотъ случай оставилъ императору нѣчто большее, нежели воспоминаніе о неудачѣ; ибо онъ обманулся точно также относительно себя, какъ и относительно Англіи.

Такой же отчасти результатъ былъ и съ Пруссіею, которая впрочемъ имѣла больше причинъ быть менѣе щекотливою,

---

[20]) Онѣ заключаются въ двухъ письмахъ, сопровождаемыхъ двумя обширными приложеніями, адресованныхъ къ Талейрану (23-го августа 1803 г.). *Прим. автора.*

[21]) Первое приложеніе. *Прим. автора.*

чѣмъ Россія. Будучи далека отъ того, чтобъ питать къ намъ непріязненныя чувства, держава эта показывала намъ самое дружеское расположеніе. Желая въ особенности угодить Первому Консулу, она недавно доказала ему недвусмысленно свою пріязнь, принявъ на себя переговоры о нѣкоторомъ родѣ отреченія Бурбонскаго дома въ его пользу за сумму нѣсколькихъ мильоновъ,—предложеніе, отвергнутое Людовикомъ XIV съ гордостью и благородствомъ и отъ котораго Бонапарте поспѣшилъ отречься немедленно, какъ только увидѣлъ его неуспѣхъ и жалкій эффектъ [22]). Пруссія съ нескрываемымъ удовольствіемъ видѣла удары, наносимые нами Австріи; она воспользовалась съ своею жадностью, вошедшею уже въ пословицу, потерями, понесенными прежнею германскою организаціею; давно уже она сдѣлала изъ нейтралитета систему, изъ которой рано или поздно надѣялась извлечь большія выгоды. Но съ тѣхъ поръ, какъ наша армія овладѣла Ганноверомъ, какъ мы наложили руку на портъ Куксгавенъ, принадлежавшій къ Гамбургской территоріи, съ тѣхъ поръ, какъ за нѣкоторыя безвредныя демонстраціи мы начали угрожать Даніи,—одной изъ тѣхъ морскихъ державъ, которой болѣе всего приходилось жаловаться на морскую тиранію, Пруссія начала немного страшиться за свою безопасность и показывала очевидные признаки безпокойства.

Блокада, учрежденная англичанами при устьѣ Эльбы и Везера для наказанія Германской имперіи за то, что она не защищала, какъ того требовала ея обязанность, нейтралитета Ганновера, жалобы разорившихся купцовъ, тревога мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и предостереженія недовольной Россіи, довершили смущеніе Пруссіи. Благоразумная политика должна была бы разсѣять это смущеніе. По-

---

[22]) Переговоры вели посредствомъ президента Мейера въ февралѣ 1803 г.; объ нихъ сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ только въ слѣдующемъ іюлѣ по статьѣ *Morning-Chronicle*. *Прим. автора.*

добная молодая, безпокойная и честолюбивая держава, находившаяся между страхомъ и жадностью, была для Бонапарте, еслибъ онъ хотѣлъ щадить ее,—самою драгоцѣнною помощницею въ дѣлахъ Европы. Одного уже ея нейтралитета было достаточно, чтобъ поставить въ тупикъ континентальную коалицію. Она вызвалась гарантировать не только свой, но и нейтралитетъ всей Германіи, и въ награду за это требовала немного, а именно очищенія порта Куксгавена, взятаго нами у гамбургцевъ вопреки всѣмъ законамъ, и уменьшенія до необходимаго минимума нашей оккупаціонной арміи въ Ганноверѣ. Эти столь скромныя предложенія Прусскаго короля были доставлены Первому Консулу въ Брюсселѣ Ломбардомъ, секретаремъ прусскаго кабинета, рѣшительнымъ сторонникомъ нашего вліянія, такимъ же, какъ и начальникъ его графъ Гаугвицъ. Къ несчастью, Бонапарте и здѣсь, какъ съ Россіею, хотѣлъ все или ничего; онъ не нуждался въ нейтралитетѣ Пруссіи, ему нужны были ея союзъ и дѣйствительное содѣйствіе въ войнѣ. На ея авансы онъ отвѣчалъ контръ-предложеніемъ, обѣщая уступить Ганноверъ въ обмѣнъ за наступательный и оборонительный союзъ. Но какъ ни соблазнительна была для Пруссіи перспектива пріобрѣтенія Ганновера, обязательства, которыхъ отъ нея требовали, были слишкомъ безграничны, рѣшительны и въ особенности компрометирующіе относительно интересовъ всякаго рода, которые имѣла она охранять и въ Германіи и въ Европѣ, чтобъ обольстить ея благоразуміе, или поколебать рѣшимость. При томъ же среди ея образовалась значительная партія, бывшая противъ нашей политики и выставлявшая опасность французскаго преобладанія. Она отвергла наши предложенія, хотя и не переставала обращаться къ намъ со всѣми просьбами. До конца 1803 года она продолжала предлагать намъ гарантію германскаго нейтралитета въ замѣнъ полнаго очищенія Ганновера, а французское правительство отказывало въ согласіи. Итакъ един-

ственная, расположенная къ намъ въ Европѣ держава, которой положеніе, которой прошедшее и хорошо или дурно понятые интересы дѣлали ее нѣкоторымъ образомъ солидарною съ Франціею, мало по малу была доведена до степени холодности и почти до непріязненнаго положенія такими несправедливыми и вмѣстѣ несвоевременными требованіями.

Это тревожное состояніе Континента, столь мирнаго на поверхности и столь взволнованнаго на днѣ, казалось, должно было бы охладить нашъ завоевательный пылъ. Всѣ элементы большой европейской коалиціи были готовы, они ожидали только случая, чтобъ сформироваться; великія державы завидовали и гнѣвались, малыя дрожали предъ нами, призывая втихомолку освободителя, и между всѣми ими у насъ болѣе не было ни одного союзника. Смотря на вещи съ точки зрѣнія успѣха и благоразумія, было здѣсь отъ чего родиться сомнѣнію относительно несвоевременности экспедиціи въ Англію, ибо при всевозможно счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и предположивъ, что арміи нашей удалось бы чудомъ высадиться на ту сторону пролива, то при малѣйшемъ желаніи англійской націи продолжать сопротивленіе, чего и естественно было опасаться, Франція очутилась бы открытою и во власти многочисленныхъ своихъ непріятелей. Это не могло ускользнуть отъ проницательнаго ума Бонапарте, но онъ уже былъ слишкомъ упоенъ своимъ всемогуществомъ, чтобъ податься назадъ послѣ такого шумнаго хвастовства. Онъ возвратился въ Парижъ 15 августа изъ путешествія, которое представляло одну долгую овацію. Вездѣ его прокричали „побѣдителемъ Англіи", и вездѣ съ своею безстрастною увѣренностью онъ принималъ эти немного преждевременныя поздравленія. Въ Анверѣ президентъ генеральнаго совѣта привѣтствовалъ его именемъ „*Наполеона Великаго*"—манифестація не совершенно добровольная, ибо градація почестей и лести, которую она увѣнчивала, была слишкомъ разсчитана, чтобъ можно было при-

носить ее одному энтузіазму. Въ Римѣ слово *maximus* непосредственно предшествовало слову *imperator*. Необходимо было произнести это слово для того, чтобъ Сегье могъ сказать, привѣтствуя его по возвращеніи въ Парижъ: „Чиновники *гордятся тѣмъ, что несутъ къ вашимъ стопамъ* дань своихъ сердецъ.“

Тотъ, кто ободрялъ подобныя выраженія среди государства, еще республиканскаго по имени, и сгаралъ нетерпѣніемъ захватить всѣ перемѣны, предсказываемыя ими, не могъ возвратиться назадъ, не уменьшивъ обаянія своей силы и военнаго превосходства, что онъ цѣнилъ выше всего, а вслѣдствіе этого видѣть новое отлагательство самыхъ дорогихъ своихъ проэктовъ. Для того, чтобъ сдѣлать послѣдній шагъ къ верховной власти, чтобъ захватить столь желанную корону, ему были необходимы или необыкновенные успѣхи, которые дозволили бы требовать подобной награды, или кризисъ, который послужилъ бы предлогомъ къ охраненію общественной безопасности. Въ силу этого онъ старался держать страну въ лихорадочномъ волненіи, приготовляющемъ умы къ великимъ событіямъ. Онъ усиливалъ дѣятельность морскихъ приготовленій, мало по малу сосредоточивалъ суда въ Булони, уставлялъ побережья пушками, чтобъ держать англичанъ на почтительномъ разстояніи, формировалъ войска и вмѣстѣ занималъ ихъ постоянными ученьями.

Мониторъ съ удвоенною силою и ненавистью возобновилъ полемику противъ Англіи. На этотъ разъ невозможно уже сомнѣваться, что Бонапарте былъ внушителемъ, но чаще авторомъ оскорбительныхъ статей, сохранившихся отчасти въ его сочиненіяхъ.

Ругательства эти, тонъ которыхъ довольно вѣрно напоминаетъ тонъ полемики съ якобинцами—ибо Бонапарте никогда не могъ отрѣшаться отъ этого слога, вслѣдствіе долговременной практики—служили обыкновенно отвѣтомъ на

статьи, извлеченныя изъ англійскихъ журналовъ, часто были даже простыми примѣчаніями къ тексту; но ихъ рѣшительный, вызывающій тонъ представлялъ полный диссонансъ съ характеромъ офиціальнаго журнала и обличалъ руку господина. Статьи эти часто начинались въ тонѣ скромности и назидательнаго безпристрастья, но вскорѣ темпераментъ одерживалъ верхъ, и рѣдко случалось, чтобъ онѣ не оканчивались потокомъ ругательствъ. Въ одномъ изъ нумеровъ *Morning Post* было заявлено, что никогда еще англійскій народъ не показывалъ столько силы, единодушія и рвенія для національной защиты, что совершенно справедливо,—и *Монитеръ* поспѣшилъ отвѣчать на это заявленіе, которое не могло быть ему по вкусу: „Вы пользовались въ Европѣ, говоритъ онъ:—репутаціею разумной націи, но вы далеко отстали отъ вашихъ отцовъ! Всѣ ваши рѣчи внушаютъ на Континентѣ жалость и презрѣніе. *Состоянье здоровья вашего короля сообщилось всей націи.* Никогда народъ не увлекался столь быстро этимъ духомъ заблужденія, который обнаруживается у народовъ, когда Богъ попускаетъ...“ Какъ доказательство этого безумія, онъ приводитъ блокаду Эльбы и Везера, которая, по его мнѣнію, компрометировала ихъ *торговлю* и *мануфактуры,* въ которыхъ они очевидно ничего не смыслили. Потомъ, какъ другую черту ослѣпленія, онъ приводилъ поголовное возстаніе, „самую гибельную крайность, на какую только можетъ быть подвинута нація. Вы угрожаете намъ, прибавляетъ онъ:—Питтомъ и лордомъ Уайтвортомъ, которыхъ производите въ подполковники, и вашъ король верхомъ самъ обучаетъ войска, чтобъ сообщить имъ военный пылъ и опытность, пріобрѣтенныя имъ въ столькихъ сраженіяхъ!!“

Какова бы ни была неопытность этихъ импровизированныхъ солдатъ, очевидно, что поголовное возстаніе не нравилось Бонапарте, и въ этомъ случаѣ сарказмъ не былъ удаченъ. Состояніе Ирландіи представляло ему болѣе прочный и солидный аргументъ. Возстаніе Роберта Эммета и Томаса

Росселя, ободряемое и отчасти подготовленное французскимъ правительствомъ, окончилось самымъ плачевнымъ образомъ въ этой несчастной странѣ (въ іюлѣ 1803 г.). Заговорщики, принуждаемые дѣйствовать преждевременно вслѣдствіе взрыва пороховаго погреба, были разсѣяны и потомъ арестованы послѣ незначительной борьбы; имъ удалось только почтить дѣло благороднымъ поведеніемъ въ процессѣ, окончившемся ихъ осужденіемъ. Надобно вспомнить, что Питтъ оставилъ министерство потому, что пытался противъ воли суевѣрнаго и упрямаго короля, оправдать ирландскихъ католиковъ въ политической и гражданской неспособности. Возстаніе, явившееся доказательствомъ проницательности министра, утвердило короля въ его безумномъ упорствѣ. Итакъ, упрекъ Англіи по поводу ирландцевъ былъ справедливъ даже въ устахъ Бонапарте, но Первый Консулъ испортилъ его смѣшнымъ преувеличеніемъ, съ какимъ его высказывалъ. Раздѣляя притворно мнѣніе, что ирландцы не могли свободно исполнять своей религіи, потому что не пользовались всѣми преимуществами, предоставленными англиканцамъ, онъ восклицаетъ: „Между тѣмъ вы очень хорошо знаете, что для человѣка священнѣе всего совѣсть, и въ душѣ есть тайный голосъ, что человѣка ничто не можетъ *заставить вѣрить въ то, чему онъ не вѣритъ*. Самая ужасная тиранія *та, которая обязываетъ осьмнадцать двадцатыхъ населенія принять религію, противную его вѣрованіямъ*, подъ страхомъ не пользоваться гражданскими правами и правомъ владѣть имѣніемъ... Они были лишены стыда, эти люди, которые беззастѣнчиво добивались заступить мѣсто Питта и Гренвиля на условіяхъ, предложенныхъ больнымъ государемъ, который въ нашъ вѣкъ возстановилъ законы Нерона и Домиціана, и какъ онъ преслѣдовалъ католическую церковь. Какую же долю приготовила вамъ судьба? Это ускользаетъ отъ человѣческаго разумѣнія... Небо посылаетъ наці-

4*

ямъ порочныхъ или безумныхъ монарховъ лишь для того, чтобъ показать и унизить ихъ гордость“ [23]).

Въ этой длинной діатрибѣ генералъ-писатель злоупотребилъ немного фактомъ, во всякомъ случаѣ, почтеннымъ для англійскаго народа и въ особенности для его учрежденій. Король Георгъ III въ продолженіе долговременнаго уже царствованія, подвергался нѣсколько разъ припадкамъ умопомѣшательства; но это не имѣло ни малѣйшаго вліянія на отправленіе общественныхъ дѣлъ. Въ моментъ, когда они были въ самомъ цвѣтущемъ или запутанномъ положеніи, публика вдругъ узнавала о припадкахъ короля и о томъ, что на него надѣвали смирительную рубашку, и ни мало не приходила отъ этого въ смущеніе, чѣмъ очевидно доказывается, что народъ управлялся самъ собою. Спрашивается, что было бы во Франціи въ то же время, если бы подобный припадокъ случился съ Первымъ Консуломъ? Какою цѣною мы должны были позже заплатить за менѣе характеристичное, но болѣе опасное безуміе, которое повело его въ Москву? Поэтому было и неловко и неприлично эксплуатировать противъ Англіи обстоятельство, которымъ она могла гордиться Не великодушно и не благородно было выставлять грустный фактъ, независящій отъ воли человѣческой, и прискорбный даже для враговъ; но къ этой жалобѣ *Монитеръ* прибѣгалъ всего чаще и всего охотнѣе. „Зачѣмъ мы воюемъ? отвѣчалъ онъ около того же времени на одинъ англійскій памфлетъ: — потому что англійскимъ народомъ управляютъ *король-безумецъ*, и первый министръ съ характеромъ *старой гувернантки*“ [24]).

Но не довольствовались этими низкими оскорбленіями, къ нимъ присоединяли еще самыя мрачныя предсказанія, и офи-

---

[23]) *Монитеръ* отъ 23-го октября 1803 г. *Прим. автора.*

[24]) См. между прочимъ *Монитеръ* отъ 10, 20 и 22 ноября 1803 г. *Прим. автора.*

ціальный журналъ безъ устали предвѣщалъ разореніе и униженіе Англіи. Онъ предсказывалъ ей всѣ потрясенія, испытанныя нами во время революціонныхъ смутъ. Англійскіе землевладѣльцы въ поголовномъ наборѣ, говорилъ онъ: — *не имѣли другой цѣли, какъ сохраненіе богатства, которымъ, по словамъ ихъ, угрожали французскіе санкюлоты;* вотъ причина равнодушія санкюлотовъ англійскихъ среди этого мнимаго національнаго движенія, и, безъ сомнѣнія, скораго ихъ мятежа противъ своихъ хозяевъ. Послѣдніе одни участвовали въ наборѣ волонтеровъ; народъ остерегался вступить въ это войско. Эти успокоительныя пророчества были подтверждены примѣчаніями, сдѣланными, какъ полагаютъ, путешественниками или французскими плѣнными, задержанными въ Англіи, и по смыслу которыхъ, въ этой странѣ было близко возстаніе бѣдныхъ противъ богатыхъ. Теперь, когда вооружился бѣдный, соціальная эта война дѣлалась неизбѣжною [25]).

Къ предсказаніямъ присоединились вскорѣ предзнаменованія. Когда Первый Консулъ уѣхалъ въ Булонь въ началѣ ноября мѣсяца, Мониторъ серьезно помѣстилъ слѣдующую корреспонденцію чрезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда:

„Замѣчательно, какъ предвѣстье, что при рытьѣ мѣста *подъ лагерь Перваго Консула* найдена была римская сѣкира, принадлежавшая повидимому римской арміи, которая вторгнулась въ Англію.“ Фактъ дѣйствительно странный, но не заключавшій въ себѣ ничего невозможнаго. Но подобное событіе, въ то же время случилось въ Амблетезѣ, и на этотъ разъ опять по поводу лагеря Перваго Консула: „При работахъ для *постановки палатки Перваго Консула* найдены были медали Вильгельма Завоевателя.“ Надобно согласиться, что эти обстоятельства *по меньшей мѣрѣ странны;* и они покажутся еще страннѣе, если припомнить, что когда Бона-

---

[25]) *Мониторъ* 10-го ноября 1803 г. *Прим. автора.*

парте посѣтилъ развалины Пелузы въ Египтѣ, онъ *нашелъ тамъ камею Юлія Цезаря*" [26]).

И всѣ эти чудеса помѣчаются изъ Булони *осьмнадцатымъ брюмэра!* Изъ этого видно, что если Бонапарте вѣрилъ фатализму, то умѣлъ также и пользоваться имъ ловко и могъ заставить говорить Судьбу при случаѣ. Корреспондентъ *Монитера* позабылъ прибавить, что медали Вильгельма были выбиты въ память побѣды, и это доказываетъ его умѣренность. Что же касается пелузской камеи, то здѣсь истина разукрашена немного. Вопервыхъ она принадлежала не Цезарю, а Августу, во вторыхъ нашелъ ее не Бонапарте, а одинъ ученый, состоявшій при экспедиціи, и тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Когда присмотрѣться ближе— къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгали къ тому, чтобъ завладѣть умами, заставить вѣрить въ свою звѣзду и называть себя избранникомъ судьбы, то человѣчество кажется отвратительнымъ, и трудно рѣшить, кто болѣе презрителенъ: тотъ ли, кто унизился до такого грубаго паяцничества, или тѣ, кто могъ поддаться на эту приманку.

Изъ всѣхъ средствъ, способныхъ возбудить умы, оставалось только одно, которое не было пущено въ дѣло: это поэзія, вдохновеніе, дающееся небомъ также, какъ и даръ прорицанія, но которую трудно было заставить говорить хорошо. Бонапарте приходилъ въ особенности въ отчаяніе, что никогда не могъ завладѣть замѣчательнымъ поэтомъ, котораго можно было бы заставить воспѣвать подвиги Перваго Консула и при случаѣ возбуждать воинственный жаръ въ народѣ. Въ искусствахъ и литературѣ онъ имѣлъ весьма сомнительный вкусъ, ибо самая страсть его къ Оссіану была только напускная въ то время, когда онъ игралъ въ герои безкорыстія; но онъ чувствовалъ, что тутъ заключалась

---

[26]) Монитеръ отъ 12-го ноября. *Прим. автора.*

сила, и вотъ почему онъ хотѣлъ воспользоваться поэзіею. Онъ охотно прикомандировалъ бы къ своей арміи роту поэтовъ, которые служили бы чѣмъ-то въ родѣ барабановъ самаго высшаго сорта. Но судьба постоянно отказывала ему въ этой милости; онъ самъ удивлялся, что могъ вдохновлять только Тиртеевъ низшаго разряда, и обыкновенно горько жаловался на эту несправедливость судьбы. Ему никогда не приходило въ голову, что деньги и хорошія мѣста не достаточны для того, чтобъ вдохнуть какое нибудь образцовое произведеніе. Онъ испыталъ однакожъ довольно скоро недѣйствительность этой системы, чтобъ перемѣнить свой взглядъ въ этомъ отношеніи. По случаю возобновленія войны былъ разосланъ общій призывъ ко всѣмъ, находившимся въ распоряженіи риѳмоплетамъ и обѣщаны награды тѣмъ изъ нихъ, которые отличатся на этомъ конкурсѣ оскорбленій и ругательствъ противъ Англіи. Но результатъ не отвѣчалъ ожиданіямъ Перваго Консула. Трудно представить себѣ что нибудь плоское, жалкое и плачевное этихъ произведеній, распускавшихся подъ надзоромъ полицейскихъ покровителей. Официальный журналъ напечаталъ цѣлый рядъ этихъ поэмъ въ одно время съ объявленіемъ о выставкѣ шитья въ Бойе, и объяснялъ по своему эту славу подвиговъ Вильгельма. Поэмы эти были такія бѣдныя и жалкія, что положительно могли поселить навсегда въ публикѣ отвращеніе къ тѣмъ страстямъ, какія хотѣли въ ней поселить, если публика ихъ читала. Пиндаръ-Лебренъ открылъ шествіе *національною одою* самымъ смѣшнымъ сочиненіемъ, въ которомъ онъ описываетъ—какъ рѣки всей вселенной, выведенныя изъ терпѣнія поступками Темзы, требуютъ мщенія у Нептуна. Главное въ ней мѣсто занимаетъ рѣчь *Сены*, въ которой *Темза*, ея коварство и гордыня оцѣнены настоящимъ образомъ и выставлены на позоръ роду человѣческому. Пьеса оканчивается гибельнымъ предсказаніемъ Лондону:

«Tremble, nouvelle *Tyr*, un nouvel Alexandre
«Sur l'onde où tu regnais va disperser ta cendre
«Ton nom n'est plus.»

(Трепещи, новый Тиръ! На волнахъ, гдѣ ты царствовалъ, новый Александръ развѣетъ твой пепелъ, и не останется даже твоего имени.)

За эту оду заплатили три тысячи франковъ поэту Лебрену, который былъ уже на жалованьи въ качествѣ *poeta cesareo*. За такую цѣну можно бы ожидать стиховъ лучшаго качества.

Потомъ появилась ода на *Высадку*, Крузе, другаго современнаго стихотворца, и множество другихъ мозольныхъ стихотвореній, однообразіе которыхъ смѣнялось иногда шутливыми произведеніями, чтобъ угодить всѣмъ вкусамъ. Но ни въ одной литературѣ нельзя найдти такой гнусной вещи какъ шуточная поэма въ четырехъ пѣсняхъ о *Годдемъ*, подписанная именемъ *French dog* (французская собака) и занявшая *десять столбцовъ Монитера* [27]), имѣвшая цѣлью привлечь всѣхъ европейскихъ шутовъ на нашу сторону. Подобныя произведенія были одинаково не въ состояніи возбудить воинственнаго настроенія въ народѣ и обезпечить за тѣмъ, кто ихъ оплачивалъ, традиціоннаго званія покровителя литературы. Литературѣ въ то время ужь слишкомъ покровительствовали, и это именно убивало ее. Если же дѣйствительно случалось, что какимъ нибудь чудомъ проявлялось произведеніе, не смотря на относительную свою ничтожность, но внѣ офиціальнаго вдохновенія, немедленно раздавались крики тревоги, возникало подозрѣніе, и бѣдному автору грозили, преслѣдовали его, словно онъ совершилъ посягательство на самыя священныя права государства. Какой-то неизвѣстный авторъ безкорыстно сочинилъ нѣсколько куплетовъ подъ заглавіемъ: „*Приглашеніе отправляться въ*

---

[27]) *Мониторъ* отъ 26-го декабря. *Прим. автора.*

Англію," и это показалось чрезвычайно подозрительнымъ; Бонапарте немедленно написалъ къ главному судьѣ Релье:

„*Надобно узнать автора этой пѣсни. Хотя она, повидимому, сочинена съ добрымъ намѣреніемъ, но полицейская власть не должна быть чужда никакому движенію.*" Чужда какому бы то ни было движенію! Какъ! даже движенію стихотворца, сочиняющаго пѣсенку? Итакъ, въ этотъ золотой вѣкъ Консульства, полиція была обязательною сотрудницею писателей, а еще ищутъ причины ничтожества и истощенія этой литературы! Никогда не было замѣчательныхъ эпохъ въ литературѣ, безъ полной независимости духа. Можно доказать, что даже при Людовикѣ XIV, по крайней мѣрѣ во время цвѣтущаго періода его царствованія, писатели сообразовались съ своими чувствами и мыслями, и литература начала клониться къ упадку немедленно, какъ только лишилась этой свободы. Всякое стѣсненіе вызываетъ роковое господство условности, лжи и декламаціи. Вдохновеніе уступаетъ мѣсто реторикѣ, и печать служитъ только софистамъ и фразерамъ. Зло будетъ еще чувствительнѣе, если данная эпоха—эпоха философская, т. е. такая, которая менѣе всякой другой можетъ обойдтись безъ свободы мысли. Подобное направленіе равняется положительному уничтоженію. Въ литературѣ и философіи, также какъ и въ религіи — Бонапарте видѣлъ только зависимость и орудіе администраціи. Вотъ почему при немъ и была лишь полицейская литература.

Въ то время, какъ расточались одобренія продажной печати и наемнымъ писателямъ, — знаменитые умы, которые одни должны бы составлять честь этой выродившейся эпохи, подвергались преслѣдованіямъ. Наполеонъ часто повторялъ послѣ своего паденія, что еслибъ Корнель жилъ въ его время, то онъ возвелъ бы его въ княжеское достоинство: но въ продолженіе всего его царствованія оскорбляли и ссылали всѣхъ, кто въ своихъ произведеніяхъ обнаруживалъ хоть искру гордаго независимаго духа. Шатобріанъ расточалъ по-

хвалы „возстановителю алтарей“, а слѣдовательно еще ничего не сдѣлалъ, чтобъ заслужить его ненависть: самою блестящею для него наградою сочли назначеніе его на какое-то второстепенное мѣсто при римскомъ дворѣ. Но Бенжаменъ-Констанъ, Дону и Ренье были выгнаны изъ Трибуната и лишены возможности какъ писать, такъ и говорить. Госпожу Сталь сослали на два года за какой-то салонный разговоръ. Надѣясь при помощи осторожности и умѣренности заставить позабыть о себѣ, она въѣхала украдкою во Францію и пріютилась не въ Парижѣ, но въ деревнѣ въ десяти миляхъ отъ столицы у одной изъ своихъ подругъ близъ Булони на Оазѣ. Не прошло и мѣсяца, какъ ей грубо предъявили приказаніе выѣхать немедленно изъ Франціи. „Велите сказать ей, писалъ Бонапарте къ главному судьѣ: — что если чрезъ пять дней она не выѣдетъ, ее проводятъ до границы съ жандармами. Прибытіе этой женщины, подобно появленію зловѣщей птицы, служило всегда предзнаменованіемъ какого нибудь безпокойства. Мое намѣреніе таково, что она не должна оставаться во Франціи“ [28]).

Вотъ какимъ образомъ человѣкъ, который впослѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться чувствительнымъ филантропомъ на о. св. Елены, обращался съ геніальною женщиною, имя которой не умретъ столько же долго, какъ и французскій языкъ, и единственная вина заключалась въ томъ, что она любила свободу и имѣла гордую душу. За то онъ платилъ жалованье госпожѣ Жанлисъ, женщинѣ съ посредственнымъ умомъ, издавна привыкшей къ тонкому раболѣпію, и которая расточала ему однѣ похвалы. Мѣры болѣе общаго характера явились дополнить подобныя строгости, придавъ имъ настоящій видъ системы. Преслѣдованіе частныхъ лицъ можетъ уменьшаться, но учрежденіе остается; замѣчательнѣйшею изъ этихъ мѣръ было—*преобразованіе* Института. Мы уже

---

[28]) Бонапарте къ Ренье отъ 3 октября 1803 г. *Прим. автора.*

видѣли, что̀ Бонапарте разумѣлъ подъ преобразованіемъ; съ помощью этого слова, замѣняемаго иногда словомъ—очищеніе, онъ убилъ все, что имѣло еще въ государствѣ тѣнь независимости и жизненности. Преобразованіе Института имѣло цѣлью уничтоженіе класса *моральныхъ и политическихъ наукъ*, послѣднее убѣжище того, что онъ называлъ идеалогіею, т. е. убѣжище свободнаго обсужденія и обмѣна мыслей. которыя были противны Бонапарте. Что разумѣли подъ этими неблагозвучными выраженіями—*моральныя и политическія?* Что политика имѣла нѣчто спорное съ моралью? Какое значеніе имѣло слово *наука?* Что она признавала принципы, т. е. права и обязанности, что въ ней заключались вѣчныя истины внѣ фактовъ и недосягаемыя для грубой силы? Было необходимо не дозволять укореняться этимъ опаснымъ заблужденіямъ и разогнать этотъ родъ философскаго трибуната. Вслѣдствіе этого классъ моральныхъ и политическихъ наукъ былъ уничтоженъ, и въ Институтѣ оставили только четыре класса, заключавшіе въ себѣ различныя положительныя знанія, изящныя искусства, литературу и наконецъ исторію, подозрительную науку, преподаваніе которой отмѣнили и удерживались упразднить совершенно изъ уваженія къ предразсудкамъ вѣка. Члены Института получали по полторы тысячи франковъ содержанія, что имѣло цѣлью не столько обезпечить ихъ существованіе, какъ показать имъ относительную ихъ стоимость въ государствѣ. Образованіе сенаторій прибавило отъ 25 до 30 тысячъ франковъ къ содержанію сенаторовъ. Въ этомъ простомъ сближеніи литературы и ученые могли видѣть, какъ скромны были ихъ обязанности.

Сорокъ членовъ представляли прежнюю Французскую Академію въ новомъ Институтѣ. Нельзя не удивляться, что Бонапарте, столько заимствовавшій у прежняго правительства, не подумалъ возстановить просто эту Академію. Въ самомъ дѣлѣ это учрежденіе никогда не было враждебно деспотизму. Будучи учреждено монархіею и для монархіи, не-

обыкновенно благопріятствуя духу интриги, суетности, угодничества, не обладая серьезнымъ и возвышеннымъ честолюбіемъ, неспособная къ коллективному и послѣдовательному труду, столь блистательно узаконивающему существованіе ученой корпораціи, занятая исключительно мелочами, которыя умѣла облагораживать, роковая для соревнованія, которое имѣла притязаніе развивать, а въ сущности убивала компромисами и задачами, ему предлагаемыми, и расточа всю свою дѣятельность на этихъ дѣтскихъ турнирахъ, на которыхъ лесть, расточаемая другимъ, не болѣе какъ преждевременная награда, ожидаемая для себя—Французская Академія, казалось, получила отъ своихъ учредителей назначеніе спеціально преобразовать генія въ остроумца, и лишь съ трудомъ можно найдти талантъ, котораго она не умалила. Она всегда имѣла нѣчто сходное съ сенатомъ, о которомъ мечталъ Сьё; если она случайно и увѣнчивала геніальнаго человѣка, то для того, чтобъ *поглотить* его; овладѣвъ имъ, она немедленно ослабляла его, усыпляла и доводила до инерціи. Будучи противъ воли привлечена и къ политикѣ, она занималась ею и вмѣстѣ избѣгала, но любила въ особенности политическія сплетни, и если возвышалась до оппозиціи, то лишь въ качествѣ хранительницы старинныхъ предразсудковъ. Если разсмотрѣть вліяніе ея на національный умъ, то гибкость и лоскъ, которыхъ онъ не имѣлъ, но въ ущербъ его зрѣлыхъ и сильныхъ качествъ, въ ущербъ оригинальности, рѣшительной живости, силы, смѣлости и наивной граціи. Она его дисциплинировала, но сдѣлала болѣе мягкимъ, бѣднымъ и неподвижнымъ. Идеаломъ ея была пріятность, и она охотно подчинила бы ее *Искусству нравиться.* Она видѣла во вкусѣ не чувство прекраснаго, но извѣстный типъ правильности, которая не что иное, какъ щегольская форма посредственности. Она замѣнила величіе—пышностью, личное вдохновеніе школьными пріемами, простоту—изысканностью, натуральное изящество изученнымъ, разнообразіе — этотъ источникъ

умственнаго обновленія—литературнымъ правовѣріемъ, и въ произведеніяхъ, созданныхъ подъ ея вліяніемъ, вы встрѣчаете ритора и писателя, но никогда не видите человѣка.

По своему духу, преданіямъ, по всѣмъ историческимъ прецедентамъ, Французская Академіи была учреждена для того, чтобъ служить естественнымъ украшеніемъ большаго монархическаго общества, необходимымъ дополненіемъ его учрежденій. Ришелье задумалъ ее и учредилъ какъ родъ высшей централизаціи, примѣненной къ дѣламъ умственнымъ, какъ родъ высшаго литературнаго судилища, обязаннаго поддерживать интеллектуальное единство и дѣйствовать строго противъ всѣхъ нововведеній: она оправдала его довѣріе, осудивъ ересь въ *Сидѣ*, и оставалась съ тѣхъ поръ олицетвореніемъ государственной литературы. Всѣми этими качествами Академія не разъ обращала на себя вниманіе Бонапарте, который лучше кого бы то ни было могъ оцѣнить преимущество отличнаго устроеннаго высшаго Мандарината; онъ готовъ былъ возстановить ее со всѣми прежними привилегіями. Но противъ Сорока (члены фр. Акад.) говорила одна вещь, которую Первый Консулъ ненавидѣлъ наравнѣ съ свободою—это духъ. Безпокойный и любезный духъ французской націи въ продолженіе всего осьмнадцатаго вѣка имѣлъ въ Академіи самыхъ блестящихъ своихъ представителей, и прежнее правительство, не смотря на всю свою недовѣрчивость, не только благосклонно оставляло ее, а еще осыпало милостями. Наши прирожденные короли умѣли по крайней мѣрѣ выносить острое слово и не обладали безпокойною щепетильностью выскочекъ. Бонапарте, который не могъ терпѣть ума, этого вѣчнаго скептика, природнаго врага ложнаго величія и убійственнаго для шарлатанизма, и который преслѣдовалъ его даже въ безвредныхъ салонныхъ собраніяхъ Парижа, не имѣлъ желанія возвратить ему родъ судилища, гдѣ онъ господствовалъ съ такою славою. Академія, доведенная до скромной роли институтскаго класса, но лишенная какъ по-

лезности своего новаго условія, такъ и его обаянія, власти и пріятностей прежняго своего положенія, могла существовать въ таинственномъ полусвѣтѣ, сожалѣя о прежнихъ почестяхъ, но не смѣя прибѣгать къ утѣшенію, которое обыкновенно способствовало ей переносить часы съ философскимъ равнодушіемъ, къ утѣшенію эпиграммы.

Преобразованіе Института предшествовало лишь немного времени другому преобразованію, которое можно было считать совершоннымъ послѣ всѣхъ измѣненій, сдѣланныхъ относительно преимуществъ общественныхъ собраній; но кажется, что въ этомъ отношеніи ничто не могло удовлетворить Бонапарте до тѣхъ поръ, пока, переходя отъ реформы къ реформѣ, ему не удалось ихъ совершенно уничтожить. Очищеніе Трибуната, повидимому, истощило мѣру улучшеній, предназначенныхъ къ уничтоженію Законодательнаго Корпуса. Между тѣмъ, это было не такъ. 7-го января, при открытіи сессіи 1804 года, правительство сообщило этому собранію органическую сенатусъ-консульту, имѣвшую цѣлью, какъ говорили, придать ему блескъ и важность, подобающіе его высокому назначенію. Первый Консулъ хотѣлъ войдти въ прямыя сношенія съ представителями націи; сенатусъ-консультою постановлялось, что онъ лично и съ наибольшею пышностью откроетъ законодательную сессію, явится окруженный двѣнадцатью сенаторами и отдастъ на этотъ день губернатора своего дворца и свою консульскую гвардію въ распоряженіе собранія. Огромныя уступки, которыя правительство объявляло, какъ назначенныя къ открытію новой эры, сопровождались нѣкоторыми подробностями, объяснившими ихъ смыслъ и задачу. Первый Консулъ пожелалъ сдѣлать Законодательному Корпусу честь и лично избрать президента въ спискѣ пятисотъ кандидатовъ; любезность свою онъ простеръ до того, что хотѣлъ также назначить квесторовъ, и въ довершеніе милостей, рѣшилъ, „что когда правительство сдѣлаетъ Законодательному Корпусу сообщеніе, онъ можетъ

обсуждать свой отвѣтъ въ тайномъ комитетѣ.“ Наконецъ во избѣжаніе двусмысленности по поводу этого распоряженія, Трельяръ озаботился опредѣлить его: „Вы можете, сказалъ онъ: — предложить правительству, *которое васъ запроситъ* (т. е. когда оно васъ запроситъ), полную дань вашихъ чувствъ и знаній.“ Потомъ онъ постарался показать всѣ преимущества назначенія Первымъ Консуломъ президента. „Назначеніе это будетъ торжественнѣе, должность президента продолжительнѣе, званіе внушительнѣе.“ Буаси д'Англа поблагодарилъ правительство за столько благодѣяній, хотя товарищи его въ сущности и мало были этимъ очарованы; но осязательнымъ результатомъ этихъ краснорѣчивыхъ словъ было назначеніе Фонтана, которое ни чуть ненравилось большинству Законодательнаго Корпуса, и имѣло только 88 голосовъ изъ 239. Новый президентъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать свою признательность, привѣтствуя наступленіе лучшихъ временъ для нашихъ общественныхъ собраній: „Свобода, воскликнулъ онъ съ нѣкотораго рода увлеченіемъ: — возвращается въ національныя собранія подъ покровительствомъ разума и опытности!“ [29]).

Мѣра эта была обязательною предшественницею упраздненія Трибуната, которое только еще предполагалось. Бонапарте объяснился по этому случаю весьма категорически въ Государственномъ Совѣтѣ. Трибунатъ былъ безполезнымъ механизмомъ, когда не представлялъ опасности; онъ долженъ былъ войдти въ составъ Законодательнаго Корпуса, которому самому предстояло только вотировать налоги и гражданскіе законы. Такъ какъ правительство было единственнымъ представителемъ націи, то Законодательному Корпусу нечего было заниматься политикою. Кромѣ того, дѣятельности Сената было достаточно для законодательныхъ работъ. Сессіи отъ четы-

---

[29]) Засѣданіе 12-го января 1804 г. *Парламентскіе Архивы.*
Прим. автора.

рехъ до шести недѣль—вотъ все, что потребно Законодательному Корпусу.

Такимъ образомъ шло, съуживаясь безпрестанно, это упрощеніе деспотизма, который убиваетъ вокругъ себя все, никогда не замѣчая, что онъ дѣлается одинокимъ и разрушаетъ собственныя подпоры. Другая сенатусъ-консульта упрощала юстицію, отмѣняя жюри въ осьми департаментахъ, въ силу права, созданнаго знаменитымъ закономъ о *специальныхъ трибуналахъ*. Главный судья въ рѣчи, обращенной къ кассаціонной палатѣ, далъ замѣтить, что рано или поздно мѣра эта будетъ обобщена и распространена на всю Францію. Мюрэръ по этому же обстоятельству представилъ картину улучшеній, желательныхъ въ законодательствѣ, и безпощадно порицалъ снисходительность, которою жюри считали обязанностью пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ: „Уголовные трибуналы, сказалъ онъ:—произнесли въ пользу нѣсколькихъ важныхъ преступниковъ оправдательные вердикты; но это должно быть отнесено къ малодушію, опорѣ невѣжеству и преступленію подолжности [30]).

Что можно думать о гарантіяхъ и независимости юстиціи, съ которою правительство могло обращаться такимъ позорнымъ образомъ? Вердикты, вызвавшіе столь сильное неудовольствіе, относились къ преступленіямъ по поводу конскрипціи. Снисходительность въ этомъ случаѣ казалась ему прямымъ и вопіющимъ заговоромъ противъ его власти. Конскрипція дѣйствительно служила важною пружиною для его правительства: „Рекрутскій наборъ, писалъ онъ къ Бертье въ 1803 г.,—первое и важнѣйшее дѣло въ государствѣ“ [31]). Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ изъ этого главный предметъ своей заботливости. Весьма уже строгіе законы о конскрипціи показались ему снисходительными до слабости; онъ по-

---

30) *Монитеръ* отъ 28 сентября 1803 г. *Прим. автора.*

31) Бонапарте къ Бертье 13 декабря 1802 г. *Прим. автора.*

старался уменьшить причины увольненія отъ рекрутства и почти превратилъ въ мечтаніе причину малаго роста. По поводу послѣдней категоріи онъ учредилъ вольтижерскія роты и въ короткое время удвоилъ продуктъ рекрутчины. Онъ хотѣлъ, чтобъ наборъ моряковъ начинался съ десяти или двѣнадцатилѣтняго возраста, и чтобъ люди всю жизнь были обязаны къ этой службѣ [32]); но потребность въ людяхъ, въ которой вскорѣ возъимѣли нужду его сухопутныя арміи, заставляла его упустить изъ виду эти намѣренія относительно флота Такъ какъ префекты не въ состояніи были заставить народъ оцѣнить благодѣянія конскрипціи, то къ нимъ на помощь должны были явиться епископы съ своими пастырскими посланіями, и вскорѣ консульскій указъ увеличилъ мѣру существовавшихъ уже наказаній относительно бѣглыхъ рекрутъ. Дезертиръ, унесшій оружіе, приговаривался къ смертной казни. Другія мѣры наказанія заключались въ тасканіи прицѣпленнаго пушечнаго ядра, публичныхъ работахъ и денежной пенѣ во всякомъ случаѣ.

Однакоже гигантское предпріятіе, служившее предлогомъ или поводомъ къ большей части этихъ мѣръ, подвигалось такъ медленно, какъ и не предполагали. Первое движеніе сосредоточить отдѣльно часть флотиліи въ Булони совершилось успѣшно, благодаря батареямъ, унизывавшимъ наше побережье; плоскодонныя суда, сидѣвшія неглубоко, могли исполнить свой маневръ безъ затрудненія, слѣдуя вдоль берега внѣ выстрѣловъ англійскихъ орудій. Но этотъ столь легкій походъ и по поводу его небольшія схватки съ нѣсколькими непріятельскими кораблями,—открыли въ организаціи нашей флотиліи бездну неудобствъ, которыхъ до тѣхъ поръ не подозрѣвали сами спеціалисты, и которыя заставляли опасаться тѣхъ, какія могли обнаружиться въ открытомъ морѣ: къ несчастью, въ послѣднихъ можно было убѣдиться лишь тогда,

---

[32]) Тибодо. *Прим. автора.*

когда уже всякая помощь безполезна. Пришлось передѣлать устройство трюма, перемѣнить не только калибръ орудій, но лифеты и размѣщенье ихъ на судахъ, и выранжировать часть плоскодонныхъ судовъ, признанныхъ негодными еще до службы, и замѣнить другими. Первый Консулъ, употребившій болѣе половины ноября на осмотръ всего въ Булони и на то, чтобъ все привести лично въ порядокъ, даже до того, чтобъ приказать солдатамъ и матросамъ прокричать три раза „виватъ Первый Консулъ!" — что служило отличнымъ средствомъ для возбужденія энтузіазма [33]), не замедлилъ убѣдиться въ необходимости отсрочки. Онъ теперь началъ понимать, что флотиліи, предоставленной своимъ силамъ, было недостаточно, и рѣшился придать ей помощь нашихъ эскадръ; но изъ письма его къ Гантому [34]) и изъ различныхъ сообщенныхъ ему комбинацій видно, что планъ его, по которому долженствовало быть исполнено это содѣйствіе, былъ еще нерѣшителенъ. Онъ назначалъ конецъ февраля какъ удобный моментъ для этой диверсіи нашихъ эскадръ тулонской, брестской и рошфорской въ помощь флотиліи, но срокъ этотъ очевидно былъ преждевременный, и онъ не могъ надѣяться быть готовымъ ранѣе окончанія весны, чтобъ рѣшиться на эту важную попытку. Соединеніе тулонской и рошфорской эскадръ должно было совершиться или въ Кадиксѣ, или въ Лиссабонѣ, или въ самомъ Тулонѣ; онѣ могли потомъ безнаказано пройдти мимо Бреста на глазахъ у Корнуэльса, обязаннаго держаться у берега для блокады этого порта, а оттуда направиться въ Булонь. Но для успѣшнаго исполненія этого плана надобно было предположить, что Нельсонъ, обманутый фальшивыми демонстраціями, отплылъ къ Египту; кромѣ того необходимо было обмануть бдительность британскихъ крейсеровъ, наблюдавшихъ французскіе и испанскіе берега. По всѣмъ вѣроя-

---

[33]) Бонапарте къ Декре отъ 1 января 1804 г. *Прим. автора.*
[34]) Бонапарте къ Гантому отъ 7 декабря 1803 г. *Прим. автора.*

тіямъ, лишь къ концу ноября Бонапарте началъ предвидѣть возможность соединенія нашихъ флотовъ въ Антильскомъ морѣ, откуда они должны были придти въ Булонь, и мысль эта, безъ сомнѣнія, была внушена его совѣтникамъ изъ необходимости подать помощь Мартиникѣ, покрайней мѣрѣ въ это время, т. е. 29 декабря 1803 г. Гантомъ получилъ приказаніе плыть въ Мартинику и отвезти туда подкрѣпленіе. Соединеніе на такомъ разстояніи было не только менѣе опасно, но обезкураживало непріятеля, устраняло преслѣдованіе и давало намъ надъ его разрозненными силами преимущество, вытекающее изъ сосредоточенныхъ силъ и точно опредѣленной цѣли.

ГЛАВА III.

Заговоръ Жоржа и Пишегрю. — Убійство герцога Энгіенскаго. — Смерть Пишегрю.

Не смотря на всѣ усилія Перваго Консула къ сильнѣйшему возбужденію общественнаго мнѣнія, ему приходилось откладывать. Его планы политическаго преобразованія, сильно подчиненные военнымъ, не встрѣчали никакого прямаго сопротивленія; но имъ противилась сила или скорѣе инерція вещей. Послѣ первыхъ минутъ нѣсколько искусственнаго воинскаго опьянѣнія, нація мало по малу возвратилась къ своей апатіи; англійская экспедиція тянулась медленно и давала предвидѣть новыя отсрочки; безпокойная и враждебная Европа слѣдила за нашими движеніями и была готова воспользоваться нашими ошибками. Подобное положеніе было не очень утѣшительно; оно допускало умамъ свободу успокоиться и одуматься, и въ особенности не представляло никакого предлога, который оправдалъ бы новый захватъ, какого чрезвычайно хотѣлось Бонапарте. Чтобъ имѣть право потребовать столь давно и столь пламенно желанной короны, ему были необходимы—или обаяніе огромнаго успѣха, или оправданіе по поводу какого нибудь громаднаго внутренняго потрясенія. Ему не представлялось однакожъ ни то, ни другое. Въ этотъ-то критическій моментъ разсчеты его, вспо-

моществуемые неосторожностью и безуміемъ его враговъ, доставили ему предлогъ, въ которомъ онъ нуждался.

Можно смѣло утверждать, что ни одна эпоха нашей исторіи не подвергалась болѣе полной и болѣе дерзкой поддѣлкѣ, какъ эпоха, относящаяся до заговора Жоржа, до трагической кончины герцога Энгіэнскаго и до процесса Моро. Никогда болѣе низкія интриги не были окутаны болѣе непроницаемою тайною; и это объясняется весьма легко, если принять во вниманіе, сколько могущественныхъ личностей имѣли интересъ умалить свою роль, дать другое направленіе своимъ намѣреніямъ и уничтожить слѣды ихъ дѣйствій. Если представить себѣ удобства, какими онѣ пользовались для уничтоженія доказательствъ, могшихъ служить къ ихъ обвиненію, насильственное молчаніе прессы, отсутствіе контроля и всякой гласности, и страхъ, господствовавшій надъ обществомъ, то нельзя еще не удивляться, что онѣ оставили намъ столько матерьяловъ для изысканій. Давно уже извѣстно, что въ нашихъ архивахъ нѣсколько разъ рылись главныя заинтересованныя лица, что нѣкоторые документы уничтожены, другіе подмѣнены, такъ что мы можемъ судить о виновныхъ лишь по даннымъ, какія они заблагоразсудили намъ оставить, да по тѣмъ, какія ускользнули отъ ихъ проницательности. Но и эти документы закрыты для насъ отчасти, ибо правительство, хранящее ихъ неизданными, считаетъ себя хозяиномъ и раздавателемъ исторической истины; однако сомнительно, чтобъ можно было жаловаться на это запрещеніе, по крайней мѣрѣ касательно Бонапарте. Человѣкъ, приказавшій похитить изъ архивовъ всѣ данныя, относившіяся до маренгской битвы, чтобъ замѣнить ихъ бюллетенемъ, составленнымъ по своему чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ событія, не долженъ былъ оставить въ нихъ много свидѣтельствъ о своихъ дѣлахъ, несравненно менѣе лестныхъ для него.

Ко всѣмъ этимъ затемненіямъ присоединяется еще и ложь, искусно разсѣянная съ цѣлью обмануть потомство. Вымыслы эти были нѣкоторымъ образомъ освящены продолжительнымъ и общимъ согласіемъ; они составляютъ часть наполеоновской легенды. Въ первомъ ряду этихъ вымысловъ необходимо помѣстить различные разсказы, фабрикованные на о. св. Елены подъ внушеніемъ Наполеона, и записки Савари, герцога Ровиго; наиболѣе влiятельные историки наши, по видимому, имѣли въ предметѣ только развивать тему, данную имъ этимъ двойнымъ преданіемъ. Безъ сомнѣнія, нельзя отвергать никакого свидѣтельства безъ серьезнаго разсмотрѣнія: хотя разсказы, фабрикованные на о. св. Елены, и наполнены явными и осязательными вымыслами, однако ихъ не слѣдуетъ отвергать положительно, потому что въ нихъ заключаются драгоцѣнныя признанія, и самыя ихъ выдумки много говорятъ о характерѣ того, кто ихъ сочинилъ. Ихъ совершенное сходство какъ во лжи, такъ и въ истинѣ служитъ также неоспоримымъ доказательствомъ происхожденія ихъ отъ главнаго актера, и заслуживаютъ обсужденія, какъ собственное его свидѣтельство о самомъ себѣ. Но кромѣ свѣдѣній, сочиненныхъ послѣ событій, есть тамъ, къ счастью, и нѣкоторое количество фактовъ, не подверженныхъ ни малѣйшему сомнѣнію; достаточно ихъ возстановить и разобрать, чтобъ обрушилась эта трудная постройка. Конечно, они не могутъ дать намъ полнаго свѣта, тѣмъ не менѣе они достаточно убѣдительны, чтобъ придать событіямъ общую физіономію и ихъ истинное значеніе. Первою обязанностью строгой критики принимать лишь доказанные факты; но именно потому, что она извлекаетъ объясненныя данныя, часто случается, что она въ то же время озаряетъ новымъ свѣтомъ тѣ, которыя были въ тѣни. Исторія дѣлается тогда какъ бы надписью, въ которой недостаетъ нѣсколькихъ буквъ, но которыя легко возстановить опытному археологу.

Многочисленные враги консульскаго правительства были поочередно смущены блескомъ его успѣховъ, и поражены быстротою и силою его дѣйствій; разрывъ съ Англіею возвратилъ имъ нѣкоторую надежду. Но чувство это, сдерживаемое въ Парижѣ очевидною невозможностью какого бы то ни было сопротивленія и ограничиваемое выжиданіемъ, дошло вскорѣ до опьянѣнія у заграничныхъ противниковъ правительства, въ особенности у эмигрантовъ, жившихъ въ Англіи. Внутри Франціи вожди военной и гражданской оппозиціи, какъ Моро, Бернадоттъ, Карно, Лафайеттъ, знаменитые изгнанники Трибуната, были слишкомъ прозорливы, чтобъ надѣяться чего нибудь отъ націи равнодушной и всему покорной; но они вѣрили, что добро современемъ можетъ возникнуть изъ крайняго зла, и въ глазахъ ихъ было вѣрнѣе всего предоставить этому правительству погубить себя невыносимою наглостью его пріемовъ и слѣпою дерзостью политики. За границею, благодаря оптическому обману, который сбиваетъ эмигрантовъ и заставляетъ ихъ вѣрить въ то, чего они сами желаютъ, всѣ затрудненія упрощались отличнымъ образомъ. Увлеченные воинственнымъ движеніемъ, которое они видѣли вокругъ себя, эмигранты, жившіе въ Англіи, смотрѣли на него какъ на неизбѣжность; они забывали силу своего страшнаго противника, безумно преувеличивали его затрудненія, предсказывали близкое паденіе и требовали немедленнаго дѣйствія. Легкомысленный и недальновидный графъ Артуа поддерживалъ ихъ химеры и раздѣлялъ ихъ нетерпѣніе. Вокругъ его собрались нѣсколько принцевъ его семейства, герцогъ Беррійскій, принцъ Конде, и люди, которыхъ преданность, умъ и энергія—заслуживали лучшаго употребленія; пылкіе и отважные дворяне, оставшіеся вѣрными королевскому дѣлу, не смотря на заискиванія Бонапарте, какъ Полиньякъ, Ривьерь, Йомениль, Дюрфоръ, Водрель; старинные слуги, какъ Бертранъ Моллевиль, графъ скаръ, аррасскій епископъ; отважные, закаленные партизаны,

какъ Жоржъ Кадудаль; наконецъ выкидыши нашихъ революціонныхъ бурь, какъ Вилло, Дюмурье, Пишегрю. Всѣ эти люди различныхъ мнѣній и даже интересовъ, соединенные единственно лишь общею ненавистью и желаніемъ снова увидѣть отечество, осаждали своими совѣтами и планами англійскій кабинетъ, который, къ сожалѣнію, имѣлъ интересъ ободрять ихъ съ цѣлью образовать диверсію внутри края.

Въ Германіи существовалъ другой центръ эмигрантовъ, душою котораго былъ графъ Прованскій; но послѣдній, будучи дальновиднѣе своего брата, нѣсколько разъ порицалъ неблагоразуміе, единственнымъ явнымъ результатомъ котораго была неудача Киберона и уничтоженіе Вандеи. Онъ ожидалъ спасенія отъ болѣе общихъ причинъ, отъ ошибокъ Перваго Консула, отъ скрытыхъ, но постоянныхъ усилій европейской дипломатіи возобновить великую коалицію. Онъ поддерживалъ сношенія съ парижскимъ комитетомъ; но этотъ скромный комитетъ, писавшій болѣе, чѣмъ дѣйствовавшій, имѣлъ скорѣе характеръ агентства справокъ, нежели агентства веденія заговора. Весьма уже замѣтныя политическія неудовольствія обоихъ братьевъ еще усиливали разность ихъ взглядовъ относительно предстоявшей борьбы съ Бонапарте. На новое королевство и на уступки, которыя необходимо было сдѣлать принципамъ и интересамъ революціи, графъ Прованскій смотрѣлъ иначе, нежели графъ Артуа, который въ этомъ отношеніи оставался при брауншвейгскомъ манифестѣ. Но по этой самой причинѣ вся воинственная и пылкая партія эмиграціи тѣснилась вокругъ графа Артуа; ибо для битвы прежде всего необходимы страсти.

Въ совѣтахъ графа Артуа были поочередно обсуждаемы и отвергаемы весьма разнообразные планы. Недавно еще печальные и кровавые уроки доказали безполезность движенія въ Вандеѣ, предположивъ, что было еще возможно возбудить минутное возстаніе въ этой истощенной провинціи. Мятежъ могъ тамъ поддерживаться нѣкоторое время цѣною герои-

ческихъ усилій, но онъ былъ тамъ сосредоточенъ роковымъ образомъ и не могъ имѣть никакого воздѣйствія на сосѣднія провинціи. Съ другой стороны—служба эмиграціи въ качествѣ вспомогательнаго корпуса иностраннымъ арміямъ была еще недѣйствительнѣе; въ особенности она была мало пропорціональна важности, какую ей приписывали. Притомъ эмигранты были весьма малочисленны, чтобъ оказать какое нибудь вліяніе на исходъ сраженія; а надѣяться освобожденія помощью войны — значило обрекать себя на долгое выжиданіе. Остановились на средствахъ, болѣе удобныхъ удовлетворить людей, сгаравшихъ нетерпѣніемъ дѣйствовать поскорѣе. Если хотѣли навѣрное достигнуть цѣли, то необходимо было не на окраинахъ, а въ самомъ центрѣ поразить эту власть, которая поглотила все вокругъ себя. Всѣ знали, что въ арміи было много недовольныхъ генераловъ: одни изъ личныхъ поводовъ, ибо деспотизмъ оканчиваетъ всегда тѣмъ, что оскорбляетъ людей, которыхъ долженъ бы щадить для собственной выгоды, — другіе потому, что не одобряли дѣйствій правительства. Прежде всего надобно было заручиться помощью этихъ дѣятельныхъ людей, примѣръ и иниціатива которыхъ должны были увлечь болѣе робкихъ оппозиціонеровъ, таившихся вездѣ понемногу, даже среди самаго Сената. Эмиграція, съ помощью этихъ генераловъ и средствъ, на которыя она разсчитывала, льстила себя надеждою возбудить въ самомъ Парижѣ движеніе на столько сильное, чтобъ низвергнуть консульское правительство. Таковъ былъ въ первоначальномъ видѣ этотъ знаменитый планъ, который немедленно удостоился одобренія англійскаго кабинета.

Планъ этотъ заключалъ въ себѣ многія неудобства; но важнѣе всего — онъ былъ внушеніемъ французской полиціи. Фактъ этотъ, иногда заподозрѣнный, чаще отвергнутый, подтверждается однакоже офиціально сочиненіемъ, изданнымъ въ апрѣлѣ 1804 г. французскимъ правительствомъ подъ за-

главіемъ: „Союзъ французскихъ якобинцевъ съ англійскими министрами“ *(Alliance entre les Jacobins français et les minisrtes anglais)*. Памфлетъ этотъ принадлежитъ знаменитому Меге де-ла-Тушъ, старинному септамбризеру, сосланному въ качествѣ якобинца по дѣлу покушенія въ нивозѣ, потомъ бѣжавшему съ о. Олерона и скрывшемуся въ Англіи, гдѣ онъ ухитрился получать субсидіи въ одно и то же время, какъ агентъ ройялистскаго дѣла и какъ шпіонъ консульской полиціи. Меге разсказываетъ здѣсь о своихъ сношеніяхъ съ эмигрантами, хвастая своимъ безславіемъ. Укрывшись въ Англіи съ декабря 1802 г. и будучи принятъ министромъ Пельгэмомъ и Бертраномъ де-Моллевилемъ, онъ сообщилъ имъ записку, въ которой доказывалъ, что Бонапарте могъ быть низверженъ лишь коалиціею эмигрантовъ съ французскими республиканцами; выставилъ подробныя условія этого союза и способы возстанія. Планъ его не былъ принятъ безусловно, но сдѣлался основною мыслью намѣренія ройялистовъ; Меге былъ вознагражденъ, и французская полиція, благодаря ему и другимъ агентамъ, которыхъ она содержала, получала свѣдѣнія обо всемъ, что затѣвалось въ совѣтахъ эмигрантовъ.

Необходимымъ предисловіемъ къ этимъ честолюбивымъ замысламъ было—привлечь генерала Моро на сторону эмиграціи. Изъ всѣхъ недовольныхъ, Моро былъ не только знаменитѣе, почтеннѣе и популярнѣе, но единственный человѣкъ, примѣръ котораго могъ увлечь въ столь рискованное предпріятіе отличныхъ генераловъ, которые однакожъ ничего не могли сдѣлать безъ него, какъ Бернадоттъ, Макдональдъ, Сугамъ, Дельма и другіе, расположеніе которыхъ было извѣстно. Повидимому, нашли вѣрное средство заставить его вступить въ заговоръ генерала Пишегрю, бывшаго ему другомъ и покровителемъ. Странный этотъ человѣкъ, который останется самою загадочною личностью въ исторіи, укрылся въ Лондонѣ послѣ своего чудеснаго бѣгства изъ Кайены, куда

онъ былъ отправленъ въ ссылку послѣ фруктидора. Будучи вычеркнутъ Наполеономъ изъ числа немногихъ страдальцевъ, пережившихъ ссылку, которымъ дозволено было возвратиться въ отечество, Пишегрю послѣ долгихъ несчастій и многочисленныхъ бѣдствій, которыя сломили бы душу менѣе сильную, очутился наконецъ среди людей, для которыхъ промѣнялъ роль генерала-патріота на роль перебѣжчика. Онъ началъ второе искупленіе, которое долженствовало быть еще печальнѣе перваго. Какому именно поводу, какому тайному побужденію слѣдовалъ онъ вначалѣ, когда званіе перваго республиканскаго солдата промѣнялъ на двусмысленное положеніе хитраго агента Конде? До какой степени могъ онъ заблуждаться? Въ какой мѣрѣ дѣйствовали на него честолюбіе, подкупъ, уныніе, ослѣпленіе заблудшаго патріотизма — вѣроятно останется навсегда загадкою. Одинъ уже страхъ подобнаго смущенія долженъ быть достаточенъ, чтобъ заставить попятиться человѣка, въ моментъ, когда его убѣждаютъ впутаться въ подобную интригу, ибо самое сомнѣніе здѣсь—есть уже осужденіе. Относительно Пишегрю сомнѣніе было бы излишнею снисходительностью, и память его не могла бы ею воспользоваться, ибо въ поведеніи его есть обстоятельства, неоправдываемыя никакимъ намѣреніемъ. Онъ обладалъ замѣчательными качествами, которыя признавали въ немъ даже самые враги его; онъ соединялъ рѣдкое хладнокровіе съ энергіею характера; что бы ни говорили о его взяточничествѣ, онъ остался бѣднякомъ послѣ завоеванія Голландіи, и простота его привычекъ и образа жизни не допускаетъ приписывать низкому корыстолюбію его отступничество; но, предположивъ все это, необходимо будетъ объясненіе, какимъ образомъ протеже и повѣренный Сенъ-Жюста, любимый генералъ террористской демократіи, могъ, почти безъ перехода, сдѣлаться орудіемъ Конде и по первому знаку, поданному имъ хитрымъ Фошъ Борелемъ. Быстрота этой перемѣны уже сама по себѣ представляетъ не

разрѣшимую задачу, потому что есть извѣстный предѣлъ вѣрности къ самому себѣ, независимо отъ той, которою обязаны принципамъ; но какимъ образомъ оправдать продолжительное лицемѣріе? Безъ сомнѣнія, умы тогда чувствовали усталость, и революція замарала себя такими излишествами, что начинали уже не вѣрить ей болѣе; но предположивъ, что это сильнѣе подѣйствовало на рѣшимость Пишегрю, нежели обѣщанія, съ помощью которыхъ старались подстрекнуть его честолюбіе, все-таки онъ имѣлъ порученіе отъ правительства, которому измѣнялъ; все-таки онъ былъ воинъ, убѣгавшій отъ своей обязанности, показывая видъ, что служилъ ей; искренность намѣреній здѣсь не ведетъ ни къ чему, и честь и совѣсть справедливо протестуютъ противъ гнусности подобной роли.

У Моро у перваго были въ рукахъ доказательства сношеній Пишегрю съ принцемъ Конде: сперва онъ не хотѣлъ обнаружить ихъ, не считая болѣе Пишегрю опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ начальствованіе, презирая роль доносчика и при томъ удерживаемый воспоминаніями старинной дружбы. Но въ моментъ совершенія фруктидорскаго государственнаго переворота, будучи убѣжденъ, что тайна не могла сохраниться долѣе, потому что всѣ его главные офицеры читали эту обвинительную переписку, онъ не донесъ Директоріи на Пишегрю, какъ это часто говорятъ, но отослалъ захваченныя бумаги директору Бартелеми,—который, какъ ему было извѣстно, благопріятствовалъ генералу,—предоставляя ему сдѣлать изъ нихъ употребленіе, какое найдетъ удобнымъ. Бартелеми самъ пострадалъ, бумаги попали въ руки его товарищей, и Моро поплатился долговременнымъ бѣдствіемъ, перенесеннымъ благородно, за нерѣшимость, принципъ которой дѣлалъ ему честь. Хотя обвинительныя доказательства, доставленныя имъ противъ Пишегрю, были совершенно излишни въ виду тѣхъ, какія предъявилъ Директоріи Бонапарте для погубленія этого генерала,

однако этотъ добрый отъ природы и благородный человѣкъ упрекалъ себя за невольное участье въ этомъ печальномъ событіи, ибо многіе невинные люди были вовлечены въ преступленіе Пишегрю. Несчастія этого генерала, воспоминаніе о его заслугахъ, объ опасностяхъ, которыя дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ, объ общихъ трудахъ, объ амнистіи, распространенной впослѣдствіи на многихъ ссыльныхъ, менѣе заслуживавшихъ участья, чѣмъ побѣдитель Голландіи, все это заставляло Моро желать, чтобъ изгнаннику были возвращены если не прежнія почести, покрайней мѣрѣ пріютъ въ странѣ, которую онъ спасъ.

Когда въ Лондонѣ узнали объ этихъ чувствахъ, немедленно рѣшились ими воспользоваться для примиренія обоихъ генераловъ, которое должно было быстро повести ихъ къ болѣе полной пріязни. Зная недовольство Моро и его крайнее нерасположеніе къ консульскому правительству, заключили, что онъ былъ готовъ служить ройялистскому заговору; и посредники изъ хвастовства или изъ собственнаго легковѣрія ничего не сдѣлали, чтобъ разсѣять это недоразумѣніе. Дѣйствительно сильно обманывались, приписывая Моро подобное расположеніе. Въ основаніи Моро оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ при началѣ революціи. Онъ оставался патріотомъ 89-го, волонтеромъ 92 годовъ. Ослѣпленный своимъ неудовольствіемъ, онъ, какъ и многіе честные люди, неосторожно содѣйствовалъ 18 брюмэра, но скоро созналъ свою ошибку, и послѣ своей великолѣпной Гогенлинденской кампаніи, жилъ почти въ совершенномъ уединеніи, не смотря на весь интересъ, какой имѣлъ щадить Перваго Консула, и зная, что удаленіе его считалось преступленіемъ. Будучи далекъ отъ мечтаній о реставраціи, онъ въ новомъ правительствѣ порицалъ именно тѣ учрежденія, которыя напоминали старое, какъ напримѣръ Конкордатъ и Орденъ Почетнаго Легіона. Въ этомъ можно сослаться на свидѣтельство тѣхъ, которые болѣе всего сдѣлали для того, чтобъ очернить его память;

врагъ его Савари утверждаетъ, что Моро „былъ добросовѣстный республиканецъ и чувствовалъ только отвращеніе къ Вандейцамъ“ [35]). Одинъ изъ директоровъ консульской полиціи, Демаре, свидѣтельствуетъ еще сильнѣе [36]): „Роль Монка [37]), пишетъ онъ:—одна изъ тѣхъ, къ которой Моро менѣе всего чувствовалъ расположенія.... Какъ было далеко отъ его неудовольствія или отъ ненависти къ рѣшенію о ниспроверженіи, или еще болѣе къ самому дѣйствію!“ Но можно привести по этому поводу мнѣніе человѣка болѣе достойнаго освѣтить судъ исторіи. Лафайетъ разсказываетъ, что когда онъ сломалъ себѣ ногу въ мартѣ 1803 г., онъ получилъ множество трогательныхъ доказательствъ участья Моро, который каждый день присылалъ къ нему освѣдомляться о здоровьѣ. Въ это время онъ часто видѣлся съ нимъ и въ особенности припоминаетъ разговоръ, въ которомъ они обсуждали всѣ шансы будущаго. Моро выражался безъ обиняковъ о тираніи Бонапарте, потомъ, перебравъ поочередно различныя партіи: „Бурбоны, сказалъ онъ:—сдѣлались слиш-

---

[35]) Записки герцога Ровиго. *Прим. автора.*

[36]) *Пятнадцать лѣтъ высшей полиціи при Наполеонѣ.* *Прим. автора.*

[37]) Монкъ (Джоржъ), англійскій генералъ, род. въ Девоншайрѣ въ 1608 и умершій въ 1670 г., началъ свое военное поприще въ битвахъ съ испанцами во Фландріи. Во время междоусобныхъ войнъ, онъ стоялъ сперва за короля и Карломъ I былъ произведенъ въ генералъ-маіоры ирландской бригады; но, будучи взятъ въ плѣнъ Ферфаксомъ и посаженъ въ Лондонскую башню (1644), онъ получилъ свободу только съ условіемъ вступить на службу въ парламентскую армію. Въ то время онъ выказывалъ совершенную преданность Кромвелю и сдѣлался самымъ страшнымъ противникомъ ройялистской партіи; онъ разбилъ голландцевъ на морѣ (1653), покорилъ шотландцевъ и былъ назначенъ шотландскимъ генералъ-губернаторомъ. Но послѣ смерти Кромвеля онъ сблизился съ ройялистами, вступилъ въ Англію во главѣ своей арміи, былъ принятъ какъ освободитель, велѣлъ разогнать Долгій Парламентъ и провозгласилъ Карла II (1660). Король осыпалъ его почестями, наградами и возвелъ въ званіе герцога Альбемарльскаго. Онъ былъ похороненъ въ Уэстминстерѣ съ королевскою пышностью. *Прим. перев.*

комъ презрительны, чтобъ быть опасными" и въ формѣ заключенія прибавилъ: „Во всякомъ случаѣ мы увѣрены съ вами, что встрѣтимся и будемъ дѣйствовать вмѣстѣ, *ибо я всегда думалъ одинаково съ вами и желалъ того же, что и вы.*"

Слова эти служили точнымъ выраженіемъ политическихъ мнѣній Моро, какъ и всей здравомыслящей части націи. Не смотря на его крайнюю осторожность, чувства его были очень хорошо извѣстны при консульскомъ дворѣ и не мало способствовали къ усиленію ненависти, которую питалъ къ нему Бонапарте, со времени знаменитыхъ его военныхъ успѣховъ 1800 г. Первый Консулъ ненавидѣлъ въ немъ не только соперника въ славѣ, но объявленнаго преемника, единственнаго человѣка, на котораго общественное мнѣніе смотрѣло какъ на возможнаго главу правительства на случай катастрофы. Не бывъ въ состояніи задобрить его, онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы отъ него отдѣлаться, ибо онъ смотрѣлъ какъ на врага на каждаго, кто не былъ ему другомъ. Но Моро жилъ въ уединеніи, не подавая никакого повода къ преслѣдованію, и къ обвиненію его служили только выдумки, которыя не могли представлять оружія достаточнаго для пораженія человѣка, стоявшаго такъ высоко въ общественномъ мнѣніи. Но ничего не вѣроятнаго не заключала въ себѣ надежда, что человѣкъ, бывшій на такомъ счету и находившійся въ положеніи собрать вокругъ себя волею-неволею всѣ оппозиціи, рано или поздно дастъ себя вовлечь въ какое нибудь компрометирующее, покрайней мѣрѣ, по наружности, предпріятіе; вотъ причина самаго бдительнаго надзора, какому онъ подвергался со стороны консульской полиціи. Къ офиціальному шпіонству необходимо еще присоединить неустанныя развѣдки Фуше, такого же, какъ и онъ бретонца, дружнаго съ его секретаремъ Френьеромъ, и который велѣлъ наблюдать за нимъ своимъ землякамъ, въ надеждѣ выслужиться передъ Первымъ Кон-

суломъ, сообщивъ ему какое нибудь важное открытіе. Благодаря этимъ средствамъ, полиція знала все, что говорилось у Моро, и готова была воспользоваться первою неосторожностью послѣдняго, чтобъ погубить его.

Такъ строго и бдительно наблюдали за Моро, когда, къ его несчастью и къ несчастью дѣла, которому онъ служилъ, ройялистскій комитетъ въ Лондонѣ возъимѣлъ гибельную мысль воспользоваться его природнымъ великодушіемъ—примиривъ его съ Пишегрю и потомъ увлечь къ цѣли, къ которой хотѣли привести его. Фошъ Борель, дерзкій и сильный соблазнитель, первый вступившій съ нимъ въ сношенія отъ имени Бурбоновъ, прибылъ въ Парижъ, представился Моро и получилъ отъ него увѣренія участья и дружбы къ старинному сотоварищу по оружію, но ничего больше. Онъ самъ признается въ своихъ чрезвычайно интересныхъ запискахъ, гдѣ между множествомъ вѣрныхъ данныхъ попадаются вымыслы, надиктованные тщеславіемъ, „что Моро не хотѣлъ участвовать въ заговорѣ.“ Фошъ былъ арестованъ вскорѣ послѣ этого свиданія и въ доказательство, какъ хорошо было правительству извѣстно его порученіе — можно привести, что первый вопросъ былъ сдѣланъ ему касательно генерала Моро. Тогда проэктъ примиренія былъ порученъ ройялистскому агенту, аббату Давиду, знавшему лично обоихъ генераловъ. Будучи извѣщена, полиція полагала на этотъ разъ захватить компрометирующія доказательства, и аббатъ Давидъ былъ схваченъ въ Калэ со всѣми бумагами, въ моментъ, когда онъ собирался отплыть въ Англію. Между этими бумагами нашли доказательства предполагавшагося примиренія Моро съ Пишегрю, и между прочимъ письмо Моро, фигурировавшее впослѣдствіи въ его процессѣ, и въ которомъ онъ увѣрялъ Давида, что *никогда не противился возвращенію Пишегрю* и былъ готовъ *устранить препятствія, которыя замедляли его.* Захвачены были также дружескія письма Макдональда и Бартелеми къ старинному

другу, но ничего похожаго на заговоръ. „При этомъ извѣстіи, Моро былъ взволнованъ, говоритъ офиціальный рапортъ, въ которомъ подтверждались эти факты [38]): — и онъ старался узнать, извѣстно ли это правительству.—*Все умолкло.*“ И тутъ же прибавлена знаменательная фраза: „*глазъ полиціи слѣдилъ за каждымъ шагомъ непріятельскихъ агентовъ.*“

Но полиція не только наблюдала за ними, она дѣлала лучше, она ободряла ихъ; если въ этомъ отношеніи свѣтъ еще не проникъ касательно Жоржа и Пишегрю, то можно утвердительно сказать, что онъ совершенно ясенъ касательно Моро, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ троихъ, кого болѣе ненавидѣлъ Бонапарте, и чьей погибелью интересовался болѣе. Каждый разъ, когда этотъ фактъ былъ предвидѣнъ или заподозрѣнъ, громкое негодованіе его апологистовъ было бы смѣшно, если бы не было возмутительно лицемѣрно. Какъ! Этотъ пріемъ—погубить своихъ враговъ, впутавъ ихъ въ заговоръ, въ которомъ они не участвовали, былъ новъ для Бонапарте? Но кто же и когда выдумывалъ болѣе черные происки для того, чтобъ отдѣлаться отъ людей, которые ему препятствовали? Какимъ образомъ поступалъ онъ относительно венеціянскаго правительства, когда рѣшился погубить эту несчастную республику? Онъ приписывалъ ей не одинъ какой нибудь случайный, но цѣлую массу заговоровъ, которыхъ самъ и былъ единственнымъ выдумщикомъ. Какъ поступилъ онъ 18 фруктидора, когда задумалъ погубить умѣренныхъ конституціоналистовъ, Дюмоляра, Карно, Бартелеми и другихъ? Онъ обвинилъ ихъ въ намѣреніи убить его, въ злоупотребленіяхъ противъ республики, которую они защищали! Что онъ сдѣлалъ 18 брюмэра, когда захотѣлъ ниспровергнуть республиканскія учрежденія? Онъ изобрѣлъ огромный якобинскій заговоръ, котораго неудалось ему со-

---

[38]) Рапортъ главнаго судьи Ренье, читанный въ Законодательномъ Корпусѣ въ засѣданіи 17-го февраля 1804 г. *Прим. автора.*

здать даже подобія! Какъ наконецъ принялся онъ за дѣло первый разъ, когда возмечталъ о наслѣдственной власти, послѣ знаменитой *параллели между Цезаремъ, Кромвелемъ и Бонапарте?* Онъ вовлекъ, такъ сказать, противъ ихъ воли, въ заговоръ, затѣянный агентомъ ихъ Гарелемъ, несчастныхъ артистовъ, невоздержныхъ на языкъ, но которые испугались бы при видѣ обнаженной шпаги, и которые не въ состояніи были даже явиться на театръ преступленія. Надо не имѣть ни крошки исторической проницательности, чтобъ не быть поражену врожденною наклонностью Бонапарте къ пріемамъ, возмутительнымъ для каждаго благороднаго человѣка. Онъ былъ склоненъ отъ природы къ ловушкамъ, что́ сквозитъ во всѣ эпохи его карьеры, во всѣхъ его дѣлахъ какъ малыхъ, такъ и великихъ. Идетъ ли дѣло о комисарѣ конвента въ Корсикѣ, когда ему было только двадцать лѣтъ, или о Венеціянской республикѣ, о Туссэнъ-Лувертюрѣ, или объ испанскомъ королѣ, о Мурадъ-Беѣ, или о сэръ Ричардѣ Румбольдѣ, о маркизѣ Фротте, или о Гельветической республикѣ, о книгопродавцѣ Пальмѣ или о герцогѣ Энгіэнскомъ, о Драке или о противникахъ въ Трибунатѣ,—онъ вездѣ одинаковъ, всюду дѣйствуетъ посредствомъ ловушекъ и подпольныхъ интригъ, и можно сказать утвердительно, что никто никогда не умѣлъ лучше его ставить западни врагу, постепенно привлекать къ пропасти, въ которую хотѣлъ его низвергнуть, и, по любимому его выраженію, *усыплять его до самаго момента пробужденія.* Вся его дипломатія не что иное какъ искусство, какъ приписывать изобрѣтаемые имъ самимъ заговоры правительствамъ, на которыя онъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе. Это такая рѣдкая черта его характера, что она встрѣчается даже въ его высшей стратегіи, чрезвычайно изобильной нечаянностями, обманами и хитростью. И вотъ раздаются вопли при одномъ предположеніи, что Бонапарте остался вѣренъ своимъ всегдашнимъ привычкамъ относительно человѣка, котораго онъ

ненавидѣлъ болѣе всѣхъ, какъ самаго опаснаго, относительно Моро, котораго онъ старался оклеветать и очернить до послѣднихъ дней жизни! И вотъ возмущаются при мысли, что онъ задумалъ погубить Моро, онъ, который рѣшился погубить даже Клебера, и который столько разъ оцѣнялъ головы своихъ противниковъ! Какое чувство, какая совѣстливость удержала бы его въ этомъ случаѣ? Это слово становится смѣшно въ примѣненіи къ человѣку, который могъ въ одно утро велѣть переколоть двѣ тысячи плѣнныхъ въ Яффѣ! Неправдоподобіе здѣсь не на сторонѣ его обвинителей, а на сторонѣ его защитниковъ.

Послѣ арестованія аббата Давида и изъ чтенія его бумагъ, консульская полиція узнала двѣ вещи: во первыхъ, что Моро былъ расположенъ къ примиренію съ Пишегрю, во вторыхъ, что въ ихъ сношеніяхъ не было до сихъ поръ и слѣда заговора, а слѣдовательно и никакого серьезнаго средства обвинить Моро; но съ помощью своихъ лондонскихъ агентовъ ей были извѣстны также надежды, основываемыя эмиграціею на этомъ примиреніи, и польза, какую Пишегрю надѣялся извлечь изъ этого. Вмѣсто того чтобъ арестовать посредниковъ этихъ сношеній, надо было предоставить имъ волю и въ случаѣ надобности даже ободрять до тѣхъ поръ, пока ихъ поступки и интриги образовали бы хоть подобіе уликъ противъ того, кого хотѣли погубить. Первые два посредника, Фошъ Борель и Давидъ были арестованы безъ послѣдствій; очевидно, что еслибъ продолжали дѣйствовать подобнымъ образомъ, то заговоръ не получилъ бы даже начала существованія. Поэтому, относительно третьяго эмиссара перемѣнили систему: удовольствовались только тѣмъ, что за нимъ слѣдили въ его поѣздкахъ изъ Лондона въ Парижъ и обратно [39]). Этимъ новымъ посред-

---

[39]) Фактъ, засвидѣтельствованный офиціально въ приведенномъ выше рапортѣ главнаго судьи. *Прим. автора.*

никомъ, избраннымъ вопреки отвращенія Моро [40]), былъ генералъ Лажолэ, пріятель Пишегрю, замѣшанный съ послѣднимъ во время 18 фруктидора. Моро до такой степени былъ мало расположенъ пользоваться услугами Лажолэ и входить въ его виды, что отказалъ ему въ двадцати луидорахъ, необходимыхъ тому для поѣздки въ Лондонъ: сумму эту Лажолэ занялъ у стариннаго жандарма Кушери, игравшаго довольно подозрительную роль въ этомъ дѣлѣ [41]). При задорномъ, высокомѣрномъ характерѣ, нескромный, томимый честолюбіемъ играть роль, нуждаясь безпрерывно въ деньгахъ, Лажолэ былъ самый опасный человѣкъ, какого только можно было употребить на столь щекотливое порученіе. Главное его стараніе въ такомъ важномъ дѣлѣ, могшемъ компрометировать столькихъ значительныхъ лицъ, заключалось повидимому въ томъ, чтобъ, играя роль необходимаго человѣка, получать деньги отъ англійскаго правительства или отъ ройялистскихъ кабинетовъ. Зная неудовольствія Моро на Перваго Консула, его ненависть къ новому деспотизму, его связи съ главнѣйшими изъ недовольныхъ въ Сенатѣ и въ арміи, Лажолэ не побоялся представить, что генералъ этотъ расположенъ стать во главѣ движенія противъ консульскаго правительства, что́ Моро считалъ невозможнымъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ; но вскорѣ пошелъ еще дальше и осмѣлился поручиться въ расположеніи Моро къ ройялистскому дѣлу—что́ было самою наглою ложью. Тѣмъ не менѣе всѣ планы эмиграціи были построены на этой клеветѣ, которой Моро не могъ ни узнать, ни опровергнуть. Онъ смутно подозрѣвалъ интриги Лажолэ, незная всего ихъ объема, велѣлъ предупредить Пишегрю, чтобъ тотъ остерегался, но

---

[40]) Фошъ Борель представляетъ много ясныхъ доказательствъ. *Записки* т. III. Фактъ этотъ до очевидности обнаруженъ въ преніяхъ во время процесса Моро. *Прим. автора.*

[41]) *Мнѣніе о процессѣ Моро* Лекурба, судьи въ уголовной палатѣ. *Прим. автора.*

по случаю затруднительности сношеній предостереженіе это не дошло по адресу.

Итакъ, основываясь только на ложныхъ увѣреніяхъ Лажолэ, ройялистскій планъ получилъ окончательную форму. Было условлено, чтобъ Жоржъ, въ сопровожденіи самыхъ рѣшительныхъ шуановъ, отправился въ Парижъ подготовить почву и собрать элементы мятежа, какіе могло еще доставить прежнее вандейское дѣло. Пишегрю долженъ былъ явиться потомъ для соглашенія съ Моро, съ недовольными генералами, оппозиціею Сената, Трибуната и старинныхъ общественныхъ собраній; когда все будетъ готово, тогда уже пріѣдутъ графъ Артуа, герцогъ Беррійскій и главнѣйшіе члены французскаго дворянства, чтобъ стать во главѣ движенія, предназначеннаго къ низверженію Перваго Консула. Участье столь замѣчательныхъ лицъ, большею частью людей вполнѣ благородныхъ, исключало самую мысль объ убійствѣ, которую захотѣли навязать имъ впослѣдствіи; и Жоржъ, впутанный бездоказательно въ дѣло объ адской машинѣ, конечно старался въ особенности не подвергаться вновь подобному обвиненію. Онъ говорилъ объ этомъ нѣсколько разъ съ своими сообщниками, свидѣтельство которыхъ точно и единодушно. Онъ желалъ битвы и, если можно, возстанія; онъ энергически отвергалъ всякую мысль объ убійствѣ, и въ самомъ дѣлѣ, еслибъ онъ имѣлъ этотъ злой умыселъ, то ничего не было легче привести его въ исполненіе во время полугодичнаго пребыванія его въ Парижѣ до ареста [42]). Когда онъ увидѣлъ невозможность вызвать движеніе, то рѣшился напасть открыто въ равномъ

---

[42]) Объ этомъ формально свидѣтельствуетъ начальникъ полиціи, Деморѐ: «Жоржъ, говоритъ онъ:—питающій непримиримую ненависть къ Наполеону, останавливается, *когда держитъ въ рукахъ жизнь своего врага.* Вождь гверильясовъ соразмѣряетъ свои удары съ требованіями чести и высшей политики». *(Пятнадцать лѣтъ высшей полиціи при Наполеонѣ).*

Прим. автора.

числѣ съ конвоемъ Перваго Консула, состоявшимъ обыкновенно изъ двадцати конныхъ гвардейцевъ [43]). Здѣсь еще многіе по преданію восклицаютъ съ ужасомъ: „Возможно ли? Нападая подобнымъ образомъ на Перваго Консула, окруженнаго конвоемъ, они полагали, что вступали съ нимъ въ родъ битвы, и не считали себя убійцами. Повидимому, это были люди, равные благородному эрцъ-герцогу Карлу, сражавшемуся съ Бонапарте при Тельяменто или при Ваграмѣ!"... [44]). Нѣтъ, но они, покрайней мѣрѣ, равнялись съ Бонапарте, когда онъ вооруженный напалъ 18 брюмэра на безоружныхъ депутатовъ Совѣта Пяти-Сотъ. Они не болѣе его имѣли права называться убійцами. Напрасно власть, основанная на насиліи, старается отнять у противниковъ оружіе, которымъ сама дѣйствовала; они имѣютъ такое же, какъ и она, право имъ воспользоваться; что же касается до народнаго утвержденія, которое она вызываетъ въ помощь своей неприкосновенности, то какъ оно всегда бываетъ покорнѣйшимъ слугою успѣха, всегда можно сказать, что оно будетъ на сторонѣ успѣха. Это прибѣжище, всегда готовое противъ злоупотребленій силы, дѣлается еще недоступнѣе, когда власть открыто водворилась превыше законовъ, и когда противъ нее не существуетъ уже никакого законнаго дѣйствія. Каждый гражданинъ становится тогда законнымъ ея судьею, и правосудіе, изгнанное изъ учрежденій, переходитъ со всѣми своими правами въ индивидуальную совѣсть,—свое первое и неразрушимое убѣжище.

Сторонники 18 брюмэра не могли упрекнуть заговоръ Жоржа ни въ способахъ, ни въ принципѣ; единственно, что можно было порицать—это его цѣль, т. е. правленіе, которымъ онъ хотѣлъ замѣнить консульское правительство. Ре-

---

[43]) А не изъ десяти или двѣнадцати, какъ говоритъ Тьеръ. Бонапарте къ Сульту отъ 14-го февраля 1804 г. *Прим. автора.*

[44]) Тьеръ, *Исторія Консульства*, т. IV! *Прим. автора.*

ставрація, которую онъ имѣлъ въ виду, когда ройялисты всѣхъ оттѣнковъ были еще очень далеки отъ уступокъ, на которыя соглашались гораздо позже, дѣйствительно была не лучше того злоупотребленія, которое хотѣли уничтожить. Что же касается собственно плана, то его можно назвать дѣтски-простымъ, и нельзя не удивляться, какъ люди, подобные Пишегрю и Жоржу, могли на него согласиться. Было бы ужь черезчуръ чистосердечно, что̀ весьма рѣдко случается у заговорщиковъ, что Жоржъ съ многочисленными агентами могъ проживать въ Парижѣ и вести заговоръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не возбуждая вниманія столь подозрительной и недовѣрчивой полиціи. Было бы большимъ ребячествомъ предполагать, что, основываясь на однихъ только увѣреніяхъ столь мало уважаемаго человѣка, какъ Пишегрю, всѣ эти республиканскіе вожди, пользовавшіеся славою или преобрѣвшіе положеніе, бросались изо дня въ день въ объятія прежняго правительства и шли на буксирѣ у шуанскаго генерала! Подобное обольщеніе можетъ объясняться только естественнымъ нетерпѣніемъ изгнанниковъ, желаніемъ вызвать помощь Англіи, безразсудною неосторожностью графа Артуа, которой онъ столько доказательствъ представилъ впослѣдствіи, наконецъ подстрекательствами коварныхъ агентовъ, которые опутали иныхъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ эмиграціи.

Какъ бы то ни было, Жоржъ 25 августа 1803 г. высадился близъ Бивильскаго утеса, съ первою группою заговорщиковъ, а оттуда всѣ отправились въ Парижъ, извѣстными имъ путями, избѣгая большихъ дорогъ. Ихъ никто не трогалъ, потому ли что не знали непосредственнаго ихъ прибытія, или хотѣли допустить заговору организоваться, чтобъ привлечь во Францію другихъ заговорщиковъ, которые должны были присоединиться къ Жоржу, и дать случай скомпрометировать себя тѣмъ, кого хотѣли погубить. Удовольствовались арестованіемъ въ сентябрѣ и октябрѣ, однихъ въ Па-

рижѣ, другихъ во время высадки въ Понъ-Одемарѣ, второстепенныхъ сообщниковъ какъ Лебуржуа, Пико, Керелль и проч. *Монитеръ* утверждаетъ формально, что „полиція была извѣщена объ отъѣздѣ и порученіи“ [45])—особенность довольно стѣснительная для тѣхъ, которые хотѣли доказать, что она не была извѣщена объ отъѣздѣ Жоржа и его многочисленныхъ спутниковъ, людей болѣе замѣтныхъ, чѣмъ эти неизвѣстные авантюристы. Во всякомъ случаѣ она не замедлила узнать о ихъ пребываніи въ Парижѣ. Безъ сомнѣнія, она не могла слѣдить за всѣми ихъ поступками и нерѣдко теряла ихъ слѣды, но она знала самое важное, удвоила бдительность вокругъ жилища Моро и его друзей, усилила предосторожности вокругъ особы Перваго Консула [46]). Признанія Наполеона О'Меарѣ, хотя и часто отличаются ложью, но въ этомъ отношеніи заключаютъ полупризнаніе, сквозь которое проглядываетъ истина: „Они оставались, говоритъ онъ:—въ Парижѣ нѣкоторое время, не бывъ открыты, *хотя полиція знала объ этомъ кое-что* отъ Меге, которому платили ваши министры.“ [47]). Такимъ образомъ объясняются слова Демаре относительно страннаго поведенія Бонапарте, когда агенты его говорили ему о заговорѣ прежде еще, чѣмъ было извѣстно участіе Пишегрю: „Вы не знаете и четверти этого дѣла,“ сказалъ онъ. Меге разсказываетъ съ своей стороны въ своемъ памфлетѣ, изданномъ по повелѣнію Бонапарте, что епископъ аррасскій сообщилъ ему въ Лондонѣ о предполагавшейся высадкѣ *Монсьё*, Пишегрю и главныхъ ройялисткихъ коноводовъ. По сознанію самого французскаго правительства въ Парижѣ знали о проэктѣ заговорщиковъ задолго до его осуществленія. Не менѣе знаменательный фактъ, что эти не-

---

[45]) *Монитеръ*, 30-го января 1804 г. *Прим. автора.*

[46]) Фактъ подтвержденъ самимъ Меневалемъ въ его запискахъ. *Прим. автора.*

[47]) *Меморіаль*, О'Меоры. *Прим. автора.*

счастные, которыхъ *порученіе* было такъ хорошо извѣстно и между которыми находился Керелль, показанія котораго составляли главнѣйшія данныя, служившія къ открытію заговора, оставались нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ безъ суда. Особенность дѣйствительно странная и весьма достойная вниманія. Какъ! вотъ люди, которые извѣстно, что прибыли изъ Англіи съ злымъ умысломъ противъ Перваго Консула и, какъ говорили, даже съ намѣреніемъ убить его, ихъ арестуютъ, держатъ подъ стражею цѣлые мѣсяцы безъ допроса и, не думая воспользоваться обстоятельствомъ, столь сподручнымъ для обвиненія англійскаго правительства! Надобно признаться, что это фактъ весьма необыкновенный для того, кому извѣстно прошедшее Бонапарте; но онъ объясняется весьма натурально, если обратить вниманіе, что не пришло еще время заставить ихъ говорить, и что подобная гласность предостерегла бы другихъ заговорщиковъ.

Въ одно время съ этими неосторожными заговорщиками возвратился во Францію и септамбризеръ Меге, человѣкъ, болѣе всего способствовавшій, чтобъ завлечь ихъ въ ловушку. Какъ только Жоржъ и шуаны высадились, онъ дѣйствительно былъ гораздо полезнѣе въ Парижѣ, нежели въ Лондонѣ. Меге выѣхалъ изъ Лондона 22 сентября, направился чрезъ Голштинію и прежде отправленія во Францію заѣхалъ въ Мюнхенъ повидаться съ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Драке. Первый Консулъ получилъ отъ него чрезъ посредство главнаго судьи донесенія, не опубликованныя, но содержаніе которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію: „Я прочелъ, писалъ онъ Ренье: — присланныя вами донесенія; они мнѣ показались довольно интересными. *Ненадобно торопиться съ арестами.* Когда авторъ сообщитъ всѣ объясненія, тогда составится планъ вмѣстѣ съ нимъ, и видно будетъ, что дѣлать“ [48]). Преждевременные аресты дѣйстви-

[48]) Бонапарте къ Ренье отъ 1 ноября 1803 г. *Прим. автора.*

тельно сдѣлали бы заговоръ невозможнымъ. Но это не все; онъ рѣшился воспользоваться услугами Меге для козней, которымъ приписывалъ не меньшую важность: онъ хотѣлъ впутать въ заговоръ Жоржа и скомпрометировать многочисленныхъ представителей Англіи при германскихъ дворахъ, чтобъ произвести, если можно, дипломатическій разрывъ между нею и Германіею. Меге зналъ въ Англіи Драке, самаго безпокойнаго изъ ея министровъ; онъ зналъ готовность его благопріятствовать внутреннему движенію противъ французскаго правительства; необходимо было, притворно раздѣляя его намѣренія, побудить его къ участью въ мнимомъ покушеніи на жизнь Перваго Консула, чтобъ весь позоръ этого преступленія свалить на англійскій кабинетъ. Пользуясь его легковѣріемъ, Меге долженъ былъ обмануть англійское министерство касательно нашихъ военныхъ замысловъ, вытащить у него деньги и узнать отъ него, по-крайней мѣрѣ, и имена ройялистскихъ агентовъ и адресы домовъ, въ которыхъ можно было найдти убѣжище для отъѣзда за границу.“ Такова была гнусная подпольная интрига, которую Первый Консулъ затѣвалъ вмѣстѣ съ этимъ негодяемъ, въ надеждѣ достигнуть болѣе полныхъ результатовъ, какихъ онъ ожидалъ отъ заговора Жоржа. „Я желаю, продолжаетъ онъ, обращаясь къ Ренье:—чтобъ Меге написалъ къ Драке и, *чтобъ овладѣть его довѣріемъ*, пусть увѣдомитъ его, *что въ ожиданіи пока нанесется главный ударъ*, онъ можетъ обѣщать ему захватить на столѣ у Перваго Консула въ его секретномъ кабинетѣ, писанныя его рукою замѣтки о великой экспедиціи или другую важную бумагу; что надежда эта основана на содѣйствіи кабинетнаго смотрителя и пр.“ Слѣдовали подробности, которыя могли внушить довѣріе британскому министру, и денежныя условія, полагаемыя Меге за услуги. Ненадобно забывать, что все это было писано отъ 1 ноября 1803 г. Что жъ это за *главный ударъ*, о которомъ здѣсь говорилъ Бонапарте

и который имѣлъ быть нанесенъ впослѣдствіи, *главный ударъ,* о которомъ онъ извѣщалъ задолго до *оффиціальнаго* открытія заговора, если онъ еще не зналъ о намѣреніяхъ своихъ враговъ? Онъ зналъ о нихъ тѣмъ л чше, что самъ имъ способствовалъ. Зная ихъ расположеніе, онъ доставлялъ имъ удобства, о какихъ тѣ и не помышляли, но вмѣстѣ не упускалъ ничего, чтобъ предупредить ихъ во время. Случай ему казался удобнымъ для погубленія разомъ всѣхъ, кто внушалъ ему недовѣріе. Такимъ образомъ онъ запутывался самъ въ собственныхъ ухищреніяхъ. Онъ полагалъ, что если будетъ вызвана мысль о заговорѣ, то всѣ противники его ухватятся за нее съ готовностью. Наконецъ онъ зналъ это дѣло лучше англійскихъ министровъ, ибо самому Драке неизвѣстно было даже начало заговора Жоржа, и это невѣдѣніе спасло его отъ разставленной ему сѣти. Если у него были сообщничества въ Парижѣ, онъ не открывалъ ихъ, и Меге могъ поживиться отъ него только деньгами. Письма Драке, напечатанныя въ *Монитерѣ* отъ 25 марта 1804 г., показываютъ лишь полнѣйшую невинность этого дипломатическаго агента въ заговорѣ Жоржа. Подобно своему соотечественнику Спенсеру Смиту въ Мюнхенѣ, Драке старался вызвать такое же движеніе, какое Бонапарте подготовлялъ въ Ирландіи противъ англійскаго правительства, но до конца оставался чуждъ настоящему заговору.

Вторая высадка подъ начальствомъ капитана Врайта, который привозилъ Жоржа во Францію, совершилась въ декабрѣ; третья 16 января. На этотъ разъ прибыли Пишегрю, маркизъ Ривьеръ, оба Полиньяка и главные коноводы воинственной эмиграціи. Графъ Артуа и герцогъ Беррійскій должны были прибыть въ послѣднюю минуту съ окончаніемъ всѣхъ приготовленій. Заговоръ, столь коварно благопріятствуемый, если не организованный консульскою полиціею, приближался къ развязкѣ; ибо, не зная въ точности ни пункта высадки, ни мѣстъ убѣжища, она знала, что

большинство заговорщиковъ находилось въ Парижѣ или готово было туда пріѣхать. Наканунѣ высадки Пишегрю, 15 января 1804 г., правительственный ораторъ читалъ въ Законодательномъ Корпусѣ свой *отчетъ о положеніи республики*, въ которомъ находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Британское правительство *попытается высадить и можетъ быть уже высадило* на наши берега нѣсколько изъ тѣхъ чудовищъ, которыхъ оно вскормило для того, чтобъ они терзали свою родину!“ Это предсказаніе, сдѣланное навѣрняка, имѣло цѣлью приготовить умы къ ожидаемымъ событіямъ. Дѣйствительно, настала пора дѣйствовать, ибо невозможно было долѣе, не подвергаясь серьезной опасности, предоставлять заговорщикамъ свободу дѣйствій въ Парижѣ. 21 января, спустя шесть дней послѣ высадки Пишегрю во Францію, Первый Консулъ рѣшился наконецъ предать суду шуановъ Пико, Лебуржуа, Керелля и проч., которые, по его словамъ, явились изъ Лондона съ *порученіемъ* убить его, и которыхъ онъ все-таки держалъ въ тюрьмѣ съ сентября мѣсяца. Онъ на это рѣшается, говоритъ онъ на о. св. Елены, среди ночи по *одному случаю*, который подалъ ему поводъ полагать, что эти люди все знали [49]; *по нѣкотораго рода вдохновенію*, повторили его апологисты съ обычною любезностью [50]. Догадка эта легендарная. „Я получилъ, говоритъ онъ въ нотѣ Камбасересу:—*секретныя свѣдѣнія*, которыя заставили меня предполагать, что Керелль явился сюда съ цѣлью убійства“ [51]. Это болѣе точно. И замѣчательно, онъ до такой степени увѣренъ въ своемъ фактѣ, что ставитъ ихъ въ положеніе говорить или быть разстрѣлянными. Первые два были разстрѣляны. Третій, въ минуту казни, обѣщалъ сознаться, и

---

[49]) *Меморіалъ* Ласъ-Каза. *Прим. автора.*

[50]) Тибодо, Савари, Бильонъ, Деморе, Тьеръ и проч. *Прим. автора.*

[51]) 21-го января 1804 г. *Корреспонденція.* *Прим. автора.*

его показанія сдѣлались необходимою точкою отправленія для всего судебнаго слѣдствія. Благодаря ему, можно было юридически доказать прибытіе Жоржа во Францію, и узнали, что до тѣхъ поръ было неизвѣстно и настоящее мѣсто высадки и маршрутъ, по которому слѣдовали заговорщики. Такъ какъ сознаніе это подтвердилось показаніями нѣкоего Троша, служившаго имъ проводникомъ, то Бонапарте послалъ къ Бивильскому утесу довѣренное лицо, Савари, который расположился тамъ, узналъ англійскій бригъ и, какъ ему неизвѣстны были условные сигналы, то онъ изъ всѣхъ силъ старался, но безуспѣшно, привлечь различными ложными демонстраціями послѣднихъ заговорщиковъ. Двадцать восемь дней онъ выжидалъ и слѣдилъ за добычею, которая отъ него ускользнула [52]).

Съ момента, когда рѣшено было заставить Кереля говорить, Первый Консулъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность. Изъ корреспонденцій [53]) его видно, что онъ самъ указывалъ дома для обыска, лицъ, которыя должны были сообщить свѣдѣнія, торопилъ съ арестами, направлялъ допросы, наконецъ дѣлалъ самыя мелочныя распоряженія относительно открытія тѣхъ, кого выслѣживалъ. Всѣ средства казались ему хороши для этой цѣли. Онъ дошелъ даже до того, что потребовалъ у испанскаго министра выдачи или *ссылки въ Африку* двухъ французскихъ епископовъ, укрывшихся въ Испаніи, которыхъ онъ считалъ соумышленниками своихъ враговъ [54]). Другіе епископы служили ему шпіонами противъ шуановъ. Кромѣ Ренье, Реаля, Фуше, начальника жандармовъ Монсея, онъ употреблялъ для этой цѣли епископа орлеанскаго и эксъ-аббата Бернье, остававшагося въ сношеніяхъ съ испанскими шуанами и который изъ всѣхъ силъ

[52]) *Записки* Ровиго. *Прим. автора.*

[53]) См. *Корреспонденція* отъ 25-го января и 15-го февраля 1804 г.

[54]) Бонапарте къ Талейрану, 16-го февраля. *Прим. автора.*

старался погубить своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Еслибъ было возможно, онъ помѣстилъ бы и папу въ штатъ своей полиціи; онъ уже подумывалъ объ этомъ относительно Ирландіи: „Желалъ бы я знать, писалъ онъ папѣ въ январѣ:— есть ли у вашего святѣйшества *какія нибудь средства для полученія свѣдѣній изъ Ирландіи*, и какимъ образомъ вы вліяете тамъ на королевство?“ Орлеанскій епископъ соперничалъ въ рвеніи съ Фуше. Послѣдній въ качествѣ любителя являлся освѣдомляться о результатѣ розысковъ и подавалъ совѣты для дальнѣйшаго производства, а такъ какъ его указанія всегда почти были вѣрнѣе указаній главнаго судьи, то Бонапарте и сказалъ ему съ нѣкотораго рода удивленіемъ:

— Значитъ, вы все еще занимаетесь полиціею.

— О, отвѣчалъ скромно Фуше: — у меня еще осталось нѣсколько друзей, которые сообщаютъ мнѣ свѣдѣнія.

Однако тюрьмы переполнялись арестантами; невозможно же, чтобъ среди столькихъ слабыхъ или экзальтированныхъ умовъ, не нашлось бы ни одного, который не выдалъ бы настоящіе или мнимые проэкты заговора въ особенности для подтвержденія факта, о которомъ наиболѣе хлопотали, — о дѣйствительности недавнихъ сношеній, каковы бы они ни были, между Пишегрю и Моро. Неизбѣжный и предвидѣнный этотъ случай совершился въ ночь съ 13 по 14 мая. Одинъ изъ помощниковъ Жоржа—Буве де-Лозье, человѣкъ впечатлительный, польстился выйдти изъ ужаснаго положенія посредствомъ самоубійства. Будучи противъ воли возвращенъ къ жизни, благодаря вмѣшательству стражи, онъ на другой день, въ присутствіи Реаля, далъ знаменитое объясненіе, долженствовавшее погубить Моро. Показаніе его очевидно, составленное Реалемъ [55]), представляло довольно

[55]) Въ доказательство этого достаточно привести первыя строки изъ показанія Буве: „Это человѣкъ, только что вышедшій изъ могилы, покрытый еще мракомъ смерти, призывающій мщеніе на тѣхъ, которые

вѣрный отчетъ относительно общаго плана заговора, какъ могъ его знать и понимать второстепенный дѣятель. Онъ разсказалъ о поѣздкахъ Лажолэ изъ Парижа въ Лондонъ и обратно, о высадкѣ Жоржа и Пишегрю, о намѣреніи *Монсьё* прибыть во Францію, чтобъ стать во главѣ ройялистской партіи; кромѣ того онъ засвидѣтельствовалъ очень важный фактъ противъ Моро, а именно свиданіе этого генерала съ Пишегрю и Жоржемъ на бульварѣ Мадлэны. Но независимо отъ сущности факта, который самъ по себѣ ничего не доказываетъ, какія же положительныя улики противъ Моро заключаются въ этомъ обвинительномъ показаніи? Странно, почти невозможно вѣрить, когда разсмотришь какое употребленіе сдѣлали изъ этого показанія противъ обвиненнаго: его обвиняли именно за то, *что онъ не далъ состояться заговору* своимъ сопротивленіемъ. „Моро, говорилъ Буве де-Лозье:—*обѣщалъ* пристать къ дѣлу Бурбоновъ. Когда ройялисты прибыли во Францію, Моро *отказался*. Онъ имъ предложилъ работать для него и стараться о назначеніи его диктаторомъ“ [56]). Какія же приводитъ онъ доказательства этихъ мнимыхъ обѣщаній Моро? Никакихъ, кромѣ увѣреній, которыя Лажолэ привозилъ въ Лондонъ безъ уполномочія. Вскорѣ однакоже Буве долженъ былъ самъ признаться, что повѣрилъ этому безъ доказательствъ, и что болѣе не вѣрилъ. Какое же доказательство другаго, еще невѣроятнѣйшаго свидѣтельства, что Моро предлагалъ ройялистамъ назначить его диктаторомъ? Никакого, исключая собственныхъ его предположеній, основанныхъ на отказѣ Моро принять участье въ заговорѣ. Наконецъ это самое показаніе, отъ котораго онъ долженъ былъ отречься впослѣдствіи, заключаетъ въ себѣ слѣдующія его собственныя слова: „Я обвиняю Моро,

---

съ помощью коварства бросили его и его партію въ бездну, въ которой онъ находится». *Прим. автора.*

[56]) Показаніе Буве. *Прим. автора.*

основываясь, можетъ быть, только на полу-доказательствахъ." Полу-доказательства! Ихъ ненадобно было столько, чтобъ погубить того, кого онъ обвинялъ.

Единственная сторона факта, выяснившаяся изъ показанія Буве, заключалась въ томъ, что заговорщики разсчитывали на Моро и что Моро упорно имъ отказывалъ, что повергло ихъ въ страхъ и смущеніе. Но можно ли было это дѣйствіе вмѣнить ему въ преступленіе? Была ли достаточная причина, чтобъ обезчестить перваго генерала республики? Во всемъ, что взводилъ на него Буве,—одни его обѣщанія могли только грѣшить и то менѣе противъ Перваго Консула, нежели противъ ройялистовъ, которыхъ они привлекали въ западню; но прежде чѣмъ допустить фактъ, противный извѣстному характеру генерала Моро, не слѣдовало ли подтвердить его дѣйствительность хоть по наружности? Можно ли повѣрить, чтобъ Моро, замышляя о диктатурѣ, попросилъ бы ее отъ Бурбоновъ, обманувъ ихъ? Можно ли предположить хоть на минуту, что человѣкъ, неутратившій разсудка, могъ прибѣгать къ подобной продѣлкѣ, человѣкъ, бывшій побѣдителемъ при Гогенлинденѣ? Это былъ единственный генералъ, никогда не вмѣшивавшійся ни въ какую политическую интригу, это былъ тотъ, кто отвергъ предложенія Сьё предъ 18 брюмэра. Бонапарте самъ чувствовалъ невѣроятность предлога, который выставила его ненависть, и онъ употреблялъ усилія, по своему обычаю, чтобъ утвердить басню, которая принималась до тѣхъ поръ безъ разсмотрѣнія. Онъ прикидывался невѣрующимъ въ виновность Моро и какъ бы сопротивлялся тѣмъ, которые торопили его съ арестованіемъ этого генерала. По его словамъ, онъ нѣсколько дней противился этимъ настояніямъ и наконецъ отвѣчалъ: „Ну хорошо! докажите мнѣ, что Пишегрю здѣсь, и я подпишу арестованіе Моро!" Словно, приступая къ этой мѣрѣ, онъ долженъ былъ насиловать собственныя чувства! И онъ прибавилъ, что рѣшился на эту

мѣру, лишь получивъ отъ брата Пишегрю удостовѣреніе, въ пребываніи этого генерала въ Парижѣ.

Прежде всего можно спросить, кто же изъ приближенныхъ Перваго Консула могъ быть такъ сильно заинтересованъ въ погибели Моро, чтобъ такъ настойчиво ходатайствовать о его заарестованіи? Онъ былъ въ немилости, жилъ въ уединеніи и никому не внушалъ недовѣрія. Ненавидѣлъ его одинъ лишь Бонапарте, потому что видѣлъ въ немъ объявленнаго преемника и соперника славы. Напрасно потомъ выискивали поводъ, по которому присутствіе Пишегрю въ Парижѣ усиливало бы взводимое на Моро обвиненіе. Что между ними послѣдовало соглашеніе, — объ этомъ уже знали изъ бумагъ, захваченныхъ у аббата Давида—и это не составляло новаго факта; а въ томъ, что, не взирая на пребываніе Пишегрю въ Парижѣ и не смотря на ихъ прежнюю дружбу, Моро отказывался служить заговору, въ чемъ Буве столь горько упрекалъ его, не заключалось обстоятельство, которое ухудшало бы его положеніе, ибо оно оправдывало его отъ всѣхъ подозрѣній, какія только могли имѣть противъ него. Но, это еще ничего. Бонапарте утверждаетъ, что онъ колебался *нѣсколько дней*, прежде нежели рѣшился арестовать Моро вслѣдствіе показанія Буве де-Лозье; но вѣдь это показаніе дано было днемъ 14 февраля, а арестъ рѣшенъ въ совѣтѣ, происходившемъ вечеромъ того же числа [57]). Онъ утверждаетъ, что не хотѣлъ подписывать приказа, не убѣдившись въ присутствіи Пишегрю въ Парижѣ; но есть тысяча доказательствъ, что онъ нѣсколько уже дней зналъ не только о пребываніи этого генерала, но ему извѣстны были даже

---

[57]) Число, въ которое Буве далъ показанія, подтверждается обвинительнымъ актомъ и документами процесса. Что же касается до приказа объ арестѣ, то онъ былъ рѣшенъ вечеромъ 14 февраля и подписанъ на другой день: Бонапарте къ Ренье отъ 15 февраля 1804 г.

Прим. автора.

дома, въ которыхъ жилъ послѣдній. Отъ 13 февраля онъ писалъ къ Сульту, „что *восемь дней* какъ онъ преслѣдовалъ Жоржа и его банду, что Пишегрю находился съ Жоржемъ, и что ему было извѣстно, гдѣ они ночевали прошлое воскресенье.“ Тотъ же самый фактъ, не много позже подтверждается самимъ *Монитеромъ*, который не могъ столь задолго предвидѣть страннаго алиби, въ которомъ впослѣдствіи долженъ былъ такъ нуждаться Бонапарте: „*Только съ 8-го февраля*, говоритъ этотъ журналъ:—полиція узнала, что Пишегрю въ Парижѣ, и начала его преслѣдовать“ [58]). Очень вѣроятно, что она знала это прежде, но не имѣла достаточно положительныхъ данныхъ, чтобъ имѣть возможность начать преслѣдованіе.

Такимъ образомъ разрушаются измышленія Бонапарте относительно оправданія мѣры, которая можетъ объясниться только нетерпѣливостью его ненависти. Ренье, которому поручено было допросить Моро послѣ ареста, имѣлъ приказаніе предложить ему отвести его немедленно къ Первому Консулу, если онъ хотѣлъ загладить немедленнымъ сознаніемъ взводимое на него преступленіе, и, основываясь на *Запискахъ св. Елены*, не преминули выставить, сколько милосердія заключалось въ этомъ предложеніи, и всей закоренѣлости въ отказѣ Моро. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Моро согласился унизиться идти просить помилованія въ преступленіи, котораго не совершалъ, то Бонапарте счелъ бы за счастье обременить его своимъ прощеніемъ и милостями; но на подобную выходку трудно вызвать честнаго человѣка, несправедливо преслѣдуемаго и крѣпкаго своею невинностью. Не безъ досады Бонапарте долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія. Онъ разсердился на Ренье, не будучи въ состояніи допустить, что и несчастье имѣетъ свои достоинства: „Вотъ что значитъ имѣть дѣло съ дуракомъ!“ воскли-

---

58) Монитёръ 23 февраля 1804 г. *Прим. автора.*

нулъ онъ, когда главный судья донесъ ему о результатѣ своего порученія [59]).

17 февраля, Реньо де Сентъ-Жанъ д'Анжели прочелъ въ Трибунатѣ рапортъ главнаго судьи о заговорѣ, рапортъ, спеціально направленный противъ Моро, въ которомъ было гнусно искажено его поведеніе и находилось знаменательное признаніе, „что глазъ полиціи слѣдилъ за каждымъ шагомъ непріятельскихъ агентовъ.“ Можно было даже сказать, что она руководила ихъ. Одни не были легковѣрны, другіе негодовали, но никто не смѣлъ обнаруживать своихъ тайныхъ чувствъ. Братъ Моро, членъ Трибуната, одинъ только возвысилъ голосъ среди мрачнаго молчанія и воскликнулъ съ выраженіемъ живѣйшей горести: „Заявляю собранію и всей націи, что братъ мой невиновенъ во взводимомъ на него преступленіи... Пусть дадутъ ему средства къ оправданію и онъ оправдается. Отъ его и отъ своего имени, во имя всего огорченнаго его семейства, во имя его родины, которой онъ служилъ съ такою славою, я требую, чтобъ суду надъ нимъ была придана вся торжественность, подобающая обвиненію, требую, чтобъ онъ былъ судимъ *своими натуральными судьями*, и утверждаю, что все сказанное здѣсь—не болѣе какъ сплетеніе гнусной клеветы!“ Это было справедливое предчувствіе, которое заставляло его взывать къ гарантіямъ, покровительствующимъ обвиненнаго. Собраніе было взволновано, но никто не выразилъ ни симпатіи, на порицанія. Трельяръ, одинъ изъ правительственныхъ ораторовъ, отвергъ, какъ обиду, сомнѣніе, подразумѣвавшееся въ послѣднихъ словахъ Моро: „Правительство, сказалъ онъ:—слишкомъ уже и постоянно выказывало себя добросовѣстнымъ охранителемъ юстиціи, чтобъ кто нибудь имѣлъ право подозрѣвать его *въ желаніи устраниться отъ нее*“ [60]).

---

[59]) Тибодо. *Прим. автора.*

[60]) Парламентскіе архивы, засѣданіе 23 февраля. *Прим. автора.*

Чрезъ нѣсколько дней это торжественное обязательство было подтверждено слѣдующими словами Перваго Консула, которыя черезчуръ ужъ поспѣшно были напечатаны, чтобъ выставить все его великодушіе: „Это процессъ обыкновенный, *и я требую, чтобъ въ немъ тщательно были соблюдены всѣ формы*“ [61]). Тогда увидѣли, что обѣщали больше, чѣмъ могли дать; ибо при такихъ условіяхъ оправданіе Моро было неизбѣжно. Обвиненія противъ него имѣли такъ мало основанія, что обвинить его могли только чиновники, запуганные или подкупленные. Вслѣдствіе этого, 25 февраля появилась сенатусъ-консульта, отмѣнявшая жюри въ Сенскомъ департаментѣ. Мало было предполагать преступленіе, если нѣтъ увѣренности въ судьяхъ [62]). Въ то же время прибѣгли къ средству, которымъ пользовались нѣсколько мѣсяцевъ назадъ для возбужденія умовъ противъ Англіи, и вызвали среди арміи и всѣхъ государственныхъ учрежденій огромное движеніе адресовъ противъ знаменитаго обвиненнаго, котораго надобно было очернить. Арестованіе Моро, воспоминаніе о великихъ его дѣяніяхъ—столь жестокая награда за славу и доблести возбудили въ его пользу участье во всѣхъ благородныхъ, и даже въ людяхъ равнодушныхъ, которые не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія въ гнусныхъ интригахъ, которыхъ онъ былъ жертвою. Надобно было заглушить отзывы этого участія крикомъ грубаго и слѣпаго гнѣва; надобно было заручиться общественнымъ мнѣніемъ, какъ заручаются подставнымъ свидѣтелемъ, т. е. обманувъ его. Въ государственныхъ учрежденіяхъ находилось столько людей, которые съ восторгомъ привѣтствовали возвышеніе Моро, поспѣшили въ Тюильри выразить заказное негодованіе. Одинъ президентъ Трибуната позволилъ себѣ говорить о *доносѣ*, тамъ, гдѣ всѣ

---

[61]) *Монитеръ*, 13 февраля. *Прим. автора.*

[62]) «Это, говоритъ Тьеръ: — была ошибка, принципъ которой былъ почтенный.» *Прим. автора.*

говорили о преступленіи. „Какъ! воскликнулъ Бонапарте:— Моро уже *виновенъ* въ глазахъ государственныхъ учрежденій, а вы не смотрите на него даже какъ на *обвиняемаго!*“ [63]) Изъ рѣчи Трибуната *Монитеръ* вычеркнулъ все, что не нравилось Первому Консулу. Всѣ главные генералы арміи являлись послѣдовательно принести свою дань оскорбленія знаменитому главнокомандующему, который столько разъ водилъ ихъ къ побѣдамъ. Не дождавшись ни малѣйшаго объясненія по дѣлу обвиненія, они расточали ему названія *измѣнника и разбойника*, выказывая въ этомъ случаѣ нѣкоторый родъ соревнованія, потому ли что видѣли въ этомъ лучшее средство выслужиться предъ своимъ властелиномъ, или потому что благородное поведеніе Моро давно уже было въ ихъ глазахъ косвенною критикою собственнаго ихъ униженія. Мюратъ подалъ сигналъ изъ первыхъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ *Монитеръ* наполнялся оскорбительными и грозными адресами, къ которому вскорѣ, по освященному уже обычаю, присоединились и посланія епископовъ. „Мщеніе! мщеніе! мщеніе! вотъ нашъ лозунгъ!“ восклицаетъ въ одномъ изъ этихъ адресовъ генералъ Барреге д'Илье [64]) и большая часть адресовъ, могла резюмироваться этими нѣсколькими словами. Однако небольшая часть генераловъ рѣшилась заявить свое участье въ пользу обвиняемаго и въ ихъ числѣ находились Дезолль и немногіе оставшіеся въ живыхъ ветераны Рейнской арміи, которая вся почти погибла на Сенъ-Доминго. 26 дивизія, стоявшая гарнизономъ въ Майнцѣ, выразила удивленіе, что человѣкъ, служившій государству и бывшій столь любимъ въ войскахъ, могъ присоединиться къ разбойникамъ. *Отъ этой мысли становится грустно*“ [65]), прибавляютъ это почтенные люди.

---

[63]) Міо де Мелито: *Записки.* *Прим. автора.*
[64]) *Монитеръ*, 14 февраля 1804 г. *Прим. автора.*
[65]) *Монитеръ*, 23 февраля. *Прим. автора.*

Для дополненія эффекта, произведеннаго этими возбужденіями, начали безпрестанно печатать слухи, которые будто бы распространялись заговорщиками, касательно будущаго убійства Бонапарте, съ цѣлью приготовить къ этому умы. Слухи эти появлялись въ данное время, и въ моментъ, когда въ нихъ ощущалось наиболѣе нужды, чтобъ погубить заговорщиковъ, что̀ служитъ первымъ поводомъ къ недовѣрію. Изъ многихъ мѣръ *Корреспонденціи* Наполеона можно видѣть, что онъ, не стѣсняясь ни мало, самъ фабриковалъ извѣстія и ложныя извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ, которыя потомъ печаталъ какъ весьма подлинныя. Эти, болѣе нежели подозрительные, слухи выдавались какъ бы полученные изъ Лондона, Вѣны, главныхъ городовъ континента и даже съ Антильскихъ острововъ. Монитеръ напечаталъ, что одинъ учитель языковъ выставилъ въ Лондонѣ объявленіе „что такъ какъ готовы совершиться убіеніе Бонапарте и возстановленіе Бурбоновъ, и французы возвратятся во Францію, то онъ и предлагаетъ свои услуги въ качествѣ преподавателя языковъ.“ Но отъ котораго же числа, *по Монитеру*, было обнародовано это столь странно составленное объявленіе, написанное слогомъ агента-подстрекателя? Отъ 30 января, т. е. въ моментъ когда Бонапарте рѣшился допросить Керелля и преслѣдовать заговоръ, въ моментъ когда заговорщики наиболѣе нуждались въ таинственности! Если бы они дѣйствительно замышляли приписываемое имъ убійство, то не требовала ли отъ нихъ самая обыкновенная осторожность или, лучше сказать, капитальная необходимость не разоблачать этого преждевременно.

По мѣрѣ увеличенія арестовъ и допросовъ, не было болѣе возможности ошибаться относительно постоящаго характера заговора, и консульская полиція знала навѣрное, что движеніе должно было имѣть цѣлью возстаніе, а не убійства. Изъ новыхъ показаній Буве, Пико, Лажолэ и другихъ арестантовъ она знала объ участьи графа Артуа, герцога

Беррійскаго и важнѣйшихъ членовъ французскаго дворянства, частью прибывшихъ въ Парижъ, частью имѣвшихъ прибыть, и никто не могъ допустить, чтобъ столько такихъ знатныхъ лицъ рѣшились замарать свое дѣло убійствомъ. Что касается Моро, то фактъ его свиданій съ Пишегрю существовалъ, также какъ и фактъ его отказа отъ участья въ заговорѣ. Дѣйствительно онъ два или три раза видѣлся съ своимъ стариннымъ товарищемъ по оружію, не скрывалъ ни своей ненависти къ Бонапарте, ни желанія свергнуть его при видѣ возможности; но онъ энергически выражалъ свое сожалѣніе Пишегрю за то, что послѣдній связался съ Бурбонами и свое неодолимое отвращеніе содѣйствовать имъ; наконецъ, если онъ и видѣлся съ Жоржемъ, что́ небыло однакожъ доказано, то видѣлся поневолѣ, какъ человѣкъ застигнутый въ расплохъ. Но судя потому въ какомъ гнусномъ свѣтѣ выставлялись всѣ его обыкновенные поступки, ему было легко предвидѣть, какое извлекутъ противъ него обвиненіе изъ этого обстоятельства, и на первыхъ допросахъ онъ запирался во всемъ; но это запирательство было для него столь же гибельно, какъ и признаніе въ положеніи, въ которомъ ничто не могло спасти его.

Однако ни Пишегрю, ни Жоржъ не были еще арестованы, а Савари, находившійся постоянно на своемъ наблюдательномъ посту у Бивильскаго утеса, напрасно старался привлечь фальшивыми сигналами важныхъ заговорщиковъ, предназначенныхъ для четвертой высадки. Бонапарте писалъ 13 февраля къ Сульту относительно Жоржа и Пишегрю: „Они будутъ у насъ въ рукахъ сегодня вечеромъ!“ Съ тѣхъ поръ прошло двѣ недѣли; полиція слѣдила за ними изъ дома въ домъ, гонялась по Парижу какъ за дикими звѣрями, но не могла захватить ихъ. Эта ошибка въ разсчетѣ разгнѣвала и раздражила Перваго Консула до чрезвычайной степени, и какъ при всякомъ случаѣ, когда воля его встрѣчала сильное препятствіе, въ немъ проявлялась необузданная душа Цезарей вре-

менъ упадка. Онъ представилъ и велѣлъ вотировать въ Законодательномъ Корпусѣ суровый законъ, по которому подвергался смертной казни каждый, давшій убѣжище Пишегрю или его сообщникамъ, и осуждавшій на шестилѣтнюю каторжную работу всякаго, кто зналъ ихъ убѣжище и не донесъ правительству. Мѣра эта была принята немедленно, и рѣшено придать ей силу закона съ самаго дня принятія. Въ тоже время заперли Парижскія заставы, у береговъ рѣки помѣстили ряды лодокъ, а на стѣнахъ наставили часовыхъ, чтобъ никто не могъ перелѣзть чрезъ эти стѣны. Отданный въ распоряженіе полиціи, Парижъ находился въ постоянной тревогѣ, и въ немъ появились вновь доносы, нарушенія домашняго очага, ночные аресты и всѣ гнусности террора, безъ всякой общественной опасности, которая служила бы тому извиненіемъ; ибо одинъ человѣкъ былъ всему причиною и человѣкъ этотъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ для удовлетворенія мщенія и гордости тревожилъ столько существованій, писалъ къ Мельцу, своему представителю въ Цизальпинѣ, слѣдующія строки, которыя останутся послѣднимъ словомъ исторіи объ этомъ искусственомъ заговорѣ: *„Я не подвергался никакой серьезной опасности, ибо полиція наблюдала за всьми этими машинаціями“* [66]).

Пишегрю, выданный другомъ, у котораго просилъ убѣжища, былъ арестованъ 28 февраля, именно въ самый день когда былъ вотированъ упомянутый законъ общественной безопасности. Жоржъ взятъ только 9 марта. Будучи узнанъ, когда онъ выѣзжалъ въ кабріолетѣ изъ одного дома, окруженнаго полиціею, недалеко отъ Пантеона, онъ былъ преслѣдуемъ агентами до улицы Монсьё-ле-Пренсъ, гдѣ одинъ изъ нихъ могъ броситься остановить лошадь. Жоржъ убилъ его изъ пистолета и вторымъ выстрѣломъ ранилъ другаго агента, хотѣвшаго арестовать его, но тогда прохожіе бросились на

[66]) Бонапарте къ Мельци, отъ 6 марта 1804 г. *Прим. автора.*

него, и онъ былъ схваченъ и связанъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ арестовали двухъ Полиньяковъ и маркиза Ривьера. Такимъ образомъ всѣ главные заговорщики были въ рукахъ правительства; Парижъ начиналъ дышать, но заставы еще не отпирались, и строгія мѣры не отмѣнялись. Вѣрное своей системѣ лжи и клеветы, правительство опубликовало, что Жоржъ на допросѣ „неколеблясь объявилъ, что находится въ Парижѣ нѣсколько уже мѣсяцевъ, и что порученіемъ его было убить Перваго Консула.“ [67]) Это было именно діаметрально противоположно истинѣ. Жоржъ энергически протестовалъ противъ приписываемаго ему намѣренія; онъ пріѣхалъ въ Парижъ не для убіенія Перваго Консула, но помѣряться съ нимъ равнымъ оружіемъ, среди его стражи, и если можно то овладѣть его особою; онъ долженъ былъ дѣйствовать съобща съ французскимъ принцемъ, котораго еще ожидали и только подъ его руководствомъ. Впрочемъ онъ не хотѣлъ называть никого [68]).

Поведеніе Пишегрю отличалось не меньшею твердостью. Объяснивъ свое возвращеніе во Францію желаніемъ увидѣть снова родину, Пишегрю принялъ систему полнѣйшаго запирательства, и отвѣчалъ только одно, что будетъ говорить предъ трибуналомъ. Ничего не допытались и у Моро; фактъ свиданія его съ Пишегрю подтвердился новыми показаніями, но они равно подтверждали и отказъ его служить заговору. Не пренебрегали никакимъ средствомъ, чтобъ вырвать у нихъ компрометирующее сознаніе. Для достиженія этой цѣли пустили въ ходъ надежду, несравненно опаснѣе нежели устрашеніе. Реаль приходилъ къ Пишегрю и заявилъ, что Первому Консулу было прискорбно видѣть завоевателя Голландіи въ такомъ унизительномъ положеніи, и прибавилъ, что относительно его имѣлись самыя великодушныя и кроткія намѣ-

---

[67]) *Монитеръ*, 9 марта. *Прим. автора.*

[68]) Первый и второй допросы 9 марта. *Прим. автора.*

ренія. Пишегрю жилъ во время ссылки въ Гвіянѣ, зналъ средства страны; Бонапарте предполагалъ возвысить эту колонію, дать ей бо́льшее развитіе и былъ бы счастливъ дать генералу этотъ случай загладить вину новыми услугами Франціи [69]). Пишегрю, повидимому, съ удовольствіемъ слушалъ эти предложенія, но и не думалъ открываться полицейскому чиновнику, который не былъ въ состояніи ничего вывѣдать отъ него, не напоминая болѣе о Гвіянѣ. Реаль былъ счастливѣе съ Моро, прямая и добрая душа котораго не имѣла за собою тайны, и который не былъ способенъ на продолжительную недовѣрчивость — далъ себя увлечь на несвоевременную выходку. Съ того самаго дня, какъ Моро отказался представиться Первому Консулу, ему часто повторяли, что Бонапарте не питалъ никакого неудовольствія къ нему, а сердился только на ройялистовъ, что желалъ отъ него только благороднаго и откровеннаго объясненія относительно поведенія его въ послѣднихъ событіяхъ, и что послѣ подобнаго признанія онъ готовъ протянуть руку старинному сопернику своей славы. Эти нѣсколько разъ возобновленныя увѣренія, мольбы огорченнаго семейства и боязнь подвергнуться невольно несправедливому обвиненію, побудили Моро принять эти заявленія притворнаго великодушія. Онъ написалъ Первому Консулу не для того, чтобъ просить прощенія, какъ говорили [70]), но съ цѣлью откровенно изложить всѣ факты. Письмо его (отъ 7 марта), написанное спокойно и съ достоинствомъ, представляетъ весьма обстоятельный разсказъ отношеній его къ Пишегрю и во время заговора; это скорѣе родъ показанія, а не апологія; и хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣрнаго [71]), но нельзя не чувствовать какъ много

---

[69]) Деморе́: *Историческія свидѣтельства, или пятнадцать лѣтъ высшей полиціи при Наполеонѣ.* *Прим. автора.*

[70]) Тибодо. *Прим. автора.*

[71]) Исключая, можетъ быть фразы: «*враги* разлучили насъ съ

оно должно было стоить для его гордости, ибо обращаться къ Первому Консулу—значило преобразить его въ судью, его, который до сихъ поръ былъ только его врагомъ! Единственно въ силу этого повода письмо его уже было ошибкою. Едва получивъ это грустное признаніе, обращенное къ его великодушію, ввѣренное его чести, вызванное у человѣка, находившагося въ отчаяніи и котораго самъ онъ завлекъ въ ловушку, Бонапарте поспѣшилъ присоединить его къ дѣлу Моро. „Вчера я представлялъ ваше письмо Первому Консулу, писалъ къ Моро главный судья:—*онъ чрезвычайно сожалѣлъ о мѣрахъ строгости*, вызываемыхъ безопасностью государства. Теперь, когда производство дѣла началось, законъ требуетъ, чтобъ отъ судей не были скрыты никакіе документы, и правительство повелѣло мнѣ присоединить ваше письмо къ процессу.“

Какъ ни были удовлетворительны для Бонапарте достигнутые результаты, они однакожъ не отвѣчали его ожиданіямъ, ибо съ одной стороны обвиненія, взведенныя на Моро, не имѣли достаточно силы, чтобъ установить его виновность, а съ другой—захватъ графа Артуа и герцога Беррійскаго, которому онъ приписывалъ такую важность, неудавался окончательно. Съ нѣкотораго времени онъ могъ изъ донесеній Савари видѣть безполезность дальнѣйшихъ наблюденій за мѣстомъ высадки. Рѣшась поразить собственно Бурбоновъ, чтобъ отбить у нихъ охоту къ заговорамъ, и устрашить ихъ сторонниковъ, онъ началъ наводить справки—не было ли у него подъ рукою какого нибудь другаго члена этой фамиліи, вдвойнѣ для него ненавистной съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ борьбу и съ тѣхъ поръ, какъ отвергла съ презрѣніемъ предложенные имъ два мильона за отреченіе отъ правъ на корону Франціи. Къ несчастью такой Бур-

---

этихъ поръ.» Между Моро и Бонапарте было нѣчто другое нежели враги. *Прим. автора.*

бонъ нашелся для славы Перваго Консула; около двухъ лѣтъ жилъ онъ въ Эттенгеймѣ очень близко отъ Стразбурга, но на Баденской территоріи. Это былъ герцогъ Энгіенскій, внукъ принца Конде, пылкій и храбрый молодой человѣкъ, находившійся всегда впереди въ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовала армія его дѣда. Удалившись съ окончаніемъ войны въ Эттенгеймъ, онъ жилъ тамъ прикованный романическою любовью къ принцессѣ Шарлотѣ Роганъ, на которой и женился тайно, а сосѣдство Чернаго Лѣса дозволяло ему удовлетворять страсть его къ охотѣ. Совершенно чуждый заговору, самое существованіе котораго было ему не извѣстно, онъ для вступленія въ корпусъ эмигрантовъ ожидалъ только призыва отъ англійскаго кабинета, который платилъ ему жалованье. За нимъ поручено было наблюдать старинному слугѣ дома, нѣкоему Ламоту, донесеніе котораго не доказывало ни малѣйшаго сообщничества герцога съ парижскими заговорщиками, но въ немъ упоминались два обстоятельства, способныя возбудить нѣкоторое подозрѣніе; во первыхъ пребываніе въ Эттенгеймѣ Дюмурье, котораго агентъ по ошибкѣ смѣшалъ съ именемъ маркиза Тюмери, во вторыхъ, довольно распространенный, хотя равно ложный слухъ [72]), что герцогъ тогда рисковалъ даже бывать въ Стразбургѣ на театральныхъ представленіяхъ. Но оба эти факта, предположивъ даже ихъ дѣйствительность, чего однакоже не было, не могли служить поводомъ къ серьезному подозрѣнію, ибо до тѣхъ поръ ни чѣмъ не было доказано участіе Дюмурье въ заговорѣ, а если герцогъ Энгіенскій пробирался тайкомъ въ Стразбургъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ бывалъ въ Парижѣ. У правительства притомъ имѣлись—переписка Драке съ Меге, донесенія агентовъ, находившихся при Тайлорѣ и Спенсеръ-Смитѣ, депеши Массіа, нашего министра въ Баденѣ;

---

[72]) Что и доказано не только корреспонденціею герцога, но и свидѣтельствомъ его офицеровъ. *Прим. автора.*

оно тѣмъ лучше знало о несуществованіи заговора Драке, и что Бонапарте самъ организовалъ и держалъ въ рукахъ нити отъ этой путаницы. Еслибъ герцогъ Энгіенскій игралъ въ Эттенгеймѣ приписываемую ему роль, то нѣтъ сомнѣнія, что нашелся бы хоть какой нибудь намекъ въ этихъ различныхъ документахъ, которые положительно безмолвствуютъ въ этомъ отношеніи. Наполеонъ ни на одну минуту не могъ повѣрить, чтобъ герцогъ Энгіенскій вступилъ противъ него въ заговоръ; и ничего нельзя видѣть кромѣ гнусной комедіи въ знаменитой сценѣ, столько разъ приводимой, и которую впервые разсказалъ Деморе. „Ну, г. Реаль, вы мнѣ не сказываете, что герцогъ Энгіенскій, въ четырехъ миляхъ отъ моей границы организуетъ военные заговоры? Неужели же я собака, которую первый встрѣчный можетъ убить безнаказанно?“ Пришелъ Талейранъ и встрѣтилъ такой же пріемъ, наконецъ Камбасересъ, который, узнавъ, что дѣло шло о захватѣ и разстрѣляніи герцога Энгіенскаго, почтительно выразилъ надежду, *что строгость не зайдетъ такъ далеко!* „Знайте, отвѣчалъ Бонапарте: — что я не хочу щадить своихъ убійцъ!“ [73]) Впрочемъ этотъ порывъ притворнаго гнѣва кажется столь мало мотивированнымъ самому автору разсказа, который объясняетъ его убѣжденіемъ, какое долженъ былъ имѣть Наполеонъ, что герцогъ Энгіенскій былъ *французскій принцъ*, который имѣлъ стать во главѣ заговорщиковъ. Но вѣдь болѣе мѣсяца назадъ принцъ этотъ былъ наименованъ въ доносахъ, и это былъ графъ Артуа, послѣдуемый герцогомъ Беррійскимъ. Этотъ принцъ долженъ былъ явиться изъ Англіи, а не съ береговъ Рейна, и былъ тотъ, котораго Савари ожидалъ въ теченіе двадцати осьми дней у Бивильскаго утеса. Вторую эту ошибку можно еще менѣе допустить, нежели первую. Единственное преступленіе герцога Энгіенскаго заключалось въ томъ, что онъ находился

[73]) *Пятнадцать лѣтъ высшей полиціи* и проч. *Прим. автора.*

подъ рукою у Бонапарте въ то самое время, когда Бонапарте необходима была кровь Бурбона, и вотъ по какой причинѣ его избрали и поразили.

Ни одна изъ системъ, изобрѣтенныхъ тогда или впослѣдствіи для того, чтобъ отнести къ случаю или пассивнымъ орудіямъ отвѣтственность въ убійствѣ — не выдерживаетъ предъ простымъ изложеніемъ факта. Въ послѣднихъ только числахъ февраля Бонапарте узналъ, что долженъ окончательно отказаться отъ надежды захватить графа Артуа у Бивильскаго утеса; онъ тотчасъ же приказалъ Реалю запросить стразбургскаго префекта—былъ ли въ Эттенгеймѣ герцогъ Энгіенскій. Въ этомъ письмѣ отъ 1 марта къ Шее, Реаль не спрашиваетъ: участвуетъ ли герцогъ въ заговорѣ, можете ли вы сообщить какія нибудь свѣдѣнія о немъ? Онъ спрашиваетъ просто: „постоянно ли герцогъ живетъ въ Эттенгеймѣ?“ [74]). 9 марта прибыло донесенье Ламота, а 10 уже отдано Коленкуру и Орденеру приказаніе—одному окружить Оффенбургъ, а другому Эттенгеймъ. Фактъ этотъ тѣсно связанъ со всѣмъ предшествовавшимъ и обнаруживаетъ только жестокую душу, томимую нетерпѣніемъ — поразить скорѣе. Можно ли приписать его другому, а не тому, кто составлялъ тогда все, и кто въ этомъ дѣлѣ единственно былъ увлеченъ страстью и ослѣпленъ личнымъ интересомъ. Въ признаніяхъ на о. св. Елены онъ то относитъ это рѣшеніе къ себѣ самому [75]), то приписываетъ его коварнымъ совѣтамъ невольныхъ актеровъ, попавшихъ въ эту грустную драму, какъ будто бы онъ имѣлъ привычку поддаваться вліянію окружающихъ въ дѣлахъ такой важности. И кого же онъ обвиняетъ? Человѣка, который меньше всего былъ заинтересованъ подвинуть его на такое злоупотребленіе, и

---

[74]) Документъ, приводимый Нугоредь де-Файе: «*Историческія изысканія о процессѣ герцога Энгіенскаго*». *Прим. автора.*

[75]) *Завѣщаніе* Наполеона. *Прим. автора.*

который, по своей натурѣ болѣе всего гнушался имъ,—Талейрана [76]), холоднаго, осторожнаго Талейрана, человѣка умѣреннаго, врага всякихъ крайностей, съ характеромъ, снисходительнымъ до низости, но не жестокаго и не злаго. И съ какою цѣлью Талейранъ изобрѣлъ бы это преступленіе? Съ цѣлью поссорить навсегда Бонапарте съ Бурбонами, чтобъ сдѣлать невозможнымъ ихъ возвращеніе? Но для чего? Какой страхъ или какое честолюбіе могли внушить ему подобную ярость? Это королевское племя стояло ли между нимъ и трономъ? Чего было ему опасаться Бурбоновъ, ему, который не участвовалъ ни въ какихъ злоупотребленіяхъ революціи, не былъ ни цареубійцею, какъ Фуше, ни террористомъ, какъ Бонапарте, и который былъ даже единственнымъ правительственнымъ человѣкомъ, какой могъ бы остаться, еслибъ предположить реставрацію?

Къ этому ложному и низкому оправданію, приводимому человѣкомъ, который то отступалъ предъ собственнымъ преступленіемъ, то тщеславился имъ съ циническою гордостью, смотря по тому думалъ ли онъ умилостивить или удивить исторію, апологисты царствованія [77]) присоединили извиненія, о которыхъ онъ самъ никогда не помышлялъ и успѣхъ которыхъ вѣроятно подалъ бы ему новый поводъ презирать людей болѣе изобрѣтательныхъ, чѣмъ самый тиранъ, для оправданія тираніи. Такова легенда о мнимомъ *недоразумѣніи*, которое будто бы побудило Бонапарте. Романъ этотъ, повидимому, измышленный въ началѣ Реалемъ и Савари—личностями весьма заинтересованными оправдать своего властелина, чтобъ очистить собственную память, имѣетъ главною цѣлью доказать, что арестованіе герцога Энгіенскаго основывалось на убѣжденіи, что онъ былъ извѣстная *таинственная личность*, слывшая подъ именемъ *Шарля*,

---

[76]) О'Меора, Ласказъ. *Прим. автора.*
[77]) Савари, Меневаль, Демаре, Бильонъ, Тьеръ. *Прим. автора.*

котораго иные подсудимые видѣли у Жоржа и котораго описывали примѣты. По смыслу этого разсказа, Бонапарте будто бы убѣдился въ тождествѣ этой личности съ принцемъ и велѣлъ схватить герцога Энгіенскаго „собственно для того, чтобъ дать ему *очную ставку* съ свидѣтелями“ [78]); т. е. чтобъ доказать его тождество съ этимъ незнакомцемъ. Вотъ причина роковой ошибки, приведшей къ венсенской катастрофѣ. Во первыхъ, нѣтъ въ оригинальныхъ документахъ никакого слѣда этой озабоченности; тогда имѣлись уже самыя подробныя примѣты таинственной личности: „лысый, блондинъ, средняго роста и проч.“, что ни мало не походило на герцога Энгіенскаго, что́ могъ подтвердить первый встрѣчный жандармъ, а между тѣмъ объ этомъ даже не спросили агента, посланнаго въ Эттенгеймъ слѣдить за герцогомъ. Во вторыхъ, примѣты эти принадлежали не кому другому, какъ Шарлю Пишегрю, въ чемъ тѣмъ легче было удостовѣриться, что онъ уже десять дней какъ былъ заключенъ въ Тамплѣ съ подсудимыми, которые донесли на него, а по взятіи герцога Энгіенскаго никто и не подумалъ объ очной ставкѣ. Наконецъ, въ третьихъ, Бонапарте съ 14 февраля, т. е. мѣсяцъ назадъ зналъ изъ показанія Буве де-Лозье, что коноводами заговора были графъ Артуа и герцогъ Беррійскій, что они имѣли прибыть изъ Англіи—центра заговора, а не съ береговъ Рейна, и только за невозможностью овладѣть послѣдними, онъ задумалъ схватить герцога Энгіенскаго, имя котораго даже не было упомянуто ни въ одномъ показаніи.

Скажемъ болѣе: изъ опубликованныхъ документовъ процесса Жоржа видимъ, что подсудимый Пико, спрошенный объ имени таинственной личности, *еще 14 февраля* показалъ, что это долженъ быть никто иной, какъ Пишегрю, и показаніе его въ этомъ отношеніи было подтверждено всѣми другими подсудимыми. Ни эти извѣты, ни варіанты, введен-

---

[78]) Слова Реаля, приводимыя Савари. *Прим. автора.*

ные впослѣдствіи для приданія имъ бо́льшаго вѣроятія не выдерживаютъ критики [79]); не только первоначальное рѣшеніе принадлежитъ Бонапарте, но никогда намѣреніе не было болѣе свободно обдумано, болѣе независимо отъ предопредѣленія, отъ заблужденія, часто вліяющихъ на насъ, однимъ словомъ болѣе *лично;* рѣшеніе это имъ подписано и не имѣетъ ничего общаго съ жестокостями революціонеровъ, въ которыхъ встрѣчается вездѣ слѣпая непреклонность принципа. Терроръ поражалъ во имя закона, а здѣсь была корсиканская *вендетта,* которая преслѣдуетъ врага въ его дѣтяхъ, въ семействѣ, а въ случаѣ нужды и въ самыхъ отдаленныхъ родственникахъ.

Говорятъ, собранъ былъ совѣтъ, въ которомъ мѣра обсуждалась лишь для формы и гдѣ Камбасересъ приписываетъ себѣ честь, что онъ заявлялъ мнѣніе умѣренности, слишкомъ робкое, чтобъ повліять на кого нибудь, которое и вызвало знаменитый отвѣтъ: „Вы сдѣлались очень скупы на кровь Бурбоновъ!“ Но надобно отнести къ числу басенъ мнимый рапортъ, читанный будто бы Талейраномъ въ подкрѣпленіе мѣры, и который, будучи имъ похищенъ изъ архива для сожженія, остался будто бы по ошибкѣ въ ящикѣ, гдѣ и сохранился въ видѣ улики [80]). Это грубыя выдумки, которыхъ не стоитъ и оспаривать. Единственная бумага, сочиненная въ то время Талейраномъ—и этого уже много для его чести—сообщеніе, въ которомъ онъ, въ каче-

---

[79]) Разсказъ Савари Тьеръ замѣняетъ другимъ недоразумѣніемъ, основаннымъ на словахъ Леридана въ показаніи послѣдняго отъ 10 марта; но это еще менѣе вѣроятно, потому что въ то время все уже было рѣшено. Тьеръ имѣетъ только смутное понятіе о фактахъ. Онъ выходки Бонапарте относительно Маркова приписываетъ сообщничеству этого дипломата съ заговорщиками! Между тѣмъ какъ эта сцена происходила за полгода назадъ, и Марковъ выѣхалъ изъ Франціи 28 ноября 1803 г.

Прим. автора.

[80]) Меневаль, Савари. *Прим. автора.*

ствѣ министра иностранныхъ дѣлъ, извѣщалъ баденскаго электора о нарушеніи территоріи, на которое Первый Консулъ долженъ былъ рѣшиться „съ величайшимъ прискорбіемъ.“

15 марта 1804 г., отрядъ драгунъ полковника Орденера, выступилъ среди ночи изъ Шелештадта, переправился черезъ Рейнъ, окружилъ Эттенгеймъ и обступилъ домъ, въ которомъ жилъ герцогъ Энгіенскій. На требованіе отворить дверь первымъ движеніемъ герцога было отвѣчать выстрѣломъ по злоумышленникамъ; но его отговорилъ одинъ нѣмецкій офицеръ, бывшій у него, и который, спросивъ „замѣшанъ ли онъ“ и получивъ отрицательный отвѣтъ, замѣтилъ ему безполезность сопротивленія [81]). Герцогъ сдался, чтобъ не подвергнуть опасности друзей. Тогда захватили всѣ его бумаги и отвезли въ Стразбургскую цитадель, гдѣ онъ и заключенъ былъ вмѣстѣ съ маркизомъ Тюмери и другими находившимися у него лицами. Изъ числа осьми человѣкъ только маркизъ и полковникъ Грюнштейнъ принадлежали къ воинствующей эмиграціи, остальные были духовные и слуги [82]). Немедленно явилось доказательство въ лживомъ донесеніи и о присутствіи Дюмурье, и объ участьи герцога въ парижскомъ заговорѣ, о которомъ даже не нашлось слѣда въ его бумагахъ, и даже о военной роли, приписываемой ему въ въ виду будущей войны, ибо онъ жилъ обыкновеннымъ частнымъ человѣкомъ, а собраніе эмигрантовъ, которые будто бы группировались около него, было чисто воображаемое.

Но гибель несчастнаго молодаго человѣка была рѣшена и тѣмъ болѣе неизбѣжна, что она связывалась съ политическимъ разсчетомъ. Съ 12 марта Бонапарте заперся въ Маль-

---

[81]) Рапортъ гражданина Шарло, командира 38-го жандармскаго эскадрона.—*Журналъ* герцога Энгіенскаго. *Прим. автора.*

[82]) Рапортъ Шарло. *Прим. автора.*

мэзонѣ [83]), гдѣ онъ надѣялся укрыться отъ всякихъ просьбъ о помилованіи, которыхъ рѣшился не слушать, и удалился отъ театра преступленій, ибо онъ не хотѣлъ, чтобъ личность его явилась при актѣ, въ которомъ его воля составляла все.

И вотъ Мюратъ, котораго онъ назначилъ парижскимъ губернаторомъ, Реаль, начальникъ его полиціи, и Савари, исполнитель порученій—будутъ фигурировать въ драмѣ, въ которой они не что иное, какъ его орудія. 15 марта онъ пишетъ къ Реалю все приготовить въ Венсенскомъ замкѣ [84]). 17 марта у него въ рукахъ была вся переписка герцога Энгіенскаго, и онъ чрезъ два дня отослалъ ее къ Реалю, рекомендуя, чтобъ не обращали никакого вниманія на болѣе или менѣе уликъ, заключающихся въ этихъ бумагахъ [85]). Онъ очень хорошо зналъ, что эти улики сводились къ одному обвиненію, а именно, что онъ служилъ въ арміи эмигрантовъ и готовъ былъ служить съ ними снова—погрѣшность, которую онъ столько разъ прощалъ тысячамъ людей, несравненно менѣе заслуживавшихъ снисхожденія, нежели наслѣдникъ семейства, столь жестоко пораженнаго революціею; онъ зналъ, что всѣ подозрѣнія относительно его — не имѣли никакого основанія. Гнусная выдумка Савари о томъ, что его смѣшали съ „таинственною личностью,“ становится здѣсь до такой степени невѣроятною, что продолжатели его обязаны сознаться, что Бонапарте не могъ имѣть этой ложной идеи, но, говорятъ они, онъ боялся тогда „подвергнуться презрительнымъ насмѣшкамъ со стороны ройялистовъ.“ Хороша причина для того, чтобъ умертвить невиннаго! При томъ Бонапарте не могъ опасаться ничего подоб-

---

[83]) *Mala Domus*, замокъ въ деп. Сены и Оазы, въ 8 километрахъ отъ Версали. Любимое мѣстопребываніе императрицы Жозефины; туда она удалилась послѣ развода и тамъ умерла въ 1814 году.
Прим. перев.

[84]) Бонапарте къ Реалю. *Прим. автора.*

[85]) Бонапарте къ Реалю, 19-го марта. *Прим. автора.*

наго со стороны партіи, пораженной ужасомъ. Онъ дѣйствовалъ съ отличнымъ сознаніемъ дѣла. 18 марта онъ получилъ депешу отъ Массіа, нашего министра въ Баденѣ, который свидѣтельствовалъ, „что поведеніе герцога всегда было безукоризненно и осторожно.“ По легендѣ эта депеша была будто бы перехвачена Талейраномъ, но подобная безпричинная ненависть весьма мало согласуется съ лѣнивыми страстями этого государственнаго человѣка. Массіа сдѣлалъ болѣе: онъ ѣздилъ въ Стразбургъ извѣстить префекта Шее, что въ Эттенгеймѣ не было ни заговора, ни собранія эмигрантовъ [86]). Неужели же и Шее поклялся подобно Талейрану погубить герцога! Поведеніе и намѣреніе герцога Энгіенскаго не заключали въ себѣ важности для Бонапарте; онъ хотѣлъ только отдѣлаться отъ него. Во всемъ этомъ онъ былъ такъ твердо убѣжденъ, что въ проектѣ допроса, который послалъ онъ Реалю 20 марта утромъ (а вѣроятнѣе вечеромъ 19), даже не упомянута жалоба на соучастье въ заговорѣ: его обвиняютъ только въ томъ, что онъ обнажалъ оружіе противъ отечества „и въ побочныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ этимъ главнымъ фактомъ; наконецъ ограничились вопросомъ — зналъ ли онъ о заговорѣ и въ случаѣ еслибъ *удался этотъ заговоръ*, то долженъ ли онъ былъ вступать въ Альзасъ.“ Не считали болѣе нужнымъ приводить мнимые предлоги, а довольствовались поводомъ, достаточнымъ, чтобъ предать его смертной казни, чего только и хотѣлось.

Пока все приготовлялось къ трагической развязкѣ, Бонапарте сидѣлъ запершись въ Мальмэзонѣ, не доступный ни для кого, кромѣ самыхъ близкихъ довѣренныхъ лицъ. Онъ имъ, говорятъ, декламировалъ стихи изъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ о милосердіи, для предупрежденія ихъ просьбъ,

---

[86]) Письмо Массіа къ Бурьену о дѣлѣ герцога Энгіенскаго, 1827 г.
Прим. автора.

заставляя вѣрить въ чувство, котораго ни мало не питалъ въ душѣ. Люди, исполнявшіе его порученія, Реаль и Савари, безпрерывно сносились съ нимъ; они вмѣстѣ обсуждали необходимыя мѣры. Такъ какъ никто изъ извѣстныхъ лицъ не хотѣлъ участвовать своимъ именемъ въ безчестномъ приговорѣ, то рѣшено было судить принца въ комиссіи, составленной изъ полковниковъ парижскаго гарнизона, людей вполнѣ преданныхъ и мало способныхъ сознать всю важность акта, котораго отъ нихъ требовали. Самъ Реаль не долженъ былъ компрометировать себя въ допросѣ, предлагавшемся для формы, а его долженъ былъ замѣнить докладчикъ—капитанъ по выбору Мюрата. На случай герцогъ попросилъ бы свиданія съ Бонапарте, на это не велѣно было обращать никакого вниманія [87]). Первый Консулъ приказалъ, чтобъ приговоръ *немедленно приведенъ былъ въ исполненіе* — зловѣщая формула, говорившая довольно ясно о натурѣ этого приговора. Вопреки всѣмъ выдумкамъ объ этомъ случаѣ изъ его жизни, нѣтъ слѣдовъ ни одного факта, который доказалъ бы, что Бонапарте колебался хоть минуту; все напротивъ убѣждаетъ, что никогда убійство не было хладнокровнѣе задумано. Разсказываютъ, что по цѣлымъ часамъ онъ одиноко прогуливался по аллеямъ Мальмэзона въ безпокойствѣ и чрезвычайномъ смятеніи. „Доказательство его волненія, писали:—заключается уже въ самомъ его бездѣйствіи, ибо онъ не надиктовалъ почти ни одного письма въ продолженіе осьмидневнаго пребыванія въ Мальмэзонѣ—единственный примѣръ бездѣйствія во всю его жизнь“ [88])! Достаточно взглянуть на его корреспонденцію съ 15 по 23 марта, чтобъ убѣдиться въ полнѣйшей неточности этого ука-

---

[87]) Гюлленъ и Савари равно признаютъ сущность этого приказанія, и сваливаютъ другъ на друга взаимно стыдъ его принятія, что весьма не важно. *Прим. автора.*

[88]) Тьеръ. *Прим. автора.*

занія; въ этотъ краткій промежутокъ онъ надиктовалъ *двадцать семь писемъ*, изъ которыхъ иныя весьма объемисты и относятся къ дѣламъ всякаго рода. 20 марта, въ день, когда по всѣмъ вѣроятностямъ волненіе его должно бы дойдти до самой крайней степени, онъ диктуетъ семь писемъ, и въ томъ числѣ одно весьма пространное къ Сульту, въ которомъ говорится лишь о калибрѣ мортиръ, слѣдуемыхъ къ размѣщенію въ Булони и фортѣ Ружъ, объ измѣненіяхъ платформъ на судахъ батавской флотиліи, и наконецъ о кипахъ отравленной хлопчатки, которую англичане выкинули на наши берега для зараженія Континента [89]). Мысль, которая показалась бы смѣшною при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, произведеніе необыкновенно мрачнаго воображенія, но ни въ какомъ случаѣ не продуктъ души, томимой угрызеніями.

Герцогъ Энгіенскій прибылъ въ Парижъ 20 марта, около 11 часовъ утра; его продержали у заставы до 4 часовъ вечера, очевидно въ ожиданіи новыхъ приказаній изъ Мальмэзона. Оттуда онъ былъ перевезенъ наружными бульварами въ Венсенскій замокъ, куда Бонапарте назначилъ губернаторомъ *довѣреннаго человѣка*, достойнаго того порученія, которое онъ долженъ былъ выполнить. Это былъ тотъ самый Гарель, который выдалъ ему головы невинныхъ— Арены, Черакки, Топино-Лебрена и Демервиля, обвиненныхъ въ преступленіи, въ которомъ онъ самъ былъ подстрекателемъ и единственнымъ участникомъ. Принцъ могъ подкрѣпиться нѣсколько пищею и отдохнуть. Изъ тщательныхъ изысканій, произведенныхъ впослѣдствіи объ этомъ печальномъ событіи, явствуетъ, что въ тотъ часъ, когда герцогъ Энгіенскій прибылъ въ Венсенъ, чтобъ стать передъ

---

[89]) Бонапарте къ Сульту, отъ 20-го марта 1804 г.

Прим. автора.

судомъ, для него уже была вырыта могила [90]). Около полуночи его разбудилъ капитанъ Дотанкуръ для предварительнаго допроса, какъ докладчикъ коммиссіи. Отвѣты герцога были просты, ясны, исполнены благородства и скромности и чрезвычайно правдивы. Онъ согласился, что служилъ въ продолженіе всей войны, сперва волонтеромъ, потомъ, какъ начальникъ авангарда въ корпусѣ Бурбоновъ; что получалъ жалованье изъ Англіи, ибо не имѣлъ другихъ средствъ къ жизни. Но онъ отрицалъ, чтобъ когда бы то ни было знавалъ Дюмурье или Пишегрю. Въ минуту подписанія протокола онъ написалъ собственноручно, „что неотступно проситъ особенной аудіэнціи у Перваго Консула. Мое имя, мое званіе, мой образъ мыслей и *ужасное мое положеніе*, прибавилъ онъ: — позволяютъ мнѣ надѣяться, что онъ не откажетъ въ моей просьбѣ“ [91]). Самое назначеніе часа доказывало, что участь его была рѣшена. Эта-то просьба умирающаго, возобновленная чрезъ нѣсколько минутъ передъ коммиссіею, просьба, не только предвидимая, но и заранѣе отказанная, какъ удостовѣряютъ Гюлленъ и Савари,—преобразуется въ Запискахъ на о. св. Елены, въ письмо, которое задержалъ Талейранъ, постоянно жаждавшій крови Бурбоновъ: „Герцогъ, говоритъ Наполеонъ:—написалъ мнѣ письмо, *въ которомъ предлагалъ свои услуги и просилъ начальства надъ арміею*, и этотъ злодѣй Талейранъ вручилъ мнѣ его только чрезъ два дня послѣ смерти принца“ [92]). Здѣсь двойная и постыдная клевета, во первыхъ противъ Талейрана, а вторыхъ, противъ герцога Энгіенскаго и послѣдняя гнусна въ особенности: она похожа на пощечину,

---

[90]) *Письмо Лапортъ Лаланна,* одного изъ комиссаровъ, назначенныхъ на слѣдствіе.—Протоколъ комиссаровъ. Показаніе землекопа Боннеле. *Прим. автора.*

[91]) Рапортъ капитана Дотанкура. *Прим. автора.*

[92]) О'Меаара, Ласказъ. *Прим. автора.*

данную осужденному — палачемъ предъ исполненіемъ казни. Герцогъ не писалъ письма, а тѣмъ болѣе такого унизительнаго, но если бы и писалъ изъ Стразбурга или изъ Венсена, то оно не могло ни въ какомъ случаѣ быть вручено Талейрану. Его, подобно всѣмъ герцогскимъ бумагамъ, отправили бы прямо въ Мальмэзонъ, или въ случаѣ какой нибудь невѣроятной ошибки главному судьѣ, или начальнику полиціи Реалю или еще парижскому губернатору Мюрату. Не было никакой возможности, чтобъ оно попало къ Талейрану, тогда министру иностранныхъ дѣлъ. Предположивъ даже въ Талейранѣ чудовище жестокости, то онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ, чтобъ позволить себѣ подобный поступокъ противъ такого человѣка, какъ Бонапарте. Этотъ анекдотъ бросаетъ лишь тѣнь на память того, кто его сочинилъ—и на умъ тѣхъ, которые его принимаютъ.

Въ два часа утра [93]) герцогъ былъ введенъ въ коммиссію, собравшуюся подъ предсѣдательствомъ генерала Гюллена. На мрачныхъ и безстрастныхъ лицахъ этихъ людей, привыкшихъ къ пассивному повиновенію, легко было видѣть, что приказаніе было ими получено, и осужденіе обвиненнаго не подлежало сомнѣнію. Все въ нихъ и вокругъ нихъ обличало зловѣщую роль, принятую ими на себя; мракъ, которымъ они окружили себя, тайна, съ которою дѣйствовали, тишина этого ночнаго часа, отсутствіе свидѣтелей, публики и защитниковъ, въ которомъ не отказываютъ самому послѣднему убійцѣ [94]), поспѣшность, съ которою приступали къ дѣлу,—все это словно кричало: „Это не судьи!“ При видѣ подобной обстановки узникъ угадалъ ожидавшую

---

[93]) Часъ означенъ на протоколѣ, но послѣ событія замаранъ, какъ слишкомъ компрометирующій судей. *Прим. автора.*

[94]) Это нарушеніе юридическихъ формъ было подробно изложено въ краснорѣчивой запискѣ Дюпена: «*Discussion des actes de la commission militaire etc.*» *Прим. автора.*

его участь. Благородный молодой человѣкъ выпрямился и съ достоинствомъ отвѣчалъ на краткіе вопросы, предложенные Гюлленомъ. Вопросы эти, предложенные для формы, были въ сокращенномъ видѣ тѣ же, какіе предлагалъ и капитанъ-докладчикъ: они подтверждали одинъ только фактъ, что обвиненный сражался противъ республики, фактъ, котораго герцогъ и не оспаривалъ. Говорятъ, что когда Гюлленъ спросилъ его, участвовалъ ли онъ въ заговорѣ на жизнь Перваго Консула, кровь предковъ Конде закипѣла въ немъ, и онъ отвергъ подозрѣніе, покраснѣвъ отъ гнѣва и негодованія; но грубыя ругательства, которыя двадцать лѣтъ спустя Савари вложилъ въ уста Гюллена, лишены всякаго правдоподобія, ибо судьи были смущены болѣе, нежели подсудимый. Напротивъ, Гюлленъ, заслуживающій больше вѣроятія, утверждаетъ, что старался внушить подсудимому нѣкоторыя умолчанія, которыя могли спасти послѣдняго, но тотъ отвергъ это съ благороднымъ негодованіемъ, какъ вещь, его недостойную. По окончаніи допроса, принцъ возобновилъ просьбу о свиданіи съ Первымъ Консуломъ. Тогда Савари, державшійся молча у камина, сзади президентскаго кресла, воскликнулъ: „Теперь это мое дѣло!“ Судьи удалились на полчаса для мнимаго совѣщанія и составленія приговора, на *бланкѣ, подписанномъ заранѣе*, и Гарель явился за осужденнымъ. Съ факеломъ въ рукѣ онъ повелъ его чрезъ мрачные переходы къ лѣстницѣ, выходящей на замковый ровъ [95]). По прибытіи туда они очутились передъ выстроенною ротою жандармовъ Савари; принцу прочли приговоръ на краю заранѣе вырытой могилы, которая ожидала его тѣла. Фонарь, поставленный возлѣ нее, зловѣщимъ свѣтомъ озарялъ эту сцену убійства. Тогда осужденный обратился къ присутствовавшимъ и спросилъ, можетъ ли кто нибудь исполнить послѣднюю просьбу умирающаго. Одинъ офицеръ вышелъ изъ строя; герцогъ

---

95) Показаніе бригадира Офора. *Прим. автора.*

вручилъ ему пакетъ съ волосами, предназначенный любимой женщинѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ палъ, пронзенный пулями.

Такова была ловушка, самая подлая изъ всѣхъ, когда либо устроенныхъ. Если вѣрить апологистамъ лицъ, принимавшихъ участье въ его казни, то никто здѣсь не отвѣтственъ, и будто бы одна судьба виновна въ преступленіи. Ко всѣмъ несчастнымъ случайностямъ, которыя открыты ими послѣ казни въ этомъ печальномъ событіи, слѣдовало прибавить еще самую гибельную случайность, и которая будто бы одна погубила принца. Видите ли, Реаль, которому было поручено допросить подсудимаго, слишкомъ поздно распечаталъ конвертъ съ этимъ порученіемъ, и будто бы пріѣхалъ уже въ Венсенъ, когда все было кончено. Но если Реаль долженъ былъ снимать допросъ, то какимъ образомъ Мюратъ, проклинавшій свою роль въ этомъ обстоятельствѣ, взялъ на себя поручить это капитану Дотанкуру? И если Реаль поспѣшилъ въ Венсенъ, то для чего же онъ въ то самое утро писалъ къ нему два раза и просилъ прислать приговоръ и допросъ? Никогда болѣе гнусная ложь не была измышлена для того, чтобъ выгородить виновныхъ отъ справедливаго презрѣнія исторіи. Къ этой же категоріи надобно причислить и разсказъ Савари по поводу пріема, сдѣланнаго ему Бонапарте, когда онъ явился въ Мальмэзонъ отдать отчетъ въ своемъ порученіи: „Онъ слушалъ меня *съ чрезвычайнымъ удивленіемъ*. Онъ устремилъ на меня рысій взглядъ.... и сказалъ: „Здѣсь что нибудь непостижимое для меня... Судъ могъ быть учиненъ лишь послѣ того, какъ Реаль *допросилъ бы подсудимаго относительно одного обстоятельства, разъясненіе котораго было важно для насъ*... Вотъ преступленіе, и которое не ведетъ ни къ чему!“ *Обстоятельство*, требовавшее разъясненія, все-таки заключалось въ тождествѣ герцога съ таинственною личностью, *лысою, бѣлокурою* и *средняго роста!* Когда подумаешь, что столь без-

честныя выдумки были приняты цѣлымъ поколѣніемъ, то невольно спрашиваешь: — не имѣетъ ли ложь сама по себѣ такой неотразимой прелести для толпы, что самая истина не можетъ казаться ей иначе, какъ отталкивающею? Нѣтъ, въ Венсенской катастрофѣ не было ни случайности, ни запутанности, ни ошибки; все было обдумано заранѣе, искусно разсчитано, и необходимо утратить здравый смыслъ, чтобъ повѣрить баснямъ, которыя подтверждаетъ самъ виновный. Какимъ образомъ человѣкъ, оказывающійся въ своей *Корреспонденціи* столь мелочнымъ, внимательный къ малѣйшимъ подробностямъ, столь проницательный и кропотливый, если дѣло идетъ даже о какомъ нибудь незначительномъ агентѣ заговора, который самъ диктовалъ вопросные пункты и направлялъ преслѣдованіе обвиняемаго Карелля или женщины Пошетонъ, могъ такъ скоро сдѣлаться игрушкою недоразумѣній, разсѣянія или грубыхъ ошибокъ, приписываемыхъ ему, когда дѣло идетъ о Бурбонѣ или Конде? Какъ допустить, чтобъ человѣкъ столь проницательный, съ такимъ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ былъ въ такомъ критическомъ обстоятельствѣ послушнымъ автоматомъ въ рукахъ Талейрана? Нѣтъ, не смотря на всѣ подлоги и ложь, не смотря на лицемѣріе, которое гнуснѣе самаго преступленія, ему неудастся избѣгнуть отвѣтственности въ дѣлѣ, на которое онъ употребилъ наиболѣе разсчета; дѣло это останется за нимъ и предъ Богомъ и предъ людьми, и исторія не допуститъ даже раздѣла безчестія, который предоставляютъ въ пользу виновнаго сообщники, ибо въ дѣлѣ убійства герцога Энгіенскаго были — главный виновникъ и его орудія, но сообщниковъ не было.

Вѣсть о казни герцога Энгіенскаго стала извѣстна въ Парижѣ только вечеромъ 21 марта; она произвела самое зловѣщее впечатлѣніе. Дѣйствительно, это былъ терроръ, но терроръ въ пользу одного человѣка, безъ гласности и свѣта, ибо все въ этой гнусной трагедіи и арестъ, и судъ, и казнь,

все происходило ночью. Однако общественное мнѣніе, лишенное средствъ выразить свое негодованіе, молчало поневолѣ, и впечатлѣніе было мимолетное. Люди такъ мало способны къ постоянству даже въ ненависти, что менѣе нежели чрезъ три мѣсяца послѣ убійства, тѣ, которые негодовали болѣе всего, обращались къ убійцѣ съ просьбою какого нибудь мѣста у него въ передней! Явился одинъ только протестъ Шатобріана, который отказался отъ должности повѣреннаго въ дѣлахъ при Валисской республикѣ. Фуркруа получилъ совсѣмъ готовую рѣчь, которую и поспѣшилъ прочесть въ Законодательномъ Корпусѣ для распущенія этого собранія. Бонапарте лично явился въ Государственный Совѣтъ и произнесъ одинъ изъ тѣхъ монологовъ, въ которыхъ оспаривалъ мнимаго противника, словно чувствовалъ все, что было неодобрительнаго въ этомъ общемъ молчаніи: „Парижская чернь была не что иное какъ туча тунеядцевъ.... и всегда составляла несчастье Франціи... Что касается общественнаго мнѣнія, то слѣдовало уважать его приговоры, но презирать капризы... Впрочемъ у него было пятьдесятъ тысячъ человѣкъ для того, чтобъ заставить уважать волю націи!“ Потомъ онъ пустился въ безконечныя объясненія, которыхъ отъ него никто не требовалъ, и какъ бы раздраженный упорнымъ молчаніемъ, господствовавшимъ вокругъ, мгновенно закрылъ засѣданіе. Журналамъ приказано было безмолвствовать. Мониторъ въ тотъ день и на слѣдующій имѣлъ особенную физіономію, исполненную таинственности, кротости и сокрушенія. 21 марта онъ напечаталъ письмо папы Пія VII *„къ любезнѣйшему во Христѣ сыну Наполеону Бонапарте“* по поводу германскихъ церквей—доказательство любви, драгоцѣнное для благочестивыхъ душъ въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Но не помѣстилъ ни одного слова по поводу трогательнаго событія, бывшаго у всѣхъ на устахъ. Впрочемъ въ краткой замѣткѣ сообщалось публикѣ о существованіи скопища эмигрантовъ на правомъ

берегу Рейна „*загроможденнаго* этими новыми легіонерами.“ Не именуя герцога Энгіенскаго, говорилось „что Бурбонскій принцъ со своимъ штабомъ и нѣсколькими отдѣлами вербовщиковъ основался на этомъ пунктѣ, откуда и управлялъ движеніемъ.“ Постыдная ложь, разсчитанная для того, чтобъ приготовить мнѣніе, ибо нѣсколько уже лѣтъ какъ имѣлся именной списокъ осьми человѣкъ, совершенно безвредныхъ, находившихся около принца [96]), и нужна была необыкновенная дерзость, чтобъ преобразовать ихъ въ главный штабъ и отдѣлы для вербовки. На другой день, 22-го марта, офиціальный журналъ выступаетъ съ чрезвычайно благочестивою статьею. Въ этотъ разъ епископъ кутанскій ручается за набожныя чувства Перваго Консула. Среди торжественной обѣдни, заказанной ветеранами для возблагодаренія Бога за открытіе заговора, епископъ предложилъ этимъ воинамъ въ примѣръ восторженную вѣру новаго Константина: „Солдаты, сказалъ онъ имъ: — не забывайте никогда Бога, котораго почитаетъ побѣдитель при Маренго, Бога, предъ которымъ въ Миланскомъ соборѣ, онъ преклонилъ главу, увѣнчанную побѣдою и проч.“ Послѣ этого знаменательнаго предисловія и послѣ свѣжихъ новостей, на весьма невидномъ мѣстѣ офиціальнаго листка, помѣщенъ былъ документъ, какъ будто какая нибудь незначительная историческая статья, которому не предпослано было ни одной строчки—это отчетъ о судѣ военной комиссіи надъ *именуемымъ* Людовикомъ-Антуаномъ-Генрихомъ Бурбономъ герцогомъ Энгіенскимъ. И въ дополненіе всего коварства и разсчитанности въ этомъ дѣлѣ необходимо сказать, что и отчетъ этотъ былъ *ложный*. Оригиналъ, отвезенный Реалемъ въ Мальмэзонъ, слишкомъ грубъ въ своемъ лаконическомъ кра-

---

[96]) Это были Тюмери, полковникъ Гринштейнъ, два аббата, секретарь и трое слугъ.—*Рапортъ Шарло.* *Прим. автора.*

сноръчіи, и ему придали кое-какія формулы и кое-какія подобія юридическихъ формъ.

Едва начало утихать волненіе, произведенное смертью герцога Энгіенскаго, какъ 6 апрѣля разнеслась молва, что генералъ Пишегрю найденъ задушеннымъ въ своей темницѣ. „5 апрѣля, около 11 часовъ вечера, разсказываетъ *Монитеръ*:—Пишегрю, хорошо поужинавъ, легъ спать около полуночи. Когда ушелъ сторожъ, который ему прислуживалъ, Пишегрю вынулъ изъ-подъ подушки черный галстухъ и обмоталъ его вокругъ шеи. Палка, которую онъ утащилъ изъ вязанки дровъ, послужила ему къ совершенію самоубійства. Онъ вложилъ эту палку между двухъ концовъ завязаннаго галстуха и поворачивалъ ее столько разъ, сколько нужно для прекращенія дыханія, потомъ заложилъ ее за ухо и легъ на это самое ухо, чтобъ не дать ей возможности выскользнуть. Пишегрю, отъ природы полнокровный, послѣ плотнаго ужина и вслѣдствіе сильнаго сжатія горла, скончался ночью.“

Точный и подробный разсказъ этотъ, словно написанный очевидцемъ, не могъ предупредить или разсѣять подозрѣній, какія должно было возбудить подобное происшествіе. Онъ грѣшилъ весьма печальною въ этомъ обстоятельствѣ ошибкою—желаніемъ доказать какъ можно яснѣе. Кому извѣстно, напримѣръ, какъ тяжела и судорожна агонія, производимая задушеніемъ, тому трудно допустить, чтобъ Пишегрю въ такую важную минуту, сохранявшій еще сознаніе, не началъ сопротивляться невольно, а оставался неподвижнымъ до конца, *лежа на ухѣ, чтобъ помѣшать палкѣ выскользнуть*, какъ приписываетъ ему съ невозмутимою увѣренностью авторъ этого страннаго протокола. Другія подозрительныя частности—могли находиться въ донесеніи хирурговъ, осматривавшихъ тѣло, или въ показаніяхъ сторожей. Медики засвидѣтельствовали, что у Пишегрю на лѣвой щекѣ

была поперечная царапина около шести сантиметровъ [97]), которую они приписывали вращательному движенію палки— вещь весьма мало вѣроятная, если это движеніе было произведено самимъ генераломъ. Жестокость эта обнаруживала вмѣшательство посторонней руки. Теперь послушаемъ дежурнаго сторожа, находившагося при Пишегрю. Онъ объясняетъ, „что, войдя утромъ въ комнату Пишегрю затопить печку и *какъ онъ не видѣлъ и не слышалъ со стороны генерала ни малѣйшаго движенія и боясь не случилось ли чего*, онъ немедленно побѣжалъ увѣдомить тюремщика Тампля. гражданина Фоконье“ [98]), не увѣрившись другимъ образомъ основательно ли его предположеніе или нѣтъ, не видя и не упоминая ни объ одной изъ подробностей этой сцены, столь хорошо подготовленной, чтобъ поразить взоръ. И вещь не менѣе странная! Это неопредѣленное донесеніе, „что не слышно Пишегрю“ удовлетворяетъ тюремщика Фоконье, ему нѣтъ надобности въ болѣе полномъ подтвержденіи, и онъ спѣшитъ прямо къ полковнику Понсару и слѣдственному судьѣ Тюріо [99]).

Мониторъ возвращается къ смерти Пишегрю и разсказываетъ, „что Пишегрю вечеромъ попросилъ *Сенеку* и, раскрывъ эту книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ философъ разсуждаетъ о несчастьяхъ жизни и о легкомъ переходѣ въ вѣчность, Пишегрю попытался на *самоубійство*.“ Реаль и его друзья съ своей стороны разсказываютъ, что Пишегрю взялъ этого Сенеку у Реаля за нѣсколько дней прежде, и оставилъ ее раскрытою на той страницѣ, гдѣ философъ говоритъ, ,,что человѣкъ, замышляющій заговоръ, прежде всего не долженъ бояться смерти.“ Такимъ образомъ выходитъ, что Пишегрю будто бы самъ позаботился устранить всѣ вѣроятія, кото-

---

[97]) Донесеніе медиковъ, назначенныхъ Трибунатомъ и проч. *Прим. автора.*

[98]) Показаніе ключника Попона. *Прим. автора.*

[99]) Показаніе Фоконье. *Прим. автора.*

рыя могли бы возбудить подозрѣнія въ убійствѣ! Для того, чтобъ показать намѣреніе лишить себя жизни, онъ будто бы попросилъ Сенеку вмѣсто того, чтобъ въ нѣсколькихъ строчкахъ передать свою послѣднюю волю; онъ будто бы избралъ этотъ не прямой, окольный путь, это театральное средство, столь противное его характеру; онъ будто бы хотѣлъ приготовить это оправданіе своему смертельному врагу. Надобно признаться, что здѣсь видно много ловкости и изворотливости, а послѣднее доказательство выходитъ изъ всякаго предѣла и способно скорѣе возбудить, нежели разсѣять сомнѣнія. Тоже самое должно сказать и о восклицаніи, которое, какъ свидѣтельствуетъ Савари, исторглось у Реаля, когда послѣдній узналъ о происшествіи: „Итакъ, хотя это самоубійство и неопровержимо доказано, однако все-таки будутъ говорить, что мы, не бывъ въ состояніи убѣдить Пишегрю, задушили его!“ [100]).

Таково было дѣйствительно всеобщее впечатлѣніе, когда узнали объ этой смерти и когда еще были свѣжи всѣ подробности. Указывали даже на палачей, на мамелюковъ, привезенныхъ Бонапарте съ Востока, которыми онъ окружилъ себя, — исполнителей дѣйствительно отлично выбранныхъ для этой турецкой казни. Арестанты разсказывали, что ночью они слышали шумъ и борьбу въ темницѣ Пишегрю. Савари утверждаетъ, что чрезъ много лѣтъ потомъ одинъ высокопоставленный сановникъ его пріятель, говорилъ ему объ убійствѣ Пишегрю, „какъ о несомнѣнной истинѣ.“ Боронъ Дальбергъ, тогдашній баденскій представитель въ Парижѣ, выразилъ общее чувство дипломатическаго корпуса въ донесеніи своему правительству, „что Пишегрю былъ избранъ какъ жертва. Исторія римскихъ императоровъ временъ Восточной Римской Имперіи, прибавляетъ

---

[100]) *Записки Савари.* *Прим. автора.*

онъ: — вотъ картина этой страны, этого царствованія"— сравненіе тѣмъ болѣе вѣрное, что Бонапарте, раздраженный разговорами парижскихъ салоновъ, велѣлъ напечатать во всѣхъ журналахъ статью „о причинахъ, побудившихъ Константина *образовать новую столицу.*" Онъ нѣсколько разъ громко выражалъ свое намѣреніе—истинное или притворное перенести столицу въ Ліонъ и избралъ этотъ моментъ, чтобъ пустить эту весьма прозрачную угрозу по адресу парижанъ.

Съ этихъ поръ — время, ослабляющее всякія впечатлѣнія, почти изгладило подозрѣнія, возбужденныя смертью Пишегрю; но кто перенесется въ среду тогдашнихъ обстоятельствъ, и вникнетъ въ нихъ съ холоднымъ вниманіемъ, для того подозрѣнія останутся нетронутыми. Но смерть Пишегрю подаетъ поводъ къ двойному вопросу. Былъ ли Бонапарте *способенъ* употребить подобное средство для того, чтобъ отдѣлаться отъ Пишегрю? Убійство герцога Энгіенскаго, жертвы несравненно болѣе чистой, болѣе невинной, болѣе интересной нежели Пишегрю, и которая была умерщвлена за пятнадцать дней назадъ, освобождаетъ насъ отъ отвѣта. Потомъ можно спросить—былъ ли тутъ его *интересъ?* Пишегрю постоянно объявлялъ при допросахъ, что будетъ говорить только предъ трибуналомъ; послѣ того, какъ Реаль обманулъ его, онъ употреблялъ относительно Перваго Консула весьма рѣзкія выраженія; извѣстно было, что онъ зналъ не одну тайну въ эпоху 18 фруктидора, иныя изъ которыхъ касались потомъ генерала Бонапарте; знали его энергическій, рѣшительный характеръ, и наконецъ то, что онъ доведенъ былъ до отчаянія и готовъ разоблачить все. Конечно болѣе и ненадо было для всемогущаго врага, въ глазахъ котораго жизнь человѣка была все-равно что жизнь какого нибудь насѣкомаго. Но, какъ часто говорили, не больше ли для Перваго Консула было интереса отдѣ-

---

[101]) Депеша отъ 11-го апрѣля. *Прим. автора.*

латься отъ Моро, и въ такомъ случаѣ—зачѣмъ убивать Пишегрю? Отвѣтъ не труденъ. Пишегрю былъ до такой степени замѣшанъ, что ему не оставалось уже болѣе ни щадить кого бы то ни было, ни чего бы то ни было надѣяться; онъ не могъ хоть сколько нибудь подняться въ общественномъ мнѣніи, какъ нападая открыто на тиранію Бонапарте. Моро, напротивъ, находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже порицать консульской политики, безъ того, чтобъ не возбудить подозрѣнія о личной враждѣ; противъ него имѣлись весьма не важныя улики, и онъ усилилъ бы ихъ, принявъ въ процессѣ роль соперника или даже оппонента; онъ долженъ былъ строго ограничиться лишь опроверженіемъ фактовъ, въ которыхъ его обвиняли. Вотъ были рѣшительныя причины не бояться съ его стороны того, чего опасались со стороны Пишегрю; и притомъ — какимъ же образомъ заставить повѣрить, чтобъ Моро, противъ котораго не имѣлось никакого доказательства, могъ самъ рѣшиться на *самоубійство?* Для объясненія подобной рѣшимости необходимо было отчаянное положеніе. Это не все, Пишегрю, лишенный уваженія, внушалъ участье только эмиграціи, и его можно было уничтожить безъ боязни; Моро уважали даже враги, онъ любимъ былъ старыми солдатами, имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ въ средѣ начальниковъ арміи и даже въ Сенатѣ, и если бы подобнаго человѣка задушили въ тюрьмѣ, то консульское правительство, по всѣмъ вѣроятіямъ, не долго бы пользовалось плодомъ своего преступленія. Изъ этого слѣдуетъ, что если убійства Пишегрю нельзя нисчитать неоспоримо доказаннымъ фактомъ, то въ немъ ничего нѣтъ, что казалось бы невѣроятнымъ. Тайна, можетъ быть, никогда не разоблачится, и обвиненіе будетъ смѣлымъ, но подозрѣніе останется всегда законнымъ.

ГЛАВА IV.

Имперія. — Процессъ и изгнаніе Моро.

Если поводъ всевозможныхъ облегченій и одобреній, расточаемыхъ правительствомъ заговору, который, можетъ быть безъ этого никогда бы и не начался,—могъ быть на минуту сомнителенъ для исторіи; то постыдная поспѣшность, съ какою постарались извлечь изъ этого низкаго разсчета ожидаемые результаты, сама по себѣ уже достаточна, чтобъ ярко освѣтить намѣренія тѣхъ, кто этому благопріятствовалъ. Искусство, съ которымъ извлекли пользу изъ заговора, отлично объясняетъ то содѣйствіе, которое ему оказывали. Это были два одновременные выстрѣла, два предпріятія, стремившіяся къ одной цѣли. Эта цѣль, столь пламенно и столь коварно преслѣдуемая, не заключалась только въ томъ, чтобъ погубить Моро и его друзей, попавшихъ съ нимъ въ опалу, не въ смерти Пишегрю, Жоржа и герцога Энгіенскаго, не въ уничтоженіи послѣдней энергіи, оставшейся среди ройялистской партіи, но въ увѣнчаніи надеждъ, такъ долго откладываемыхъ, которыя обнаружилъ первымъ памфлетъ Фонтана, которымъ заговоръ Черокки послужилъ искусно подготовленнымъ предлогомъ, но и мечта, осуществленія которой не хотѣли отъ тріумфовъ англійской экспедиціи, сдѣлавшихся не много проблематическими; однимъ словомъ, это была Импе-

рія. Волненіе, произведенное послѣдними событіями, потрясеніе, произведенное надъ многими слабыми умами, столь поспѣшно бросающимися изъ одной крайности въ другую, выраженія преданности, вызванныя изъ среды всѣхъ офиціальныхъ учрежденій и административныхъ собраній, по поводу избавленія Перваго Консула, какъ онъ говорилъ, отъ грозившихъ ему опасностей—чрезвычайно облегчали введеніе извѣстнаго уже предмета его желаній въ формѣ адреса или прошенія, и вопросъ, разъ введенный, былъ рѣшенъ заранѣе.

Давно уже слова *Западная Имперія*, Имперія Галловъ, пущены были въ ходъ преданными людьми, желавшими назначить поскорѣе время и увѣренными, что понравятся властелину, произнося громко названіе, которое не выходило уже у него изъ головы. Но слова эти не находили отголоска,—ихъ встрѣчало только равнодушіе публики. Со времени разрыва Аміэнскаго договора, Фоксъ сообщилъ своему племяннику носившійся слухъ, что Бонапарте намѣренъ провозгласить себя императоромъ Галловъ [102]). Объявить было преждевременно, но событіе рѣшено. Прежде требовалось создать поводъ; теперь онъ находился въ рукахъ: избрать для этого преобразованія неудачу заговора было средствомъ, указаннымъ и опошлившимся со временъ Макіавелли. Въ то самое время, когда разстрѣливали герцога Энгіенскаго, адресы, подписанные чиновниками, избирательными и муниципальными совѣтами, требовали, чтобъ Бонапарте положилъ конецъ безпокойствамъ націи и упрочилъ учрежденія, установивъ наслѣдственность. Сигналъ былъ поданъ изъ глубины отдаленной провинціи незначительнымъ собраніемъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Гантомъ. Просьба эта нисколько не выражала общаго чувства; здѣсь просто правительство

---

[102]) *Memorials and correspondence*, published by lord Rossel. Vol. III. *Прим. автора.*

обращалось къ самому себѣ устами своихъ креатуръ. Порабощенная, пассивная Франція не имѣла ни воли, ни мнѣнія, она была въ особенности легковѣрна и не имѣла никакихъ средствъ узнать правду относительно совершившихся событій; она смиренно дозволила толкать себя на путь, на который хотѣли увлечь ее. Никогда переворотъ не былъ менѣе мотивированъ, менѣе вызванъ общественнымъ желаніемъ; никогда онъ не былъ возбужденъ съ бо́льшимъ презрѣніемъ къ народному праву; никогда еще съ большею дерзостью не оскорбляли здраваго смысла и истины, утверждая, что нація желала Имперіи. Между самыми окружавшими Бонапарте, люди болѣе просвѣщенные, большею частью были противъ этой перемѣны; они боялись за себя этого честолюбія, которое какъ бы дѣлалось ненасытнѣе вслѣдствіе самаго удовлетворенія, которое расточалось ему для того, чтобъ его успокоить. Такъ думалъ Камбасересъ, главный проводникъ пожизненнаго Консульства. За Бонапарте были только тѣ, кто заранѣе спекулировалъ на милости новаго правительства. Во главѣ ихъ стоялъ Фуше, утомленный своимъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ и сгаравшій нетерпѣніемъ возвратить свое прежнее мѣсто на службѣ. За неимѣніемъ Камбасереса, Фуше былъ главнымъ орудіемъ этого преобразованія, достойнымъ дѣятелемъ подобнаго дѣла. Впрочемъ услуги, оказанныя имъ здѣсь, служили только продолженіемъ тѣхъ, какія онъ оказалъ въ интригѣ, веденной противъ Моро. Онъ развернулъ здѣсь свою прежнюю опытность искуснаго интригана. Убійство герцога Энгіенскаго вызвало движеніе ужаса, но не остановило организованныхъ манифестацій, въ которыхъ общественное мнѣніе было нулемъ. Оставалось только втянуть главныя государственныя учрежденія, болѣе покорныя, нежели всѣ другія: они ожидали только приказанія.

Для побужденія Сената нашли чрезвычайно простое средство. Чтобъ отвлечь тяжелое впечатлѣніе, произведен-

ное въ Европѣ нарушеніемъ германской территоріи, Первый Консулъ приказалъ главному судьѣ составить рапортъ относительно интригъ Драке и Спенсера Смита въ Германіи, котораго они были жертвою со стороны Меге и капитана Розея. Къ этому рапорту присоединили, какъ убѣждающее доказательство, переписку этихъ дипломатическихъ агентовъ съ двумя агентами подстрекателями, и чтобъ придать наиболѣе шуму этимъ весьма незначительнымъ письмамъ, ихъ подкрѣпили чрезвычайно рѣзкимъ и краснорѣчивымъ циркуляромъ, адресованнымъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ Талейраномъ, чтобъ лишній разъ заклеймить интриги британскаго кабинета. Представить это посредственное произведеніе въ Сенатъ при настоящихъ обстоятельствахъ — значило извлечь изъ него двойную пользу. Комиссія, назначенная этимъ собраніемъ для разсмотрѣнія рапорта, не зная чего отъ нее требовали, предложила только проэктъ адреса съ обязательными поздравленіями; но Фуше было поручено разъяснить дѣло Сенату. Бонапарте на этотъ разъ счелъ безполезнымъ возобновлять комедію пожизненнаго Консульства, ибо онъ первый былъ наказанъ за это; онъ объяснялся прямо касательно своихъ намѣреній. Фуше передалъ сенаторамъ желаніе, которое было для нихъ приказомъ. Онъ безъ труда убѣдилъ ихъ въ преимуществѣ, какое будетъ имѣть Сенатъ, упредивъ желаніе, которому не могъ воспрепятствовать, и проэктированный адресъ немедленно измѣнился въ предложеніе — овладѣть короною. 27 марта, въ то время, когда едва успѣло простынуть тѣло венсенской жертвы, и когда впечатлѣніе было еще живо у всѣхъ, важнѣйшія лица въ государствѣ, среди всеобщаго изумленія поспѣшили предложить убійцѣ награду за преступленіе. „Вы основываете, говорили они ему:—новую эру, но вы должны ее увѣковѣчить; слава ничего не значитъ, если она не продолжительна. Не откладывайте, великій мужъ, докончите ваше дѣло, учинивъ его столь же безсмертнымъ, какъ ваша слава. Вы

извлекли насъ изъ хаоса прошедшаго, вы заставляете насъ благословлять благодѣянія настоящаго, обезпечьте жъ намъ будущее!“ [103]).

Спокойно и серьезно Бонапарте принялъ желаніе сенаторовъ, но считалъ обязанностью выразить удивленіе человѣка, застигнутаго врасплохъ. Онъ просилъ времени обдумать отвѣтъ на предложеніе, иниціатива котораго принадлежала ему одному. Дѣйствительнымъ его желаніемъ было— выиграть время, потребное для того, чтобъ привести все въ порядокъ и приготовить умы къ преобразованію, необходимости котораго никто не чувствовалъ. И когда онъ велѣлъ своимъ ораторамъ обсуждать въ Государственномъ Совѣтѣ преимущество системы наслѣдственной сравнительно съ системою избирательною, когда передъ нѣкоторыми лицами обнаруживалъ какъ бы колебаніе между Имперіею и *штатгальтерствомъ* [104]), въ тоже время онъ торопилъ своихъ префектовъ ускорить демонстраціи во всѣхъ подчиненныхъ имъ собраніяхъ; онъ поручилъ своимъ посланникамъ начать переговоры о признаніи новаго его званія съ иностранными дворами, особенно съ прусскимъ и австрійскимъ; онъ обсуждалъ съ братьями Жозефомъ и Людовикомъ то случайность развода, то способъ, по которому должно быть установлено наслѣдство, наконецъ приказалъ генераламъ [105]) узнать мнѣніе арміи, стараясь однакожъ обращаться съ этимъ предложеніемъ лишь къ людямъ, способнымъ понять смыслъ его. Послѣдняя эта формальность казалась тѣмъ болѣе насмѣшлива, что желанія солдатъ были заранѣе эксплоатированы въ видѣ угрозы членамъ Сената, Законодательнаго Корпуса и Трибуната. Имъ сказано было подъ рукою, „что армія сгарала нетерпѣніемъ, что начальники боялись, что скоро не

---

[103]) Сенатскій адресъ. *Прим. автора.*
[104]) Міо де-Мелито. *Прим. автора.*
[105]) Письмо къ Сульту, отъ 14-го апрѣля 1804 г. *Прим. автора.*

будутъ въ состояніи удержать ее, и потому необходимо поторопиться, если не хотѣли дождаться, чтобъ военная сила произвела переворотъ, который долженъ быть произведенъ гражданскою властью.“ Итакъ, армія была въ сущности рычагомъ, который двигалъ все государство. Легко понять силу этого общаго движенія, сообщеннаго этой машинѣ, столь хорошо организованной для деспотизма; разъ очутясь въ колеѣ, имперія шла правильнымъ, предвидѣннымъ ходомъ, котораго съ тѣхъ поръ ничто не могло остановить, развѣ какая нибудь необыкновенная случайность.

Европа была менѣе послушна, а потому и показала меньше угодливости. Мы видѣли, какъ вслѣдствіе Аміэнскаго договора, Бонапарте въ короткое время своими непомѣрными требованіями вооружилъ противъ насъ государства, наилучше къ намъ расположенныя, и сдѣлалъ это въ моментъ, когда затѣянная нами война — болѣе нежели когда нибудь требовала сохраненія этихъ отношеній. Мы видѣли, какъ онъ безжалостно давилъ зависимыя націи, безмѣрно унижалъ побѣжденную Австрію, раздражалъ Россію за то, что не могъ возстановить ее противъ Англіи, наконецъ, какъ онъ отвергалъ руку, которую подавала ему Пруссія, и отвергалъ за одну статью, въ которой отказывали его упрямству. Полнѣйшее одиночество было единственнымъ послѣдствіемъ этой политики. Одного чувства враждебности, высказываемаго загадочнымъ поведеніемъ державъ, было бы достаточно, чтобъ остановить Перваго Консула предъ такимъ громаднымъ фактомъ, какъ захватъ герцога Энгіенскаго среди мира на германской почвѣ, еслибы онъ обладалъ политическимъ геніемъ, который ему такъ легко приписывали. Если онъ въ самомъ дѣлѣ не предвидѣлъ неизбѣжныхъ послѣдствій подобнаго событія, въ мало дружественномъ расположеніи, въ которомъ находилась Европа, то надобно безусловно отрицать въ немъ тактъ и точность ума, безъ которыхъ не мыслимъ великій политикъ; если же онъ это пред-

видѣлъ, и согласно съ выраженіемъ, которое часто отъ него слышали, онъ хотѣлъ „побѣдить Англію, побивая Европу,“ если онъ предпочиталъ мщеніе миру всего свѣта, если онъ хладнокровно совершилъ это преступленіе, съ сознаніемъ бѣдствій, какія навлекалъ этимъ на свое отечество, тогда онъ былъ безумцемъ, стоющимъ быть внѣ законовъ рода человѣческаго.

Захватъ и убійство герцога Энгіенскаго произвели единодушное негодованіе на европейскія державы, но послѣднія далеко не всѣ были въ состояніи его выразить. Пруссія высказала свое неудовольствіе лишь глубокимъ молчаніемъ; но тотчасъ же вступила въ союзъ съ Россіею съ помощью секретнаго договора [106]). Обѣ державы обязывались объявить намъ войну, при „первомъ же захватѣ французскаго правительства у сѣверныхъ государствъ.“ Одного увеличенія нашихъ войскъ въ Ганноверѣ достаточно было, чтобъ дать имъ право требовать *casus foederis*. Австрія, уединенная тогда вслѣдствіе раздѣла германскихъ вознагражденій, оставалась въ боязливомъ положеніи — какъ предписывало ей благоразуміе—и продолжала выказывать намъ холодное вниманіе. Самъ Кобенцель имѣлъ слабость сказать нашему посланнику Шампаньи,—но только въ частномъ разговорѣ, „что государь его понималъ нужды политики,“ и это въ Парижѣ сочтено было за согласіе австрійскаго кабинета. Мелкіе германскіе дворы, пораженные ужасомъ, прикинулись, что не знали о событіи. Одна Россія протестовала энергически. Въ этомъ случаѣ державѣ этой выпала на долю честь быть истолковательницею мнѣнія всего свѣта. Едва только роковая вѣсть достигла въ Петербургъ, императоръ Александръ велѣлъ наложить при дворѣ трауръ. Чрезъ нѣсколько дней строгая и высокомѣрная нота, адресованная къ француз-

---

[106]) Подписанъ 24-го мая 1804 г. *Прим. автора.*

скому кабинету, подтвердила смыслъ этой манифестаціи [107]). Выразивъ чувство „скорби и удивленія,“ вызванныя у императора эттенгеймскимъ событіемъ, нота выставляла нарушеніе народнаго права, совершеннаго нападеніемъ на нейтральную территорію, и заявляла, что русское правительство предоставляетъ себѣ право дѣйствовать предъ союзнымъ сеймомъ. Маленькій шведскій дворъ храбро подражалъ Россіи. Первый Консулъ не заставилъ ожидать себя съ отвѣтомъ, который остался памятнымъ по вреду, какой причинилъ намъ. Еслибъ только дѣло шло объ оскорбительномъ возраженіи на весьма справедливыя жалобы, этотъ отвѣтъ отлично достигалъ бы цѣли; но для того, чтобъ избѣгнуть предстоящаго разрыва, посредствомъ искуснаго замедленія, чтобъ смягчить вину вѣчно-грустныхъ фактовъ, однимъ словомъ оставить возможность для примиренія, нота французскаго кабинета была также гибельна, какъ и несвоевременна.

Разсужденія, сопровождавшія эту оскорбительную ноту, съ цѣлью доказать, что такъ какъ германскія державы считали себя удовлетворенными, то Россія не имѣла никакого права жаловаться, были совершенно излишни, ибо когда поражаютъ, то разсужденіе безполезно. Предположивъ, что здѣсь прилагалось — оспоримое весьма правило — *молчаніе знакъ согласія*, то надъ германскими интересами былъ здѣсь интересъ болѣе общій, именно — общественное европейское право; и если германскія правительства были слишкомъ слабы, чтобъ смѣть на него опираться, то развѣ болѣе сильныя державы не должны были принять на себя защиту общей независимости? Въ то же время Бонапарте велѣлъ Талейрану отозвать немедленно нашего посланника изъ Петербурга, замѣнивъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ, и предписалъ ему тонъ поведенія относительно этого двора: „*Я не*

---

[107]) Нота отъ 30-го апрѣля. *Прим. автора.*

хочу войны, писалъ онъ: — но я не боюсь ее съ кѣмъ бы то ни было... Достаточно уже проглотить обиду Англіи на морѣ, чтобъ не быть обязану переносить еще дерзости Россіи... Вся Европа, продолжалъ онъ: — отдастъ мнѣ справедливость, *что я не мѣшаюсь во внутреннія дѣла никакого государства;* и я не потерплю, чтобъ дѣлали противное относительно Франціи [108]). Прежде уже видѣлъ читатель изъ нашего разсказа о сношеніяхъ нашихъ съ Испаніею, Швейцаріею, Голландіею, Италіею, даже самою Англіею, какъ Бонапарте „не мѣшался во внутреннія дѣла никакого государства.“ Въ то же самое время онъ принудилъ римскій дворъ выдать ему изъ самаго низкаго угодничества и вопреки всѣмъ законамъ, эмигранта Вернего, натурализованнаго русскаго, котораго ему одно время хотѣлось впутать въ заговоръ Жоржа. Но вскорѣ, стѣсняясь его захватомъ, подъ рукою благопріятствовалъ его бѣгству, когда замѣтилъ, что угрозы, направленныя противъ Россіи, произвели въ Европѣ эффектъ, противоположный тому, какого онъ ожидалъ.

Эффектъ этотъ становился менѣе и менѣе благопріятнымъ по мѣрѣ того, какъ послѣднія событія стали лучше извѣстны въ цѣломъ. Донесеніе относительно интригъ Драке, напечатанное съ такимъ шумомъ, чтобъ обратить на Англію негодованіе, вызванное венсенскою катастрофою, положительно не достигло цѣли, не смотря на рѣзкія выраженія, которыми Талейранъ наполнилъ свой циркуляръ къ членамъ дипломатическаго корпуса. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключалось преступленіе Драке и Спенсера Смита? Не въ томъ ли, что они приняли предложеніе полицейскаго агента, который обѣщалъ имъ похитить въ кабинетѣ Перваго Консула портфель, заключавшій въ себѣ государственныя тайны? Не въ томъ ли, что они пытались завязать сношенія съ ройялистскимъ комитетомъ? Но то, что они пробовали сдѣ-

---

[108]) Бонапарте къ Талейрану, отъ 13-го мая 1804 г.

лать безуспѣшно въ государствѣ, съ которымъ ихъ отечество находилось въ войнѣ, сколько разъ самъ Бонапарте съ полнымъ успѣхомъ дѣлалъ съ державами, съ которыми былъ въ мирѣ! Вся его политика, чаще всего, заключалась въ продѣлкахъ подобнаго рода, но эти продѣлки были съ его стороны во сто разъ гнуснѣе, потому что онъ употреблялъ ихъ противъ союзниковъ, или противъ слабыхъ, и потому что съ хитростью онъ умѣлъ соединять насиліе. Притомъ Англія только заимствовала у него любимое его средство, возбуждая противъ него враговъ во Франціи, въ то время, когда онъ, чтобъ загладить неудачу своей попытки взбунтовать Ирландію, формировалъ въ Булони полки ирландцевъ для новаго возстанія. Если онъ не дѣлалъ больше, то потому что не могъ, ибо при всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ освободить англійскій народъ отъ аристократіи и принести ему благодѣянія равенства, онъ не могъ бы увлечь въ Англіи и послѣдняго нищаго.

Около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте получилъ предложеніе Сената окончить свое дѣло и утвердить наши учрежденія возстановленіемъ трона. Въ это время онъ успѣлъ *обдумать*, т. е. увѣриться въ согласіи Пруссіи и Австріи, въ расположеніи своихъ солдатъ и въ невозмутимой покорности націи. Громадное стадо чиновниковъ бросилось съ обычнымъ ему рвеніемъ на указанный путь; генералы жадно схватились за средство къ повышенію болѣе скорое и менѣе опасное, нежели на полѣ битвы, и въ теченіе всего апрѣля Франція гремѣла выраженіями офиціальной преданности и желаній въ пользу Имперіи. Что же касается до этой странной націи — смѣшенія отчаяннаго непостоянства и величія, слабости и великодушія, націи еще взволнованной недавнимъ негодованіемъ, колебавшейся минуту между идолопоклонствомъ и ужасомъ, но слишкомъ деморализованной и скептической, чтобъ имѣть свою волю,—то она казалась болѣе не въ состояніи противиться обаянію пре-

ступленія и славы; она отдавалась сама въ чаду какого-то опьянѣнія, подобно падшимъ женщинамъ, которыя отдаются по преимуществу тому, кто ихъ презираетъ и жестоко обращается съ ними. Наконецъ сигналъ былъ поданъ 23 апрѣля. Трибунъ Кюре, человѣкъ избранный именно вслѣдствіе своего невѣжества, чтобъ придать бóльшую цѣну велѣніямъ судьбы, подалъ въ Трибунатъ предложеніе о возстановленіи Имперіи въ пользу Наполеона Бонапарте и его семейства. Тогда Первый Консулъ рѣшился отвѣчать на адресъ сенаторовъ:

„Адресъ вашъ, сказалъ онъ имъ, — не выходилъ у меня изъ памяти и былъ предметомъ моихъ постоянныхъ размышленій. Вы считаете наслѣдственность верховнаго управленія необходимымъ для того, чтобъ поставить французскій народъ внѣ комплотовъ непріятелей нашихъ и волненій, которыя возникаютъ изъ соперничествующихъ честолюбій. Въ то же время многія изъ нашихъ учрежденій, по вашему мнѣнію, требуютъ усовершенствованій для того, чтобъ обезпечить навсегда *торжество равенства общественной свободы*, и предоставить націи и правительству двойную гарантію, въ которой они имѣютъ надобность. Болѣе и болѣе я чувствовалъ—на сколько совѣты вашей мудрости и опытности были мнѣ необходимы для утвержденія моихъ идей. Итакъ, я приглашаю васъ высказать мнѣ вполнѣ ваши мысли... Я желаю, чтобъ мы могли сказать французскому народу, 14 іюля этого года: „Пятнадцать лѣтъ назадъ, увлекаемые мгновеннымъ движеніемъ, вы взялись за оружіе, вы завоевали свободу, равенство, славу; отнынѣ эти первыя блага народовъ, обезпечены навсегда и внѣ всякихъ бурь, и предоставлены вамъ и вашимъ дѣтямъ!“ (25 апрѣля).

Какъ и наканунѣ 18 брюмэра, подъ покровительствомъ великихъ воспоминаній 89 года, помѣщался этотъ новый переворотъ, предназначенный стереть и послѣдніе слѣды

общественной свободы. Но чѣмъ въ большей силѣ былъ тотъ, кто прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ, тѣмъ гнуснѣе казалось его лицемѣріе. Впрочемъ нельзя отрицать, чтобъ этотъ циническій шарлатанизмъ, употребляемый систематически въ самомалѣйшихъ вещахъ, не способствовалъ къ поддержанію власти Бонапарте. Онъ очень хорошо зналъ, что просвѣщенные люди не повѣрятъ такой грубой лжи, но большинство массы, которую ведутъ съ помощью фразъ, которая весьма равнодушна къ существованію политическихъ гарантій, и притомъ, находя постоянно въ офиціальныхъ рѣчахъ самыя популярныя формулы революціи, серьезно принимала слова, понимать всю лживость которыхъ была едва съ состояніи. Въ глазахъ этой массы, революція заключалась въ обладаніи національными имуществами, въ повышеніяхъ въ арміи и въ доступности всякаго рода службы, наконецъ въ уничтоженіи привилегій дворянства. Всѣ эти блага Бонапарте обезпечивалъ ей, и болѣе не требовало большинство для того, чтобъ слѣпо слѣдить за человѣкомъ, котораго разоблачать—не имѣлось никакихъ средствъ, и который обладалъ притомъ искусствомъ удовлетворять кое-какія любимѣйшія желанія демократіи, если не возвышенные ея инстинкты. Вотъ главная тайна этой удивительной популярности.

Рѣчь Перваго Консула открывала поприще честолюбцамъ, царедворцамъ, спекуляторамъ, искателямъ мѣстъ: все это бросалось въ запуски, стараясь лишь опередить другъ друга, а робкіе послѣдовали изъ страха, чтобъ ихъ не сочли неблагонамѣренными. Въ Трибунатѣ, въ засѣданіи 30 апрѣля, Кюре развилъ свое предложеніе при громкихъ рукоплесканіяхъ собранія. Симеонъ, съ нетерпѣніемъ желавшій заставить позабыть свое прошедшее, какъ бывшаго ройялиста, и свою прежнюю оппозицію, поддерживалъ его съ восторгомъ. Онъ представилъ Имперію въ видѣ Геркулеса, задушающаго змѣй, кототорыя забрались подъ его колыбель. Онъ сравни-

валъ Бонапарте съ Гуго-Капетомъ и Карломаномъ. Въ числѣ послѣдовавшихъ за нимъ ораторовъ каждый старался превзойдти другъ друга въ дерзкой лести. Дюверье потребовалъ наконецъ изнасиловать „добродѣтельную совѣстливость и трогательную скромность Бонапарте... одинъ онъ еще противится, колеблется, но имѣетъ ли онъ на это право?“ — „Бонапарте сравниваютъ съ Карломаномъ! воскликнулъ Карріонъ де-Низа съ такимъ негодованіемъ.—О, Боже меня сохрани, чтобъ я захотѣлъ унизить этого великаго завоевателя! Но Карломанъ половиною силы и величія обязанъ былъ шпагѣ Карла Мартела и Пепина, а Бонапарте самому себѣ, и вотъ поэтому-то въ особенности онъ намъ любъ и на руку!“

Среди этой унизительной сцены одинъ только человѣкъ стоялъ и выказывалъ, что помнитъ и свое прошедшее и достоинство своей страны. Человѣкъ этотъ былъ Карно—представитель болѣе гордаго поколѣнія, самая дорогая мечта котораго готовилась исчезнуть, и который, не смотря на всѣ слабости, былъ еще достоинъ воздать должную дань великому дѣлу, которое разрушалось въ ту минуту. До тѣхъ поръ Карно слѣпо служилъ фортунѣ Бонапарте, онъ одинъ защищалъ его противъ справедливаго недовѣрія Директоріи, когда поведеніе молодаго генерала въ Италіи столь ясно обнаруживало необузданное честолюбіе; съ тѣхъ поръ, хотя ему и отплатили самою черною неблагодарностью, онъ отдалъ и свою популярность распубликанца и старинную репутацію честнаго человѣка на службу 18-му брюмэра, принявъ военное министерство. Позже онъ даже согласился занять мѣсто одного *выкидыша* изъ Трибуната. Всѣ эти обстоятельства служили ему обвиненіемъ, но онъ загладилъ ихъ честнымъ и твердымъ поведеніемъ въ этотъ печальный день, и его запоздалая оппозиція тѣмъ болѣе была достойна похвалы, что должна была лишить его всѣхъ плодовъ его прошлаго угодничества. Однако онъ принужденъ былъ ограничиться тѣмъ,

что въ холодно-методической рѣчи доказывалъ, что въ настоящемъ положеніи не было причины, которая вызывала бы необходимость предположенной перемѣны, и что абсолютная власть никогда не была элементомъ прочности. Одно выраженіе въ этой рѣчи открыло всю глубину мечтаній, которыми обольщался Карно: „*Сегодня, сказалъ онъ: — обнаруживается наконецъ положительнымъ образомъ предѣлъ столькихъ предварительныхъ мѣръ!*" Вотъ что должно было случиться для убѣжденія его, что 18 брюмэра вело къ монархіи, и что Бонапарте не переставалъ ни на одинъ день идти къ этой цѣли своего честолюбія! Только въ эпоху пожизненнаго Консульства, онъ началъ видѣть въ чѣмъ дѣло. Если человѣкъ, занимавшій такое удобное мѣсто для наблюденія за событіями, могъ быть обманутъ наглымъ запирательствомъ Перваго Консула, съ которымъ послѣдній опровергалъ тѣхъ, кто обнаруживалъ его намѣренія, то какъ же удивляться, что оно имѣло успѣхъ въ народныхъ массахъ? Нельзя не привести другой черты, поразительной по своей краткости: „Вы говорите, воскликнулъ онъ:—что Бонапарте спасъ отечество, возстановилъ общественную свободу; но развѣ же это награда предлагать ему въ жертву—эту самую свободу?"

Карно едва слушало собраніе, охваченное горячкою лести и нетерпѣливое кинуться въ раболѣпіе. Армія ораторовъ встала, чтобъ протестовать противъ Карно. Когда всѣ высказали свое рвеніе, Трибунатъ немедленно съ восторгомъ приступилъ къ вотированью предложенія Кюре. Мнѣніе его было тотчасъ же передано въ Сенатъ, который, будучи холоднѣе, потому что меньше выигрывалъ съ перемѣною, постарался заставить купить свое согласіе нѣсколькими новыми милостями, какъ будто бы зависѣло отъ него предложить условія человѣку, отъ котораго имѣлъ все. Сенатская записка, сопровождавшая предложеніе трона, высказывала необходимость опоры новой монархіи на прочныхъ учрежде-

ніяхъ; требовала болѣе свободы для гражданъ, болѣе независимости для общественныхъ властей. Сенатъ въ особенности не могъ обойдтись безъ гарантій наслѣдственности, онъ долженъ налагать запрещеніе на акты или законы, противные духу учрежденій; онъ долженъ быть облеченъ правомъ истолковывать сенатусъ-консульты, наконецъ хотѣлъ имѣть спеціальную обязанность—наблюдать за свободою печати и индивидуальною свободою. Безъ сомнѣнія, что, выражая эти желанія, сенаторы не понимали логики и духа большихъ монархическихъ учрежденій. Дѣйствительно, подобныя учрежденія не могутъ держаться долго иначе, какъ съ условіемъ носить въ себѣ обновляющее начало, необходимое для силы ихъ сохраненія; но странно, сенаторы не знали характера человѣка, который никогда не могъ терпѣть никакого вліянія, исключая собственнаго. Если Бонапарте дѣлалъ шагъ, то не для того, чтобъ раздѣлять свою власть въ видахъ неопредѣленнаго упроченія, о которомъ онъ очень мало заботился, но для того, чтобъ сдѣлать ее болѣе полною и болѣе несокрушимою. Въ Государственномъ Совѣтѣ онъ пришелъ въ негодованіе отъ ненасытной алчности сенаторовъ и энергически выставлялъ опасность ихъ честолюбія. „Сенаторы, если дать имъ волю, дошли бы до поглощенія Законодательнаго Корпуса, и кто знаетъ? можетъ быть, до призыва Бурбоновъ! Они хотѣли въ одно и то же время законодательствовать, судить и управлять. Подобное соединеніе власти было бы *чудовищно*; онъ не потерпитъ этого“ [109]).

Но эти власти, чудовищныя, какъ онъ говорилъ въ собраніи, по его мнѣнію, было естественно сосредоточить въ рукахъ одного человѣка. Итакъ, онъ не обращалъ никакого вниманія на эти смѣшные совѣты, и чрезъ нѣсколько дней Камбасересъ предъявилъ сенаторамъ совсѣмъ готовый планъ

---

[109]) Тибодо. *Прим. автора.*

дополнительныхъ усовершенствованій, которыя какъ бы дѣлались по ихъ иниціативѣ. Сенатъ поспѣшилъ превратить ихъ немедленно въ сенатусъ-консульту. Новости эти не нравились равномѣрно и тому, кто ихъ предлагалъ, и тѣмъ, кто былъ призванъ ихъ вотировать; но сенаторы уже болѣе не были въ состояніи отказать ни въ чемъ волѣ, надъ ними властвовавшей. Императорское званіе было дано Наполеону Бонапарте и его потомкамъ, за неимѣніемъ законныхъ наслѣдниковъ оно переходило къ Іосифу и Людовику, за исключеніемъ Люціана и Іеронима, которые, вслѣдствіе своихъ браковъ противъ воли Наполеона, впали въ немилость у новаго монарха. Рядомъ съ высшими сановниками, названія которыхъ были заимствованы отчасти отъ германской имперіи, отчасти отъ прежняго правительства, должны были также блистать и высшіе офицеры—неизбѣжное украшеніе двора, въ сущности военнаго. Въ Сенатѣ также прибывало число членовъ, но изъ новыхъ преимуществъ онъ получилъ только право образовать двѣ комиссіи, одну такъ называемую *свободы индивидуальной*, другую *свободы печати*. Послѣ трехъ послѣдовательныхъ настояній у министра, Сенатъ имѣлъ право заявить, „что онъ имѣлъ сильное подозрѣніе, что свобода эта была нарушена“ [110]) — преимущество лишенное смысла съ тѣхъ поръ, какъ собраніе это очутилось въ зависимомъ положеніи, созданномъ ему пожизненнымъ Консульствомъ, и могло пользоваться правами, столь важными по наружности, ввѣренными ему въ эту эпоху, лишь по *иниціативѣ правительства*. Законодательный Корпусъ тоже пріобрѣталъ право говорить, но въ *тайномъ кабинетѣ, и его рѣчи не должны были ни разглашаться, ни печататься;* въ замѣнъ Трибунатъ болѣе и болѣе подвергался подраздѣленію и уничтоженію. Онъ не могъ уже ни въ какомъ случаѣ обсуждать законовъ *въ общемъ собраніи*. На-

---

[110]) Сенатусъ-консульта, 18-го мая 1804 г. *Прим. автора.*

конецъ учрежденъ былъ верховный судъ вѣдать преступленія членовъ императорской фамиліи, министровъ, высшихъ сановниковъ, злоупотребленія и преступленія по должности, учиненныя чиновниками и администраторами всякаго рода, и проч. Его снабдили самыми пышными и страшными преимуществами, но онъ существовалъ только для формы и не собирался никогда. Такимъ образомъ исчезали призраки учрежденій, созданныхъ конституціею VIII г. Бонапарте не могъ даже переносить этихъ формъ безъ дѣйствительности, и онъ оставилъ на мѣстѣ ихъ одни только слова, которыя вскорѣ имѣли быть позабыты въ свою очередь. Совершивъ этотъ послѣдній переворотъ, онъ не только насиловалъ духъ своего времени, но вредилъ себѣ и оскорблялъ характеръ французской націи; ибо если и предположить, что Франція тогда не была ни способна къ свободѣ, ни достойна ее, то покрайней мѣрѣ можно было сказать о ней то, что старый Гальба говорилъ Пизону о римскомъ народѣ: „*Imperaturus es hominibus qui nec totam servitutem pati possunt, nec totam libertatem.*"

Тотчасъ же послѣ поспѣшнаго голосованія, по донесенію Лосепеда, достойнаго пѣвца пресмыкающихся [111]), матросы бросились на дорогу, ведущую въ Сенъ-Клу, чтобъ поклониться новому императору. Цареубійца Камбасересъ первый привѣтствовалъ его титуломъ величества; онъ напомнилъ въ гиперболическихъ выраженіяхъ оказанныя услуги — побѣду, одержанную подъ нашими знаменами, экономію, возстановленную въ общественныхъ расходахъ, возстановленіе алтарей, укромленіе ярости партій. Возведя Бонапарте въ санъ императорскій, нація заплатила только должное собственному достоинству. „Принимаю титулъ, который вы считаете полезнымъ для славы націи, отвѣчалъ Бонапарте. — Надѣюсь,

---

[111]) Извѣстный натуралистъ, писавшій между прочимъ о змѣяхъ и пресмыкающихся. *Прим. перев.*

что Франція не раскается никогда въ тѣхъ почестяхъ, какими окружаетъ мое семейство. Во всякомъ случаѣ *духъ мой не останется при моемъ потомствѣ* съ того дня, когда оно перестанетъ заслуживать любовь и довѣріе великой націи!"

Мистическая эта формула, въ которой Наполеонъ показывалъ свой духъ парящимъ надъ его потомками, принадлежала уже не монарху, но человѣку, мѣтившему въ полубоги. Онъ тотчасъ же облекается въ свое званіе, не дожидаясь освященія народнаго голосованія—смѣшной церемоніи, которой давали настоящую цѣну, третируя ее съ этимъ мало-скрытымъ презрѣніемъ. Въ это время по улицамъ Парижа проходитъ группа сенаторовъ и офицеровъ въ сопровожденіи трубачей и литаврщиковъ, провозглашая новое правительство, среди равнодушнаго или удивленнаго населенія. Опубликована была раздача новыхъ должностей и назначеній. Камбасересъ назначенъ былъ великимъ канцлеромъ, Лебренъ великимъ казначеемъ съ титуломъ *свѣтлѣйшихъ*. Два императорскіе брата, заслужившіе своею покорностью и благопристойною незначительностью честь быть причисленными къ наслѣдственности, Іосифъ и Людовикъ, назначены—одинъ *великимъ курфирстомъ*, другой—*великимъ коннетаблемъ*, съ титуломъ *императорскаго высочества;* рядомъ съ ними поставлены принцессы, ихъ сестры, весьма удаленныя отъ того времени, когда якобинецъ Фреронъ былъ для нихъ недосягаемымъ женихомъ, а надъ ними *государыня-мать*, эта интересная фигура недовѣрія, которая въ собственномъ счастьи постоянно видѣла невѣроятную фантасмагорію и прожила эпоху всей Имперіи, откладывая изъ своего содержанія экономію на черный день [112]); министры получали титулъ *его превосходительства;* Талейранъ, слишкомъ остроумный и проницательный для того, чтобъ

[112]) Записки графа Бельо. *Прим. автора.*

удостоиться милостей, былъ наказанъ за свои прошлыя угодничества назначеніемъ въ *оберъ-камергеры* — символъ и наказаніе его ласкательства. Другія придворныя должности были розданы для увеличенія блеска трона: явились статсъ-дамы, камерфрау, пажи, милостинный священникъ, оберъ-гофъ-маршалъ, оберъ-шталмейстеръ, оберъ-егеймейстеръ, оберъ-церемонiймейстеръ, ибо никогда не ощущается большей нужды въ расточеніи величія на словахъ, какъ въ то время, когда на дѣлѣ господствуетъ мелочность. Но какъ ни старались всѣ эти люди, начиная отъ господина до слуги, кичиться своимъ пурпуромъ, или своею ливреею, все это отзывалось пародіею, заимствованностью, мишурою, шумихою театральныхъ представленій или карнавальской сцены. Нельзя было забыть, что всѣ эти выскочки, якобинцы, террористы, столь странно переодѣтые въ придворныхъ, пріобрѣли эту власть, вліяніе, богатство, проповѣдуя или сражаясь противъ этихъ титуловъ, званій, привилегій, за которыя ухватились съ такою наглостью; нельзя было забыть, что руки ихъ дымились еще кровью предшественниковъ ихъ на этихъ самыхъ должностяхъ, что они обогатились ихъ состояніемъ, что на весь свѣтъ гремѣли ихъ клятвы противъ аристократіи и королевской власти: ни время, ни преданіе, ни народное суевѣріе не придавали своего обаянія этой кучѣ отступниковъ всѣхъ правительствъ, и слишкомъ много было бы требовать отъ исторіи, чтобъ она считала серьезнымъ подобное презрѣнное шутовство.

Единственнымъ искреннимъ и оригинальнымъ созданіемъ новаго правительства было учрежденіе маршаловъ, раціональное основаніе порядка вещей, покоившагося единственно на военной силѣ. Эти важныя должности, порожденныя системою завоеваній и могшія держаться только ею — не представляли для Европы ничего успокоительнаго. Онѣ достались по праву помощникамъ и товарищамъ по оружію Бонапарте: Мюрату, Бертье, Массенѣ, Ланну, Сульту,

Брюну, Нею, Ожеро, Монсе, Мортье, Даву, Журдану. Тѣ, которые не были болѣе способны къ дѣйствительной службѣ, какъ Келлерманъ, Перильонъ, Лефебръ, Серюрье — получили званіе почетныхъ маршаловъ. Бернадоттъ, который одно время, какъ самъ Лафайеттъ, едва не былъ замѣшанъ въ судьбу Моро, потому что Наполеону хотѣлось воспользоваться заговоромъ, чтобъ отдѣлаться разомъ отъ всѣхъ враговъ, былъ тоже назначенъ маршаломъ вмѣсто того, чтобъ попасть въ тюрьму, избѣгнувъ, благодаря дружбѣ Іосифа, отъ несчастья, спастись отъ котораго не помогла бы ему вся его ловкость, не будь онъ связанъ съ императорскою фамиліею. Изъ всѣхъ друзей и помощниковъ Моро ни одинъ не попалъ въ списокъ маршаловъ, чтобъ представлять благородную Рейнскую армію. Многіе изъ нихъ погибли въ горахъ Сенъ-Доминго. Ришпансъ умеръ въ Гваделупѣ. Изъ оставшихся въ живыхъ Декаэнъ былъ въ Западной Индіи, Дессоль, Гувіонъ Сенъ-Сиръ, Макдональдъ должны были служить подъ начальствомъ, не смотря на превосходство ума и образованія предъ многими маршалами, Сенъ-Сюзаннъ былъ похороненъ въ Сенатѣ, а знаменитѣйшій изъ всѣхъ Лекурбъ, несравненный генералъ, помощникъ Массены въ Цюрихѣ, правая рука Моро въ двойной кампаніи 1800 г., искупалъ въ забвеніи и окончательной отставкѣ свое преступленіе—вѣрную и отважную дружбу къ своему старинному собрату по оружію.

Въ то время, когда новый дворъ, упоенный своимъ торжествомъ, осыпанный богатствами и почестями, выказывалъ на шумныхъ празднествахъ всю роскошь, если не все изящество прежняго монархическаго великолѣпія, генералъ Моро послѣ долгаго и томительнаго ожиданія былъ наконецъ вызванъ къ суду. Процессъ начался 28 мая 1804 г., въ присутствіи публики, состоявшей изъ людей, которыхъ могло еще тронуть зрѣлище незаслуженнаго несчастья. Въ залѣ засѣданія можно было видѣть старыхъ ветерановъ Рейн-

ской арміи рядомъ съ извѣстнѣйшими членами парижской адвокатуры; побѣжденныхъ поборниковъ свободы, политическихъ друзей Моро, рядомъ съ его старинными братьями по оружію, ненавистными или подозрительными для Бонапарте. Сближеніе, котораго нельзя было не сдѣлать между такимъ громаднымъ несчастьемъ и такимъ наглымъ счастьемъ, представлялось всѣмъ и каждому; никогда противоположность не была болѣе рѣзкою; и когда на скамьѣ подсудимыхъ появился человѣкъ, прославленный столькими великими дѣяніями, у всѣхъ на глазахъ выступили слезы. Впрочемъ было весьма естественно, что весь интересъ процесса сосредоточился на немъ одномъ, хотя рядомъ съ нимъ были Жоржъ, Полиньякъ и другіе заговорщики, въ сообщничествѣ съ которыми его обвиняли, ибо собственно противъ него было направлено это обширное слѣдствіе, а что касалось до послѣднихъ, то ни ихъ намѣренія, ни ихъ участь не подлежали сомнѣнію. Въ замѣнъ этого, ничто не было доказано менѣе какъ участье Моро въ ихъ заговорѣ. Поведеніе его въ продолженіе этого жестокаго испытанія ничѣмъ не поколебало высокаго мнѣнія, которое имѣли о немъ, и не разъ президентъ трибунала былъ до такой степени смущенъ благородствомъ, спокойствіемъ и силою его отвѣтовъ, что обвиняемый, казалось, превратился въ судью. Были приняты всѣ мѣры, чтобъ судъ сталъ осужденіемъ. Конечно, дѣла этого не поручили военной комиссіи, хотя и находилась еще подъ рукою та, которая такъ поспѣшно покончила съ герцогомъ Энгіенскимъ. Отступили только предъ дурнымъ эффектомъ, который произвело бы подобное повтореніе; но за то отмѣнили жюри, отвергли всѣ отводы, предложенные защитниками Моро, наконецъ въ составъ трибунала ввели нѣсколько судей по выбору, какъ президентъ Гемартъ, слѣдственный судья Турьо, Жераръ, Сельвъ, Гранже, Бургиньонъ. Генералъ былъ такъ увѣренъ въ своей невинности, что мало приписывалъ важности отмѣнѣ жюри, лишь бы

только судили его честные люди. „Постарайся, писалъ онъ женѣ, за нѣсколько времени до процесса:—постарайся узнать честны ли тѣ люди, которые должны судить меня, и способны ли не измѣнить своей совѣсти. Если мои судьи честные люди, то мнѣ жаловаться нечего, хотя и кажется, что отмѣнили жюри“ [113]).

Пренія процесса сильно ограничили улики, собранныя при помощи сознаній, отчасти переиначенныхъ, отчасти извращенныхъ. Они не открыли никакого новаго факта, за исключеніемъ насилія, которому подвергались иные изъ подсудимыхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, въ показаніяхъ которыхъ заключалась наибольшая важность, Пико, слуга Жоржа, заявилъ, что сознаніе вынуждено было у него пыткою и соблазномъ пяти-сотъ луидоровъ. Онъ отвергъ все и показалъ трибуналу руки, на которыхъ оставались еще свѣжіе слѣды истязаній. Въ процессахъ Черакки и адской машины подсудимые жаловались, что ихъ подвергали пыткѣ, когда они не сознавались. Всѣ показанія были пересмотрѣны, исправлены и дополнены. Изъ всего этого оказалось поразительно ясно, что лондонскіе ройялисты, ослѣпленные собственными мечтаніями и ложными увѣреніями Лажоле, неосновательно разсчитывали на Моро; что Лажоле дѣйствовалъ безъ всякаго съ его стороны уполномочія, и не могъ даже выпросить у него денегъ, необходимыхъ на дорогу; что наконецъ Моро упорно отказывался принять участье въ заговорѣ. Здѣсь всѣ свидѣтельства были согласны; капитальный, рѣшительный, неопровержимый этотъ фактъ былъ ясенъ до очевидности; въ немъ даже заключалось то, что погубило заговорщиковъ, принудивъ ихъ отсрочить намѣреніе. Многіе свидѣтели показали, что Пишегрю пришелъ отъ этого въ такое отчаяніе, что вслѣдствіе этихъ свиданій хотѣлъ выѣхать изъ

---

[113]) Ненапечатанное письмо Моро, сообщенное графинею де-Курваль. *Прим. автора.*

Франціи. Въ чемъ же еще оставалось обвинить генерала? Въ томъ, что онъ согласился примириться съ *измѣнникомъ* Пишегрю, какъ его упрекалъ президентъ? „Съ начала революціи, отвѣчалъ Моро:—было много измѣнниковъ. Были люди измѣнники въ 1793 и не считались такими въ 1795; другіе были измѣнниками въ 1793, и не считались такими въ 1795; были третьи измѣнники въ 1795 и не считались такими съ того времени. Много было республиканцевъ, которые теперь не республиканцы! Генералъ Пишегрю могъ имѣть сношенія съ Конде въ IV году; я думаю, что онъ и имѣлъ ихъ. Но онъ былъ замѣшанъ въ ссылку фруктидора; его должно считать однимъ изъ этихъ изгнанниковъ... Когда я видѣлъ фруктидористовъ во главѣ правительственныхъ властей, когда армія Конде наполняла гостиныя Парижа и гостиныя Перваго Консула, я очень могъ хлопотать о возвращеніи Франціи завоевателя Голландіи!“ Его обвиняли, почему онъ не донесъ на человѣка, который открылся ему? Это, какъ сказалъ онъ самъ съ справедливою гордостью, не была роль достойная побѣдителя при Гогенлинденѣ. Что онъ видѣлся съ нимъ два или три раза? Но не отъ него зависѣло избѣгнуть этихъ свиданій, которыя впрочемъ не составляли преступленія. Если онъ видѣлъ Жоржа, то не по собственному желанію и лишь для того, чтобъ отвергнуть его предложеніе. Лажоле, единственный свидѣтель, который говорилъ о свиданіи на бульварѣ Мадлены, признался теперь, что онъ не видѣлъ Жоржа собственными глазами, а только указалъ Моро Пишегрю. Что онъ не скрывалъ чувства ненависти, внушаемой ему консульскимъ правленіемъ, то это чувство онъ считалъ честнымъ, и никакой законъ не запрещалъ ему высказывать это въ частномъ разговорѣ. Въ всемъ процессѣ единственнымъ противъ него показаніемъ, которое и теперь еще служитъ оружіемъ для враговъ его памяти [114]), было показаніе Рол-

[114]) Тьеръ: ***Исторія Консульства.*** Тибодо, и пр. *Прим. автора.*

ланда, человѣка весьма подозрительнаго, которому противорѣчатъ всѣ прочіе свидѣтели. Ролландъ, который во время всего слѣдствія пользовался необыкновенно странными льготами, и именно содержался въ Аббатствѣ, выходилъ изъ заключенія лишь въ сопровожденіи одного привратника своего пріятеля [115]), этотъ-то Ролландъ показалъ на вторичномъ допросѣ, что онъ по порученію Пишегрю былъ у Моро узнать его окончательное расположеніе относительно заговора. „Я не могу, будто бы сказалъ ему Моро: — стать во главѣ какого бы то ни было движенія за Бурбоновъ. Но если Пишегрю хочетъ дѣйствовать въ другихъ видахъ, — *и въ такомъ случаѣ я ему сказалъ о необходимости исчезновенія консуловъ и парижскаго губернатора*, — я полагаю имѣть партію весьма сильную для овладѣнія властью; я тотчасъ же открыто воспользуюсь этимъ, а потомъ общественное мнѣніе подскажетъ, что надо дѣлать.“ На этой-то фразѣ о *необходимости исчезновенія консуловъ*, фразѣ, припомненной изъ разговора, происходившаго Богъ знаетъ какъ давно, обвиненіе основало свои доказательства относительно сообщничества Моро. По мнѣнію обвиненія и по мнѣнію историковъ, принявшихъ эту тему, упомянутая фраза значила: „Сперва убейте, а я приду потомъ воспользоваться убійствомъ и прикрыть убійцъ!“ Но самъ Ролландъ отрицалъ смыслъ, какой хотѣли придать этимъ словамъ: „Генералъ, воскликнулъ онъ:—не сказалъ, *что необходимо, чтобъ исчезли* консулы; онъ только сказалъ: „Въ такомъ случаѣ *надобно бы*, чтобъ они исчезли!“ [116]).

Говоря строго, это было лишь съ его стороны простое предположеніе. Но какимъ образомъ допустить представляющіяся въ немъ нелѣпыя противорѣчія? Было крайне смѣшно,

---

[115]) Факты эти доказаны во время преній. *Прим. автора.*

[116]) *Уголовный процессъ: Жоржа, Пишегрю, Моро и проч.* 8 вол. Парижъ, 1804 г. *Прим. автора.*

какъ замѣтилъ Моро, надѣяться на ройялистовъ въ надеждѣ, что на случай они останутся побѣдителями, то вручатъ ему власть. „Но, прибавилъ онъ:—я десять лѣтъ велъ войну, и не сдѣлалъ, сколько помню, ничего смѣшнаго.... Я стремлюсь въ диктаторы! а мнѣ въ сообщники даютъ только бурбонскихъ партизановъ! Гдѣ же мои солдаты? гдѣ же тѣ, кого я обольстилъ въ Сенатѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ арміи?“ Предположивъ наконецъ въ Моро такое пошлое легковѣріе, чтобъ надѣяться, что первое употребленіе, какое ройялисты сдѣлаютъ изъ своей побѣды, будетъ предложеніе ему диктатуры; принявъ даже буквально это одиночное и столь очевидно невѣроятное свидѣтельство,—какой же получится изъ этого окончательный результатъ? Что Моро изъявлялъ желанія въ пользу заговорщиковъ, а себѣ предоставлялъ выступить на сцену только послѣ ихъ успѣха, съ цѣлью воспользоваться имъ; но до тѣхъ поръ онъ не былъ ни ихъ сторонникомъ, ни ихъ сообщникомъ, а оставался въ выжидательномъ положеніи; не имѣлось ни одного дѣйствія, въ которомъ можно было бы упрекнуть его, такъ что обвиненіе единственнаго свидѣтеля, поводы котораго достаточно обнаруживались исключительными снисхожденіями, оказанными ему правительствомъ, не могли служить основаніемъ къ осужденію, допустивъ даже, что оно достаточно, какъ доказательство, что́ было противно не только всякой справедливости, но и всякой юриспруденціи.

Фактъ, который думали основать на показаніи Ролланда, предполагаетъ въ Моро нетерпѣніе честолюбія, доведеннаго до безумія; но ничто столько не противорѣчило извѣстному характеру генерала, который отличался необыкновеннымъ спокойствіемъ, мудростью и умѣренностью своего поведенія, сохраняя весьма опредѣленныя политическія убѣжденія Моро всегда обнаруживалъ родъ инстинктивнаго уклоненія отъ политики, для которой въ его время требовалось столько интригъ, заднихъ мыслей, подземныхъ путей; онъ повторялъ

охотно, что былъ рожденъ для войны и что хотѣлъ держаться этой роли. Дѣйствительно, онъ былъ созданъ для того, чтобъ быть первымъ солдатомъ въ республикѣ въ родѣ Уашингтоновской, гражданиномъ-генераломъ свободной страны, для чего обладалъ всѣми великими качествами; въ немъ не было никакихъ задатковъ, чтобъ быть идоломъ демократіи, жадной, завоевательной, суетной, постоянно алкавшей лести, и которая отдавалась только тѣмъ, кто умѣлъ ласкать ее и вмѣстѣ жестоко обращаться съ нею. Конечно менѣе всего онъ былъ этимъ обыкновеннымъ честолюбцемъ, игралищемъ другихъ и въ то же время обманщикомъ, какимъ выставляетъ его Ролландъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его карьера. Никогда, подобно другимъ генераламъ, онъ не вмѣшивался въ наши гражданскія смуты; никогда онъ не думалъ пользоваться своею славою и вліяніемъ на армію, чтобъ вмѣшиваться въ споры партій, или требовать своей доли во власти. 18 брюмера, обманутый, какъ и многіе проницательные люди того времени, республиканскими заявленіями Бонапарте, онъ стушевался сзади своего соперника и принялъ отъ него компрометирующее порученіе. Это произошло отъ довѣрчивости, никакъ не вслѣдствіе честолюбія. Но въ прошедшей жизни его былъ фактъ, извѣстный тогдашнему обществу, служившій еще болѣе рѣзкимъ доказательствомъ его безкорыстія. Это отказъ его принять предложеніе Сьё, когда этотъ директоръ предлагалъ ему самому совершить государственный переворотъ и овладѣть диктатурою незадолго до возвращенія Бонапарте изъ Египта. Убѣдительный фактъ этотъ, если онъ существовалъ, имѣлъ огромную важность, какъ дѣйствіе моральное, если не какъ непосредственное доказательство для защиты, и Моро просилъ Сьё засвидѣтельствовать это предъ трибуналомъ; но этотъ сенаторъ, природная осторожность котораго еще усилилась отъ тѣхъ угрозъ и ругательствъ со стороны Бонапарте, какія онъ навлекъ на себя своею оппозиціею въ

эпоху пожизненнаго Консульства, — велѣлъ отвѣчать Моро: „*Что онъ надѣется, что генералъ будетъ столько добръ и не станетъ настаивать на своей просьбѣ*“ [217]). Вслѣдствіе этого Моро ограничился тѣмъ, что заявилъ фактъ, не призывая Сье въ свидѣтели.

Впрочемъ отвѣты Моро были столь достаточно убѣдительны, что могли обойдтись безъ всякой посторонней помощи, и какъ ни были они блистательны по благородству и прямотѣ, они отличались еще и тою поразительною вѣрностью, которая дѣлаетъ невозможнымъ всякое противорѣчіе. Когда два свидѣтеля, приводившіе къ нему Пишегрю, показали согласно, что свиданіе продолжалось около четверти часа, онъ сказалъ: „Четверть часа! Этого недостаточно, чтобъ обсудить планъ правительства.“ А когда они удостовѣрили, что Пишегрю вышелъ недовольный, Моро замѣтилъ: „А когда Пишегрю вышелъ недовольный, значитъ, повидимому, мы не были согласны!“ Относительно путешествія Лажоле онъ отвѣчалъ: „Я видѣлъ г. Лажоле въ Парижѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ; г. Лажоле пріѣхалъ въ Лондонъ въ декабрѣ. Надо согласиться, что посланникъ мой не отличался большою поспѣшностью!“ Когда же Ролландъ разсказалъ, что дѣлалъ ему предложенія со стороны Пишегрю, Моро воскликнулъ: „Вотъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ предложеніе, а другой принимаетъ его. Который виновнѣе? Тотъ кто предлагаетъ? Отчего же со времени нашего заключенія, меня держатъ въ секретѣ, а г. Ролландъ помѣщается въ Аббатствѣ у одного изъ своихъ друзей, пользуясь наибольшею свободою?“ Президентъ спросилъ его съ нѣкоторою настойчивостью, получалъ ли онъ деньги отъ правительства и сколько именно. „Прошу васъ, милостивый государь, сказалъ Моро:—не класть на вѣсы моей службы съ моимъ со-

---

[117]) *Рукописныя замѣтки* трибуна Моро, сообщенныя графинею Курваль. *Прим. автора.*

держаніемъ". О Бонапарте онъ проговорилъ одно только слово безъ гнѣва, но съ оскорбленнытъ презрѣніемъ. Это было когда предъявили какъ доказательство—его конфиденціальное письмо къ Первому Консулу: „Первый Консулъ, безъ сомнѣнія, сказалъ онъ: — счелъ это письмо за оправдательное средство! *Онъ очень великодушенъ*, чтобъ не оставить его у себя, если въ немъ заключалось что нибудь, могшее меня компрометировать."

По окончаніи допроса, Моро попросилъ выслушать его прежде защитниковъ. Онъ представилъ перечень своей жизни; въ нѣсколькихъ словахъ отличавшихся античною простотою, которую, какъ говорилъ онъ, хотѣлъ адресовать не къ юстиціи, а къ цѣлой націи, и которыя были достойны быть произнесены предъ всѣмъ народомъ. „Печальныя обстоятельства, возникшія случайно или приготовленныя ненавистью, сказалъ онъ: — могутъ затмить на нѣкоторое время жизнь самаго честнаго человѣка; при большей изворотливости преступникъ можетъ отстранить отъ себя подозрѣнія и доказательства своего преступленія. Вся жизнь постоянно служитъ самымъ вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ за и противъ обвиняемаго; и такъ я всю свою жизнь противоставилъ обвинителямъ, которые преслѣдуютъ меня: вся она была открыта, и каждый могъ знать ее. Я посвятилъ себя изученію законовъ въ началѣ этой революціи, которая должна была основать свободу французскаго народа; она измѣнила назначеніе моей жизни, которую я посвятилъ оружію. Я вступилъ въ ряды солдатъ свободы не изъ честолюбія, но сдѣлался военнымъ изъ уваженія къ правамъ націи. *Я сталъ воиномъ, потому что былъ гражданиномъ*. Постоянно я сохранялъ этотъ характеръ. Чѣмъ болѣе я любилъ свободу, тѣмъ сильнѣе подчинялся дисциплинѣ. Я шелъ впередъ довольно быстро, но отъ чина къ чину и ни одного не перескакивалъ, всегда служа отечеству и никогда нельстя комитетамъ. Сдѣлавшись главнокомандующимъ, когда побѣда за-

вела насъ въ среду непріятельскихъ націй, я старался одинаково заставить ихъ уважать характеръ французскаго народа, и бояться его оружія. Война подъ моимъ начальствомъ была бичемъ только на полѣ сраженія; не разъ непріязненные народы и правительства отдавали мнѣ въ этомъ справедливость, и это поведеніе, по моему мнѣнію, наравнѣ съ побѣдами—послужило къ завоеваніямъ Франціи."

Онъ напомнилъ потомъ немилость, въ которой очутился послѣ 18 брюмэра, за то, что медлилъ съ доносомъ на человѣка,—въ которомъ могъ видѣть только товарища по оружію, — до тѣхъ поръ пока не убѣдился въ очевидности доказательствъ; свое желанье служить на постахъ подначальныхъ, и то, что „сдѣлавшись главнокомандующимъ вслѣдствіе неудачъ нашихъ армій, *онъ былъ нѣкоторымъ образомъ назначенъ въ генералы нашими несчастьями;* онъ напомнилъ свой отказъ отъ овладѣнія властью съ Сьё, „потому что считалъ себя созданнымъ командовать арміею, и не желая начальствовать въ республикѣ," свое непредвидѣнное, но навѣрно безкорыстное содѣйствіе 18 брюмэра, свои блестящія заслуги въ Ульмскую и Гогенлинденскую кампаніи, и наконецъ свое возвращеніе въ нѣдра частной жизни. Въ чемъ же можно упрекнуть его со времени отставки? Развѣ только въ свободѣ разговора. „Но его рѣчи были часто благопріятны дѣйствіямъ правительства, а если иногда и не благопріятствовали, *то могъ ли онъ думать, что эта свобода сочтется преступленіемъ у народа, который столько разъ предписывалъ свободу печати, и пользовался ею даже при короляхъ!*"

„Еслибъ я захотѣлъ, прибавилъ онъ: — составить планъ заговора и слѣдовать ему, я скрывалъ бы свои чувства и добивался бы мѣстъ, которыя могли бы поставить меня въ среду силъ націи. Для того, чтобъ начертать себѣ этотъ путь, за неимѣніемъ политическаго генія, котораго у меня никогда не было, я имѣлъ примѣры, извѣстные всему міру

и внушительные вслѣдствіе успѣха. *Я можетъ быть очень хорошо зналъ, что Монкъ не удалялся отъ арміи, когда хотѣлъ затѣять заговоръ, и что Кассій и Брутъ приблизились къ сердцу Цезаря, чтобъ поразить его.*"

Тонъ этой рѣчи отличался честностью и прямодушіемъ— подражаніе которымъ невозможно, и она произвела между слушателями невыразимое волненіе. Нѣсколько разъ зала дрожала отъ рукоплесканій; внезапный свѣтъ озарилъ умы: побѣдитель при Гогенлинденѣ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ, казался, болѣе великимъ, нежели новый императоръ на тронѣ. Судьи съ смущеніемъ видѣли это неожиданное торжество, которое предвидѣли заранѣе, во имя общественнаго мнѣнія — невинность и оправданіе человѣка, котораго имъ поручено было осудить. Многіе изъ нихъ, побуждаемые очевидностью истины и голосомъ собственной совѣсти, склонялись въ пользу обвиненнаго, вслѣдствіе преній процесса; иные, присутствовавшіе въ судѣ лишь въ качествѣ орудій, рѣшились исполнить эту постыдную роль до конца; но всѣ знали, что оправдать Моро — значило осудить неумолимаго властителя—страшная дилемма для самаго безпристрастнаго судьи въ зависимомъ положеніи, въ которое впала тогда магистратура.

Поведеніе Жоржа во время процесса было таково, какого можно было ожидать отъ побѣжденнаго, который не хочетъ пережить своего пораженія, и отъ человѣка, нравственную силу котораго сознавали даже самые его непріятели. Пожертвовавъ своею жизнью, онъ пренебрегалъ уже ея защитою, и на вопросы президента отвѣчалъ лишь по мѣрѣ того, какъ могъ возстановить честь своей партіи, или служить интересамъ людей, обвиненныхъ съ нимъ вмѣстѣ. Жоржъ защищался только противъ одного пункта, противъ мнимаго сообщничества въ заговорѣ адской машины; онъ дѣлалъ это энергически и доказалъ самымъ убѣдительнымъ образомъ что записка, подписанная именемъ *Гедеонъ*, не его руки, и

не могла быть имъ послана. Относительно же настоящаго заговора, то вопросъ объ убійствѣ становился бездоказательнымъ въ виду единодушнаго свидѣтельства. Смѣлый этотъ заговорщикъ не подготовлялъ убійства. Даже въ тѣхъ, кто настойчиво называлъ его разбойникомъ, онъ умѣлъ возбудить удивленіе хладнокровіемъ своихъ отвѣтовъ, разумностью объясненій и презрительною насмѣшливостью, съ какою третировалъ людей, которые держали въ своихъ рукахъ жизнь его. Казалось, онъ торопилъ ихъ покончить, показывалъ, что его не заставятъ считать серьезнымъ подобіе процесса, производившагося предъ нимъ, и что онъ смотрѣлъ на него какъ на чистую формальность и безполезное лицемѣріе. Будучи весьма чувствителенъ къ несчастью своихъ сотоварищей, онъ относительно себя выказывалъ полнѣйшую беззаботность; онъ постоянно поддерживалъ ихъ, ободрялъ, питалъ нѣкоторымъ образомъ своими моральными силами и доказывалъ собственнымъ примѣромъ, своимъ стоическимъ презрѣніемъ къ смерти, что главнѣйшая ихъ сила заключалась въ томъ, чтобъ ничего не надѣяться. Онъ повидимому заранѣе игралъ съ орудіемъ казни, чтобъ освоить ихъ съ мыслью о смерти. Читая эти пренія, служившія завѣщаніемъ Жоржа, невозможно сказать, чтобъ въ немъ заключалась душа убійцы.

Въ 8 часовъ утра 9 іюня судьи приступили къ рѣшенію. Одинъ изъ нихъ, честный Лекурбъ, братъ генерала, оставилъ исторіи разсказъ о перипетіяхъ этого роковаго дня, достойнаго временъ Тиверія. Ихъ торопили, обманывали различными способами посредствомъ приближенныхъ придворныхъ, въ особенности съ помощью Реаля, естественнаго посредника между юстиціею и властью. Чтобъ повліять на нихъ, пущены были въ ходъ всѣ подходящія средства— честолюбіе, раболѣпіе, страхъ; обращались даже къ ихъ гуманности. Императоръ, говорили имъ, желалъ смертнаго приговора для Моро—удовлетвореніе, которое обязаны были

доставить ему, подъ опасеніемъ лично изобличить его во лжи; но если онъ желалъ видѣть Моро осужденнымъ на смерть, то единственно для того, чтобъ имѣть удовольствіе помиловать его. Въ этомъ случаѣ слѣдовало положиться на императорское великодушіе. Оправдать подсудимаго—значило навѣрное погубить его, ибо императоръ дѣйствовалъ бы тогда въ качествѣ главы государства, которому предстояло произнести приговоръ не только уже надъ юридическимъ процессомъ, но и по вопросу политическому; онъ принялъ бы во вниманіе только интересы короны. Поводы эти, очень хорошо извѣстные судьямъ, были снова развиты Тюріо въ залѣ совѣта; онъ въ особенности настаивалъ на желаніи императора и на его намѣреніи помиловать. Тогда-то увлеченный непреодолимымъ порывомъ чистой совѣсти Эллистъ Клозье воскликнулъ· „*А кто же насъ помилуетъ?*“ Это восклицаніе ужаса и негодующей честности, сразу подѣйствовало на большинство: изъ двѣнадцати судей семь высказались за оправданіе Моро и только пять за осужденіе. Но предсѣдатель Гартманъ отказался закрыть засѣданіе, и эти злосчастныя пренія продолжались еще нѣсколько часовъ.

Въ продолженіе этого времени, будучи постоянно извѣщаемъ о перипетіяхъ процесса и гнѣваясь на непредвидѣнное сопротивленіе чиновниковъ, въ покорности которыхъ былъ увѣренъ, Бонапарте приходилъ въ ярость при мысли, что изъ рукъ его ускользаетъ добыча; онъ употреблялъ всевозможныя усилія для отклоненія судей отъ ихъ первоначальнаго движенія. По приказанію его, обвиненные должны были подвергнуться новому чрезвычайному допросу, съ цѣлью вынудить у нихъ новыя сознанія, и онъ не поколебался утверждать, что они доставили новыя улики противъ Моро, и поспѣшилъ самъ написать Камбасересу: „что ему казалось, что, по сознанію обвиненныхъ, Моро видѣлся съ Пишегрю не три, а пять разъ; и онъ желалъ, чтобъ генералъ-прокуроръ потребовалъ входа въ засѣданіе, *такъ*

какъ судьи еще были на совѣщаніи, для заявленія суду новаго порядка вещей... „Заявленіе это, писалъ онъ:—будетъ присоединено къ производству, и *дозволитъ составить редакцію приговора болѣе совмѣстную съ справедливостью и государственными интересами.*“ Послѣднія слова очевидно показываютъ, что онъ зналъ о первоначальномъ результатѣ совѣщанія, и для того, чтобъ остановить судей, онъ не поколебался заявить имъ свое неудовольствіе. Послѣ этого приступили къ обсужденію. Гемартъ настаивалъ на томъ, какое дурное впечатлѣніе произвело бы за границею оправданіе Моро. Иностранныя державы обрадовались бы подобному предлогу, чтобъ отказаться признать императора. Лекурбъ энергически протестовалъ противъ способа, употребленнаго съ цѣлью повліять на судей; товарищи его начинали подаваться. Тогда Бургиньонъ предложилъ среднюю мѣру, заключавшуюся въ томъ, чтобъ осудить Моро, но предоставить въ его пользу смягчающія обстоятельства; такимъ образомъ судьи въ одно и то же время удовлетворили бы и свою совѣсть, приговоривъ подсудимаго къ легкому наказанію, — и правительство, исполнивъ его желаніе касательно осужденія. Компромиссъ этотъ былъ тотчасъ принятъ одними изъ слабости, другими изъ угодливости. И только Лекурбъ и Риго упорствовали въ своемъ мнѣніи и до конца поддерживали честнаго человѣка—жертву самаго низкаго и самаго гнуснаго преслѣдованія. Моро былъ присужденъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію; двадцать другихъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ Жоржъ, Полиньяки и маркизъ Ривьеръ къ смертной казни, а остальные оправданы [118]).

Узнавъ объ избавленіи Моро отъ смертной казни, Бонапарте пришелъ въ ярость, вѣроятно, какъ внушаютъ его панегиристы, оттого, что потерялъ случай воспользоваться

---

[118]) Лекурбъ: *Мнѣніе о процессѣ Моро.*—Протоколъ о происходившемъ въ *Засѣданіи Совѣта.* *Прим. автора.*

своимъ правомъ помилованія. Не писали-ль они даже, что судьи подверглись давленію общественнаго мнѣнія, которое подвинуло ихъ на снисходительность, противную ихъ чувствамъ, и заставило пожертвовать обязанностью популярности? Давленіе общественнаго мнѣнія въ то время, когда оно было само подавлено! Когда не существовало ни трибуны, ни журнала, въ которомъ могло бы раздаваться свободное слово! Въ то время, когда власть держала въ своихъ рукахъ существованіе всѣхъ и каждаго! Въ силу этихъ постыдныхъ апологій — жертвою въ этомъ процессѣ былъ не Моро, но Бонапарте, и апологисты, въ доказательство его милосердныхъ намѣреній, приводятъ его поспѣшность, съ которою онъ замѣнилъ двухлѣтнее тюремное заключеніе — *вѣчнымъ изгнаніемъ*, что̀ навсегда избавляло его отъ Моро! Моро огорчало не столько самое наказаніе, какъ безстыдное признаніе его *виновнымъ*. „Меня присудили, писалъ онъ при выходѣ изъ засѣданія:—къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Это верхъ ужаса и позора. Если я заговорщикъ, я долженъ погибнуть. Конечно здѣсь не можетъ быть смягчающихъ обстоятельствъ, какъ приводитъ судъ... Если доказано, что я принималъ участье въ заговорѣ, продолжаетъ онъ: — я долженъ быть приговоренъ къ смерти, какъ начальникъ. *Никто не повѣритъ, что я игралъ въ немъ роль капрала*“ [119]).

Замѣна тюремнаго заключенія вѣчнымъ изгнаніемъ произошла не вслѣдствіе просьбы Моро, какъ говорили, но была предложена Фуше отъ имени правительства госпожѣ Моро, которая боялась, чтобъ съ мужемъ ея не случилось то же, что и съ Пишегрю, и согласилась немедленно. Моро былъ чуждъ этихъ переговоровъ. „Если правительство, писалъ онъ по этому поводу:—не находитъ достаточнымъ заключеніе мое въ государственной тюрьмѣ, если ему необходимо

[119]) Ненапечатанныя письма Моро. *Прим. автора.*

изгнать меня изъ Франціи, я покоряюсь, потому что нѣтъ ничего безчестнаго повиноваться силѣ, но я не могу договариваться объ этомъ; *согласіе мое превратило бы это новое наказаніе въ помилованіе, а я не хочу этого*" [120]). Предчувствіе не обмануло его; дѣйствительно Бонапарте считалъ какъ бы милостью для Моро изгнаніе изъ отечества, и онъ старался увѣрить, что милость эта оказана только по просьбѣ генерала: „*Вы просили*, писалъ ему главный судья отъ 21 іюня 1804 г.: — о возможности отъѣзда въ Соединенные Штаты, и его величеству угодно, чтобъ вы не возвращались во Францію, не испросивъ предварительно особеннаго его согласія." Отвѣтъ госпожи Моро отъ имени больнаго мужа доказываетъ, что генералъ не только былъ чуждъ этой выходкѣ, но что и срокъ изгнанія не былъ предвидѣнъ, и что за мнимымъ благодѣяніемъ скрывалась ловушка. „Это я одна желала, чтобъ его величество позволилъ намъ выѣхать изъ отечества, писала она.—Мужъ мой соглашался только на это рѣшеніе, *но былъ далекъ отъ того, чтобъ ожидать вѣчнаго изгнанія*" [121]).

Бонапарте велѣлъ купить землю и домъ Моро и подарилъ ихъ двумъ своимъ генераламъ. Необходимо было ускорить отъѣздъ изгнанника, ибо если большинство массы оставалось равнодушно къ его несчастью, то за Моро были всѣ благородныя сердца, и расположеніе многихъ его товарищей по оружію—не могло не внушить нѣкотораго опасенія. Въ продолженіе всего процесса караульные солдаты отдавали ему военныя почести, а когда послѣ приговора, онъ возвратился въ свою тюрьму, то нашелъ, что друзья украсили ее цвѣтами—трогательная дань уваженія, относившаяся прямо къ несчастью, и имѣвшая гораздо болѣе цѣны, чѣмъ всѣ привѣтствія его торжествамъ. Это свидѣтельство участья

---

[120]) Ненапечатанныя письма Моро. *Прим. автора.*

[121]) Письмо, сообщенное графинею Курваль. *Прим. автора.*

принужденнаго скрываться, было единственною наградою, увезенною изъ страны, которой онъ оказалъ столь блистательныя заслуги. Въ продолженіе этого времени виновникъ его несчастья, человѣкъ, увлекшій его въ брюмэрѣ къ совершенію ошибки, можетъ быть единственной въ жизни, въ которой можно было упрекнуть его, человѣкъ, политика котораго, въ сравненіи съ политикою Моро, была не что иное какъ длинный рядъ измѣнъ, насилій и преступныхъ интригъ, переходилъ отъ оваціи къ оваціи, привѣтствуемый толпою преторіанцевъ.

Отправляясь въ Америку, Моро долженъ былъ остановиться въ Кадиксѣ по случаю родовъ жены, которая рѣшилась сопровождать его, не смотря на послѣдній періодъ беременности. Фуше поспѣшилъ потребовать у испанскаго правительства, чтобъ оно поторопило Моро выѣхать изъ Испаніи, а въ случаѣ надобности и выслало его силою. „Четыре года назадъ, въ этотъ день я выигралъ сраженіе при Гогенлинденѣ, писалъ Моро:—событіе это, славное для моего отечества, доставило моимъ согражданамъ спокойствіе, котораго они были долго лишены, только я одинъ не могъ получить его. Неужели же откажутъ мнѣ въ немъ на оконечности Европы, въ пяти стахъ миляхъ отъ родины?“

Когда чрезъ нѣсколько времени судья Лекурбъ, который дерзнулъ поддерживать до конца невинность Моро, явился на аудіэнцію въ Тюильри съ членами парижскаго суда, Бонапарте быстро подошелъ къ нему и съ яростію воскликнулъ: „Какъ вы смѣли осквернить *мой дворецъ* своимъ присутствіемъ? Вонъ отсюда, судья вѣроломный, вонъ“ [122])!

26 іюня Жоржъ былъ казненъ съ одинадцатью товарищами. Бонапарте помиловалъ маркиза Ривьера, Полиньяковъ и пяти другихъ осужденныхъ по просьбѣ ихъ семействъ и своихъ собственныхъ родныхъ. Всѣ замѣтили, что помило-

---

[122]) Тибодо, Лекурбъ, Лафайеттъ. *Прим. автора.*

ваніе распространилось только на дворянъ, и, говорятъ, Мюратъ упрекалъ его за это съ горечью. Такимъ образомъ двѣнадцать человѣкъ поплатились головами за заговоръ, большею частью вызванный самою полиціею, и начало исполненія котораго заключалось только въ совѣщаніяхъ. Вотъ что называется милосердіемъ Наполеона.

ГЛАВА V.

Переговоры. — Планъ морской кампаніи. — Папа Пій VII въ Парижѣ. — Отчетъ о положеніи 1804 г. — Десятилѣтнія преміи.

Правительство, установленное подъ видомъ имперіи, было ни что иное какъ чистѣйшій цезаризмъ, какой существовалъ въ Римѣ и Византіи. До тѣхъ поръ существовали еще кое-какія формы законности; положимъ, онѣ подвергались нарушенію, но эти самыя нарушенія и ловкія объясненія, которыя требовались для ихъ оправданія, свидѣтельствовали о существованіи постояннаго порядка, извѣстныхъ правилъ, присущихъ учрежденіямъ, такъ что принуждены были заявить, уничтожая все это. Но и послѣдніе слѣды ихъ исчезли при консульскомъ правительствѣ, и остался одинъ только законъ— произволъ одного человѣка. Съ тѣхъ поръ не было никакой преграды его необузданнымъ желаніямъ, а если оставалось еще у націи сколько нибудь величія, то лишь только то, какое она имѣла отъ него. Если бы этому человѣку, несравненному въ войнѣ, необыкновенно владѣвшему искусствомъ организовать деспотизмъ, малому въ политикѣ, наслѣдовала личность неспособная, все рушилось бы немедленно, и непосредственно перешло бы отъ Цезаря къ Августулу, ибо Франція не имѣла уже и тѣхъ остатковъ учрежденій,

какія оставались въ Римѣ послѣ паденія республики. Вотъ къ чему, чрезъ нѣсколько лѣтъ, пришла революція, которая начала съ объявленія законовъ! Чудовищное это исчадіе было по обычаю извиняемо необходимостью, которая въ наше время сдѣлалась великою спасительницею человѣческихъ подлостей. Достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобъ оцѣнить это дурное общее мѣсто, столь удобное для рутины и посредственности. Легко доказать, что ни Франція, ни Европа не сознавали этой мнимой необходимости. Внутри государства она такъ мало чувствовалась въ годы, предшествовавшіе провозглашенію имперіи, что самъ Бонапарте не смѣлъ открыто заявить о ней. Каждый шагъ, сдѣланный имъ съ 18 брюмэра къ этой таинственной цѣли, былъ замаскированъ безчисленными притворствами, которыя обманывали даже его приближенныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ потребовалъ трехмѣсячной диктатуры для спасенія республики, онъ ни на минуту не переставалъ опровергать приписываемыя ему намѣренія, какъ коварный и лживый вымыселъ его враговъ; и до такой степени укрѣпилъ это притворство, что никто не хотѣлъ вѣрить его предпріятію даже при самой очевидности, и онъ рѣшился обнаружить его лишь тогда, когда принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобъ сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе. Не такимъ образомъ совершаются перемѣны, требуемыя общественнымъ желаніемъ. Франція желала прочности и порядка, но не вызывала подобнаго деспотизма, и надобно прибавить, что она его и не заслуживала. Да, какъ ни была она деморализована, какъ ни пришла она временно въ упадокъ вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій Террора и безплодныхъ агитацій Директоріи, внутри ея оставалось еще много знанія, нравственныхъ основъ, энергіи, цивилизаціи и благосостоянія, чтобъ быть достойною правительства, которое служило наказаніемъ населенію Восточной Римской имперіи! Правительство это собственно было антипатично ея твердымъ, возвышеннымъ ин-

стинктамъ, противно духу, интересамъ, нуждамъ, справедливой гордости первенствующаго народа, роли, которую она съ такимъ успѣхомъ исполняла въ теченіе XVIII столѣтія, благороднымъ идеямъ справедливости и свободы, которыя она распространяла въ мірѣ; правительство это было ей навязано нечаянно солдатомъ-трибуномъ, воспользовавшимся слабостью народа, упоеннаго военною славою, для того, чтобъ эксплуатировать его довѣрчивость, но она только подчинилась ему, а не желала его. Чтобъ создать эту власть безъ прецедентовъ у новѣйшихъ народовъ, нужно было насиловать духъ націи, также какъ и духъ времени: для того, чтобъ сохранить его, необходимо было помѣшать этой націи придти къ самосознанію, притѣснивъ ея образованные классы и повергнувъ ее въ вихрь безконечныхъ рискованныхъ предпріятій. Необходимость этой перемѣны еще менѣе оправдывается съ точки зрѣнія нашего вліянія въ Европѣ. Говорятъ, что державы не достаточно еще были побиты, чтобъ принять великіе результаты французской революціи, и что ей необходимо было принять форму военной диктатуры для внушенія уваженія къ себѣ, исключая того, чтобъ впослѣдствіи возвратиться къ своимъ настоящимъ принципамъ. Ничего нѣтъ ложнѣе такой оцѣнки съ исторической точки зрѣнія. Съ давнихъ поръ уже роли совершенно измѣнились: теперь уже мы угрожали Европѣ, и Европа трепетала предъ нами. Со времени итальянской кампаніи Бонапарте установилъ систему завоеванія, которая не имѣла ничего общаго съ прежнимъ оборонительнымъ положеніемъ республики, ни даже съ нашими войнами пропаганды; съ 18 брюмэра система эта приняла ужасающіе размѣры, и мы не выносимъ за предѣлы отечества ничего кромѣ рабства. Бонапарте уже поработилъ или значительно повредилъ независимость всѣхъ сосѣдственныхъ націй, а остальныхъ держалъ въ страхѣ и неподвижности. Своими насильственными и вѣроломными поступками, своимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла, нахаль-

ными претензіями и постоянными нечаянностями—онъ раздражалъ и смущалъ Европу, которая могла быть спокойна относительно пропаганды республиканскихъ принциповъ, но страшилась всего отъ честолюбія, съ которымъ успѣла познакомиться. Что должны были думать въ подобномъ положеніи державы, при видѣ какъ онъ возстановлялъ рамки Западной Имперіи? какой эффектъ должны были производить на ихъ умы эти безпрерывныя обращенія къ Цезарю и Карломану? Если консулъ, не болѣе какъ недавній выскочка, могъ выказывать такія ненасытныя требованія, то возможно ли было предполагать, чтобъ императоръ былъ сговорчивѣе?

Итакъ не только не была необходима мѣра, могшая вызвать такую тревогу, но она была даже положительно неполитична съ точки зрѣнія самаго непомѣрнаго честолюбія. Это преобразованіе консульства въ Имперію, гибельное внутри и опасное извнѣ—было дѣло воли одного человѣка и уступчивости всѣхъ; оно было внушено дѣтскою суетностью, которой болѣе не удовлетворяла дѣйствительность власти, несопровождаемой наружными почестями, изобрѣтенными и усовершенствованными въ теченіе столькихъ вѣковъ монархизмомъ. Въ этомъ Бонапарте былъ гораздо ниже Кромвеля, о которомъ отзывался съ такимъ презрѣніемъ; въ англійскомъ государственномъ мужѣ болѣе серьезности, пониманія дѣла и зрѣлости. Въ Кромвелѣ видны способности, менѣе блестящія въ нѣкоторомъ отношеніи, но болѣе вѣрныя, болѣе удобныя къ управленію. Геній Бонапарте изумителенъ, но въ узкихъ предѣлахъ. Онъ обладалъ необычайною проницательностью и не имѣлъ никакой предусмотрительности; это былъ олицетворенный разсчетъ, а между тѣмъ не умѣлъ управлять самимъ собою. Здѣсь сравненіе было не въ его пользу. Важные политическіе интересы онъ подчинялъ ничтожному удовлетворенію собственно самолюбія. Нигдѣ врожденная мелочность его не обнаруживается такъ очевидно, какъ въ лихорадочной поспѣшности, съ какою онъ схватился

за формы прежняго этикета. Что ему за дѣло до опасностей, создаваемыхъ для насъ этимъ мелочнымъ самолюбіемъ, лишь бы онъ, сынъ неизвѣстнаго адвоката въ Аяччіо, могъ писать къ королямъ „нашъ возлюбленный братъ", лишь бы на письмахъ къ папѣ онъ могъ подписываться „вашъ набожный сынъ", могъ бы сказать „мой добрый городъ Парижъ, мои подданные, мой народъ, мои министры, мой дворецъ, мой лѣсъ Фонтэнебло!" Формулы эти безпрестанно вертятся у него на языкѣ, и видно, что онъ не можетъ ими насытиться.

Но для него недовольно было заимствовать у прежняго правительства титла, формулы и самую поразительную пышность; ему болѣе всего хотѣлось обаянія, производимаго стариннымъ царствованіемъ, и мысли о законности, связываемой съ наслѣдственнымъ преданіемъ. Не успѣвъ пріобрѣсти отъ Бурбоновъ за деньги правильнаго отреченія, которое до извѣстной степени прикрыло бы недостатокъ происхожденія, которое пятнало его власть въ собственныхъ глазахъ, онъ рѣшился загладить этотъ недостатокъ религіознымъ освященіемъ. Отдавая эту неожиданную дань угасшимъ народнымъ чувствамъ, онъ совершалъ новый анахронизмъ, не менѣе не удобный предыдущаго, ибо если монархическая вѣра сохранила еще нѣсколько своихъ сторонниковъ, то давно уже она освободилась отъ опеки религіи, и что могло увлечь современниковъ Пепина Короткаго, то уже было гораздо менѣе удобно для ослѣпленія современниковъ Вольтера и Монтескье. Наполеонъ рѣшился просить у самого папы этого превращенія факта въ право,—операція столько же сообразовавшаяся съ духомъ времени, какъ и измѣненіе металловъ.

Съ начала мая мѣсяца 1804 г., еще прежде даже офиціальнаго провозглашенія Имперіи, онъ сообщилъ кардиналу Капрарѣ свое намѣреніе просить папу пріѣхать короновать его въ Парижѣ, въ замѣнъ за все, что онъ сдѣлалъ до тѣхъ поръ для церкви; онъ поручилъ ему сдѣлать въ Римѣ над-

лежащія предложенія. Изъ повелительнаго тона Перваго Консула Капрара понялъ, что исполненіе этой просьбы было для него очень важно, и въ этомъ видѣ онъ представилъ ее римскому двору. Въ случаѣ согласія, папскому престолу предстояли значительныя блага земныя, вѣроятно расширеніе территоріи; отказъ могъ все испортить; что же до уклончиваго или отлагательнаго отвѣта, то нечего было и думать, чтобъ ему повѣрили: „Не будетъ принято никакое извиненіе за серьезное, еслибъ даже его подтвердилъ кардиналъ Фешъ; его сочтутъ предлогомъ“ [123]).

Просьба эта, предвидѣнная Лафайетомъ со временъ Конкордата, застала римскій дворъ въ расплохъ. Римская курія повидимому не сомнѣвалась, что „желаніе разбить у себя на головѣ маленькій пузырекъ“ имѣло отношенія къ услугамъ, оказываемымъ ей Бонапарте; она, казалось, не видала, что одна личная забота, вполнѣ чуждая религіозному чувству, внушала ему политику относительно церкви. А между тѣмъ со времени союза съ нимъ, римскій дворъ сколько перенесъ униженій, ибо чувствовалъ, что существованіе его, среди столь новой эпохи, держалось лишь на одной нити, которая находилась въ этихъ страшныхъ рукахъ. Курія во всей строгости подчинялась условіямъ договора: она видѣла какъ французскіе епископы употреблялись въ качествѣ чиновниковъ, то поддерживая законы относительно конскрипціи, то слѣдя за дѣятелями политическихъ заговоровъ и донося на нихъ, то помогая предписаннымъ энтузіазмомъ манифестаціямъ для возбужденія общественнаго мнѣнія, которыми Бонапарте пользовался въ интересахъ личнаго честолюбія. Еще не такъ давно министръ полиціи Фуше писалъ свой знаменитый циркуляръ: „Г. епископъ! между вашими

---

[123]) Капрара къ Консальви, отъ 10 мая 1804. Документъ, помѣщенный въ сочиненіи графа Госсонвиля: «Римская церковь и Первая Имперія».

Прим. автора.

и моими обязанностями существуетъ не одно отношеніе". Всѣ эти не весьма почтенныя заслуги, мало достойныя власти, которая выказывала себя властью духовною, церковь исполняла со скорбью, но предпочитала исполнять ихъ, нежели потерять всемогущее покровительство: *Omnia serviliter pro dominatione.* Къ этимъ жалобамъ, въ нѣкоторомъ родѣ личнымъ для церкви, присоединялся еще недавній поводъ къ упрекамъ, чрезвычайно важный въ ея глазахъ, еслибъ она принимала къ сердцу свою роль духовнаго судьи и верховнаго властителя совѣсти,—это Венсенское преступленіе. Римскій дворъ не могъ упустить изъ вида, что однимъ изъ рѣшительныхъ поводовъ Бонапарте къ призыву папы въ Парижъ было желаніе прикрыть убійство папскимъ ореоломъ, показать, что оно не только отпущено, но и прославлено избранникомъ Божіимъ. Другіе государи имѣли право смотрѣть на это убійство только съ политической точки зрѣнія, но папа въ качествѣ пастыря душъ имѣлъ непреложную обязанность смотрѣть съ нравственной точки зрѣнія, ибо посвященіе, котораго отъ него требовали, не имѣло другой цѣли какъ дополнить и закончить дѣло, начатое Венсенскою казнью, то есть замѣну Бурбонской династіи—династіею Бонапарте. Освящая это дѣло, онъ одобрялъ его предварительные акты, онъ открыто объявлялъ себя солидарнымъ съ дѣйствіемъ, которое въ глубинѣ души считалъ преступнымъ, съ дѣйствіемъ, которое монархъ греко-восточнаго исповѣданія, императоръ Русскій, не поколебался выставить на позоръ всему цивилизованному міру; онъ наконецъ прикрывалъ преступника обаяніемъ своей власти въ минуту, когда всеобщее порицаніе предвѣщало ему близкую кару.

Нельзя предполагать, чтобъ Пій VII, не смотря на всю свою слабость и ограниченность, не чувствовалъ угрызеній, столь естественныхъ въ его положеніи. Консальви въ своихъ запискахъ удостовѣряетъ, что смерть герцога Энгіенскаго была одною изъ тѣхъ причинъ, какія очень долго заставляли

колебаться св. отца, и что когда ему объявили *объ убійствѣ этой великой и невинной жертвы*, онъ плакалъ одинаково о смерти одного и о *преступленіи* другаго [124]). Если это было такъ, то какая же причина могла заставить его сдѣлаться, посредствомъ торжественнаго и неопровержимаго акта, сообщникомъ дѣйствія, о которомъ такъ горько сожалѣлъ? Неужели страхъ утратить всѣ пріобрѣтенныя до тѣхъ поръ мірскія преимущества? Или надежда на пріобрѣтеніе новыхъ? Вскорѣ онъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ надежда эта была обманчива. Что же касается немилости, которой онъ опасался, то уступчивость ни мало не предохранила его отъ этого; но какъ нравственная власть его выиграла бы въ глазахъ свѣта, еслибъ эту немилость заслужилъ онъ благороднымъ сопротивленіемъ, вмѣсто того, чтобъ заслужить мелочами церковной дисциплины и поземельными спорами! Впрочемъ онъ такъ хорошо сознавалъ важность требуемаго отъ него поступка, что не согласился принять на себя отвѣтственность и рѣшился дать утвердительный отвѣтъ лишь послѣ совѣщанія съ комиссіею изъ двадцати кардиналовъ. Приведемъ еще и здѣсь свидѣтельство кардинала Консальви: „Но, прибавляетъ онъ:—отправляясь въ Парижъ, папа давалъ Бонапарте такое сильное доказательство *отеческой нѣжности и высокаго уваженія*. Римъ до такой степени отмѣнилъ свои права и обычаи, что мы не сомнѣвались въ благодарности императора св. Престолу за столь явную угодливость. Мы были обмануты въ своихъ *духовныхъ* догадкахъ!“

Странно былъ выбранъ моментъ для доказательства Наполеону этого сильнаго доказательства нѣжности и уваженія! Но что это были за „духовныя догадки“, которыя побудили папу и его совѣтниковъ, не только превозмочь столь естественное отвращеніе, но и заглушить голосъ самой священной обязанности? Легко видѣть, что онѣ заключались въ

---

[124]) Записка Консальви, т. II. *Прим. автора.*

надеждахъ большею частью мірскаго характера. Условія, которыя постановилъ Римскій дворъ за поѣздку папы въ Парижъ, дѣйствительно были заимствованы изъ области духовной, но хотя онъ и заявлялъ ихъ сначала какъ необходимыя и рѣшительныя, но мало-по-малу откладывалъ въ сторону наиболѣе существенныя, а это доказываетъ, что онъ имѣлъ въ виду интересы другаго рода, имѣвшіе преобладающее вліяніе на его волю. Этими условіями, подробно исчисленными въ запискѣ кардинала Феша, требовалось въ сущности, чтобъ пригласительное письмо императора къ папѣ мотивировало главный поводъ „благомъ и пользою религіи". Не хотѣли показать, что папа уступалъ только изъ угодливости государю, хоть это было такъ на самомъ дѣлѣ; кромѣ это было условлено возвратиться съобща къ органическимъ статьямъ Конкордата, потребовать смѣщенія, или увольненія конституціональныхъ епископовъ. Слѣдовали потомъ другія статьи, довольно незначительныя, въ числѣ которыхъ находилась слѣдующая, рисующая духъ священническій, но производящая странный эффектъ среди этихъ серьезныхъ переговоровъ: „*Папа объявляетъ, что не позволитъ, чтобъ ему представляли госпожу Талейранъ*". Обо всемъ остальномъ можно было входить въ сдѣлку, но объ этомъ и слушать не хотѣли! Бонапарте обладалъ вѣрнымъ средствомъ успокоить совѣсть римскаго двора, а именно возбудивъ его жадность. Никто болѣе его не владѣлъ искусствомъ подавать надежду на то, чего онъ не хотѣлъ уступить, и онъ въ этомъ случаѣ широко примѣнялъ его. Все уже повидимому устроилось, какъ вдругъ въ Римѣ подняли новое затрудненіе по поводу клятвы, которую долженъ былъ произнести императоръ: *уважать и заставить уважать законы конкордата и свободу вѣроисповѣданій.* „Католикъ писалъ Консальви:—не можетъ покровительствовать заблужденію частныхъ исповѣданій. Въ сущности католической религіи заключается нетерпимость. Не должно льстить себя надеждою ула-

дить это затрудненіе въ присутствіи папы. Пій VII не согласится на это: если же попытаются, то онъ не задумается встать съ своего престола и выйдти изъ церкви ту же минуту". Подобныя правила были весьма сообразны съ духомъ и преданіями католицизма, но съ тѣхъ поръ какъ ихъ пустили впередъ, то слѣдовало и поддерживать, чего однакожъ не сдѣлали — новое доказательство, что всѣ эти замѣчанія служили только предлогомъ, и въ Римѣ желали поломаться для того, чтобъ получить большія выгоды. Надо было договариваться, спорить, дѣлать различіе между „терпимостью гражданскою и религіозною" въ массѣ нотъ, въ которыхъ Талейранъ, вспомоществуемый епископомъ Бернье, являлся полнѣйшимъ богословомъ: но самое рѣшительное доказательство его заключалось въ томъ, чтобъ соединить вмѣстѣ всѣ распоряженія, изданныя Бонапарте въ пользу церкви и папства съ первой итальянской кампаніи, и выставить ихъ какъ истинный залогъ его намѣреній въ будущемъ. Такимъ-то способомъ онъ попадалъ прямо въ цѣль, ибо отвѣчалъ постоянной заботливости Римскаго двора, но заботливости, которой Курія не смѣла заявить открыто, не признавъ себя виновною въ грѣхѣ святокупства. Мысль эта, неотступно занимавшая ее и которой она не смѣла высказать, мысль, которая осуждена была на молчаніе изъ осторожности и стыдливости, была та же самая, какую диктовали ей уступки ея во время Конкордата, а именно надежда возвратить Легатства и даже Авиньонъ и Карпантра. Вслѣдствіе ложнаго своего положенія, будучи обязанъ какъ тогда, такъ и теперь довольствоваться полуобѣщаніями и дѣйствовать намеками, Римскій дворъ былъ вполнѣ обманутъ Бонапарте, потому что не могъ открыто предлагать условій, какія были ближе всего ему къ сердцу; онъ полагалъ, что Бонапарте не осмѣлится обмануть его вторично, тогда какъ Наполеонъ, ободренный первымъ своимъ успѣхомъ, имѣя на своей сторонѣ огромныя преимущества, смѣло затѣвалъ ту

же самую игру, пользовался вынужденнымъ положеніемъ противника, которое позволяло ему вводить много неопредѣленнаго въ свои обязательства, и подавалъ Римскому двору надежды, которыя не намѣренъ былъ исполнить. Такимъ образомъ онъ былъ обманутъ во второй разъ, но обманутъ по собственной подлости и въ силу хитрости своего противника. Не смотря на всѣ жалобы объ этомъ обманѣ, извѣстно только то, что онъ получилъ отъ Бонапарте лишь неопредѣленныя увѣренія, которыя никогда не заключали въ себѣ формальнаго обѣщанія.

Наполеонъ былъ тогда такъ далекъ отъ отдѣльной даже уступки Легатствъ св. престолу, что въ то время, когда подавалъ на это надежду, приготовлялъ все для преобразованія Цизальпинской республики въ Итальянское королевство, котораго лучшими областями должны были быть Легатства.. Онъ велѣлъ Миланской Консультѣ адресоваться къ нему съ желаніями еще менѣе искренними тѣхъ, какія служили предлогомъ къ возведенію его въ президенты, не заботясь о дурномъ впечатлѣніи, какое долженъ былъ произвести этотъ новый захватъ на Европу. Онъ рѣшился, писалъ онъ къ Мельци, „устроить тамъ порядокъ вещей *болѣе сообразный съ духомъ вѣка* [125])“, что означало деспотизмъ, подобный тому, какой тяготѣлъ надъ Франціею. Зная, какъ итальянцы были склонны къ мечтанію и какъ быстро воспламенялись ко всему, что повидимому обѣщало имъ единство ихъ родины, онъ бросилъ имъ на съѣденіе громкое слово *итальянское отечество*. Мельци, болѣе хладнокровный и дальновидный нежели его соотечественники, вслѣдствіе интимныхъ сношеній съ Первымъ Консуломъ, не побоялся разсердить его, напомнивъ ему, что Италія до тѣхъ поръ знала благодѣяніе французскаго владычества лишь по увеличенію налоговъ. „Мельци, писалъ по этому поводу Бонапарте къ Марескальки:

---

[125]) Бонапарте къ Мельци, отъ 23 іюля 1804. *Прим. автора.*

имѣлъ припадокъ подагры, когда писалъ мнѣ это... Надо плохо знать родъ человѣческій и духъ націй даже самыхъ трусливыхъ и испорченныхъ, чтобъ вѣрить, что онѣ могутъ судить о своемъ политическомъ существованіи въ силу большихъ или меньшихъ повинностей [126]).“

Если просвѣщенные итальянцы смотрѣли не съ большимъ энтузіазмомъ на предположенную перемѣну, то державы могли находить въ немъ лишь новый поводъ къ тревогѣ или жалобамъ, смотря по тому угрожала ли она непосредственно ихъ существованію, уже затронутому нашею хищническою политикою, или подавала поводъ дѣйствовать въ общихъ интересахъ. Какое лучшее доказательство могли доставить мы Питту предъ европейскими кабинетами, находившимися еще въ нерѣшимости? Великій этотъ министръ снова сталъ во главѣ правительства своей родины, не смотря на личную непріязнь къ нему короля. Министерство Аддингтона пало болѣе нежели 50 большинства голосовъ, какъ бы сверженное единственно очевидностью общественной опасности и чувствомъ собственной неспособности. Питту хотѣлось присоединить къ своему министерству и Фокса, чтобъ сгруппировать вокругъ себя всѣ національныя силы, но онъ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ непреодолимое упрямство со стороны короля Георга. Итакъ онъ довольствовался тѣмъ, что предложилъ раздѣленіе власти друзьямъ своего знаменитаго соперника, которые отказались изъ преувеличенной щекотливости. Его упрекали [127]) въ томъ, что онъ для принятія Фокса не поставилъ условіемъ *sine qua non* его личное вступленіе въ дѣла, но не разсматривая съ его историкомъ [128]) того, позволяло или нѣтъ здоровье короля ему настаивать на этомъ, и не сомнѣваясь, какой блескъ придали бы новой админи-

---

[126]) Бонапарте къ Марескальки отъ 28 августа 1804.

[127]) Маколей: *Biographical essays.* *Прим. автора.*

[128]) Лордъ Стенгопъ, т. IV.

страціи имя и талантъ Фокса, позволительно сказать, что съ произведеніемъ перваго эффекта, министерство потеряло бы впослѣдствіи въ силѣ и единствѣ дѣйствія. Для Европы это министерство имѣло одно только значеніе — то, которое придавало ему присутствіе человѣка, бывшаго душею предъидущей коалиціи, и который, не взирая на его ошибки и странности, выказалъ въ этой борьбѣ и великій характеръ и непреклонную волю. Англія почувствовала бодрость, увидя, что онъ снова взялся за кормило, которое столь долго держалъ въ своихъ мощныхъ рукахъ. Весьма извѣстная политика его заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать войну общею и поразить насъ въ Европѣ. Эту-то именно тактику Наполеонъ хотѣлъ употребить противъ Англіи, но пытаясь на невозможное, ибо онъ могъ имѣть за собою Европу не иначе какъ завоевавъ ее, и потому что Франція на случай неуспѣха была всегда открыта, въ то время какъ Англія прикрывалась своимъ укрѣпленнымъ положеніемъ. Итакъ возвращеніе Питта къ дѣламъ равнялось для всѣхъ — возобновленію континентальной войны. По первому его требованію Парламентъ назначилъ ему 60 мильоновъ экстраординарныхъ фондовъ, употребленіе которыхъ, предоставленное на его волю, имѣло цѣлью ободрять и поддерживать усилія державъ, расположенныхъ дѣйствовать въ общихъ интересахъ.

Въ виду подобнаго положенія Англіи, интересъ собственной нашей политики, казалось, предписывалъ намъ крайнюю осторожность. Мы должны были употреблять такое же стараніе успокоить и щадить континентальныя державы, какое она употребляла для вовлеченія ихъ въ войну, и не взирая на всѣ сдѣланныя ошибки, дѣло это было еще для насъ легко—такъ какъ наши послѣдніе успѣхи привели ихъ въ уныніе. Страхъ, внушенный имъ императоромъ Наполеономъ, былъ до того великъ, что малѣйшей уступки съ его стороны было достаточно, чтобъ они оставались въ мирѣ. Кажется, что, приготовляя съ большею нежели когда нибудь дѣятельностью

свое необыкновенно рискованное предпріятіе — высадку въ Англію, онъ долженъ былъ бы въ силу самой простой прозорливости сперва убѣдиться въ нейтралитетѣ Европы. Но по непонятному заблужденію политика его никогда не имѣла болѣе вызывающаго характера. Мы оставили его въ холодныхъ отношеніяхъ съ Пруссіею, расположеніе которой оказало ему столько услугъ, почти въ открытомъ разрывѣ съ Россіею, изъ которой вначалѣ было легко сдѣлать союзницу, наконецъ, въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ Австріею, нашею естественною непріятельницею, но непріятельницею безсильною, пока она оставалась одинокою. Бонапарте не только ничего не дѣлалъ для улучшенія этого положенія, а напротивъ каждый день ухудшалъ его невыносимою надменностью своихъ поступковъ. Мы видѣли, какимъ незагладимымъ оскорбленіемъ онъ отвѣчалъ на весьма законный протестъ Россіи противъ захвата герцога Энгіенскаго на германской территоріи. Съ тѣхъ поръ Россія заявила этотъ протестъ на Регенсбургскомъ сеймѣ, но его не смѣла поддержать устрашенная Германія; одна лишь Австрія оказала слабую поддержку, заявивъ впрочемъ готовность удовольствоваться простымъ обѣщаніемъ объясненія. Только Наполеонъ объявилъ бы, что поведеніе его соображалось съ тайными причинами, которыхъ онъ еще не могъ обнаружить, и Австрія осталась бы довольна.

Онъ съ гордостью отвергъ эти предложенія, а союзники, которые далеко были не въ состояніи думать о войнѣ, удовольствовались серединою, предложенною баденскимъ курфирстомъ. Государь этотъ, страшась увидѣть въ своихъ владѣніяхъ театръ новой европейской войны, объявилъ себя „удовлетвореннымъ данными ему объясненіями“, что дозволило окончательно отклонить русскую ноту; но споръ былъ удаленъ, а не оконченъ миромъ; онъ во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ оставилъ воспоминаніе о двойномъ оскорбленіи, требовавшемъ современемъ отмщенія.

Развязка эта не могла утишить неудовольствія Россіи; впрочемъ она отказалась настаивать предъ слабымъ Регенсбургскимъ сеймомъ, котораго безсиліе заставило перенести такое униженіе; она вмѣнила эту новую ошибку тому, кто былъ настоящимъ ея виновникомъ. Русскій дворъ, въ нотѣ, адресованной 21 іюля Убрилемъ къ Талейрану, повторилъ вкратцѣ всѣ свои жалобы на Францію. Онъ никогда не отказывался отъ этихъ жалобъ, хотя на время и соглашался позабыть о нихъ, а теперь возобновлялъ, требуя удовлетворенія по всѣмъ пунктамъ, т. е. очищенія Неаполитанскаго королевства, сто разъ обѣщаннаго и никогда неисполненнаго вознагражденія королю Сардинскому, окончательнаго устройства въ дѣлахъ итальянскихъ, наконецъ обязательства очистить сѣверъ Германіи и уважать германскій нейтралитетъ. Грустно и вмѣстѣ любопытно сличать эти дѣйствительно законныя требованія съ отвѣтомъ, который принужденъ былъ имъ противопоставить; ничто лучше не дозволяетъ измѣрить путь, по которому мы прошли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ самъ начинаетъ жаловаться на покровительство, оказанное Петербургскимъ кабинетомъ Вернегу и Антрегу, натурализованнымъ русскимъ подданнымъ, имена которыхъ могли только напомнить нарушеніе нами народнаго права; онъ упрекаетъ Петербургскій кабинетъ за трауръ, наложенный при Русскомъ дворѣ по поводу убійства герцога Энгіенскаго — который напротивъ относился къ его чести; онъ возвратился къ интригамъ Маркова, котораго и посланническое званіе не предохранило отъ публичнаго оскорбленія и котораго единственною истинною ошибкою была глубокая проницательность; для оправданія нашихъ нашествій въ Европѣ, онъ воспользовался занятіемъ Іонической республики. Занятіе это дѣйствительно совершилось, но съ согласія Франціи, которая, не надѣясь защитить эти острова противъ Англіи, предоставила Россіи взять ихъ, для того, чтобъ впослѣдствіи имѣть предлогъ распоряжаться на Кон-

тинентѣ. Послѣдняя жалоба была хоть сколько нибудь правдоподобная, но доказательство рѣшительное, единственное, на которое Наполеонъ разсчитывалъ, бывшее всегда окончательнымъ словомъ его дипломатіи, это была прямая угроза, заключавшая депешу Талейрана: „Императоръ французовъ, писалъ онъ:—желаетъ мира; но съ помощью Божьею и *своихъ армій* онъ находится въ положеніи—никого не бояться“.

Такимъ образомъ мы дошли до той степени, что Россія, государство едва вышедшее изъ варварства, указывала намъ на законъ, на справедливость, на безопасность общественныхъ интересовъ, мы дошли до того, что она могла защищать противъ насъ дѣло цивилизаціи, свободы народовъ!—тягостное сближеніе для политики, совершившей подобную перемѣну ролей. Убриль отвѣчалъ Талейрану, настаивая на всѣхъ своихъ предложеніяхъ и требуя свои паспорты. Тогда Наполеонъ, какъ и всякій разъ, когда осмѣливались энергически ему противиться, попытался податься назадъ; онъ задерживалъ Убриля подъ разными предлогами, надиктовалъ Талейрану новую ноту [129]) для заявленія своихъ добрыхъ намѣреній и съ просьбою забыть прошлое: „особенное расположеніе всегда склоняло его къ союзу, основанному на довѣріи, уваженіи и дружбѣ съ императоромъ Александромъ“... Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы не оскорблять его предварительно! Безполезныя и запоздалыя эти фразы были оцѣнены по достоинству, и наши сношенія съ Россіею оставались прерванными, хотя война и не была объявлена. Вотъ къ какой развязкѣ привела въ нѣсколько мѣсяцевъ наша политика съ державою, которая предстала намъ какъ посредница, и выказала намъ самое дружеское расположеніе.

Въ тотъ моментъ не много было надо, чтобъ Австрія не послѣдовала примѣру Россіи; ее удерживала только недостаточность приготовленій. Со времени принятія Наполео-

---

[129]) 5 сентября 1804. *Прим. автора.*

номъ императорскаго званія, первымъ движеніемъ Австрійскаго государя, было—воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ въ замѣну признанія получить титло наслѣдственнаго императора Австріи, какъ онъ имѣлъ уже титло избраннаго Германскаго императора. Но, имѣя съ тѣхъ поръ причины жаловаться на французское вліяніе въ устройствѣ германскихъ дѣлъ, гдѣ Бонапарте изъ всѣхъ силъ поддерживалъ маленькія государства противъ Имперіи, Австрійскій кабинетъ охладѣлъ къ этой мысли. Онъ мало выказывалъ поспѣшности признать императора Французовъ, не смотря на неоднократныя обѣщанія; онъ повидимому боялся—что было довольно знаменательно, чтобъ Наполеонъ, добившись признанія со стороны Австріи, не уклонился признать съ своей стороны императора Австрійскаго. Наполеонъ потерялъ терпѣніе, и по привычкѣ положилъ конецъ промедленію, показавъ остріе шпаги. Онъ предписалъ Шампаньи дать въ случаѣ надобности письменное обязательство, чтобъ разувѣрить англійскій кабинетъ; но если недовѣріе послѣдняго было притворно, то поставить его въ положеніе высказаться, доведя его до послѣднихъ предѣловъ: „Вы скажете, писалъ онъ ему:—что начинаетъ образоваться лига, и что я не дамъ ей времени завязаться; что было бы странною ошибкою предполагать, что я высажусь въ Англіи, пока императоръ не пришлетъ своего признанія; что несправедливо, чтобъ вслѣдствіе двусмысленнаго его поведенія мои 300 тысячъ человѣкъ стояли сложа руки на берегахъ Ламанша; *что если въ Вѣнѣ столь неблагоразумны, что желаютъ возобновленія войны, тѣмъ хуже для Австрійской монархіи* [130])“. Эта единственная причина, угроза употребляемая какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ дѣлахъ, должна была износиться съ теченіемъ времени; она оказалась недостаточною къ установленію политики. Въ эпоху обсужденія и публичности, къ ко-

---

[130]) Наполеонъ къ Шампаньи 3 августа 1804 г. *Прим. автора.*

торымъ пришли европейскія націи, надобно было прибѣгать къ другимъ средствамъ убѣжденія; онѣ не были ни достаточно слабы, ни достаточно уничижены, чтобъ долѣе выносить подобное обращеніе. Легко представить, какое оно должно было произвести впечатлѣніе на столь гордый нѣкогда дворъ. Но странно то, что, предвидя даже неизбѣжность коалиціи, онъ не поколебался употребить эти рѣшительныя и оскорбительныя формы. Онъ видѣлъ опасность, происходившую отъ этого, но ничего не дѣлалъ для предотвращенія ея; онъ даже сердился на Талейрана за то, что послѣдній ослаблялъ и смягчалъ эти формы въ депешахъ; онъ не допускалъ, чтобъ Талейранъ зналъ объ опасности, на которую онъ первый указалъ ему: „Было бы, писалъ онъ ему отъ 20 августа:—не только безумно, но положительно невозможно *поднять Австрійскому дому знамя бунта*, одному и даже вмѣстѣ съ Россіею“. Это слово бунтъ, въ примѣненіи къ Австріи, доказываетъ, до какой степени онъ зазнался. Но кого-то болѣе онъ хотѣлъ еще увѣрить въ невозможности новой коалиціи, и этимъ *нѣкто* была французская публика. Для того, чтобъ обмануть ее вѣрнѣе, онъ не побоялся прибѣгнуть къ постыднымъ подлогамъ изъ рода тѣхъ, какими онъ пользовался для погубленія Моро и какими въ нашъ вѣкъ пренебрегали самыя развращенныя правительства: „Врученныя вами мнѣ замѣчанія *о безсиліи Россіи*, писалъ онъ къ Фуше:—составлены очень умнымъ человѣкомъ. Велите ихъ напечатать въ журналѣ, какъ заимствованныя изъ какого-нибудь мало извѣстнаго англійскаго періодическаго изданія, которое вы сами выберете [131]).

Образованіе коалиціи, которую онъ то отрицалъ, то объявлялъ безсильною, тѣмъ не менѣе подвигалось впередъ, и вмѣсто того, чтобъ стараться предупредить ее, что было болѣе политично нежели отрицать ее, Бонапарте, казалось, хотѣлъ подвинуть на нее и Пруссію. Дер-

[131]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 28 августа 1804 г. *Прим. автора.*

жава эта склонялась къ намъ болѣе изъ собственныхъ интересовъ, нежели изъ симпатіи. Хотя ее очень оскорбили какъ занятіемъ Ганновера, такъ и захватомъ герцога Энгіенскаго на Баденской территоріи, но она дала намъ новое, не двусмысленное доказательство своего добраго расположенія, отказавшись принять протестъ графа Прованскаго по поводу провозглашенія Имперіи; она готова была выгнать самого графа изъ Варшавы въ угоду подозрительной полиціи Наполеона. Правда, она подписала секретный договоръ съ Россіею, но этотъ договоръ имѣлъ чисто оборонительный характеръ. Не заявляя о существованіи его французскому правительству, она нѣсколько разъ обнаруживала ему существенныя черты его. Не превышай Ганноверская армія тридцати тысячъ человѣкъ, не совершайся въ Германіи новое нарушеніе территоріи, и Пруссія была бы не только удовлетворена, но и благосклонна къ намъ. И прусскій король, чтобъ лучше показать французскому кабинету важность, какую онъ приписывалъ этимъ двумъ условіямъ,—замѣнилъ своего министра Гаугвица, рѣшительнаго сторонника нашей политики, Гарденбергомъ, который не былъ враждебенъ, но независимъ. Трудно было ожидать отъ молодаго и честолюбиваго государства политики, которая удовлетворилась бы болѣе дешевымъ способомъ. Однако Наполеонъ, не смотря на неоднократныя обѣщанія, съумѣлъ въ короткое время раздосадовать ее во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Съ іюля мѣсяца онъ увеличилъ свою Ганноверскую армію присылкою конскриптовъ, подъ предлогомъ положенія принятаго иностранными державами: „Въ моментъ, писалъ онъ къ Талейрану:— когда великія державы забываютъ приличія до того, что налагаютъ трауръ по людямъ, которые хотѣли ниспровергнуть правительство, очень просто мнѣ необходимо принять свои предосторожности, *для того чтобъ быть на готовѣ* [132])“,

---

[132]) Наполеонъ къ Талейрану отъ 2 августа 1804 г. *Прим. автора.*

мысль, которая безпрерывно является этому деспотическому уму. Вотъ логика, которой постоянно слѣдовала наша иностранная политика во времена первой имперіи, и еще удивляются, что она окончила—вооруженіемъ противъ насъ всей Европы. Къ этой ранѣ, растравляемой безпрестаннымъ къ ней прикосновеніемъ, Наполеонъ присоединилъ еще другую, которой сама Пруссія не предвидѣла, но которая тѣмъ не менѣе была для нея чувствительна. Во время своей поѣздки по берегамъ Рейна въ сентябрѣ, императоръ французовъ видѣлся со многими государями второстепенныхъ державъ германскихъ; онъ подстрекалъ ихъ соединиться и собственными силами образовать центръ, способный сопротивляться притяженію двухъ великихъ державъ, которыя жаждали поглотить ихъ; однимъ словомъ онъ положилъ основаніе Рейнской конфедераціи, которая оставила столь гнусное воспоминаніе для германскихъ патріотовъ.

Главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ служилъ ему электоръ великій канцлеръ Дальбергъ, которому онъ благопріятствовалъ при раздѣлѣ вознагражденій, и который, при всякомъ случаѣ, представлялъ союзникамъ интересъ быть въ ладу съ столь страшнымъ сосѣдомъ [133]). Подобное предпріятіе было, можетъ быть, мало политично въ узкомъ смыслѣ слова; но въ соединеніи со столькими другими приключеніями, оно представляло намъ лишнюю опасность, ибо первымъ дѣйствіемъ необходимо должно было оно имѣть—отчужденіе отъ насъ Пруссіи. Она знала о проэктѣ и видѣла въ этомъ новыя причины—быть на готовѣ. Третье обстоятельство окончательно вывело ее изъ предѣловъ. Въ началѣ октября 1804, Наполеонъ подъ вліяніемъ какого-то безумія, которое побуждало его постоянно бравировать какъ своихъ друзей, такъ и враговъ, безъ всякой новой причины и даже

---

[133]) Луккезини, *Sulle cause egli effetti della confederazione renova.*
Прим. автора.

безъ всякаго видимаго повода кромѣ удовольствія хвастовства, вдругъ приказалъ бригадѣ жандармовъ захватить представителя Англіи въ Гамбургѣ. Что же онъ привелъ въ оправданіе этого новаго нарушенія территоріи? циркуляръ лорда Гьюксбури, изданный полгода тому назадъ, и о которомъ уже болѣе никто не думалъ! Послушаемъ его самого какъ объясняется онъ по этому поводу.

„Немедленно послѣ дѣла Драке лордъ Гьюксбюри имѣлъ *глупость* издать циркуляръ съ цѣлью оправдать поведеніе этого министра предъ европейскими кабинетами. Чтобъ рѣзче выказать смѣшную сторону и жестокость этихъ принциповъ, я намѣревался послать тѣмъ же кабинетамъ циркулярный отвѣтъ. *Но потомъ я лучше придумалъ.* Я желаю велѣть захватить англійскаго министра въ Гамбургѣ вмѣстѣ съ бумагами и тотчасъ послѣ прикажу сообщить европейскимъ дворамъ объ этомъ захватѣ, оправдывая его нотою лорда Гьюксбюри [134])".

Вотъ на основаніи какихъ поводовъ этотъ зловѣщій человѣкъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться миромъ Европы, честью и будущностью своего отечества. Изъ личнаго удовольствія сыграть эту злую шутку съ англійскимъ правительствомъ, онъ не поколебался рискнуть войною со всѣмъ Континентомъ, ибо таково было неизбѣжное послѣдствіе захвата Румбольда, и многихъ другихъ покушеній противъ народнаго права. Здѣсь Бонапарте, самъ того не зная, натолкнулся на *casus belli,* предвидѣнный въ секретномъ договорѣ Пруссіи съ Россіею. Нота прусскаго кабинета, на этотъ разъ весьма сильная и рѣшительная, заставила его задуматься и отступить; онъ поспѣшилъ приказать отпустить Румбольда, но гордость его была оскорблена глубоко, ибо нѣсколько времени назадъ онъ хвасталъ, что велитъ даже захватить англійскаго резидента въ Берлинѣ, если это ему понадобится: „Прусскій ко-

---

[134]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 7 октября 1803 г. *Прим. автора.*

роль, воскликнулъ онъ: сдѣлалъ мнѣ непріятность, но я возвращу ему съ лихвою [135])". Въ ожиданіи онъ написалъ ему оправдательное письмо, наполненное изъявленіями дружбы, ругательствами противъ Англіи, которая нарушала *народное право* и даже право естественное", сѣтованіями по поводу *неблагодарности* Александра; мало достойное и не весьма благородное отрицаніе это отвратило печальную случайность, но не уничтожило недовѣрія, которое было естественнымъ послѣдствіемъ столь очевиднаго коварства.

Только сближая эту вызывающую политику, созданную для того, чтобъ поднять противъ насъ всю Европу, съ тщеславіемъ, съ которымъ онъ въ то же время дѣлалъ свои приготовленія противъ Англіи,—писатели, очень впрочемъ разумные, пришли къ весьма правдоподобному заключенію, что проэктъ высадки былъ лишь обманъ для замаскированія завоевательныхъ плановъ на континентѣ. Еслибъ этотъ проектъ былъ серьезный, то какъ въ самомъ дѣлѣ объяснить эту опасную политику? Какимъ образомъ допустить, чтобъ тотъ, кто намѣревался со всѣми нашими силами кинуться на Англію, чтобъ по всѣмъ вѣроятіямъ быть немедленно окружену англійскимъ флотомъ, раздражалъ въ то же время своими вызовами континентальныя державы до такой степени, что первымъ ихъ движеніемъ было воспользоваться его отсутствіемъ и кинуться на безоружную Францію? Если высадка не была пугаломъ, то политика была безуміемъ; если политика была разсчитана, то высадка представляется фальшивою демонстраціею. Невозможно избѣжать этой дилеммы, и понятно, что историки, проникнутые прежде всего возвышенностью наполеоновскаго генія, скорѣе предпочитали разрѣшать затрудненіе, отрицая дѣйствительность проэкта экспедиціи, нежели предполагать въ этомъ громадномъ геніѣ отсутствіе здраваго смысла, и не умѣли видѣть вещей, которыя были ясны для ребенка.

---

[135]) *Луккезини: Sulle cause etc.* *Прим. автора.*

Но невозможно сохранить ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи въ виду тысячи приказаній, проэктовъ, контръ-проэктовъ, открываемыхъ намъ корреспонденціею Наполеона, въ виду интереса, страсти, упрямства, чрезвычайныхъ рессурсовъ, развиваемыхъ имъ въ осуществленіи своего любимаго предпріятія, и глубокой грусти, съ которою онъ слѣдилъ за различными фазами и окончательною неудачею; и исторія принуждена допустить необыкновенный контрастъ, представляемый намъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ чудными способностями въ дѣйствіи въ соединеніи съ слабымъ и радикально ложнымъ сужденіемъ въ оцѣнкѣ общихъ фактовъ. Это мнѣніе весьма рискуетъ показаться парадоксальнымъ и пожалуй порицательнымъ. Наполеонъ—это романтизмъ въ политикѣ.

То откладываемое, то измѣняемое, великое булоньское предпріятіе вышло наконецъ изъ области фантазіи и развило свои колоссальные размѣры. Какъ всѣ планы, плохо созрѣвшіе или несоразмѣренные съ дѣйствительнымъ силами, необходимо было подвергнуть его отсрочкамъ и измѣненіямъ, которыя повидимому приходили къ окончанію, но которыя между тѣмъ только что начинались. Откладывая его съ зимы на весну, потомъ съ весны на лѣто—какъ бы окончательно, его готовили только на осень 1804. Въ виду постоянныхъ возраженій со стороны своихъ моряковъ, Наполеонъ убѣдился наконецъ въ безсиліи отдѣльной флотиліи; онъ хотѣлъ подкрѣпить ее флотомъ, достаточно сильнымъ, чтобъ владѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней каналомъ. По его проэкту, одинъ изъ нашихъ флотовъ долженъ былъ воспользоваться ненастною погодою, которая удалила бы англійскихъ крейсеровъ, чтобъ соединиться съ другою эскадрою; тогда онъ могъ бы явиться передъ Булонью съ превосходными силами. Для осуществленія этого плана онъ обратилъ взоръ на Латушъ-Тревилля, котораго считалъ наиболѣе смѣлымъ изъ нашихъ моряковъ. Латушъ-Тревилль долженъ былъ выйдти

съ десятью кораблями изъ Тулона, обманувъ Нельсона, который считалъ этотъ флотъ предназначеннымъ для обратнаго завоеванія Египта; оттуда онъ имѣлъ направиться на Рошфоръ, и присоединить тамъ шесть кораблей и нѣсколько фрегатовъ и тогда уже слѣдовать въ Ламаншъ прямо или обогнувъ Ирландію. „Овладѣй мы проливомъ на шесть часовъ, мы будемъ владѣть всѣмъ міромъ!" писалъ ему Наполеонъ, представивъ этотъ планъ въ зародышѣ, которому предстояло измѣняться болѣе двадцати разъ прежде принятія окончательной формы [136]).

Императоръ предполагалъ, что Латушъ-Тревилль, выйдя изъ Тулона 30 іюля, могъ явиться предъ Булонью въ теченіе сентября; но адмиралъ, на котораго возлагались такія большія надежды, вскорѣ умеръ отъ болѣзни, получившей начало еще на Сенъ-Доминго. Латушъ-Тревилль вмѣстѣ съ Брюи, который подобно ему умѣлъ умереть во-время, прежде чѣмъ подвергся испытанію въ столь затруднительномъ обстоятельствѣ,—единственный морякъ, не подвергшійся гнѣву и ругательствамъ Наполеона; всѣ прочіе, не смотря на свои заслуги, Декре, Гантомъ, Вилльневъ, Мисьесси, Дюмануаръ, Вилларе, Линуа, Бурдонъ, Аллеманъ, Магонъ, Розили заслужили его оскорбленія и порицанія. Въ силу мнѣнія, которое онъ самъ сообщилъ своимъ историкамъ, принято поддерживать, что смерть этихъ двухъ адмираловъ была главною, если не единственною причиною неудачи экспедиціи. Безъ сомнѣнія, оба эти моряка были люди замѣчательные, но они не сдѣлали ничего, что позволяло бы поставить ихъ выше Декре, Гантома, Вилльнева и Линуа, завоевателя Алжезира. Если съ другой стороны успѣхъ экспедиціи зависѣлъ отъ жизни двухъ или, лучше сказать, одного человѣка, ибо состояніе здоровья Брюи было такъ плохо, что невозможно было и думать о назначеніи его на подобный постъ, то

---

[136]) Наполеонъ къ Латушъ-Тревиллю, 2 мая 1804. *Прим. автора.*

надо признаться, что эта экспедиція была очень недостаточна. Впрочемъ гораздо уже позже вздумали приписывать имъ эту важность.

Смерть Латушъ-Тревилля очень огорчила Наполеона. Но вмѣсто того, чтобъ отказаться отъ своихъ намѣреній, онъ придалъ имъ такіе размѣры, которые дѣлали осуществленіе ихъ болѣе затруднительнымъ. Такъ какъ Англія въ началѣ сентября 1804 г. грубо прервала сношенія съ Испаніею, въ наказаніе за союзъ ея съ нами, замаскированный подъ формою субсидій,—Наполеонъ очутился господиномъ всѣхъ портовъ и всѣхъ военныхъ рессурсовъ Испаніи,—что позволяло ему дать волю непомѣрнымъ замысламъ, къ которымъ безъ того онъ былъ очень склоненъ. Флотилія его получила новое устройство, которое онъ назвалъ „постояннымъ и неизмѣннымъ“ [137]), какъ бы въ отвѣтъ на сомнѣнія, которыя должны были возникнуть отъ его безпрерывныхъ метаморфозъ, или для того, чтобъ заставить вѣрить, что она съ тѣхъ поръ была въ состояніи существовать сама собою. Въ то же время во всѣхъ портахъ закипѣли постройки и вооруженіе судовъ съ чрезвычайною дѣятельностью. Но быстрые и поразительные результаты, которыхъ Наполеонъ достигъ, истощая наши верфи и такъ сказать подрывая морское населеніе, только обманули его вѣрнѣе. Судовъ было достаточное число, но количество получилось въ ущербъ качеству, судовъ дурно построенныхъ, дурно вооруженныхъ, тимберованныхъ плохимъ лѣсомъ и плохимъ желѣзомъ, которыя ходили дурно и дѣлались негодными при первомъ штормѣ [138]). Сформированные наскоро экипажи ихъ, составленные изъ матросовъ, знакомыхъ съ моремъ большею частью лишь внутри гавани или на рейдѣ, изъ неопытныхъ морскихъ сол-

---

[137]) Наполеонъ къ Декре, 9 сентября 1804. *Прим. автора.*

[138]) Корреспонденція Вилльнева, изданная адмираломъ Жюрьеномъ де-ла-Гровьеръ: *Морскія войны.* *Прим. автора.*

датъ, изъ артиллеристовъ, неспособныхъ навести орудіе, были собраны отчасти съ помощью *принудительнаго набора*— гнусное учрежденіе вдвойнѣ ненавистное въ странѣ, гдѣ оно не было освящено преданіемъ, но которое не преминулъ усвоить человѣкъ, возстановившій рабство. Изъ корреспонденціи Наполеона видно, что употребленіе этого грубаго пріема было противно морскому министру. Воскресеніе этого гнуснаго злоупотребленія было обязано исключительно вдохновенію императора; онъ безпрерывно подстрекалъ недостаточное въ этомъ случаѣ рвеніе Декре; ему все казалось, что дѣйствовали не съ надлежащею энергіею: „Объявите *общій принудительный наборъ*, писалъ онъ ему отъ 2 іюля:— есть еще возможность набрать матросовъ", а отъ 28 августа: „Есть еще матросы. Даву пишетъ мнѣ, что можетъ *набрать* восемьсотъ человѣкъ". Это желаніе имѣть матросовъ во что бы то ни стало причинило несчастье Генуэзской республикѣ. Около этого времени Наполеонъ навязалъ ей договоръ, вслѣдствіе котораго она обязывалась поставить ему не четыре тысячи, а *шесть тысячъ* матросовъ — уступка страшная, которая только усилила его жадность, и лишь на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочила окончательное присоединеніе генуэзской территоріи къ французской имперіи.

Не смотря на всѣ эти усилія воли, возставшей противъ порядка вещей, у насъ въ сущности было только подобіе флота. Морскія силы наши, столь блистательныя на бумагѣ, имѣли, подобно лошади Роланда, небольшой порокъ, который дѣлалъ всѣ ихъ качества безполезными: онѣ едва были въ состояніи двигаться. На эти недостатки, о которыхъ много разъ заявляли Наполеону его адмиралы, онъ не обращалъ никакого вниманія; онъ имѣлъ столько людей, орудій, судовъ, и этого было достаточно; кораблямъ своимъ онъ приписывалъ достоинство своихъ полковъ и маневрировалъ флотомъ какъ сухопутными арміями, прилагая къ морской войнѣ свою систему дѣйствовать большими массами, не видя того,

что здѣсь матерія господствовала надъ человѣкомъ, что тайна превосходства заключалась менѣе въ индивидуальной храбрости, нежели въ опытности и въ умѣньи управлять этими могущественными машинами, и что наконецъ большія сосредоточенія силъ, о какихъ онъ мечталъ, были вопервыхъ очень трудны для исполненія при условіяхъ паруснаго флота, существовавшаго въ его время, а вовторыхъ мало дѣйствительны вслѣдствіе почти невозможности дѣйствовать вмѣстѣ. Такъ какъ эти различныя возраженія возбуждали въ немъ только припадки ярости или горькія жалобы на неспособность своихъ моряковъ, то Декре и его товарищи мало по малу перестали дѣлать эти замѣчанія; они рѣшились помогать ему всѣми силами, но съ слабою надеждою на успѣхъ предпріятія.

Декре представилъ ему, какъ преемника Латушъ-Тревиллю, адмирала Вилльнева, моряка, въ которомъ нельзя было отвергать ни искусства, ни храбрости, но хладнокровнаго, предусмотрительнаго и скромнаго, который неспособенъ былъ увлекаться мечтами, точно также какъ и внушать ихъ другимъ. Вилльневъ принялъ начальство надъ Тулонскимъ флотомъ съ явнымъ отвращеніемъ и не страшился скрыть трудностей задачи, которой отъ него требовали. Наполеонъ былъ еще далекъ отъ плана, который принялъ впослѣдствіи, но къ которому дошелъ послѣ долгихъ попытокъ. Инструкціи, посланныя имъ Вилльневу для тулонскаго флота, и Миссіесси для рошфорской эскадры, отъ 12 и 23 декабря 1804, показываютъ, что онъ не думалъ еще о совмѣстности ихъ дѣйствія съ флотиліею. „Разсудивъ кстати, говорилъ онъ восточнымъ слогомъ:—*покорить своему владычеству* колоніи Суринамъ, Бербисъ, Демерари и проч.“, онъ приказывалъ Вилльневу направиться въ Кайену, взять тамъ подкрѣпленіе, овладѣть немедленно Суринамомъ и другими указанными пунктами, и послѣ этого идти на Мартинику для соединенія съ Миссіесси. Оттуда онъ долженъ былъ отплыть со всѣми

своими силами къ Сенъ-Доминго, высадить тамъ людей, выгрузить оружіе, возвратиться въ Ферроль, и присоединить испанскую эскадру, чтобъ идти въ Рошфоръ [139]). Честь споспѣшествовать высадкѣ въ Англіи была сохранена для брестской эскадры подъ начальствомъ Гантома. Адмиралъ этотъ имѣлъ воспользоваться безпорядкомъ, который должно было произвести въ англійскомъ флотѣ отплытіе эскадръ тулонской и рошфорской, чтобъ выйдти изъ Бреста, высадить 20,000 человѣкъ въ Ирландіи и возвратиться въ Булонь для вспомоществованія флотиліи [140]). Но ничего не могло быть неопредѣленнѣе и измѣнчивѣе мыслей Наполеона и роли Брестскаго флота; одно время онъ помышлялъ послать его съ 30,000 человѣкъ въ Индію, чтобъ вырвать это завоеваніе у Англіи—такъ мало исправила его Сенъ-Домингская катастрофа [141]). И въ то время, когда надежды его принимали этотъ гигантскій полетъ, Гантомъ со своимъ флотомъ оставался какъ бы въ плѣну въ брестскомъ портѣ, не имѣя возможности двинуться. Флотъ Вилльнева, вышедшій изъ Тулона при помощи ненастной погоды, удалившей Нельсона, былъ разсѣянъ при первыхъ порывахъ бури. Вредъ, причиненный ему штормомъ, и еще болѣе неопытностью экипажей и отвратительнымъ качествомъ матерьяловъ, былъ достаточенъ, чтобъ лишить его возможности держаться въ морѣ [142]). Вильневъ вступилъ въ Тулонъ въ концѣ января 1805, чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ вышелъ изъ него, въ то время какъ Нельсонъ поспѣшилъ въ Мальту ожидать его. Одна эскадра Миссьесси могла исполнить свое назначеніе и направиться къ Мартиникѣ, гдѣ должна была тщетно дожи-

---

[139]) Наполеонъ къ Вильневу, отъ 12 декабря, къ Миссіесси отъ 23 декабря 1804 г. *Прим. автора.*

[140]) Наполеонъ къ Декре отъ 29 сентября. *Прим. автора.*

[141]) Ib. отъ 16 января 1805 г. *Прим. автора.*

[142]) Корреспонденція Вилльнева, приводимая Жюрьеномъ де ла Гравьеръ. *Прим. автора.*

даться Вилльнева. Эта неудача чрезвычайно раздражила Наполеона; но, будучи далекъ заключить изъ этого, какъ опасно затѣвать великія предпріятія съ такими дурными элементами, онъ тотчасъ же задумалъ гигантскій планъ, который и остался какъ коренная мысль всѣхъ его послѣдующихъ намѣреній. Покинувъ мысль объ экспедиціи въ Индію такъ же быстро, какъ ее затѣялъ, онъ рѣшился послать въ Мартинику не только Вилльнева и Миссьесси съ флотами Тулонскимъ и Рошфорскимъ, но и самого Гантома съ Брестскимъ флотомъ. Адмиралъ этотъ долженъ былъ выйдти изъ Бреста съ 21 кораблемъ, направиться къ Ферролю, присоединить испанскую эскадру и плыть прямо на Мартинику, гдѣ ожидали его соединенныя силы Вилльнева и Миссьесси. Тогда онъ имѣлъ возвратиться въ Европу и идти въ Дуврскій проливъ съ 40 линейными кораблями—непреодолимою армадою. Предусмотрѣнъ былъ случай, еслибъ одинъ изъ адмираловъ не поспѣлъ на свиданіе: тогда Гантомъ долженъ былъ идти съ другимъ, и еслибы у него оказалось менѣе 25 кораблей, то нашелъ бы въ Ферролѣ или Шербургѣ—чѣмъ пополнить флотъ прежде нежели направиться къ Булони [143]). Вилльневъ получилъ приказаніе плыть къ Мартиникѣ и ожидать тамъ Гантома въ теченіе сорока дней. Великолѣпный планъ этотъ заключалъ много обстоятельствъ, весьма трудныхъ къ исполненію. Предполагалось, что наши флоты не будутъ имѣть никакой неблагопріятной встрѣчи; что могутъ очутиться въ одно и то же время на мѣстѣ назначеннаго свиданія и что, разъ соединившись, они будутъ въ состояніи держаться вмѣстѣ на этихъ громадныхъ пространствахъ, мимо затрудненій, какія прибавляло подобное скученіе къ обыкновеннымъ опасностямъ столь долговременнаго плаванія; предполагалось, что британское адмиралтейство и его превосходные

---

[143]) Наполеонъ къ Гантому отъ 2 марта 1805 и къ Вилльневу отъ того же числа. *Прим. автора.*

моряки не съумѣютъ до конца ничего понять, ничего видѣть, наконецъ, что флотъ, неспособный на самые элеметарные маневры съ десятью или пятнадцатью кораблями, сдѣлается неодолимымъ, когда ему придется двигать массу, не виданную въ мірѣ со времени флота Ксеркса при Саламинѣ. На эти чудеса разсчитывали заранѣе.

Въ то время какъ все приготовлялось для успѣха этихъ грандіозныхъ комбинацій, Парижъ собирался увидѣть съ невыразимымъ удивленіемъ пышное зрѣлище, которое Наполеонъ считалъ необходимымъ освященіемъ своей славы и своей власти. Послѣ долгихъ колебаній, мотивированныхъ то весьма извѣстнымъ негодованіемъ, которое поступокъ его внушалъ всѣмъ истиннымъ католикамъ, то дѣтскою щепетильностью, которая кажется едва вѣроятною, папа Пій VII рѣшился наконецъ ѣхать въ Парижъ. Первосвященникъ этотъ, котораго ни Венсенская ловушка, ни воспоминаніе о противорелигіозномъ плутовствѣ Египетской кампаніи, ни столько вопіющихъ беззаконій, совершенныхъ то во Франціи, то въ Европѣ, не могли отвратить отъ столь важнаго рѣшенія, вдругъ въ послѣдній моментъ, едва не отступился, потому что письмо Наполеона обошло обычную формулу и было вручено ему генераломъ Кафарелли, а не двумя епископами [144]). Онъ отправился изъ Рима 8 ноября. Наполеонъ выѣхалъ къ нему до Фонтэнебло, но изъ боязни показать своему гостю слишкомъ большую уступчивость, онъ хотѣлъ, чтобъ первая встрѣча казалась случайною. И вотъ въ охотничьемъ платьѣ, окруженный своими мамелюками и сворою изъ пятидесяти собакъ, на уединенной полянкѣ фонтенэнблоскаго лѣса онъ представился св. отцу [145]).

Два государя обнялись, и когда сѣли вмѣстѣ въ карету,

---

[144]) *Записки* Консальви. *Прим. автора.*

[145]) *Записки* герцога Ровиго. Де Прадтъ, *Четыре конкордата. Прим. автора.*

Наполеонъ занялъ мѣсто съ правой стороны, что и установило этикетъ на все время пребыванія папы въ Парижѣ. Это было только начало мелкихъ непріятностей, которыя, по свидѣтельству Консальви, наполнили горечью его душу. „Я умолчу, говоритъ онъ по этому поводу:—объ униженіяхъ, которыми обременяли Пія VII. Память и перо отказываются отъ подобнаго разсказа.“ Наполеонъ выказался здѣсь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ во всѣхъ обстоятельствахъ; всегда и вездѣ ему нужно было львиную долю; онъ не могъ терпѣть никакого раздѣла; онъ готовъ былъ видѣть соперничество даже въ почестяхъ, воздаваемыхъ такого рода заслугѣ, какая не имѣла ничего общаго съ его заслугами; онъ завидовалъ бы любви къ святому, какъ и вліянію женщины; ему не была никогда знакома деликатность вѣжливости, ни даже то великодушіе, которое дало бы ему почувствовать, что чѣмъ слабѣе былъ гость его, тѣмъ легче было уступить ему: онъ третировалъ папу какъ своего капеллана.

2-го декабря 1804 г. въ соборѣ Богоматери совершилась церемонія, съ которою онъ связывалъ такую громадную важность съ точки зрѣнія будущности и обаянія своей власти. Театральное это представленіе было подготовлено посредствомъ репетицій, которыя живописецъ Изабей, возведенный въ званіе импрессарія, остроумно устроивалъ при помощи маленькихъ деревянныхъ куколъ и къ величайшему удовольствію повелителя [146]). Но не смотря на всю заботливость, придаваемую этому, не смотря на врожденную способность придворныхъ подражать деревяннымъ кукламъ, рѣдко церемонія была холоднѣе и печальнѣе. Эта необыкновенная смѣсь обветшалыхъ обрядовъ и странныхъ костюмовъ, заимствованныхъ у различныхъ эпохъ, которыя не имѣли ничего общаго, эти уборы сложнаго ордена, въ которыхъ со-

---

[146]) *Записки* Боссе, стариннаго дворцоваго префекта.

Прим. автора.

единялась Директорія съ средними вѣками, эпоха Генриха IV съ древностью, эти республиканскіе генералы, несшіе— одинъ корону Карломана, другой скипетръ, третій корзинку императрицы, четвертый ея кольцо, положенное на подушку, все даже переданное и арранжированое послѣ событія великимъ артистомъ какъ Давидъ, представляло эффектъ чудовищной какофоніи. При томъ всѣ актеры этой громадной пародіи имѣли нѣкоторые поводы къ стѣсненію или недовольству: одни считали себя оскорбленными въ своихъ притязаніяхъ, другіе обиженными въ склонностяхъ. Папа былъ въ отчаяніи отъ того, что дожидался императора болѣе часа; императоръ сердился на папу за то, что послѣдній заставилъ его наканунѣ совершить церковный брачный обрядъ съ Жозефиною, съ которою онъ замышлялъ развестись. Замѣтили, что онъ то и дѣло зѣвалъ во все время церемоніи. Тѣ же, кто не зѣвалъ, имѣли, если вѣрить мехельнскому архіепископу, другаго рода заботу—боязнь не сохранить до конца подобающей серьезности. Стоило только раздаться одному смѣху, писалъ этотъ прелатъ, и все было бы кончено съ важностью знаменитаго собранія. Карломанъ и его паладины исчезли бы среди огромнаго взрыва хохота. Скрытая иронія, которая примѣшивалась къ торжеству, чтобъ обратить его въ смѣшное, должна была въ особенности поразить всѣхъ, когда услышали какъ этотъ средневѣковый государь громкимъ голосомъ клялся поддерживать *равенство правъ, политическую и гражданскую свободу, неотмѣнность продажи національныхъ имуществъ!* Здѣсь анахронизмъ доходилъ до смѣшнаго. Впрочемъ при церемоніи коронованія не было недостатка въ нечаянностяхъ, которыя были столь сродны генію Наполеона. Извѣстно, что когда папа приготовился возложить корону на императорскую голову, Наполенъ грубо вырвалъ ее изъ рукъ у него, чтобъ короновать себя самому, вопреки даннымъ имъ обѣщаніямъ и какъ бы для того, чтобъ доказать, что онъ обязанъ са-

мому себѣ своею властью. Эта безпокойная прихоть выскочки, постоянно заботившагося объ утвержденіи своихъ титловъ, могла только глубоко оскорбить папу, пріѣхавшаго изъ Рима въ Парижъ для этой коронаціи, которой, по видимому, не считали его достойнымъ. Онъ протестовалъ противъ перемѣны, введенной въ программу, и заявилъ, что если *Монитеръ* обнародуетъ фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ совершился, то онъ найдется въ необходимости напомнить, что ему не сдержали слова. Вотъ причина долго необъясненнаго молчанія, которое офиціальный журналъ хранилъ объ этомъ торжествѣ и о случаяхъ его сопровождавшихъ [147]).

Папа оставался въ Парижѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ возможность убѣдиться, какъ онъ ошибался, разсчитывая на признательность своего страшнаго протеже́. Услуга, имъ оказанная, и которой онъ преувеличивалъ значеніе, воспламенила его надежды до того, что онъ даже возмечталъ исхлопотать у французскаго правительства полнѣйшую отмѣну галликанскихъ вольностей, возстановленія духовенству гражданскихъ актовъ и принятія католицизма не какъ привилегированной религіи, а въ качествѣ религіи государственной. Но пріемъ, съ которымъ были встрѣчены его требованія, изложенныя въ цѣлой серіи записокъ, составленныхъ кардиналомъ Антонелли, быстро разсѣялъ мечтанія св. отца; онъ сократилъ многія изъ своихъ притязаній и ограничилъ ихъ послѣдовательно почти тѣмъ, что принялъ нѣсколько неопредѣленныя обѣщанія, которыя дали ему съ цѣлью побудить его на путешествіе въ Парижъ. Но если уже тогда не считали нужнымъ давать ему формenныя обязательства, то гораздо менѣе расположены были къ этому теперь, когда не имѣли уже въ немъ нужды. Порталисъ отвѣчалъ пунктъ за пунктомъ на записку кардинала тѣмъ слогомъ, исполненнымъ мягкости и умиленія, тайнѣ

[147]) Госсонвилль. *Прим. автора.*

которыхъ научился онъ, занимаясь церковными дѣлами; онъ расточалъ Римскому двору множество краснорѣчивыхъ фразъ и пустыхъ обѣщаній, но это и все. Единственно въ чемъ успѣлъ папа, это возстановленіе грегоріанскаго календаря, совершившееся чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и ограниченіе конституціональныхъ епископовъ, чему онъ былъ обязанъ единственно пріятности и мягкости своихъ манеръ.

Будучи оттолкнутъ на почвѣ религіозныхъ претензій, онъ не побоялся попытаться на поприщѣ поземельныхъ требованій, на которомъ онъ имѣлъ еще менѣе шансовъ на успѣхъ. Онъ подалъ лично Наполеону записку [148]), въ корой, изложивъ всѣ потери, понесенныя св. престоломъ, недостаточность доходовъ, и грабежи, жертвою которыхъ онъ былъ со стороны Директоріи—„правительства, которое благодаря заслугамъ и доблести Наполеона, прекратило свое существованіе,“ онъ заклиналъ его подражать знаменитому Карломану, который добровольно возвратилъ св. Петру всѣ владѣнія, которыя отдалъ уже ему отецъ его Пепинъ и которыя захватили ломбардцы, т. е. экзархатъ, Пентаполь, съ прибавкою другихъ владѣній, въ особенности герцогство Сполете и Беневенто. На этотъ разъ Талейрану поручено было отъ имени Наполеона спровадить благочестиваго челобитчика, и онъ сдѣлалъ это съ утонченною осторожностью и съ самыми медоточивыми увѣреніями. „Самъ Богъ возвелъ императора на тронъ и начерталъ предѣлы его власти. Императоръ долженъ былъ уважать предѣлы, начертанные Богомъ... Онъ не могъ уменьшить территоріи *чужаго государства*, которое, ввѣряя ему заботу управлять имъ, наложило вмѣстѣ и обязанность покровительствовать ему. Впрочемъ онъ надѣялся найдти случай расширить владѣнія св. отца.“ Для того чтобъ судить объ искренности совѣстливости, которая

---

[148]) Текстъ ея находится у Арто. *Исторія Пія VII.*

Прим. автора.

мѣшала императору располагать итальянскою территоріею, стоило папѣ только вспомнить объ уступкѣ Венеціи Австріи, и Тосканы Испаніи. Для того чтобъ дать настоящую цѣну этимъ обѣщаніямъ, ему стоило только вспомнить тѣ, которыя предшествовали Конкордату: прошедшее служило ему ручательствомъ за будущее. Наполеонъ былъ гораздо искреннѣе, когда давалъ папѣ предчувствовать намѣреніе, которое приписать ему въ то время нѣтъ ничего невѣроятнаго и къ которому онъ долженъ былъ возвратиться позже: оно заключалось въ томъ, чтобъ предложить папѣ Авиньонъ или дворецъ въ Парижѣ съ большимъ содержаніемъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ поселился во Франціи [149]). Легкость, съ которою онъ обманулъ римскій дворъ, воспламенила чрезмѣрно его надежды; но онъ позабылъ, что дворъ этотъ былъ любезенъ лишь изъ честолюбія, что не проститъ никогда ему обмана и что сдѣлается столь же недовѣрчивъ, сколько былъ прежде легковѣренъ и послушенъ. Онъ вообразилъ, что навсегда очаровалъ и ослѣпилъ слабаго Пія VII; между тѣмъ какъ онъ только оскорбилъ его даже въ мелочахъ. Надобно читать у Консальви горькія жалобы этихъ апостольскихъ наслѣдниковъ по поводу *ничтожности подарковъ* императора, предназначенныхъ, какъ говоритъ онъ, „для доказательства малой цѣнности того, кому ихъ предложили," и перечисленіе „этихъ великолѣпныхъ подарковъ, описанныхъ въ журналахъ, но которые никогда не достигали по адресу [150])." Св. отецъ выѣхалъ изъ Парижа съ сердцемъ исполненнымъ огорченія. Вотъ былъ единственный результатъ путешествія, которое онъ предпринялъ, заставивъ замолчать тайный голосъ своей совѣсти и руководимый, можетъ быть, „религіознымъ поводомъ", какъ говорятъ его панегиристы, но въ сущности чисто-мірскими интересами. Онъ

[149]) Артó. *Прим. автора.*

[150]) *Записки* Консальви, т. II. *Прим. автора.*

вынесъ лишь пламенное желаніе отомстить, желаніе, внушенное равно религіознымъ поводомъ, но которому не была чужда политика.

27-го декабря 1804 г. послѣдовало съ необыкновенною торжественностью открытіе законодательной сессіи лично императоромъ. *Отчетъ о положеніи имперіи* превзошелъ въ преувеличеніяхъ предъидущіе годы. Никогда положеніе наше не было болѣе отлично, цвѣтуще, обезпечено: „никакого движенія, могущаго возмутить общественное спокойствіе, ни одного преступленія, принадлежащаго къ воспоминаніямъ революціи; вездѣ полезныя предпріятія и улучшеніе какъ общественной, такъ и частной собственности.“ Слѣдовало описаніе движенія, бросившаго Францію въ руки Наполеона. Франція почувствовала, что раздѣльная власть была безсильна, несогласна, не дозволяла продолжительныхъ занятій, не допускала зрѣло обдумать. Что касается его, онъ „тщетно противился силѣ этихъ принциповъ... онъ долженъ былъ подчиниться неизбѣжности обстоятельствъ... онъ возвратилъ Франціи *учрежденія, которыя внушены какъ бы Провидѣніемъ*... глава церкви пожелалъ освятить эту торжественную церемонію... Какой предметъ для разговоровъ будущимъ поколѣніямъ и какой предметъ удивленія для Европы! Монархи и посланники поражены величественнымъ зрѣлищемъ Франціи, укрѣпившейся на древнихъ основаніяхъ; среди этого торжества и предъ лицемъ Предвѣчнаго Наполеонъ произноситъ клятву о сохраненіи нераздѣльности Имперіи!... Клятва Наполеона будетъ всегда страхомъ для враговъ и щитомъ для французовъ!“

Послѣ этого слѣдовало перечисленіе благодѣяній новаго правительства: окончаніе кодексовъ; учрежденіе десятилѣтнихъ цѣнъ; поощреніе земледѣлію и торговлѣ; постройка дорогъ и каналовъ—и все это сопоставлено съ „отдаленными богатствами и ненадежными источниками британскими.“ Даже флотъ нашъ, запертый въ портахъ, послужилъ для этой офи-

ціальной картины предметомъ сравненія въ нашу пользу, ибо „непріятельскіе флоты портились отъ *бурь и плаванія*, тогда какъ наши, безъ вреда для себя, учились бороться съ ними.“ Конечно это была новая точка зрѣнія съ которой какъ на превосходство нашего флота смотрѣли на принужденное бездѣйствіе, которое до тѣхъ поръ мѣшало ему быть въ массѣ. Какое же преимущество могло имѣть продолжительное отдохновеніе нашихъ эскадръ предъ усталостью британскаго флота! Въ этомъ простомъ словѣ заключается объясненіе всѣхъ ошибокъ Наполеона относительно нашего флота.

Отчетъ заключалъ также картину положенія Европы, которая представляла не менѣе неосновательную фантазію, какъ и наше внутреннее преуспѣяніе, но которая имѣла еще болѣе серьезный недостатокъ, что сдѣлана была въ такомъ смыслѣ, который оскорблялъ и тревожилъ континентальныя державы. Относительно ихъ Наполеонъ принялъ тонъ покровителя и совѣтника, какой онъ могъ позволить себѣ съ правителемъ нѣсколькихъ провинцій своей имперіи, расточая здѣсь похвалы, тамъ порицанія съ высокомѣрнымъ безпристрастіемъ арбитра, располагающаго судьбами человѣчества. Понятно, долженъ ли былъ нравиться этотъ тонъ раздраженнымъ уже государямъ, недовольнымъ и ожидавшимъ только случая, чтобъ высказаться противъ него. Онъ началъ съ того, что въ двусмысленныхъ выраженіяхъ заявилъ о двухъ перемѣнахъ, которыя не могли ни успокоить, ни расположить ихъ въ нашу пользу. Рѣчь при открытіи торжественно заявляла, „что никакое государство не будетъ присоединено къ имперіи.“ Отчетъ представлялъ не менѣе торжественно, что Итальянская республика, управляемая одинаковыми принципами съ Франціею, подобно послѣдней, *требовала окончательнаго устройства.* Онъ прибавлялъ, „что Голландія стонала подъ бременемъ олигархическаго правительства... и ей недоставало правительства твердаго, патріотическаго и просвѣщеннаго.“ Для того, кто умѣлъ пони-

мать полуслова, это значило, что оба эти *независимыя* государства подвергались въ свою очередь удару магическаго жезла, который превратилъ Французскую республику въ монархію, и необходима была монументальная простота, чтобъ не видѣть въ этомъ присоединенія. Потомъ слѣдовало обозрѣніе державъ и государей, опредѣляя нѣсколькими словами ихъ состояніе и поведеніе, словно въ военномъ бюллетенѣ: „Австрійскій императоръ для возстановленія своихъ финансовъ и благоденствія своихъ провинцій пожертвовалъ спокойствіемъ, которое внушало ему и благородство его характера и интересы его подданныхъ... Прусскій король выказалъ себя дружественнымъ къ Франціи... Турція *колебалась въ своей политикѣ, изъ боязни она слѣдовала системѣ, которую отвергала ея польза.*“ Наконецъ Россія получала подъ видомъ совѣта весьма ясное предостереженіе: „Духъ Великой Екатерины будетъ *бодрствовать* надъ совѣтами Александра. Онъ вспомнитъ, что дружба Франціи служитъ для него необходимымъ перевѣсомъ на вѣсахъ Европы; *что, будучи поставленъ вдали отъ нея, онъ не можетъ, ни коснуться, ни нарушить ея спокойствія.*“ Послѣднія слова, какъ видите, стремились уже къ вызову. Странный и новый способъ успокоивать неудовольствіе и пріобрѣтать друзей!

Многое нужно было сокращать въ этой двойной картинѣ нашего внутренняго и внѣшняго положенія. Относительно Французской имперіи нельзя отвергать, чтобъ возстановленіе порядка и правильности въ администраціи нашихъ финансовъ, улучшенія во взиманіи податей и распредѣленіи общественныхъ суммъ, субсидіи взятыя за границею, безопасность, пріобрѣтенная побѣдами консульства, наконецъ довѣріе, внушенное сильною властью націи, жаждавшей спокойствія, не привели къ счастливымъ результатамъ съ точки зрѣнія матерьяльнаго благосостоянія и національнаго богатства. Торговая промышленость наша начала подыматься;

учредились мануфактуры, а рядомъ съ ними художественныя и ремесленныя школы; наши дороги чрезъ Симплонъ, гору Сени, гору Женевръ, наши каналы Сен-Кентель, Арль, Эгъ-Мортъ, бельгійскіе, всѣ наши внутреннія и водяныя сообщенія улучшались или оканчивались; но возобновленіе войны явилось вскорѣ измѣнить порядокъ вещей. Громадность вооруженій, направленныхъ противъ Англіи, или предназначенныхъ держать въ почтительномъ положеніи Европу, возвели расходы 1804 г. выше семи сотъ мильоновъ; надо было подумать о сопоставленіи возраставшихъ безпрерывно нуждъ въ 1805 г. съ изсякавшими источниками, ибо нельзя было болѣе разсчитывать ни на американское золото, взятое за Луизьяну, ни на испанскія субсидіи, поглощенныя съ тѣхъ поръ открытымъ содѣйствіемъ Испаніи въ войнѣ. Довѣріе было поколеблено; публичные фонды подверглись страшному пониженію, которое Наполеонъ хотѣлъ остановить декретомъ, но власть его тутъ оказалась безсильна. Неурожай 1840 г. вызвалъ необходимость запрещенія вывоза хлѣба [151]); болѣе и болѣе абсолютное запрещеніе ввоза колоніальныхъ и английскихъ товаровъ въ моментъ, когда иностранные продукты были бы намъ столь полезны, увеличили только стѣсненное положеніе, давъ предвидѣть по тому расширенію, какое Наполеонъ давалъ своей запретительной системѣ во всѣхъ странахъ, подчиненныхъ нашему вліянію, что въ головѣ его зародилась уже мысль о континентальной блокадѣ. Недостатки подобнаго положенія вещей должны были коснуться общественнаго благосостоянія въ самыхъ его источникахъ; невозможно, чтобъ государственные доходы рано или поздно не потерпѣли отъ этого; противъ подобныхъ неудобствъ жалки были средства, заключавшіяся напримѣръ въ увеличеніи таможеннаго тарифа, положеніе милліона *на доходы кассаціоннаго трибунала* по странному выраженію

---

[151]) Наполеонъ къ Фуше отъ 23 августа 1804 г. *Прим. автора.*

императора [152]), положеніе трехъ милліоновъ на администрацію юстиціи въ ущербъ просителей, вопреки самой необходимой гарантіи обвиненныхъ, которые съ тѣхъ поръ обязаны были платить за доказательства, служившія къ утвержденію ихъ невинности [153]).

Если рядомъ съ этимъ матерьяльнымъ положеніемъ, на время исправленнымъ, но снова испорченнымъ дурною политикою и плохою экономическою системою, сопоставить другіе виды нашего внутренняго состоянія, то нельзя не увидѣть, что тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе необходимы для націи, и составляютъ самыя рѣзкія тѣни въ картинѣ. Правительство Франціи не что иное какъ полицейское правительство, весьма похожее на власть деспотовъ, съ тою только разницею, что здѣсь прихоть монарха умѣряется вліяніемъ нравовъ и идей великой націи вмѣсто того, чтобъ умѣряться вліяніемъ страшной и въ тоже время раболѣпной аристократіи. Что же касается власти, — то она точно та же: монархъ можетъ уничтожить кого ему угодно, не отдавая никому отчета; онъ — живой законъ, т. е. его расположеніе духа и темпераментъ составляютъ часть правительства. Переписка Наполеона съ Фуше переполнена приказами боъ изгнаніяхъ, о заключеніяхъ, высылкахъ, за которыя не только не было средствъ заставить его нести отвѣтственность, но которыя большею частью оставались неизвѣстными, исключая тѣхъ, кто имъ подвергался. Правда, деспотизмъ Наполеона окруженъ нѣкоторыми учрежденіями, названіе которыхъ заимствовано у свободныхъ странъ; но они устроены такъ, чтобъ лишь служить орудіемъ или маскою его произволу. Во Франціи существуетъ еще Законодательный Корпусъ, но сессіи котораго продолжаются лишь нѣсколько недѣль, пренія котораго лишены гласности,

---

[152]) Наполеонъ къ Камбасересу, отъ 30 августа. *Прим. автора.*
[153]) *Бюллетень законовъ* (законъ 26 января 1805). *Прим. автора.*

контроль котораго, чуждый политическихъ вопросовъ, распространяется только на второстепенные интересы, однимъ словомъ роль котораго заключается только въ принятіи на свою отвѣтственность непопулярныхъ налоговъ, навязываемыхъ ему для вотировки, или въ выработкѣ административныхъ правилъ. Во Франціи существуетъ еще по имени то, что въ конституціонныхъ странахъ называется министерствомъ; но министерство безъ мнѣнія, безъ солидарности, безъ собственной силы, безъ личнаго и коллективнаго вліянія, образуя только родъ высокаго лакейства, но послушнѣе всякаго лакейства, потому что слишкомъ близко къ господину.

Наполеонъ былъ очень хорошій судья способностей и дарованій, но съ условіемъ, чтобъ онѣ дѣйствовали въ его видахъ и предубѣжденіяхъ. Все чего онъ прежде всего требовалъ отъ своихъ министровъ, была слѣпая вѣра въ его геній! Привыкнувъ издавна считать себя непогрѣшимымъ, онъ судилъ о заслугахъ по степени рвенія и преданности, какія ему оказывали; онъ не былъ далекъ отъ того, чтобъ въ замѣчаніяхъ видѣть признакъ возмущенія: по пріему, съ какимъ онъ выслушивалъ замѣчанія такого умнаго и компетентнаго человѣка какъ Декре, какое долженъ былъ имѣть самоотверженіе человѣкъ, чтобъ быть его министромъ—здѣсь необходима была гибкость спины, возмутившая вскорѣ даже самого Талейрана,—а это уже много сказано. Къ министру ли и высокому сановнику имперіи или къ небрежному метръ-д'отелю, адресована записка слѣдующаго содержанія: „Г. Талейранъ, мой оберъ-камергеръ! *Пишу къ вамъ это письмо*, чтобъ выразить мое неудовольствіе за то, что вы позволили на приглашеніяхъ на среду написать слово *ужинъ*, потому что часъ, въ нихъ назначенный, *часъ моего обѣда*. Я полагаю, что у меня *во дворцѣ*, какъ и всюду должны повиноваться законамъ. Наполеонъ [154])“. Стоило того, чтобъ изъ

[154]) Наполеонъ къ Талейрану отъ 11 декабря 1804. *Прим. автора.*

честолюбія быть покровителемъ генерала Бонапарте передъ Директоріею, чтобъ переносить потомъ подобныя непріятности. Какая награда для такого умнаго человѣка!

Но прослѣдимъ дальше картину: во Франціи также была верхняя палата, называемая Сенатомъ. Здѣсь на бумагѣ преимущества великолѣпны, но въ сущности все ограничивалось вписываніемъ въ реестръ декретовъ, которые Сенатъ получалъ совершенно готовыми, и, въ сравненіи съ его рабскимъ положеніемъ, оппозиція уничтоженныхъ парламентовъ прежняго правительства казалась бы чудомъ героизма. Можно подумать, что большое содержаніе сенаторовъ было не такъ велико, чтобъ принять гнусность этой роли людямъ, большая часть которыхъ питала болѣе честолюбивые замыслы во времена менѣе злополучныя; но эта роль далеко не ограничивалась должностью внесенія въ списки сенатусъ-консультъ или мистификаціею комитета индивидуальной свободы; отъ нихъ ожидали еще услуги менѣе благородной, за сенаторскую пышность, имъ предоставленную. Здѣсь надо предоставить самому Наполеону—свидѣтельство котораго трудно будетъ опровергнуть. 28 марта 1805 г. онъ адресовалъ къ Маре инструкціи, предназначенныя сенаторамъ. Въ этомъ родѣ *руководства для совершеннаго сенатора*, предписавъ этимъ чиновникамъ новаго образца трехмѣсячное присутствіе, онъ вмѣнилъ имъ въ обязанность подавать ему *разъ въ недѣлю* записки съ различными замѣчаніями. Замѣчанія эти должны были относиться къ поведенію и характеру общественныхъ чиновниковъ, къ вліянію и принципамъ духовенства, къ *состоянію, характеру и мнѣніямъ* болѣе замѣчательныхъ гражданъ, къ ихъ расположенію относительно правительства, религіи, рекрутскаго набора и проч. Сенаторы должны были кромѣ того смотрѣть, *были ли бѣглые рекруты* и въ какомъ количествѣ, наблюдать за службою жандармеріи; наконецъ къ этимъ донесеніямъ они должны были присоединять свои замѣчанія о дѣлахъ общественнаго ин-

тереса, какъ торговля, земледѣліе и проч. „Вы чувствуете, говорилось въ циркулярѣ:—что тайна этого частнаго порученія должна быть ненарушима. Еслибъ ее узнали, всѣ свѣдѣнія были бы отъ васъ закрыты, *честные люди прекратили бы всякое сношеніе* съ вами, и вы присылали бы только доносы объ интригахъ и неблагонамѣренности [155])".

Такова была роль, назначенная для этого высшаго учрежденія, именуемаго Сенатомъ. По уничиженію людей, занимавшихъ самыя высокія мѣста въ политической и соціальной іерархіи, можно судить объ уничиженіи низшихъ чиновниковъ. Если отъ этихъ учрежденій, систематически упраздняемыхъ или пріобразовываемыхъ въ полицейскія средства, перейдти къ силамъ, которыя служатъ искреннимъ и еще наиболѣе необходимымъ выраженіемъ интеллектуальной жизни народа, какъ печать, литература, искусство, то увидимъ, что онѣ подвергались той же идеѣ эксплуатаціи, въ пользу личности, все поглощавшей. Бонапарте, льстившій себя надеждою импровизировать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чудо римскаго владычества, столь медленно и столь трудно осуществлявшееся въ древнемъ мірѣ, вздумалъ возобновить чудеса великихъ литературныхъ эпохъ, какъ и это подобіе всемірной имперіи. Почему же не основать ему родъ монархіи интеллектуальной, какъ основалъ онъ политическую? Дѣло шло только о томъ, чтобъ къ дѣламъ ума приложить, пріемы, столь удавшіеся ему въ дѣлахъ государственныхъ: устранить однихъ, подкупить другихъ соблазномъ милостей, которыми онъ могъ располагать, привлечь къ себѣ всѣхъ и окончательно сдѣлаться диктаторомъ интересовъ. Тогда не было еще рѣчи о созданіи отличій для великихъ поэтовъ; вдохновеніе это было отложено до времени изгнанія; пока онъ былъ на тронѣ, онъ не находилъ ничего лучшаго для

---

[155]) Корреспонденція Наполеона. Замѣтка для статсъ-секретарей. 28 марта 1805 г. *Прим. автора.*

ободренія генія, какъ предложить ему деньги. *Принцъ Корнель* впрочемъ такой же нонсенсъ какъ и *коронованный Уашингтонъ;* эти формы, созданныя для людей другаго закона. Что же касается тѣхъ, кого не соблазняли деньги, у него были для нихъ самыя разнообразныя преслѣдованія. Проблемма не представлялась иною въ его глазахъ: для него это было дѣломъ декрета, и онъ издалъ такой декретъ. Ему даже захотѣлось помѣтить его изъ Ахена, города, хранящаго память Карломана:

„Желая, говоритъ онъ:—чтобъ Францiя не только сохранила превосходство, пріобрѣтенное ею въ наукахъ, литературѣ и искусствахъ, *но чтобъ въ начинающемся столѣтіи она превзошла предыдущія*", онъ учредилъ чрезъ каждыя десять лѣтъ значительныя преміи, одна въ десять, другая въ пять тысячъ франковъ, предназначенныя авторамъ лучшихъ сочиненій по физикѣ, математикѣ, исторіи, автору лучшей драматической пьесы, лучшей оперы, лучшей поэмы, изобрѣтателю лучшей промышленной машины, лучшему живописцу, скульптору, и проч. Для возбужденія большаго энтузіазма въ конкуррентахъ, Наполеонъ прибавилъ въ своемъ декретѣ, что всѣ эти награды будутъ имъ *раздаваемы собственноручно* и кромѣ того въ *годовщину осьмнадцатаго брюмэра* — непреодолимая приманка, которая выкажетъ еще рельефнѣе благодѣтельное намѣреніе этого интеллектуальнаго государственнаго переворота. Съ помощью этой мѣры, которая не требовала большихъ расходовъ ни отъ его воображенія, ни отъ его финансовъ, онъ льстилъ себя надеждою присоединить навсегда къ своей имперіи свободныя владѣнія разума, сдѣлаться вдохновителемъ умовъ, иниціаторомъ людей, въ нѣкоторомъ родѣ императоромъ мысли.

Для осуществленія этой великолѣпной мечты, необходимо было къ обаянію десяти тысячъ франковъ присоединить и вліяніе страха, а онъ считалъ, что сдѣлалъ чудо, прибѣгнувъ къ сотрудничеству Фуше, какъ къ средству—сильнѣе ободрить

конкуренцію. Этотъ министръ полиціи въ самомъ дѣлѣ сталъ, подъ высокимъ покровительствомъ Наполеона, верховнымъ регуляторомъ интеллектуальнаго движенія. Ему поручено было прилагать быстрые пріемы его администраціи къ печати, къ литературѣ, къ искусствамъ. Но система эта возбуждать къ произведенію высокихъ твореній, соединяя страхъ съ жадностью, не дала ожидаемыхъ результатовъ; эпоха имперіи отличалась рѣдкимъ безплодіемъ: интеллектуальная сила проявлялась лишь у писателей, которые съумѣли уклониться отъ безчестнаго вознагражденія, какъ госпожа Сталь, Бенжамэнъ-Констанъ, Шатобріанъ. Ибо деспотизмъ не можетъ произвести того, что носитъ въ самомъ себѣ, т. е. единообразія, неподвижности и ничтожества. Великія литературныя и художественныя эпохи, названныя историками весьма несвойственно вѣкомъ Людовика XIV и вѣкомъ Леона X, поддерживаютъ въ этомъ отношеніи смѣшеніе идей, которое необходимо уничтожить. Что касается Италіи при Леонѣ X, легко доказать, что независимо отъ безграничной почти интеллектуальной свободы, она имѣла разнообразныя средства къ развитію, множество политическихъ формъ, движеніе и безпрерывныя превращенія которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ молчаливою неподвижностью временъ рабства. Много тамъ было мѣстныхъ тиранній, но тиранній сопротивлявшихся одна другой, предоставлявшихъ свободное существованіе личностямъ смѣлымъ и блестящимъ. Вѣкъ Людовика XIV болѣе удобенъ ввести въ обманъ; но кто захочетъ присмотрѣться ближе, тотъ увидитъ, что всѣ люди, украсившіе это царствованіе, образовались въ предшествовавшую эпоху и внесли въ него или испытанный уже геній, или пріобрѣтенную славу; одно только поколѣніе Расина сына, Массильона, образовавшихся подъ тѣнью буллы *unigenitus* [156]) принадлежитъ вѣку Людвика XIV. Легко убѣ-

---

[156]) Булла, изданная въ 1713 г. папою Клементомъ XI по просьбѣ

диться потомъ, что въ продолженіе всего перваго періода этого царствованія, литература пользовалась относительною свободою въ несравненно большей степени нежели при Наполеонѣ, конечно если стать на точку зрѣнія усвоенныхъ идей и господствовавшихъ предразсудковъ въ этихъ двухъ, столь различныхъ обществахъ.

Императоръ самъ не разъ объявлялъ, что онъ никогда не потерпѣлъ бы смѣлости Мольера: объясненіе это кажется весьма излишнимъ, если взглянуть, какимъ мелочнымъ, придирчивымъ преслѣдованіямъ онъ подвергалъ грустныя драматическія произведенія, появлявшіяся въ его царствованіе. Исторія сохранила воспоминаніе о нѣкоторыхъ деспотическихъ правительствахъ, предоставлявшихъ умствованіямъ свободу, которую они душили во всѣхъ другихъ случаяхъ; здѣсь ничего подобнаго: надо было служить, или молчать, думать согласно съ правительствомъ, или вовсе не думать. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго рабства обыкновенно бываетъ — господство офиціальности, условности, формулы. Поэзія дѣлается стихотворствомъ, философія — репертуаромъ пустыхъ абстрактовъ или безвредныхъ умствованій, исторія готовою темою, театръ—школою царедворцевъ, вся литература чистѣйшею игрою словъ. Это время торжества для подборщика фразъ. Тогда, какъ во всѣ эпохи притѣсненія, возрастала и процвѣтала литература исключительно описательная, гдѣ идеи—вещь мятежная—замѣнялись образами и красками, чувство — ощущеніями, мысли — общими мѣстами. Делиль едва не попалъ въ тюрьму за то, что воспѣлъ *жалость* въ воспоминаніе золъ Террора; онъ исправилъ и воспѣлъ *Человѣка Полей* или *Воображеніе;* Эменаръ воспѣваетъ *Мореплаваніе*, Мильвоа *Материнскую Любовь*, Лемерсье, могучій авторъ *Панто*, воспѣваетъ *Возобновленнаго Че-*

французскихъ епископовъ; она была поводомъ продолжительныхъ смятеній во Франціи. *Прим. переводчика.*

ловѣка, Шендолле *Геній Человѣка*—предметы, которыхъ неопредѣленность, абстрактность, общность не могутъ бросить тѣни ни на кого. Всѣ, кто въ состояніи отказаться отъ мысли, чувства, могутъ быть увѣрены въ благосконномъ пріемѣ. Усиливаются задушить мужественное вдохновеніе госпожи Сталь, но ободряютъ неблагопристойности Парни и Пиго Лебрена. Такъ какъ театръ оказывалъ на общество болѣе непосредственное дѣйствіе, то онъ былъ подвергнутъ и болѣе строгимъ и требовательнымъ законамъ. Здѣсь уже дѣло шло не только объ избѣжаніи скандальныхъ сюжетовъ, но и о восхваленіи властелина, или отказѣ отъ сцены. Тогда уже значительно ушли отъ времени, когда оспаривался вопросъ о томъ, существовали ль намеки въ *Слугѣ изъ передней* Дюпати. Дюваль, которому въ 1802 г. грозили за намеки, предполагаемые въ его „*Эдуардѣ въ Шотландіи*", подвергался теперь запрещенію за отсутствіе восхваленій въ „*Вильгельмѣ Завоевателѣ*"—пьесѣ, сочиненной по поводу высадки въ Англію. Въ этомъ отношеніи тонъ былъ данъ съ учрежденія имперіи неумѣренными наушничествами въ трагедіи „*Петръ Великій*" Корріона де Низасъ, державшейся нѣкоторое время на сценѣ, не смотря на протесты публики, которая немилосердно освистала ее. Необходимо было подражать этому печальному образцу, подъ страхомъ не имѣть съ своими произведеніями доступа на сцену, и Марія-Іосифъ-Шенье унизилъ отвагу своего поведенія въ Трибунатѣ лестью въ своемъ „*Кирѣ*"—актъ, раскаяніе о которомъ отравило послѣдніе дни его. Шенье въ одно и то же время возстановилъ и свой талантъ, и свой характеръ, вызвавъ мрачную фигуру *Тиверія*. Эта пьеса стала извѣстна только послѣ смерти поэта, но тѣмъ не менѣе она была внушена зрѣлищемъ нравовъ, имѣвшихся у него предъ глазами. Думалъ ли Шенье о сенатѣ Тиверія или о сенатѣ Бонапарте, когда онъ восклицалъ:

«О, подлые потомки Деція и Камилла.
Дѣти Квинція, потомки Эмилія!
Рабы, отягченные именемъ своихъ предковъ,
Они ежедневно ищутъ совѣта у меня въ глазахъ,
Сохраняя относительно къ изгнанникамъ ядовитое нахальство,
Льстятъ рѣчами, льстятъ своимъ молчаньемъ,
И, боясь мыслить, говорить и дѣйствовать,
Заставляютъ меня краснѣть за нихъ, не смѣя покраснѣть сами».

„*Тамплъеры*" Ренуара, представленные въ то же время, должны были въ свою очередь заключить въ себѣ льстивые намеки. Но такъ какъ сюжетъ ихъ, по поводу различія положенія и лицъ, мало представлялъ къ тому удобства, то Наполеонъ велѣлъ Фуше намекнуть Ренуару, чтобъ онъ выбиралъ сюжеты болѣе подходящіе къ похваламъ и пропагандѣ, предназначеннымъ для театра. „Зачѣмъ, писалъ онъ Фуше:—не посовѣтуете вы г. Ренуару сочинить трагедію *изъ перехода перваго поколѣнія во второе?* Вмѣсто того чтобъ быть тираномъ, тотъ, кто за нимъ послѣдовалъ бы, сдѣлался бы *спасителемъ народа*. Только въ подобныхъ пьесахъ театръ становится *новымъ*, продолжалъ онъ для возбужденія поэта:—*ибо при прежнемъ правительствѣ ихъ бы не дозволили.*" Итакъ Ренуаръ въ одно и то же время могъ и прославлять „спасителя народа", и выставлять себя *революціоннымъ* поэтомъ, пользоваться популярностью и наградами! Можетъ ли быть что соблазнительнѣе подобной перспективы!

Но Наполеонъ не желалъ пьесъ, „сюжеты которыхъ заимствовались бы изъ ближайшаго къ намъ времени". Это имѣло тѣ неудобства, что подавало поводъ думать о многомъ, не похожемъ на него, о не угасшихъ еще династіяхъ, о герояхъ, понимавшихъ свои обязанности или политику иначе нежели онъ, о правахъ, несходныхъ съ тѣми, какія онъ хотѣлъ создать: „я вижу, говорилъ онъ: — что хотятъ представить трагедію *Генрихъ IV*. Эпоха эта не такъ еще далека, чтобъ не возбудить страстей. На сценѣ необходимо кое-что изъ древняго міра". Древній міръ дѣйствительно

былъ менѣе сложенъ нежели новѣйшій; онъ представлялъ лишь простыя положенія, и съ тѣхъ поръ какъ поэту запрещено было казнить тирановъ, ему оставалось только одно средство прославлять ихъ. Все, что уклонялось отъ этой рутины, становилось страшно подозрительнымъ для Бонапарте, онъ сталъ недовѣрчивъ ко всему, онъ вмѣшивался въ самыя ничтожныя мелочи, и, по его мнѣнію, балетъ могъ разрушить основы общественнаго порядка. Въ одномъ письмѣ къ Камбасэресу онъ просилъ воспрепятствовать танцовщику Дюпону *сочинять балеты* для оперы: „Это *неприлично*, писалъ онъ: — этотъ молодой человѣкъ и году еще не пользуется славою [157]).“ Что сталось бы въ самомъ дѣлѣ съ іерархіею Имперіи, еслибы этому молодому человѣку позволили попирать ногами правило производства въ чины? Властитель міра трепеталъ передъ пѣсенкою, ибо тиранія необходимо граничитъ со страхомъ. Говорили о постановкѣ Донъ-Жуана на сценѣ оперы. Что это могло значить? Не скрывалось ли какой нибудь ловушки подъ этимъ экзотическимъ именемъ? Онъ поспѣшно пишетъ къ Фуше, „что ему желательно знать его мнѣніе объ этой пьесѣ съ точки зрѣнія мнѣнія общественнаго [158]).“ Во всемъ этомъ, надобно сознаться, страшный и знаменитый императоръ представляетъ жалкую фигуру.

Но Наполеона необходимо изучать только въ отношеніяхъ его къ періодической печати, кто хочетъ знать, до какой степени этотъ режимъ совмѣстимъ со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ достоинство, честь, славу и жизненность націи. Послѣ великаго кораблекрушенія парижской прессы съ 18 брюмэра, только шесть, семь журналовъ прозябали еще во время провозглашенія имперіи, жалкіе остатки, гонимые вѣтрами, и которымъ безпрерывно угрожало окончательное

---

[157]) Наполеонъ къ Камбасересу отъ 11 апрѣля 1805. *Прим. автора.*

[158]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 23 мая 1805 г. *Прим. автора.*

истребленіе. Изгнанные изъ области политики или занимавшіеся ею только тогда, когда правительству было угодно пользоваться ихъ гласностью, получая отъ него совсѣмъ готовыя статьи, обязательныя къ безпрекословному напечатанію, не смѣя даже затрогивать религіозныхъ вопросовъ, несчастные журналы эти сохраняли свое жалкое существованіе, заключившись только въ область наукъ, исторіи и легкой литературы. Они были осуждены жить однѣми сплетнями. Что же касается до новостей, то когда они позволяли себѣ дѣлать свои замѣчанія на извѣстія, сообщенныя полицейскими бюллетенями, то дѣлали это на свой страхъ. Но, какъ ни были они покорны и боязливы въ этомъ состояніи упадка, малѣйшій ропотъ мнѣнія, исходившій отъ нихъ, былъ еще слишкомъ громокъ для слуха этого подозрительнаго властелина; самыя невинныя ихъ произведенія имѣли тайну выводить его изъ себя, и слушая его жалобы на нихъ, спрашивается: имѣла ли пресса какую нибудь возможность удовлетворить его иначе, какъ прекративъ свое существованіе? Если какой нибудь журналъ сообщалъ извѣстіе, заимствованное изъ журналовъ иностранныхъ, „редакторы его были подкуплены Англіею", Наполеонъ велѣлъ преслѣдовать ихъ какъ измѣнниковъ отечества и сообщниковъ непріятеля! Испуганные писатели спасались ли въ область прошлаго, печатая напримѣръ историческій этюдъ о Сенъ-Бартелеми, какъ „Citoyen français". „Этотъ гнусный журналъ повидимому *жаждетъ валяться въ крови.* Кто редакторъ этого журнала? *Съ какимъ наслажденіемъ этотъ несчастный упивается преступленіями и несчастіями націи!* По моему надобно положить этому конецъ. Велите смѣнить издателя этого журнала или запретите его" [159]).

Въ этомъ сообщеніи министру полиціи Наполеонъ при-

[159]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 31 августа 1804. *Прим. автора.*

бавлялъ, что журналы ни подъ какимъ предлогомъ не должны *вмѣшиваться въ религію.*

Но такъ какъ надобно же было имъ вмѣшиваться во что нибудь, то Фуше разсудилъ, что ихъ можно допустить дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ, т. е. сильно возставать противъ философіи. Но онъ вскорѣ получилъ приказаніе заставить замолчать тѣ изъ журналовъ, которые изрыгаютъ оскорбленія на всѣхъ философовъ, и главное *Меркурія*, который пишетъ „съ большею яростью и желчью, какихъ не употребляли ни Мара, ни другіе писатели того времени [160])". Бонапарте не только не желаетъ, чтобъ не говорили о религіи, но требуетъ „чтобъ имя іезуитовъ не упоминать даже въ журналахъ [161])". Публицисты накидываются на текущіе слухи, на описанія празднествъ; они льстятъ себя надеждою войдти въ милость, восхваляя великолѣпіе новаго царствованія. Вотъ какимъ образомъ приняты были ихъ заискиванья: „Г. Фуше! Журналы съ удовольствіемъ преувеличиваютъ придворную роскошь и расходы, что даетъ поводъ публикѣ дѣлать ложныя и безсмысленныя заключенія. Это ложь, что замокъ Ступинижи такъ великолѣпенъ; онъ убранъ старинною мебелью... велите напечатать подробную статью по этому поводу... дайте понять редакторамъ *Journal des Debats* и *Publiciste*, что не далеко то время, когда, увидѣвъ ихъ безполезность, я запрещу ихъ всѣ, *за исключеніемъ одного* [162])". Пытались отличаться въ его глазахъ, восхваляя его охоты; но онъ немедленно открылъ коварство въ этихъ похвалахъ: „Они захотѣли заставить повѣрить въ то, что не существуетъ; эта блистательная охота состояла изъ одной серны, пущенной въ паркъ и нестоившей ни одного луидора. Изъ этихъ напыщенныхъ извѣстій не въ правѣ ли публика заключить,

---

[160]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 9 октября 1804. *Прим. автора.*
[161]) ib.
[162]) Наполеонъ къ Фуше, отъ 22 апрѣля 1805. *Прим. автора.*

что охотничьи собаки собраны изъ всѣхъ уголковъ Италіи, и что это стоило полмилліона?“ *Journal des Debats* сообщаетъ безъ всякихъ коментарій извѣстіе о поѣздкѣ Мерфельда въ Петербургъ, и Наполеонъ немедленно указываетъ своему министру на ядъ, заключающійся въ этомъ коварномъ извѣстіи, „не имѣющемъ другой цѣли какъ произвести тревогу“. Наконецъ эти несчастные, сбитые съ толку, остолбенѣлые журналисты рѣшаются не затрогивать болѣе никакого серьезнаго предмета и говорить лишь о погодѣ; но это ни сколько не послужило имъ къ лучшему, ибо это не помѣшало распространенію дурныхъ извѣстій, и шопоту публики о близости коалиціи; мало было ихъ воздержанія, но требовалось, чтобъ они обманывали общественное мнѣніе и Францію, внушая мнимую безопасность, и на этотъ разъ Наполеонъ сердится даже на своего пособника Фуше: „Пошевелитесь вы хоть немного для поддержки общественнаго мнѣнія! велите напечатать нѣсколько искусно составленныхъ статей, чтобъ опровергнуть походъ русскихъ, свиданіе Русскаго императора съ Австрійскимъ, и *эти смѣшные толки, порожденные англійскимъ туманомъ и сплиномъ...* скажите редакторамъ, что если они будутъ продолжать въ этомъ тонѣ, я съ ними разсчитаюсь... скажите имъ, что я буду судить ихъ не за зло, которое они скажутъ, *но за нѣсколько* добрыхъ *словъ, которыхъ они не скажутъ.* Если они представятъ Францію колеблющеюся, которой грозитъ нападеніе, я изъ этого заключу, что они не французы и недостойны писать въ мое царствованіе. Они могутъ говорить, что даютъ только бюллетени, имъ сказали, что это были за бюллетени, и *такъ какъ они должны сообщать ложныя извѣстія, отчего же они не сообщаютъ ихъ въ пользу общественнаго кредита и спокойствія* [163])“.

Не смотря на чрезмѣрную осторожность и ловкость, во-

[163]) Наполеонъ къ Фуше, 24 апрѣля 1805. *Прим. автора.*

шедшую въ пословицу, знаменитые распорядители *Journal des Debats* не избѣгли пучины, а послѣ сообщенія извѣстія относительно герцога Брауншвейгскаго, они узнали въ одно прекрасное утро, что независимо отъ опеки министра полиціи, къ нимъ назначался постоянный спеціальный опекунъ, которому они обязаны давать ежегодно *12 тысячъ франковъ жалованья*. Фуше долженъ былъ увѣдомить и другіе журналы объ этой спасительной мѣрѣ, грозя имъ подобною же участью, „отдавая приказаніе" *подвергать карантину всякое извѣстіе непріятное и невыгодное для правительства* [164]). Теперь, повидимому, все улажено, никакая нескромность невозможна, уклоненія предусмотрѣны. Наконецъ журналы обезпечены отъ мятежнаго духа, и властелинъ повидимому будетъ доволенъ. Ни чуть не бывало! „Теперь уже нельзя сказать, пишетъ онъ къ Фуше:—чтобъ журналы были злонамѣренны, *но они очень глупы!* [165])" Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не журналы были очень глупы! Сдѣлавъ столько для того, чтобъ убить въ нихъ иниціативу, независимость, даже духъ, однимъ словомъ, чтобъ привести ихъ въ состояніе машинъ, онъ удивлялся результату! Онъ осмѣлился упрекать ихъ въ незначительности, ничтожествѣ, навязанныхъ силою, и сердился на нихъ за послѣдствіе системы, бывшей его же дѣломъ, которая была скорѣе нелѣпа нежели гнусна. Онъ удивлялся, что они не приходили въ восторгъ: „*Они не оказываютъ никакого рвенія къ правительству!*" говорилъ онъ Фуше тономъ горькаго отчаянія, съ грустью благодѣтеля, который видитъ, какъ ему платятъ неблагодарностью. Кромѣ того, если эти журналы не были опасны, то всетаки носили опасныя заглавія: *Journal des Debats, Lois du pouvoir éxecutif, Actes du gouvernement* — названія, слишкомъ напоминающія революцію [166])! Однако прибавляетъ онъ, „я хотѣлъ

[164]) ib. 25 мая 1805 г. *Прим. автора.*
[165]) Наполеонъ къ Фуше, 1 іюня 1805 г. *Прим. автора.*
[166]) ib.

бы безцензурнаго учрежденія, потому что *не хочу отвѣчать за все, что они говорятъ*", т. е. онъ желалъ цензуры, но только безъ отвѣтственности, связанной съ нею. Ему нужна была пресса продажная, но которая считалась бы независимою, журналисты, способные угадывать его желанія и исполнять его прихоти, въ одно и то же время патріоты и рабы, отважные и боязливые, остроумные и пошлые, краснорѣчивые и корыстолюбивые — мечта, которая могла быть внушена только безуміемъ тираніи. Вмѣсто всего этого онъ создалъ только ничтожество. Вотъ единственная польза, которую онъ могъ извлечь изъ этого дивнаго орудія, возобновившаго міръ.

Относительно интеллектуальнаго безплодія въ эпоху имперіи можно обманываться тѣмъ менѣе, что въ то же самое время Германія представляла совсѣмъ другое зрѣлище, гдѣ совершалось великолѣпное движеніе идей, образовавшееся безъ всякаго офиціальнаго вліянія. И у насъ существовали зародыши этого возрожденія также какъ и у сосѣдей, но во Франціи они были жестоко затоптаны деспотизмомъ и могли развиться только послѣ его паденія. Всѣ живыя силы націи были поглощены единственнымъ поприщемъ, войною, а люди, которыхъ они не могли занять дѣятельности или удовлетворить самолюбія, принуждены были ограничиваться скукою, бездѣйствіемъ и безплодными мечтами *Обермана* или *Рене*. Что же касается тѣхъ, которыхъ томила неутолимая жажда независимости и умственной дѣятельности, имперія отвергала ихъ. Госпожа Сталь и Бенжамэнъ Констанъ отправляются въ Германію подышать вольнымъ воздухомъ; Шатобріанъ начинаетъ жизнь странствующаго рыцаря литературы, которая окончится только—съ царствованіемъ Наполеона; изгнаніе предохраняетъ имъ геній. Напротивъ, всѣ, кто рѣшается прозябать подъ сѣнью императорскаго покровительства, осуждены на неизлѣчимую посредственность. Подчинившіеся этому вліянію артисты всѣ теряютъ часть своей

силы и оригинальности, начиная съ вождя школы Давида, который въ своихъ официальныхъ творенiяхъ является гораздо ниже того, чѣмъ онъ былъ въ продолженiе революцiонной эпохи. Впрочемъ неоспоримая сила осталась у начальника школы при этомъ преобразованiи изъ друга Робеспьера въ ординарные придворные живописцы, но у учениковъ остаются лишь приличiе, прiемъ, однообразiе, сухость холодной и напыщенной риторики. Только два художника представляютъ исключенiе, и это именно тѣ, которые протестуютъ противъ господствующихъ доктринъ; оба уклоняются отъ проторенныхъ дорогъ и идутъ по новому пути: одинъ—Гро, изобразившiй легенду о *Зачумленныхъ въ Яффѣ*, могучiй генiй котораго, среди парадовъ императорской эпохи, одушевлялся эпическимъ вѣяньемъ войнъ французской революцiи и придавалъ новымъ подвигамъ поэзiю несуществующаго времени; другой—Прудонъ, этотъ истинный сынъ Грецiи, Андрей Шенье живописи, который соединяетъ грацiю съ простотою древности, и находитъ, не думая о томъ, тайну, которой другiе напрасно требуютъ у неблагодарнаго и трудолюбиваго подражанiя.

ГЛАВА VI.

Присоединеніе Генуи. — Новая коалиція. — Неудача непобѣдимой Булонской армады.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ одно почти время съ папою, т. е. въ послѣднихъ числахъ марта 1805, и отправился въ Италію, гдѣ все было готово къ его коронаціи. Прежде онъ намѣревался отдать этотъ тронъ своему брату Іосифу, ибо не сознавалъ неудовольствія и тревоги, какія должно было возбудить въ Европѣ это новое увеличеніе могущества. Онъ извѣстилъ даже Прусскаго короля и Австрійскаго императора о восшествіи своего брата на престолъ, располагая Іосифомъ безъ его желанія, и воображая ихъ весьма счастливыми потому, что онъ предоставлялъ подставному имени то, что легко было бы ему взять собственно для себя. Онъ заявилъ даже Австрійскому императору, „что онъ пожертвовалъ личнымъ своимъ величіемъ и ослабилъ свою власть, но что былъ бы щедро вознагражденъ, еслибы могъ сдѣлать что нибудь *ему пріятное* [167]).“ Сомнительно, чтобъ императоръ Францъ былъ доволенъ до такой степени, какъ хотѣлось вѣрить доброму его брату, но

167) Наполеонъ къ Австрійскому императору, 1 января 1805 года. *Прим. автора.*

неожиданно было то, что Іосифъ, съ которымъ прежде не посовѣтовались, не хотѣлъ и слышать о подаркѣ, который ему предлагали. Онъ упорно отказывался отъ итальянской короны и это потому, чтобъ не отречься отъ *своихъ правъ на корону французскую*, — такъ скоро вошло во вкусъ это семейство чужеземцевъ, недавно еще столь неизвѣстное и бѣдное! Обезкураженный Наполеонъ хотѣлъ отдать тронъ старшему сыну Людовика, поручивъ послѣднему управленіе до совершеннолѣтія принца. Но Людовикъ возсталъ еще сильнѣе брата, ссылаясь на то, „что такое явное благоволеніе дало бы новую вѣру слухамъ, ходившимъ по поводу этого ребенка“, за что Наполеонъ вытолкалъ его изъ кабинета [168]). Этого было слишкомъ достаточно, чтобъ побудить его провозгласить себя самого, что онъ и рѣшился сдѣлать, заявивъ Австрійскому императору, для оправданія этого новаго поступка, что правительство итальянской республики полагало, что пока русскія войска будутъ находиться въ Корфу, а англійскія въ Мальтѣ, то раздѣленіе коронъ французской и итальянской будетъ положительно мечтательнымъ [169]), но что положеніе это прекратится немедленно, какъ только Англія очиститъ Мальту, а Россія Корфу. Подобная уступчивость могла только удовлетворить Австрійскаго императора и данное обѣщанье должно было, какъ полагали, успокоить его совершенно.

Поѣздка Наполеона въ Италію имѣла еще и другую цѣль кромѣ коронаціи — отвратить взоры Европы отъ Булонской экспедиціи, поглощавшей болѣе нежели когда нибудь всѣ его помышленія. Замысламъ того же рода должно, по всѣмъ вѣроятіямъ, приписать и мирныя демонстраціи, которымъ онъ предавался въ январѣ и февралѣ 1805 г., щедро

---

168) Записка Міо Мелито. *Прим. автора.*

169) Наполеонъ къ императору Австрійскому, 17 марта. *Прим. автора.*

расточая филантропическія и возвышенныя чувства. Онъ открылъ ихъ письмомъ къ Англійскому королю, написаннымъ въ такомъ же тонѣ, какъ и письмо, сочиненное въ началѣ Консульства, но которое положительно не произвело эффекта на публику: „онъ чувствовалъ укоры собственной совѣсти за столько напрасно пролитой крови... онъ заклиналъ его величество не отказываться отъ счастья даровать миръ свѣту, не оставляя этого кроткаго наслажденія дѣтямъ!.. Наступило время заставить умолкнуть страсти и слушаться единственно гуманности и разсудка... Что до его, то онъ, выражая эти чувства, исполнялъ святую и драгоцѣнную обязанность своего сердца[170]). Наполеонъ пріобрѣлъ такіе успѣхи во Франціи, играя словами, онъ столько разъ видѣлъ, какъ заявленія его, вопіющимъ образомъ противорѣчащія его дѣйствіямъ, были принимаемы съ невозмутимымъ легковѣріемъ, что сталъ ихъ употреблять при всякомъ случаѣ и вообразилъ, что средство это должно ему удаваться всегда и вездѣ. Такъ много разъ не сдержавъ обѣщанія, онъ снова предлагалъ свое слово, какъ вѣрное ручательство въ его намѣреніяхъ: оно должно было связывать весь міръ, кромѣ его! Послѣ письма его къ Англійскому королю сдѣлалось ясно, что онъ не питалъ никакого честолюбія и жилъ лишь для мира. Онъ поспѣшилъ взять Законодательный Корпусъ въ свидѣтели своего самоотверженія и безкорыстія: „онъ пожертвовалъ самымъ законнымъ мщеніемъ... и свою славу и счастье вложилъ въ благоденствіе настоящаго поколѣнія. Онъ хотѣлъ, чтобъ господство идей филантропическихъ и благородныхъ было характеромъ вѣка“[171]). Онъ старался извлечь такую же пользу изъ своей выходки и предъ европейскими кабинетами, которыхъ не такъ легко

---

[170]) Наполеонъ къ Англійскому королю, 2 января 1805; *Монитеръ*, отъ 5 февраля. *Прим. автора.*

[171]) Рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ, 10 февраля 1805 г. *Прим. автора.*

было убѣдить: „Попытка, которую я сдѣлалъ предъ англійскимъ правительствомъ, писалъ онъ принцу Мира: — безъ сомнѣнія убѣдитъ его католическое величество, что *я не имѣлъ другой цѣли, какъ интересы и счастье настоящаго поколѣнія*" [172]). Демонстрація дѣйствительно была убѣдительная и въ особенности мало стоила. Какимъ же образомъ послѣ этого сомнѣваться въ намѣреніяхъ этого непризнаннаго филантропа?

Этотъ родъ мирной *фантазіи* былъ заключенъ пьесою на весь оркестръ, исполненною торжественно въ присутствіи Сената и членовъ итальянской Консульты, которой Наполеонъ приказалъ прибыть для предложенія ему итальянской короны. Онъ въ этой рѣчи постарался преимущественно выказать *крайнюю умѣренность, управлявшую всѣми его политическими сношеніями*. Мы завоевали Голландію, Швейцарію, три четверти Германіи; раздѣлъ Польши и завоеваніе Индіи—нарушившіе въ ущербъ намъ европейское равновѣсіе, давали намъ право къ сохраненію этихъ областей. Однако мы ихъ возстановили. Голландія и Швейцарія *были независимы*. Германскіе государи отличались большею славою и великолѣпіемъ, нежели ихъ предки.

Присоединеніе территоріи итальянской республики было бы для насъ выгодно и полезно; однако тѣмъ не менѣе мы провозгласили ея *независимость въ Ліонѣ;* мы дѣлали теперь больше, мы провозгласили *принципъ раздѣленія двухъ коронъ* Франціи и Италіи! Геній зла, продолжалъ онъ:—напрасно будетъ искать предлоговъ для возбужденія войны на Континентѣ; *никакая новая провинція не присоединится къ Имперіи*."

Такимъ образомъ европейскія державы были извѣщены. Будучи далеки отъ того, чтобъ имѣть право жаловаться на насъ по поводу нарушеній, сдѣланныхъ нами въ Люневиль-

---

[172]) Наполеонъ къ принцу Мира, 19 Февраля. *Прим. автора.*

скомъ и Аміэнскомъ трактатахъ, они обязаны были намъ глубокою признательностью за то, что мы удостоили ихъ, оставивъ имъ что нибудь. Что же касается до ихъ жалобъ по поводу Голландіи и Швейцаріи, это были чистѣйшія мечтанія, ибо эти прибавленія Французской имперіи продолжали быть независимы! Наконецъ созданіе Итальянскаго королевства, вмѣсто того, чтобъ служить предметомъ тревоги, было новымъ благодѣяніемъ. Если надобно было судить объ искренности торжественнаго обѣщанія, заканчивавшаго императорскую рѣчь, по искренности его объясненій, то должно согласиться, что европейскіе кабинеты имѣли нѣкоторый поводъ не довѣрять подобному языку; и дѣйствительно таково было произведенное имъ впечатлѣніе. Съ каждымъ днемъ возникалъ для нихъ новый поводъ соединяться противъ насъ, и не успѣли они еще придти въ себя отъ сюрприза по поводу Итальянскаго королевства, какъ узнали о полу-монархическомъ преобразованіи Голландіи въ пользу Шиммельфеннинка [173]), креатуры и орудія Наполеона, и который подъ именемъ великаго *пансіонера Голландіи* въ сущности былъ пансіонеромъ Франціи. Событія эти облегчили задачу нашихъ враговъ. Въ то время, какъ Наполеонъ торжественно шелъ въ Милану, чтобъ возложить на себя ко-

---

[173]) Шиммельфенникъ, род. въ 1761, ум. въ 1825 г. Сперва былъ адвокатомъ, принималъ участье въ усиліяхъ Нидерландскихъ штатовъ въ 1785 и 1786 г. произвести умѣренную и разумную революцію, отличался въ 1795 г. въ національномъ конвентѣ, какъ умѣренностью, такъ и краснорѣчіемъ, былъ посланникомъ въ Парижѣ въ 1798 г., уполномоченнымъ на Аміэнскомѣ конгрессѣ въ 1802, потомъ посланникомъ въ Лондовѣ, управлялъ Голландіею въ теченіе 15 мѣсяцевъ (1805—1806) подъ именемъ великаго пансіонера и правленіе свое обозначилъ возстановленіемъ кредита. Онъ жилъ въ отставкѣ во время царствованія Людовика Бонапарте, который однако жъ часто съ нимъ совѣтовался, осыпанъ почестями Наполеономъ по присоединеніи Голландіи къ имперіи и былъ членомъ охранительнаго сената во Франціи. Онъ былъ назначенъ членомъ первой палаты Генеральныхъ штатовъ по возстановленіи Нидерландскаго королевства. *Прим. перев.*

рону ломбардскихъ королей, среди кликовъ народа, въ которомъ магическое и безпрерывно повторяемое слово „итальянское отечество" заглушало временно униженія чужестраннаго ига, Питтъ и императоръ Александръ оканчивали трудное и терпѣливое дѣло, которое задумали они вмѣстѣ; послѣ долгихъ переговоровъ они заключили союзный договоръ, который долженъ былъ возстановить противъ насъ европейскую коалицію.

6 ноября 1806 г. Австрія подписала условіе, строго оборонительнаго характера, съ Россіею, подобное тому, какое Александръ заключилъ уже съ Пруссіею. Условіе это было обязательно для Австріи въ такомъ только случаѣ, когда нарушилось бы *statu quo* въ Италіи или во владѣніяхъ Оттоманской имперіи новыми нашествіями Франціи; оно показываетъ, какъ расположеніе этой державы въ ту эпоху было мало воинственно, ибо она не имѣла недостатка въ жалобахъ для того, чтобъ объявить намъ войну. Результатъ этотъ былъ слишкомъ мелоченъ, чтобъ удовлетворить императора Александра. Подъ вліяніемъ идей честолюбивыхъ и вмѣстѣ филантропическихъ, возбужденныхъ въ немъ кратковременной ролью посредника Европы, ободряемый при томъ молодыми людьми, исполненными великодушія и мечтательности, управлявшими русскою политикою, государь этотъ задумалъ великолѣпные планы, въ которыхъ весьма заблаговременно обнаруживалось воображеніе мистическаго друга госпожи Криднеръ. Онъ имѣлъ въ виду не только пріостановить захваты Франціи, но окончательно обезпечить благоденствіе и возрожденіе европейскихъ государствъ съ помощью болѣе справедливаго распредѣленія территорій и посредствомъ принятія дѣйствительнаго и утвержденнаго общественнаго права.

Планъ Александра былъ отвезенъ въ Англію однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ этого гуманитарнаго апостольства, Новосильцовымъ, который прибылъ въ Лондонъ въ первыхъ

числахъ января, 1805 г. Питтъ серьезно выслушалъ эту политическую идиллію, украшенную названіемъ *посредническаго союза*, но не замедлилъ дать понять молодому посланнику, что удобно было отсрочить еще на нѣсколько времени благоденствіе рода человѣческаго, а гораздо лучше держаться необходимаго и возможнаго. Осадить честолюбіе Наполеона и воздвигнуть довольно сильную преграду, чтобъ удерживать его въ подобающихъ границахъ — ему казалось пока достаточнымъ. Всѣ другіе предметы въ сравненіи съ этимъ, были, по его мнѣнію, второстепенные и могли создавать только препятствія, по меньшей мѣрѣ неблагопріятныя; по достиженіи же этой великой цѣли, всегда было время обсудить предлагаемыя утопіи. Итакъ онъ устранилъ одно за другимъ всѣ нововведенія русскаго плана и оставилъ только почти одни условія, служившія основаніемъ для программъ Люневильской и Аміэнской. По смыслу договора, подписаннаго 11 апрѣля 1805 г. въ Петербургѣ Новосильцовымъ и лордомъ Левисономъ Говеромъ, обѣ договаривающіяся державы обязывались содѣйствовать по мѣрѣ силъ образованію великой европейской лиги, предназначенной обезпечить очищеніе Ганновера и сѣвера Германіи, дѣйствительную независимость Голландіи и Швейцаріи, возстановленіе Пьемонтскаго короля, утвержденіе Неаполитанскаго королевства, наконецъ полное очищеніе Итали съ островомъ Эльбою включительно. Но такъ какъ Англія отказала въ обѣщаніи очистить Мальту, то императоръ Александръ не хотѣлъ подписать договора иначе какъ только условно. Онъ отложилъ ратификацію. Кромѣ того онъ предоставилъ себѣ право сдѣлать императору Наполеону новыя посредническія предложенія прежде чѣмъ начинать войну. Онъ много разсчитывалъ на это посредничество, предложенное на этотъ разъ отъ имени всей Европы; дѣйствительно онъ былъ увѣренъ, что вся она сгруппируется за нимъ, исключая Пруссіи. Напрасно посланный его Винценгероде

старался увлечь эту колеблющуюся и перемѣнчивую державу, которая хотѣла угодить всѣмъ въ одно и то же время. Она все еще надѣялась обогатиться, не рискуя ничѣмъ, и почувствовала необходимость высказаться только тогда, когда это могло уже быть для нея только гибельно. Винценгероде былъ счастливѣе съ Австріею, которая послѣ нѣсколькихъ увертокъ согласилась въ принципѣ на измѣненія, совершившіяся въ Италіи, исключая дальнѣйшаго обсужденія со своими союзниками, и въ особенности съ Англіею — этимъ великимъ контингентомъ коалиціи—условій своего согласія на договоръ. Заранѣе были увѣрены въ содѣйствіи Швеціи и Неаполя, и питали надежду заручиться въ послѣдній моментъ согласіемъ Пруссіи, устрашивъ ее грозною демонстраціею на ея границѣ.

Такимъ образомъ въ Европѣ все приготовлялось для возобновленія коалиціи противъ Франціи. Какъ ни осторожно велись эти переговоры, тайна эта сдѣлалась извѣстна всѣмъ,—такъ дѣло казалось логичнымъ и раціональнымъ. Наполеонъ, который велѣлъ опровергнуть этотъ слухъ въ своихъ журналахъ, зналъ лучше всѣхъ—на сколько этотъ слухъ былъ основателенъ; враги сами позаботились предупредить его, словно хотѣли увѣдомить прежде нанесенія удара. Въ январѣ 1805 г. въ нотѣ, адресованной Наполеону въ отвѣтъ на письмо его къ Англійскому королю, англійскій кабинетъ увѣдомилъ его, что велъ переговоры о соглашеніи съ великими континентальными державами о союзѣ и „въ особенности съ Русскимъ императоромъ, съ которымъ связывали его самыя интимныя отношенія“ [174]). Множество самыхъ явныхъ признаковъ, какъ поѣздки чрезвычайныхъ посланниковъ изъ одной страны въ другую, увѣдомленія нашихъ дипломатовъ, статьи иностранныхъ газетъ и самыя необык-

---

[174]) Лордъ Мюльгравъ къ Талейрану, 14 января 1805 года.

Прим. автора.

новенныя движенія войскъ — подтверждали точность этихъ свѣдѣній. Не смотря однакожъ, что проэктъ подвинулся далеко, ничто еще не было непоправимо. Австрія, которая первая подвергалась ударамъ Наполеона и на половину разоренная предыдущими кампаніями, приступала къ коалиціи съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ и ничего еще не подписала; Пруссія была непоколебима въ своей нерѣшимости, и еслибы ей пришлось высказаться во что бы ни стало, она скорѣе склонилась бы на нашу сторону: еслибъ только наша политика искусно щадила ее, эта держава могла держать весь Континентъ въ почтительномъ положеніи; наконецъ самъ Александръ не присталъ еще окончательно. Обиженный легкостью, съ какою Питтъ отнесся къ его планамъ европейскаго возрожденія, онъ былъ бы очень радъ получить удовлетвореніе, разрѣшая дипломатическимъ путемъ затрудненія, которыя Питтъ хотѣлъ разрѣшить посредствомъ войны. Для достиженія этой цѣли Русскій императоръ рѣшился сдѣлать намъ наибольшія уступки; онъ одинъ настаивалъ на счетъ новой попытки предъ Наполеономъ въ пользу мира; онъ хотѣлъ для этого употребить того же Новосильцова, которому довѣрялъ вполнѣ, и выказывалъ самое мягкое расположеніе. Пользуясь тѣмъ, что еще не было ничего окончательнаго въ его обязательствахъ съ Англіею, онъ хотѣлъ предложить условія болѣе выгодныя, нежели условія договора. Новосильцову было предписано настаивать непремѣнно на очищеніи Ганновера и Неаполя, на независимости Швейцаріи и Голландіи, но онъ имѣлъ полномочіе предоставить намъ въ Италіи часть лучше той, на которую мы имѣли право разсчитывать, ибо Александръ рѣшилъ оставить въ ней существовавшій порядокъ вещей, не смотря на то, что король Сардинскій получалъ Парму и Піаченцу какъ вознагражденіе за Пьемонтъ, а Итальянское королевство отдавалось принцу изъ дома Бонапарте.

Наконецъ ловкій дипломатъ долженъ былъ дѣйствовать съ Наполеономъ крайне осторожно и избѣгать всего, что могло затронуть его щекотливость; онъ имѣлъ приказаніе не намекать даже о томъ, что могло заключать въ себѣ участье Англіи или Австріи въ попыткѣ императора Александра. Новосильцовъ выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ потребовать паспорты у прусскаго правительства вслѣдствіе разрыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Россіею, и въ первыхъ числахъ мая 1805 г., Наполеонъ получилъ въ Миланѣ письмо отъ Прусскаго короля, который увѣдомлялъ о порученіи представителя Александра.

Но какъ расположеніе Наполеона было далеко отъ того, какое въ немъ предполагали! По прочтеніи отвѣта его Прусскому королю и ноты Талейрана, его сопровождавшей, нельзя не спросить—не имѣлъ ли онъ обдуманнаго намѣренія подвинуть Европу на войну своимъ недовѣріемъ и вызовами. Конечно, онъ не отказывалъ въ выдачѣ паспортовъ Новосильцову, но онъ могъ принять его только въ іюлѣ, т. е. болѣе нежели чрезъ два мѣсяца! Два мѣсяца отлагательства въ столь критическій моментъ, гдѣ часы считаются днями! А въ промежуткахъ онъ собирался дѣлать вещи, вслѣдствіе которыхъ невозможно было никакое соглашеніе. „Онъ не ожидаетъ ничего, пишетъ онъ къ Прусскому королю:—Александръ очень нерѣшителенъ и слабъ, онъ не надѣется отъ него ничего хорошаго для общаго мира... Государь, мой братъ, продолжаетъ онъ:—я хочу мира... *Я совсѣмъ не честолюбивъ*; два раза я очищалъ треть Европы, безъ принужденія, въ дѣлахъ итальянскихъ я обязанъ на столько же относительно Россіи, на сколько она обязана относительно меня въ дѣлахъ Турціи и Персіи. Миръ съ Англіею для того, чтобъ быть прочнымъ, долженъ заключать въ себѣ статью, которая запрещала бы ей давать убѣжище Бурбонамъ, эмигрантамъ, и обязывала *обуздывать ихъ*

жалкихъ писакъ [175]). Слова эти не были ободрительны для переговорщиковъ. Одинъ историкъ пишетъ, что въ случаѣ прочнаго мира, онъ не былъ бы противъ очищенія Ганновера, Неаполя, Голландіи и даже Швейцаріи; что относительно этого онъ не дѣлалъ бы серьезныхъ препятствій [176]). Но корреспонденція его доказываетъ до очевидности, что онъ былъ очень далекъ отъ мысли уступить что бы то ни было во всѣхъ этихъ частяхъ, за исключеніемъ Ганновера, и даже въ послѣднія минуты, когда онъ сдѣлался для него столь важнымъ средствомъ для увлеченія Пруссіи, онъ запретилъ Талейрану вступать въ какое либо обязательство съ этою державою по поводу *Голландіи, Швейцаріи и Неаполитанскихъ владѣній* [177]).

Письмо Прусскаго короля застало его среди заботъ, не весьма походившихъ на безкорыстіе, которое иногда онъ притворно выказывалъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ принялъ титло короля Итальянскаго, желаніе тогда уже весьма давнее заставить согласовать вещи съ дѣлами, и наложить руку на весь Полуостровъ, возымѣло на него непреодолимое вліяніе. Ничего не казалось легче этой послѣдней перемѣны, благодаря кажущемуся смиренію Европы и всему тому, что онъ уже сдѣлалъ для его подготовленія. Государства, независимыя еще по имени, существовавшія въ Италіи, въ сущности находились въ его распоряженіи. Генуа, Лукка, Этрурія не имѣли даже подобія автономіи; что касается Неаполитанскаго королевства, онъ занималъ часть его своими войсками, и достаточно было одного дуновенія его на эту монархію, чтобъ уничтожить ее. Сообразно съ его системою относительно государствъ, которыя онъ хо-

---

175) Наполеонъ къ Прусскому королю, 9 мая 1805 года.
Прим. автора.

176) Тьеръ *Исторія Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

177) Наполеонъ къ Талейрану, 22 августа 1805 года.
Прим. автора.

тѣлъ погубить, онъ безпрерывно вмѣшивался въ дѣла этого королевства, притворялся, что ежедневно находилъ въ немъ новые заговоры противъ своей арміи, приписывалъ напримѣръ вліянію королевы присылку русскихъ войскъ въ Корфу; онъ поочередно разсыпался въ жалобахъ, порицалъ, совѣтовалъ. Въ предлогахъ впрочемъ онъ не могъ имѣть недостатка; предположивъ, что Неаполитанскій дворъ никогда не былъ хорошо расположенъ къ намъ, невозможно было, чтобъ онъ благопріятно смотрѣлъ на присутствіе нашихъ войскъ въ сердцѣ его провинцій, на усиленную дань, взимаемую нами изъ его истощенной казны, на постоянно дѣлавшееся болѣе грознымъ положеніе, принимаемое въ Италіи нашимъ господствомъ; но, будучи весьма безсиленъ для сопротивленія, онъ прибѣгалъ къ оружію слабыхъ — къ интригѣ, и жалобами своими осаждалъ европейскіе кабинеты. Въ поведеніи его не было ничего удивительнаго, ничего новаго; но Наполеонъ, давно уже имѣвшій свои виды на Неаполитанское королевство, не довольствовался совершеніемъ всѣхъ этихъ неблагоразумныхъ дѣйствій, а охотно вызывалъ ихъ суровостью рѣчи и заявлялъ неаполитанскому двору свою волю повелительнымъ тономъ властелина: „Выслушайте, ваше величество, это пророчество, писалъ онъ къ Неаполитанской королевѣ 2 января 1805: — при первой войнѣ, которой вы будете первою причиною, вы перестанете царствовать съ своимъ потомствомъ; *разрозненныя дѣти ваши, блуждая по разнымъ странамъ Европы, будутъ вымаливать помощи у своихъ родственниковъ*. Не объяснимымъ своимъ поведеніемъ вы причинили бы разореніе своего семейства, а Провидѣніе и моя умѣренность сохранили вамъ его!“ И онъ окончилъ это странное новогодное письмо, заявивъ Неаполитанской королевѣ условія, которыя, по его мнѣнію, были удобны отвратить эффектъ этого зловѣщаго пророчества—отставку министра Актона, отправку Элліота, англійскаго посланника, вызовъ неаполитанскаго посланника

изъ Петербурга, распущеніе милиціи, и наконецъ принятіе системы *довѣрія*, т. е. полнаго подчиненія Франціи. На этихъ условіяхъ Неаполитанская королева могла еще спасти свое царство; въ сущности же это равнялось передачѣ его въ руки Наполеону, который не имѣлъ болѣе никакого другаго повода овладѣть имъ.

До тѣхъ поръ онъ впрочемъ удерживался боязнью оскорбить державы, и нѣкоторымъ образомъ только приготовлялъ для болѣе или менѣе отдаленнаго времени мотивы такого присоединенія итальянскихъ державъ къ Французской имперіи; но когда онъ въ первый разъ очутился на этомъ первомъ театрѣ своей славы, среди этихъ населеній покорныхъ и вмѣстѣ восторженныхъ, упоеніе власти и честолюбія не замедлили одержать верхъ надъ благоразуміемъ. Онъ былъ не таковъ, чтобъ ошибиться въ прочности чувствъ, ему высказываемыхъ; но услужливость, удивленіе и огромное любопытство, которыхъ онъ былъ предметомъ, имѣли всегда способность возбуждать въ немъ эту необходимость удивлять и ослѣплять, которая пожирала его. Добрые итальянцы не находили болѣе въ немъ скромнаго и осторожнаго генерала, суровой наружности, съ лаконическими, поучительными рѣчами, какимъ знали они его во главѣ республиканской арміи. Но какъ времена измѣнились! Онъ снялъ маску вмѣстѣ съ костюмомъ, отбросилъ въ сторону хламиду, заимствованную у Плутарха, и добровольно явился въ своемъ настоящемъ видѣ, повелительнымъ, невоздержнымъ, безпокойнымъ; говорилъ онъ бѣгло, съ выразительными жестами, съ невозмутимою увѣренностью рѣшалъ вопросы, знакомые ему менѣе всего, разсуждалъ о медицинѣ, живописи, музыкѣ [178]), выказывая иногда дурной вкусъ среди неожиданныхъ поворотовъ къ простотѣ—настоящая сцени-

---

[178]) Карла Ботта: Storia d'Italia dal 1789 al 1814.

Прим. автора.

ческая личность, безпрерывно заботящаяся объ эффектѣ. На равнинѣ Маренго, надѣвъ мундиръ и шляпу, какіе были на немъ въ день сраженія, онъ далъ своимъ войскамъ большое представленіе этой знаменитой побѣды. Онъ выписалъ изъ Парижа эту мишуру, чтобъ живѣе поразить умы солдатъ; но этимъ онъ возбудилъ только удивленіе. Потомъ онъ заказалъ себѣ великолѣпныя тріумфальныя ворота въ Александріи. Празднество коронаціи превзошло въ пышности все, что современники видѣли въ этомъ родѣ. Онъ воспользовался обстоятельствомъ для обмѣна своего ордена Почетнаго Легіона на ордена главныхъ монарховъ Европы — церемонія, которая должна была показать рѣшительно, что имперія шла наравнѣ съ самыми древними монархіями.

Среди этихъ торжествъ и угодливыхъ овацій, которыми окружили его итальянцы, Наполеонъ скоро позабылъ обязательства, данныя имъ въ два пріема, въ теченіе этого же самаго года, объявивъ *„что никакая новая область не будетъ присоединена къ имперіи."* Едва прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ заявленіе это раздалось въ стѣнахъ Сената, онъ возобновилъ его весьма положительно въ частныхъ письмахъ къ монархамъ, а теперь Европа узнавала въ одно и то же время о присоединеніи Генуи и объ образованіи изъ Лукки и Пьомбино княжества для Бакчіоки, мужа Элизы [179]). Онъ сдѣлалъ это преобразованіе, никого не спросясь, и о немъ узнали только послѣ совершенія. Обѣ эти республики были положительно подчинены нашему вліянію, но въ судьбѣ ихъ не произошло еще ничего окончательнаго, и чѣмъ болѣе положеніе ихъ дѣлалось отъ насъ зависимо, тѣмъ не политичнѣе было трогать ихъ и такъ сильно рисковать для простой перемѣны словъ. Эта перемѣна слова

---

179) Сестра Наполеона род. 1773 г. ум. 1820, вышедшая въ 1797 г. за корсиканца Бакчіоки, впослѣдствіи великая герцогиня Тосканская.

Прим. перев.

была важна дѣйствительно; она доказывала, что съ Наполеономъ не можетъ быть ни довѣрія, ни безопасности, ни исполненія обѣщаній. Онъ старался позолотить этотъ новый захватъ рвеніемъ къ принципамъ морскаго права, попраннымъ Англіею, уваженіемъ своимъ „къ либеральнымъ идеямъ, которымъ англичане отказывали въ содѣйствіи" [180]). Онъ велѣлъ представлять себѣ цѣлые томы вымышленныхъ или вынужденныхъ подписей, которыми генуэзцы какъ бы просили о присоединеніи ихъ отечества къ Франціи, но никто не былъ уже такъ простъ, чтобы повѣрить этой грубой лжи, столь часто возобновляемой, и дѣйствіе, произведенное ими, было непоправимо. Въ то же время всѣ могли видѣть, что королевству Неаполитанскому онъ приготовлялъ сюрпризъ, какой сдѣлалъ Генуѣ. Когда королева отправила къ нему принца Кардито въ качествѣ чрезвычайнаго посла, не для того, чтобъ жаловаться на его королевское титло, какъ говорили, но чтобъ поздравить съ новымъ званіемъ, Наполеонъ сказалъ ему рѣзко въ полномъ собраніи: „Объявите вашей королевѣ, воскликнулъ онъ: — что происки ея мнѣ извѣстны, и что дѣти ея будутъ проклинать ея память, потому что я не оставлю ей въ ея королевствѣ достаточно земли для того, чтобъ вырыть могилу" [181]). Здѣсь онъ употребилъ самыя оскорбительныя выраженія относительно королевы; принцъ Кардито лишился чувствъ, а изумленные присутствовавшіе увидѣли въ этихъ словахъ приговоръ Неаполитанскому королевскому дому; но событія принудили его отложить исполненіе этой угрозы.

Извѣстіе о присоединеніи Генуи, образованіе княжества изъ Луккской республики, оскорбительная сцена, сдѣланная посланнику Неаполитанской королевы—нѣкоторое предвѣстье

---

[180]) Рѣчь къ депутаціи сената и къ генуэзскому народу, 4 іюня 1805. *Прим. автора.*

[181]) Піетро Коллето: *Storia del reame di Napoli.* *Прим. автора.*

будущаго паденія дома, очень близкаго дому австрійскому,— уничтожили порученіе Новосильцова. Дипломатъ этотъ получилъ приказаніе возвратиться въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ война сдѣлалась только вопросомъ времени. Австрія начала вооружаться со всею дѣятельностью, какую только дозволяли ей необходимость тайны и сосѣдство столь опаснаго врага; Россія утвердила договоръ, связывавшій ее съ Англіею, не настаивая впрочемъ на очищеніи Мальты, и занялась только обсужденіемъ плана кампаніи. Такимъ образомъ европейскія державы, изъ которыхъ въ моментъ разрыва нашего съ Англіею, однѣ были къ намъ благосклонны, другія твердо рѣшились сохранять нейтралитетъ, были приведены шагъ за шагомъ и защищая себя, къ принятію участья въ этой борьбѣ—рядомъ дѣйствій, бывшихъ произведеніемъ самого же Бонапарте, и которыхъ самое простое предусмотрѣніе могло отвратить опасность. Занятіе Ганновера, нарушеніе Баденской территоріи, убійство герцога Энгіенскаго, провозглашеніе Западной имперіи, нарушеніе территоріи Гамбурга, захватъ англійскаго министра, провозглашеніе Итальянскаго королевства, присоединеніе Генуи и Лукки—это были дѣла тѣмъ болѣе грозящія, что ихъ не мотивировала никакая необходимость, порожденныя ненасытнымъ честолюбіемъ, послѣдствіемъ чего не могла не быть коалиція. Результатъ этотъ казался до такой степени неизбѣженъ самымъ недальновиднымъ людямъ, что съ мая 1805 г. договоръ 11 апрѣля между Россіею и Англіею былъ всѣмъ почти извѣстенъ; о немъ носилась молва въ обществѣ, что огорчило Наполеона, ибо въ обществѣ должны были говорить лишь о томъ, что ему удобно было распространять, и не будь этотъ предвѣстникъ такъ неуловимъ, весьма вѣроятно, что онъ отдалъ бы его подъ судъ какъ мятежника: „Г. Фуше, писалъ онъ къ своему министру полиціи по поводу этихъ слуховъ о союзѣ: — велите напечатать въ журналахъ многія письма, *какъ бы присланныя изъ Петербурга*,

которыя утверждали бы, что французы тамъ на очень хорошемъ счету, что дворъ и городъ чувствуютъ необходимость сближенія; что, наконецъ, на англичанъ смотрятъ тамъ неблагопріятно, *что планъ коалиціи не удался,* что во всякомъ случаѣ Россія не вмѣшается ни во что [182]).“ Даже его приближенныя лица и самые ближайшіе родственники должны были быть или казаться обманутыми въ этомъ отношеніи, какъ и вся публика, до тѣхъ поръ пока онъ найдетъ удобнымъ обнаружиться истинѣ, ибо ему было необходимо, чтобъ къ нему имѣли слѣпое довѣріе, и онъ даже не допускалъ предположенія, чтобъ какое нибудь событіе могло случиться безъ его спеціальнаго позволенія: „Милый мой кузенъ, писалъ онъ въ тотъ же день Мюрату:—то, что вы пишете мнѣ о заключеніи союзнаго договора между Англіею и Россіею, *не имѣетъ смысла и положительно ложно.* Слухи, которые распускаются англичанами для того, чтобъ выпутаться временно,—вымышлены [183]).“

Наконецъ, чтобъ болѣе утвердить въ этомъ мнѣніи, онъ нарочно продолжилъ свое пребываніе въ Италіи, повидимому въ бездѣйствіи, но онъ необыкновенно зорко слѣдилъ за первыми вооруженіями Австріи. Въ то же время онъ болѣе нежели когда нибудь былъ занятъ своимъ проектомъ высадки въ Англію, которую его разсчитанное удаленіе дѣлало болѣе и болѣе невѣроятною. Онъ надѣялся придать ему въ послѣднюю минуту такую страшную быстроту, что испуганная коалиція должна была разсѣяться, прежде нежели успѣла бы сосредоточить свои арміи. Такимъ образомъ онъ провелъ весь іюнь мѣсяцъ, будучи поглощенъ, повидимому, устройствомъ новаго королевства и пышными празднествами, которыя давали ему итальянскіе города въ честь восшествія на престолъ героя-освободителя. Но съ наступленіемъ іюня мѣсяца онъ разсудилъ, что пришло время при-

---

182) Наполеонъ къ Фуше, 26 мая 1805 г. *Прим. автора.*

183) Наполеонъ къ Мюрату, 26 мая. *Прим. автора.*

близиться къ мѣстамъ, которыя избралъ онъ театромъ огромнаго поединка, имѣвшаго произойдти между Англіею и Франціею. Онъ быстро покинулъ Италію и чрезъ нѣсколько дней очутился въ Фонтэнебло. Въ Миланѣ оставилъ онъ принца Евгенія, который долженъ былъ управлять въ качествѣ вице-короля. Вмѣстѣ съ декретомъ, облекавшимъ его этою властью, принцъ получилъ инструкціи, которыя можно назвать характеристическими. Между разумными предписаніями, надиктованными человѣкомъ опытнымъ въ дѣлахъ и знавшимъ сердце человѣческое, встрѣчаются слѣдующія знаменательныя слова, въ которыхъ Наполеонъ высказался весь: „Мои итальянскіе подданные натурально болѣе скрытны нежели французскіе граждане. Вамъ предстоитъ одно только средство сохранить ихъ уваженіе—это не довѣряться вполнѣ никому... *Если вы будете говорить отъ души и безъ надобности, сознайтесь себѣ, что вы сдѣлали ошибку, чтобъ не впадать въ нее болѣе. Покажите управляемой вами націи уваженіе, которое слѣдуетъ оказывать тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе найдете вы поводовъ уважать ее.* Придетъ время когда вы убѣдитесь, что мало разницы между однимъ и другимъ народомъ [184]).“

Во время пребыванія Наполеона въ Италіи, предварительныя операціи громадной морской войны совершались съ успѣхомъ хотя не полнымъ, но достаточнымъ для ободренія его надежды. Адмиралъ Вилльневъ вышелъ изъ Тулона 30 марта съ двѣнадцатью кораблями и шестью фрегатами и снова ускользнулъ отъ Нельсона, который поджидалъ его между Сардиніею и африканскимъ берегомъ; сперва онъ зашелъ въ Карѳагенъ, потомъ въ Кадиксъ, гдѣ и присоединилъ эскадру адмирала Гравины, суда которой были и меньше количе-

[184]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 7 іюня 1805 года.
Прим. автора.

ствомъ и низшаго достоинства противъ сдѣланнаго ему уваженія. Изъ шестнадцати кораблей испанскаго флота онъ могъ взять только шесть, да и изъ тѣхъ большую часть принужденъ былъ оставить въ дорогѣ. Онъ прошелъ благополучно Гибралтарскій проливъ и могъ направиться къ Антильскимъ островамъ. 13 мая онъ бросилъ якорь въ Мартиникѣ послѣ продолжительнаго и труднаго плаванія, въ продолженіе котораго онъ долженъ былъ употреблять одни суда для буксировки другихъ.

У него было семнадцать кораблей и семь фрегатовъ, благодаря прибытію отставшихъ судовъ; но онъ не успѣлъ соединиться съ Миссьеси, который въ это самое время прибывалъ во Францію. Съ 16 апрѣля Нельсонъ зналъ направленіе, принятое нашею эскадрою; но, будучи задержанъ противными вѣтрами, онъ могъ явиться предъ Гибралтаромъ только 7 мая; тамъ только онъ узналъ положительнымъ образомъ о назначеніи Вилльнева. Необходимость конвоировать транспорты задержала его еще нѣсколько дней, а 13 мая, когда Вилльневъ явился у Мартиники, Нельсонъ пустился преслѣдовать его только съ одиннадцатью кораблями, не побоявшись отыскивать на этихъ громадныхъ пространствахъ непріятеля, вдвое сильнѣйшаго, вышедшаго мѣсяцемъ раньше, и котораго онъ не зналъ настоящаго положенія.

Вилльневъ, какъ мы уже сказали долженъ, былъ ожидать сорокъ дней въ Мартиникѣ, чтобъ дать время Гантому выйдти изъ Бреста и присоединиться къ нему. Съ самаго выступленія Вилльнева, Наполеонъ въ нетерпѣніи каждое утро писалъ Гантому: „Уѣзжайте... уѣзжайте, вы держите въ рукахъ судьбы всего міра [185])!“ Но погода, не посвященная въ тайну, была въ этомъ году возмутительно великолѣпна,

---

[185]) Наполеонъ къ Гантому, 11 апрѣля 1805 г.

Прим. автора.

а лордъ Корнуэльсъ блокировалъ Брестъ съ необыкновеннымъ упорствомъ и зоркостью. Весь апрѣль мѣсяцъ прошелъ въ тщетномъ ожиданіи попутнаго вѣтра, и пришлось еще разъ измѣнить этотъ грандіозный планъ. Новыя инструкціи, посланныя Вилльневу послѣдовательно съ адмираломъ Магономъ и фрегатомъ *Топазомъ*, предписывали ему ожидать Гантома только до 21 іюня, ибо, какъ это казалось вѣроятнымъ, еслибъ этотъ адмиралъ не встрѣтилъ до 20 мая благопріятнаго случая выйдти изъ Бреста, то онъ получилъ бы приказаніе не уходить совсѣмъ. Вилльневъ, въ свою очередь не дождавшись Гантома, долженъ былъ возвратиться въ Европу, направляясь на Ферроль; тамъ ожидала бы его эскадра изъ пятнадцати франко-испанскихъ кораблей. Съ этими соединенными силами, съ которыми флотъ его доходилъ по крайней мѣрѣ до тридцати пяти кораблей, онъ имѣлъ подойдти къ Бресту, снять блокаду Корнуэльса и, соединившись съ Гантомомъ, могъ явиться у Булони, во главѣ огромной армады, доходившей до пятидесяти пяти судовъ. Ему предоставлялся впрочемъ выборъ между многими другими, менѣе сложными соображеніями, какъ напримѣръ идти прямо въ Булонь, минуя Брестъ; при этомъ прибавлялось, что если бы по какому нибудь случаю онъ не имѣлъ возможности исполнить этихъ инструкцій, то могъ направиться на Кадиксъ [186]).

Извѣстіе о прибытіи Нельсона въ Барбаду, послѣ наполовину почти кратчайшаго плаванія нежели наше, заставило Вилльнева сократить время ожиданія, которое въ этомъ случаѣ было бы безполезно, потому что Гантома долженъ былъ задержать штиль на мѣстѣ до конца. Въ то время пока пылкій противникъ его, сбитый невѣрными свѣдѣніями, отправлялся искать его у о. св. Троицы, потомъ въ Антигоа,

[186]) Наполеонъ къ Декре 8 мая 1805 г.—Къ Вилльневу того же числа.
Прим. автора.

Вилльневъ, удовольствовавшись взятіемъ форта Діаманъ и нѣкоторымъ ущербомъ, нанесеннымъ англійской торговлѣ, и чрезвычайно желая избѣгнуть встрѣчи съ непріятелемъ, котораго онъ преувеличивалъ силы, наконецъ подчиняя все необходимости исполнить свое порученіе, покинулъ Антильское море для того, чтобъ возвратиться въ Европу.

13 іюня Нельсонъ пустился его преслѣдовать. Еслибъ онъ зналъ, что назначеніемъ Вилльнева былъ Ферроль, нѣтъ сомнѣнія, что онъ бы его настигъ и разбилъ въ пути; но, не подозрѣвая еще ничего въ планѣ Наполеона, онъ пошелъ со всевозможною быстротою по направленію къ Кадиксу и Гибралтару, предполагая, что Вилльневъ постарается войдти въ Средиземное море. Онъ однакожъ принялъ благоразумную предосторожность извѣстить объ этомъ англійское адмиралтейство; отправленный имъ съ этимъ порученіемъ бригъ Кюрье, встрѣтился на пути съ французскимъ флотомъ, узналъ принятое послѣднимъ направленіе, и пока этотъ флотъ задерживали противные вѣтры—самъ поспѣшилъ въ Плимутъ. 9 іюля англійское адмиралтейство получило это драгоцѣнное свѣдѣніе, и чрезъ нѣсколько дней, 15 іюля, эскадра изъ пятнадцати кораблей отправилась ожидать Вилльнева на высотѣ мыса Финистера.

Пока дѣло усложнялось этими неожиданными событіями, Наполеонъ предавался различнымъ предположеніямъ относительно вѣроятныхъ движеній англійскаго флота, въ особенности онъ охотно приписывалъ ему самые невѣрные маневры въ родѣ отплытія флота въ Индію, или снятіе осады съ Бреста. Онъ бранилъ недовѣрчивость Декре, холодный и положительный умъ котораго отказывался раздѣлять его мечтанія: „Недостатокъ вашъ заключается въ томъ, писалъ онъ ему:—что вы разсчитываете такимъ образомъ, словно англичане посвящены въ тайну [187])". Что же касается его

---

[187]) Наполеонъ къ Декре, 9 іюня. *Прим. автора.*

самого, то онъ разсчитывалъ такъ, словно англичане не имѣли другой цѣли какъ только помогать его предпріятію, и какъ бы онъ заключилъ договоръ съ стихіями. „Право, я не знаю, писалъ онъ въ томъ же письмѣ:—какую можетъ она принять предосторожность, чтобъ избѣгнуть отъ страшной опасности, ей угрожающей! Нація очень глупа, если, не имѣя укрѣпленій и сухопутной арміи, становится въ такое положеніе, что среди ея можетъ явиться хорошо обученная непріятельская стотысячная армія!" Онъ слишкомъ и конечно основательно заботился о походѣ Нельсона, но вмѣсто того, чтобъ всего бояться отъ страшной быстроты человѣка, который въ одинаковой почти степени съ нимъ обладалъ военнымъ геніемъ, онъ приписывалъ ему только колебанія, промахи и потерю времени; „Нельсонъ *потеряетъ* два дня у Зеленаго мыса; онъ потеряетъ много дней, поджидая кораблей и фрегатовъ, которые будутъ имъ разосланы на поиски. Когда онъ узнаетъ, что Вилльнева нѣтъ на островахъ Вѣтра, онъ уйдетъ къ Ямайкѣ, и въ продолженіе времени, которое онъ *потеряетъ* на ожиданіе его и на снабженіе себя провизіею, великій ударъ будетъ нанесенъ; *вотъ мой разсчетъ* [188])."

Разсчетъ этотъ оказался невѣренъ, ибо вмѣсто того, чтобъ видѣть вещи въ такомъ цвѣтѣ, какого требовали и плохое состояніе нашего флота, и трудность предпріятія, онъ представлялъ ихъ себѣ въ самомъ лучшемъ видѣ, какъ настоящій баловень фортуны. Успѣхъ, съ которымъ совершилось присоединеніе батавской флотиліи, подъ начальствомъ адмирала Вергеля, послѣ незначительнаго сраженія у мыса Гринеца, воспламенилъ его надежды до чрезвычайной степени. По мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, онъ терялъ хладнокровіе, измѣнялъ свои планы. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ онъ возвратился къ предположенію ввѣрить од-

---

188) Наполеонъ къ Декре, 28 іюня. *Прим. автора.*

ному Гантому дѣло, которое поручилъ Вилльневу. Вслѣдствіе этого новаго разсчета Гантомъ долженъ былъ обмануть Корнуэльса или прорвать его осадную линію, подкрѣпиться въ Ферролѣ и Рошфорѣ, потомъ идти прямо въ Булонь [189]). Для исполненія этого плана ему не доставало только возможности выйдти изъ Бреста. Замѣчательно наконецъ, что въ морской кампаніи Наполеонъ выказываетъ рѣшительную противоположность съ веденіемъ войны сухопутной; онъ не обнаруживаетъ здѣсь ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя способствовали его чудесной фортунѣ. Вмѣсто того, чтобъ видѣть событія въ настоящемъ свѣтѣ, онъ видѣлъ ихъ такими, какими ему хотѣлось, чтобъ они были; вмѣсто того, чтобъ принять точный опредѣленный планъ, онъ мѣняетъ его безпрерывно. Онъ сердится на людей за погрѣшность вещей, гнѣвается на возраженія вмѣсто того, чтобъ вызывать ихъ, отрицаетъ затрудненія вмѣсто того, чтобъ стараться преодолѣть ихъ, осыпаетъ упреками спеціалистовъ вмѣсто того, чтобъ воспользоваться ихъ совѣтами и опытностью.

Пока Наполеонъ переписывался съ Гантономъ, Вилльневъ встрѣтилъ 22 іюля на высотѣ мыса Финистера, около 50 миль въ морѣ, флотъ Кальдера, посланный англійскимъ адмиралтействомъ къ нему на встрѣчу. Хотя подъ начальствомъ у него и было двадцать семь кораблей и семь фрегатовъ, а Кальдеръ располагалъ не болѣе какъ пятнадцатью кораблями, Вилльневъ имѣлъ надъ нимъ весьма сомнительный перевѣсъ, по поводу значительно худшаго состоянія нашего флота, но ему покровительствовала нерѣшительность его противника. Сраженіе, которому препятствовалъ густой туманъ, не дозволявшій совокупности дѣйствій, окончилось не въ нашу пользу, но было не значительно. Англійскій флотъ удалился, уведя два испанскихъ корабля, но онъ не

---

[189]) Наполеонъ къ Гантому, 20 іюля. *Прим. автора.*

смѣлъ ни возобновить боя, ни воспрепятствовать движеніямъ Вилльнева, который могъ войдти въ Виго, потомъ въ Ферроль и Коронь, гдѣ находилась соединенная франко-испанская эскадра въ количествѣ двадцати девяти судовъ (2 августа) [190]).

До сихъ поръ Вилльневъ исполнялъ свои инструкціи. Но смущеніе, которое съ начала кампаніи не переставало одолѣвать его по поводу лежавшей на немъ огромной отвѣтственности и глубокаго убѣжденія въ томъ, что флотъ нашъ уступалъ непріятельскому, сдѣлалось сильнѣе со времени возвращенія его въ Европу. Сраженіе у мыса Финистера, не смотря на личную храбрость, выказанную матросами, положительно утвердило его въ прежнемъ мнѣніи, которое онъ резюмировалъ такимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ Декре: „У насъ дрянныя мачты, скверные паруса, скверный такелажъ, плохіе офицеры, плохіе матросы.“ Но все еще ничего; онъ теперь зналъ навѣрное, что Англія была извѣщена, что всѣ плоды этой продолжительной кампаніи Антильскихъ острововъ, имѣвшей цѣлью отвлечь въ даль британскія силы и сосредоточить наши, была потеряна. Въ самомъ дѣлѣ сосредоточеніе наше не слишкомъ подвинулось съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Тулонъ, ибо онъ не могъ соединиться ни съ Миссьеси, ни съ Гантомомъ, а эскадры, которыя хотѣлось ему увлечь на преслѣдованіе его, или не покидали Европы, или возвратились въ одно съ нимъ время. И такъ онъ былъ увѣренъ встрѣтить ихъ на пути при выходѣ изъ Ферроля или предъ Брестомъ; въ этомъ случаѣ онъ считалъ сраженіе какъ бы проиграннымъ; но каковъ бы ни былъ исходъ битвы, планъ пропадалъ уже собственно потому, что непріятель былъ предостереженъ. Товарищъ его Гравина былъ того же

---

[190]) *Рапортъ и журналъ* вице-адмирала Вилльнева.—*Рапортъ* Кальдера адмиралу Корнуэльсу, отъ 23 іюля: *Annual register for the year 1805.*
Прим. автора.

мнѣнія, а событія оправдали ихъ. Нельсонъ возвратился въ Гибралтаръ 18 іюля; какъ только онъ узналъ о направленіи, принятомъ Вилльневомъ, тотчасъ же принялъ мѣры относительно соединенія съ Корнуэльсомъ у Бреста, не смотря на противные вѣтры; онъ соединился съ нимъ 15 августа, оставилъ ему восемь кораблей, и только съ двумя отправился въ Портсмутъ. Наконецъ, 14 августа, Кальдеръ привелъ изъ собственной эскадры девять кораблей Корнуэльсу, который такимъ образомъ очутился во главѣ тридцати пяти кораблей. Онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ равныя части; одну изъ нихъ, состоявшую изъ осьмнадцати кораблей, онъ отправилъ блокировать снова Ферроль, а съ другою остался стеречь Гантома. Независимо отъ этихъ двухъ эскадръ у англичанъ былъ отрядъ изъ пяти кораблей подъ начальствомъ адмирала Стирлинга, множество авизо и судовъ всѣхъ размѣровъ, чтобъ слѣдить за всѣми нашими движеніями [191]).

Вилльневъ принужденъ былъ продолжать свое пребываніе въ Ферролѣ и Коронѣ до 11 августа по случаю необходимости исправленія своихъ поврежденій. Онъ могъ сняться съ якоря со всѣмъ своимъ флотомъ только 19. Если бы до этого числа онъ отправился, какъ предписывалъ ему нетерпѣливый Наполеонъ, то онъ со своими двадцатью девятью кораблями натолкнулся бы на тридцать семь судовъ Корнуэльса, и былъ бы разбитъ, прежде нежели Гантомъ успѣлъ бы сдѣлать движеніе. Отправившись позже, онъ имѣлъ одинъ только весьма не вѣроятный шансъ разминуться на пути

---

[191]) По поводу этого соединенія, Тьеръ говоритъ (томъ V, стр. 130): «Извѣстіе о соединеніи Нельсона съ адмиралами Кальдеромъ и Корнуэльсомъ было *справедливо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ*, ибо Нельсонъ *осматривалъ* Корнуэльса у Бреста, но оно было ложно касательно своей важности, потому что Нельсонъ *не остановился* у Бреста и отплылъ въ Портсмутъ.» Дѣйствительно, онъ тамъ не останавливался, но оставилъ свой флотъ, за исключеніемъ лишь двухъ кораблей; развѣ это не было *важно?* *Прим. автора.*

съ флотомъ, который посланъ былъ Корнуэльсомъ блокировать его въ Ферролѣ, подъ начальствомъ Кальдера; но какая же была ему возможность скрыть свой походъ отъ эскадры, въ точности слѣдовавшей по одной съ нимъ линіи по морю, по которому со всѣхъ сторонъ плавали непріятельскіе крейсеры, слѣдившіе его шагъ за шагомъ [192])? Даже и тогда, когда онъ совершилъ бы это чудо, онъ могъ опередить Кальдера у Бреста, но не въ Ламаншѣ, куда этотъ адмиралъ возвратился бы со всевозможною поспѣшностью. Впрочемъ отплытіе его изъ Бреста не было ему извѣстно, ибо Кальдеръ оставилъ Корнуэльса лишь 17 августа, и Виллльневу предстояла встрѣча съ тремя англійскими адмиралами. И такъ онъ выступилъ изъ Ферроля въ нерѣшимости, одолѣваемый отчаяніемъ—страшась тягости отвѣтственности и мучимый скорбью, но скорбью патріотическою, ибо если онъ боялся, то боялся не за себя, что и доказалъ при Трафальгарѣ. Гравина, котораго часто ему противопоставляли, слѣдовалъ за нимъ, самъ пораженный приказаніями, которымъ долженъ былъ повиноваться, и по выраженію Виллльнева „съ преданностью отчаянія [193]).“ Подобныя распоряженія могли привести лишь къ катастрофѣ. Къ довершенію несчастья вѣтры сдѣлались намъ противны, суда наши маневрировали столь плохо, что многія изъ нихъ сцѣпились при выходѣ изъ порта; наконецъ за ними слѣдовали два британскихъ линейныхъ корабля и множество фрегатовъ, которые не упускали изъ вида ни малѣйшаго нашего движенія [194]). Такъ

---

[192]) Тьеръ не колеблется: «Онъ разминулся бы, говорилъ онъ: — невстрѣтившись съ Кальдеромъ, который отправился бы блокировать пустой Ферроль; онъ захватилъ бы Корнуэльса и проч.» Адмиралъ Жюрьенъ де ла-Гравьеръ, очень строгій къ Виллльневу, говоритъ однакожъ: «гораздо вѣроятнѣе, что Кальдеръ былъ извѣщенъ о движеніяхъ Виллльнева» *Guerres maritimes.* *Прим. автора.*

[193]) Виллльневъ къ Декре, 22 августа. *Прим. автора.*

[194]) Виллльневъ къ Декре, 22 августа. *Прим. автора.*

какъ одинъ купеческій корабль сообщилъ свѣдѣніе, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, о приближеніи англійскаго флота, состоящаго изъ двадцати пяти кораблей, Вилльневъ не колебался болѣе, поворотилъ къ югу и пошелъ по направленію къ Кадиксу.

Въ то время какъ несчастный Вилльневъ, слѣдуя внушеніямъ, не героическимъ, но разумнымъ и основательнымъ, замедлялъ часъ истребленія нашего флота, съ увѣренностью получить въ награду только упреки самаго требовательнаго изъ властелиновъ, Наполеонъ, находясь на булонскомъ берегу, устремивъ глаза на горизонтъ, гдѣ ежеминутно ожидалъ появленія нашего побѣдоноснаго флота, испытывалъ всѣ переходы отъ страха къ надеждѣ и съ сердцемъ, исполненнымъ гнѣва, переносилъ страданіе, которое менѣе всего былъ въ состояніи переносить,—именно неизвѣстность. Давно уже все было приготовлено въ Булони и окрестныхъ портахъ. Огромная флотилія ожидала только сигнала; войска ежедневно дѣлали репетицію высадки. Гантомъ получилъ приказаніе бросить якорь на бертомскомъ рейдѣ, чтобъ имѣть возможность облегчить его выходъ. Наполеонъ узналъ о схваткѣ у мыса Финистера только 7 августа; хотя онъ былъ очень недоволенъ на Вилльнева, однако писалъ ему для ободренія: „Покажитесь здѣсь на двадцать четыре часа, и вы исполните ваше порученіе [195])!“ Чрезъ нѣсколько дней, 22 августа, онъ прочелъ письмо, въ которомъ Вилльневъ высказывалъ Декре свое горе, покидая Ферроль, и это чтеніе привело его въ отчаяніе. „Я заключаю, писалъ онъ къ морскому министру:—что Вилльневъ не имѣетъ на столько характера, чтобъ командовать фрегатомъ!“ Вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ взять у него начальство для передачи снова Гантому. Впрочемъ онъ не имѣлъ точнаго понятія о настоящемъ положеніи вещей, безъ всякаго основанія отрицалъ

[195]) Наполеонъ къ Вилльневу, 13 августа. *Прим. автора.*

соединеніе Нельсона съ Кальдеромъ и Корнуэльсомъ, утверждалъ даже сообразно съ англійскими газетами, что Нельсонъ долженствовалъ отправиться къ Канарскимъ островамъ [196]). Однако онъ все еще полагалъ, что Вилльневъ шелъ на Брестъ, и адресовалъ ему въ этотъ городъ слѣдующія строки: „Господинъ вице-адмиралъ, надѣюсь, что вы прибыли въ Брестъ. Отправляйтесь, не теряйте ни минуты и съ нашими соединенными эскадрами появляйтесь въ Ламаншѣ. *Англія наша!*" (22 августа).

Мечта эта была вскорѣ разсѣяна, и Декре, бывшій одного мнѣнія съ Вилльневомъ относительно неизбѣжности печальнаго исхода ламаншскаго предпріятія, но который никогда не смѣлъ высказать вполнѣ своей мысли Наполеону, рѣшился наконецъ объявить ему истину, хотя съ тысячью предосторожностей, но съ полною откровенностью. Предпріятіе это, по его мнѣнію, могло навлечь только величайшія бѣдствія, и если флотъ направился въ Кадиксъ, то это слѣдовало считать велѣніемъ судьбы; надо было усвоить принципъ морской войны, сообразный съ нашими посредственными рессурсами, т. е. отложить громадные замыслы, исполненіе которыхъ представлялось даже невозможнымъ при помощи самыхъ отличныхъ моряковъ, и воевать съ Англіею обыкновеннымъ способомъ. Итакъ всѣ лучшіе люди, бывшіе сотрудниками Наполеона въ этомъ колоссальномъ предпріятіи, были въ глубинѣ души одинаковаго мнѣнія относительно вѣроятныхъ результатовъ; ибо Гантомъ думалъ какъ Декре, и Гравина, о которомъ Наполеонъ выражался: „это животное Гравина, который былъ весь геній и весь огонь въ сраженіи," раздѣлялъ мнѣніе Вилльнева. Такимъ образомъ Наполеонъ долженъ былъ рѣшиться на отреченіе отъ столькихъ проэктовъ, такъ хвастливо заявленныхъ. Никогда самыя грозныя

---

[196]) Письмо это, капитальной важности для оправданія Вилльнева, отъ 22 августа 1805 г. *Прим. автора.*

приготовленія и болѣе высокомѣрныя демонстраціи не приводили къ такой жалкой развязкѣ. Несчастье, подобное случившемуся при Гогѣ [197]), послужило бы по крайней мѣрѣ ему извиненіемъ, и во всякомъ случаѣ избавило бы его отъ смѣшнаго: когда Наполеонъ сталъ настойчиво торопить Вилльнева дать *истребить себя* для того, чтобъ только Гантомъ могъ выйдти изъ Бреста, можно подумать, что это было не безъ запасной мысли—избавиться даже цѣною проигранной битвы, вся отвѣтственность за которую во всякомъ случаѣ пала бы на другаго—отъ лживости собственнаго положенія.

Всѣ эти разсчеты обрушились разомъ, и гнѣвъ его былъ пропорціоналенъ обманутымъ надеждамъ: онъ разразился горькими жалобами на неспособность своихъ моряковъ, на недобросовѣстность Декре, на постыдную слабость Вилльнева, который былъ вмѣстѣ и трусъ и измѣнникъ, однимъ словомъ обвиняя всѣхъ, исключая себя—единственнаго виновника зла, причиненнаго его слѣпымъ упорствомъ. Если бы дѣло слѣдовало своему естественному теченію, то въ Европѣ не раздавалось бы столько свистковъ для празднованія этого огромнаго *фіаско;* но Наполеонъ принялъ уже свои предосторожности, чтобъ вниманіе народовъ отвлеклось въ другую сторону.

Но дѣйствительно въ тысячу разъ невѣроятнѣе нежели представленныя нами перипетіи покажетъ то, что въ продолженіе всего этого времени и даже наканунѣ этой столь рискованной высадки въ Англію, Наполеонъ вмѣсто старанія успокоить своихъ континентальныхъ враговъ, ни ми-

---

[197]) *Гогъ* или *Гугъ*, фортъ расположенный на запад. берегу Ламаншскаго департамента въ 18 километрахъ отъ Валоня, даетъ свое наименованіе рейду, гдѣ французскій флотъ, снаряженный для возстановленія Якова II, подъ начальствомъ Турвилля, былъ разбитъ и частью уничтоженъ 29 мая 1692 г., соединенными флотами англійскимъ и голландскимъ подъ командою адмирала Эдмонда Росселя, обладавшаго превосходными силами.

Прим. переводчика.

нуты не переставалъ вызывать ихъ и подбивать на войну. Отношенія его съ Австріею, уже столь натянутыя, ухудшались болѣе и болѣе. Отъ 17 іюля онъ писалъ къ Талейрану: „Свѣдѣнія изъ Италіи всѣ отзываются войною." Держава эта сильно вооружалась, онъ это зналъ и не разъ дѣлалъ ей представленія, чтобъ она перестала вооружаться; онъ велѣлъ печатать въ *Монитерѣ* самыя грозныя статьи; 12 августа онъ послалъ ей новыя требованія, объявляя, „что снимаетъ свои океанскіе лагери и посылаетъ войска въ Швейцарію"; наконецъ онъ положительно зналъ, что за нею была Россія, Швеція и Неаполь, что Пруссія колебалась, что нельзя было положиться ни на одного изъ нашихъ союзниковъ, и въ виду подобнаго положенія и тѣмъ не менѣе настаивалъ на желаніи кинуться на Англію съ одною арміею, которая могла прикрыть Францію. Чего же онъ хотѣлъ, на что же надѣялся этотъ заблуждавшійся геній? броситься подобно молніи на Лондонъ и возвратиться прежде нежели коалиціонная армія могла бы ступить на нашу территорію? Это была самая рискованная и самая безумная мысль! Кто можетъ подумать, чтобъ нація, столь энергическая и гордая, даже не оказала ему сопротивленія, какое встрѣтилъ онъ у Сенъ-Домингскихъ негровъ. Французскіе историки ограничили до смѣшнаго военныя силы, которыя могла выставить противъ насъ Англія. Изъ всѣхъ офиціныхъ документовъ о состояніи британскихъ силъ, обнародованныхъ въ то время, явствуетъ, что онѣ простирались до *четырехсотъ тысячъ человѣкъ* только волонтеровъ. Предположивъ, что Наполеонъ успѣлъ бы въ столь опасномъ предпріятіи какъ высадка, не смотря на Нельсона, не смотря на соединенные флоты Корнуэльса и Кальдера, не смотря на множество судовъ всѣхъ ранговъ, готовыхъ пресѣчь намъ путь, предположивъ, что онъ сосредоточилъ бы на одномъ пунктѣ англійскаго берега свою армію въ полтораста тысячъ, можно ли допустить, чтобъ четыреста тысячъ волон-

теровъ, поддержанныя отличною регулярною арміею, не въ состояніи были бы ему противиться достаточно времени для того, чтобъ дать возможность коалиціи занять беззащитную Францію? Романъ этотъ до такой степени химерическій, что походитъ на грезы больнаго воображенія, въ которомъ все считалось бы непремѣнно ложью и комедіею, еслибъ не тысяча свидѣтельствъ, которыя доказываютъ, какъ Наполеонъ серьезно относился къ этой фантазіи. Ко всѣмъ приведеннымъ, я прибавлю еще одно, не менѣе любопытное. Это медаль, на которой съ одной стороны изображена голова императора, увѣнчанная лаврами, а съ другой Геркулесъ, задушающій руками Антея [198]). Надпись гласила: „*Высадка въ Англію*“, а внизу выбито мелкимъ шрифтомъ: „чеканена въ Лондонѣ въ 1804 г.“ [199]). Фальшивая легенда эта; вѣчный памятникъ надменности того, кто велѣлъ его исполнить—только и осталась воспоминаніемъ этой великой экспедиціи.

Настоящій стыдъ, неразлучный съ подобною неудачею, и открытая вражда, до которой Наполеонъ довелъ своихъ враговъ, обязывали его принять быстрое и смѣлое рѣшеніе; если онъ хотѣлъ избѣгнуть смѣшнаго и воспользоваться своими преимуществами. Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ преимущества весьма значительныя, онъ обладалъ по его собственныхъ словамъ наилучшею арміею въ Европѣ, совершенно готовою, тогда какъ коалиціонныя войска, разсѣянныя на

---

[198]) Антей *(Antaeus)* гигантъ, сынъ Нептуна и Земли, жилъ въ Иридѣ на пескахъ Ливійскихъ; онъ останавливалъ и умерщвлялъ всѣхъ прохожихъ, ибо далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Нептуну изъ человѣческихъ череповъ. Геркулесъ три раза повергалъ его на землю, но тщетно: мать его, Земля, оживляла ему силы каждый разъ, когда онъ къ ней прикасался. Геркулесъ замѣтилъ это, поднялъ его на воздухъ и задушилъ руками. *Прим. переводчика.*

[199]) Одинъ изъ экземпляровъ находится въ Англіи, и лордъ Стенгопъ, у котораго я заимствую этотъ любопытный фактъ, имѣетъ съ нея копію. *Прим. автора.*

огромныхъ пространствахъ, были только на половину организованы и совсѣмъ не пріучены къ войнѣ; ему были извѣстны виды союзниковъ, тогда какъ послѣдніе не знали его плановъ; дѣйствуя со своею обычною быстротою, онъ могъ быть въ Вѣнѣ, прежде чѣмъ русскіе успѣли бы достигнуть Моравіи. Онъ зналъ всѣ эти обстоятельства, онъ тысячу разъ обдумывалъ возможность перемѣны направленія своей арміи отъ океана къ Германіи, что до очевидности доказываютъ его письма къ Талейрану и Камбасересу. При томъ издавна уже онъ имѣлъ привычку рѣшать свою задачу всегда, какъ онъ говорилъ, „двумя способами", чтобъ не быть застигнуту въ расплохъ. Итакъ онъ долго обдумывалъ планъ блистательной кампаніи въ Германіи, предоставляя себѣ дѣйствительно выборъ времени, такъ какъ уже принялъ предварительныя предосторожности, что впрочемъ нисколько не отымаетъ заслуги у концепціи. Если, какъ хотятъ дать понять, онъ думалъ о возможности этой перемѣны только въ послѣдній моментъ, то надобно отнять у него всякую проницательность и отказать въ политическомъ смыслѣ.

И такъ онъ немедленно рѣшился выйдти изъ самаго фальшиваго и несноснаго положенія, кинувшись въ Германію со своею арміею, которая въ теченіе послѣднихъ двухлѣтнихъ упражненій достигла необыкновенной силы. Главные корпуса ея начали двигаться немедленно; генералы получили подробныя приказанія относительно первоначальныхъ распоряженій. Бернадотту, командовавшему Ганноверскою арміею, велѣно было направить войско къ Геттингену; Евгенію къ Адидже; Сенъ-Сиру быть въ готовности кинуться на Неаполь; Мармону идти изъ Текселя на Майнцъ — и все это совершить въ глубочайшей тайнѣ, чтобъ непріятель оставался въ полной безпечности. Въ то же время Дюрокъ отправился въ Берлинъ съ порученіемъ предложить Пруссіи Ганноверъ за угрожающую демонстрацію противъ Австріи; но онъ не долженъ былъ соглашаться, чтобъ входила въ во-

просъ независимость Швейцаріи, Голландіи или Неаполя. Будь это предложеніе сдѣлано нѣсколько времени раньше, оно было бы рѣшительно и пріобрѣло бы намъ союзъ Пруссіи; теперь уже было очень поздно, чтобъ приняла его держава, сдѣлавшаяся недовѣрчивою и вступившая въ другія обязательства.

ГЛАВА VII.

Ульмскій договоръ. — Наполеонъ въ Вѣнѣ.

Этотъ быстрый поворотъ рѣшенія давалъ Наполеону огромное преимущество надъ союзниками; онъ зналъ ихъ планы, имъ не были извѣстны его намѣренія; у него была такая превосходно обученная и сосредоточенная армія, какой никогда не имѣла Франція, — а ихъ войска, весьма неравной численности, были разбросаны по четыремъ угламъ Европы. Австрія же, долженствовавшая составлять авангардъ, была готова только въ Италіи, гдѣ эрцгерцогъ Карлъ имѣлъ начальствовать надъ арміею почти во сто тысячъ. На баварской границѣ было у нея отъ шестидесяти до осьмидесяти тысячъ человѣкъ [200]) подъ командою генерала Макка, извѣстнаго уже своими несчастными приключеніями, стариннаго противника Шампіонне въ неаполитанскомъ королевствѣ. Изъ двухъ русскихъ корпусовъ, долженствовавшихъ поддерживать эту армію, ближайшій еще не дошелъ до га-

---

[200]) По офиціальнымъ даннымъ, приведеннымъ генераломъ Данилевскимъ *(кампанія 1805 г.)*, армія подъ начальствомъ Макка имѣла 80,080 человѣкъ. Однако Мюратъ, бывшій на мѣстѣ, полагаетъ ее въ 72,000 человѣкъ (письмо отъ 10 сентября къ Наполеону. *Memorial du depôt de la guerre)*, и ту же цыфру приводитъ эрцъ-герцогъ Фердинандъ въ письмѣ къ Кутузову отъ 8 октября. *Прим. автора.*

лиційской границы, а другой сосредоточивался въ окрестностяхъ Варшавы; имъ необходимъ былъ цѣлый мѣсяцъ для соединенія съ Макком предположивъ, что они не теряютъ ни минуты, въ то время какъ Наполеонъ могъ настигнуть его въ теченіе двадцати или двадцати пяти дней. Но безпечность союзниковъ была тѣмъ болѣе велика, что, не смотря на возраставшую непріязненность дипломатическихъ сношеній Франціи и Австріи, война не была еще объявлена, и они полагали, что будетъ достаточно времени для соединенія своихъ силъ. Они предполагали двѣ главныя аттаки, одну въ Италіи на Адидже, гдѣ Массена могъ противопоставить арміи эрцъ-герцога Карла не болѣе пятидесяти тысячъ, другую въ долинахъ Дуная и Швабіи съ соединенными силами Россіи, Австріи и, если можно, Баваріи. Держава эта сдѣлалась непріязненною Австріи со времени раздѣла германскихъ вознагражденій, но ее разсчитывали вовлечь добровольно или силою въ послѣднюю минуту. Два другія, но второстепенныя нападенія, должны были быть направлены— одно на нашу Ганноверскую армію, при помощи высадки англійскихъ, русскихъ и шведскихъ войскъ, другое на нашъ оккупаціонный корпусъ въ Тарентскомъ заливѣ, съ помощью англо-русскаго корпуса, который имѣлъ освободить Неаполитанское королевство, вовлечь его въ коалицію и угрожат такимъ образомъ тылу Массены.

Вотъ военное положеніе, на которомъ Наполеону предстояло основать свои разсчеты, когда въ концѣ августа 1805 онъ увидѣлъ себя принужденнымъ отказаться отъ своихъ замысловъ относительно Англіи. Тотчасъ же направилъ онъ усиленными переходами свои войска къ Рейну, тщательно скрывая ихъ движеніе. Общій планъ его, столько разъ объясняемый съ тѣхъ поръ, можно резюмировать такимъ образомъ: не обращать вниманія на второстепенныя нападенія, ограничиваться въ Италіи оборонительнымъ положеніемъ до тѣхъ поръ, пока побѣды наши въ Германіи при-

нудили бы эрцъ-герцога къ отступленію,—сосредоточить всѣ наши силы на Дунаѣ, предупредить тамъ русскихъ, для того, чтобъ разбить прежде ихъ соединенія съ Маккомъ, слабую армію, служившую единственнымъ оплотомъ австрійской монархіи. Можно считать положительнымъ вымысломъ, въ которомъ военный геній его не имѣетъ ни малѣйшей надобности, что Наполеонъ еще въ Булони, съ августа мѣсяца задумалъ свой превосходный планъ „окружить и забрать австрійцевъ въ Ульмѣ [201])", потому что Маккъ не перешелъ еще Инна и занялъ эту крѣпость лишь позже, 18 сентября [202]). Наполеонъ въ то время такъ мало думалъ объ этомъ, что болѣе всего боялся появленія австрійцевъ въ Баваріи. „Дѣло въ томъ, писалъ онъ Талейрану 20 августа:—что мнѣ нужно выиграть двадцать пять дней и *помѣшать австрійцамъ перейдти Иннъ*, пока я кинусь на Рейнъ." Если бы таково было его намѣреніе, то ему слѣдовало бы не только допустить ихъ перейдти Иннъ, но и вступить въ Швабію; однако, будучи далекъ отъ предположенія, что они намѣреваются занять Ульмъ, онъ въ тотъ же день писалъ къ баварскому курфюрсту „приготовить ему въ этой крѣпости пять тысячъ порцій сухарей." Онъ думалъ еще только о томъ, чтобъ проникнуть въ сердце австрійской монархіи болѣе прямою и болѣе удобною дорогою, и напасть на нее съ такою арміею, превосходящею численностью и качествомъ войска Макка, чтобъ стоило лишь ей появиться, и противникъ былъ бы уничтоженъ. Размѣръ, принятый нашими завоеваніями, придавалъ ему неоцѣненныя удобства для достиженія этой цѣли. Имѣя въ своей власти всѣ переходы чрезъ Рейнъ, ему нечего было безпокоиться объ этой, столь трудной нѣкогда преградѣ; ему были секретными или

---

[201]) Тьеръ, *Исторія Консульства и Имперіи.* *Прим. автора.*

[202]) Что указано въ письмѣ Мюрата, который находился тогда въ Баваріи скрытно. *Прим. автора.*

объявленными союзницами всѣ эти державы, которыхъ до тѣхъ поръ намъ приходилось щадить нейтралитетъ, или воевать съ ними, курфиршество Гессенъ-Дармштадтское, Вюртембергское, Баварское; онъ имѣлъ наконецъ въ Ганноверѣ и Голландіи два значительныхъ корпуса, которые могли прибыть къ Дунаю въ пятнадцать, двадцать переходовъ, и обходя Рейнъ и всѣ эти дефилеи Чернаго лѣса, занятіе которыхъ стоило намъ нѣкогда столько крови.

Наполеонъ, направляясь противъ Австріи, съ арміею почти въ двѣсти тысячъ человѣкъ [203]), въ моментъ, когда она могла выставить противъ него только восемьдесятъ тысячъ въ Германіи, разумѣется, долженъ былъ заботиться прежде всего о кратчайшемъ пути къ Дунаю и о разбитіи Макка прежде прибытія русскихъ. Дорога эта ясно обозначалась—чрезъ Гессенъ, сѣверную часть Бадена и Вюртемберга. Обязанность его соединиться во Франконіи съ корпусами, которые велъ ему Бернадоттъ, изъ Ганновера чрезъ Геттингенъ, и Мармонъ, изъ Голландіи чрезъ Майнцъ, дѣлала этотъ маршрутъ необходимымъ. Слѣдовательно, было бы чистѣйшимъ ребячествомъ хвалить его по этому поводу за то, что онъ не пошелъ чрезъ Швейцарію и Констанцское озеро и возобновилъ кампанію Моро въ 1800, т. е. не сдѣ-

[203]) Армія Наполеона почти доходила до этой цифры, не считая контингентовъ баварскаго и другихъ мелкихъ германскихъ государствъ. Дѣйствительно, изъ *корреспонденцій* какъ Наполеона, такъ Бертье, Мармона и другихъ генераловъ явствуетъ, что изъ семи корпусовъ, составлявшихъ великую армію, три были въ 30,000 (Нея, Сульта, Ланна), три въ 25,000 (Мармона, Даву, Бернадотта), а только Ожеро въ 12,000. Но къ этому надобно прибавить гвардію и кавалерію Мюрата, доходившія почти до 20,000. Съ германскими контингентами великая армія составляла по крайней мѣрѣ *двѣсти двадцать тысячъ человѣкъ*—цифра, которая всегда была очень уменьшаема. Отчеты объ этомъ, публикуемые въ *Memorial du dépot de la guerre* (т. VIII), чрезвычайно неточны. Они были приготовлены самимъ Наполеономъ, также какъ приложенныя тамъ *реляціи* съ его обычною правдивостью, и съ цѣлью *освѣтить* исторію. *Прим. автора.*

лалъ ста пятидесяти миль кругу — по мѣстностямъ, частью непроходимымъ, для того, чтобъ окружить въ Швабіи непріятеля, котораго тамъ не было! Все измѣнилось съ тѣхъ поръ и въ положеніи и въ численности армій; вмѣсто того, чтобъ имѣть дѣло съ Краемъ на Рейнѣ, мы должны были сражаться съ Маккомъ на Иннѣ, около ста миль назадъ; вмѣсто того, чтобъ начальствовать арміею, едва равною австрійскимъ силамъ, обязанною выдѣлять въ отряды четверть своей численности, подчиненною движеніямъ арміи Итальянской, у Наполеона было войско, вдвое сильнѣе непріятельскаго; онъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ и полновластно располагалъ всѣми средствами обширной имперіи; наконецъ ничто не оставалось въ прежнемъ состояніи, даже самая знаменитая ульмская позиція, нѣкогда ключъ Дунайской долины, и въ которой Край могъ выдерживать столь продолжительную осаду, благодаря инструкціямъ, парализовавшимъ Моро. Теперь же хотя городъ и былъ укрѣпленъ, но окопы, окружавшіе лагерь, были срыты и не могли болѣе представлять никакой защиты для австрійской арміи, еслибъ Маккъ вздумалъ тамъ расположиться.

Пока войско Наполеона исполняло это смѣлое движеніе, Наполеонъ удвоивалъ хитрости и мирныя демонстраціи, чтобъ долѣе держать союзниковъ въ заблужденіи. Онъ продолжалъ оставаться въ Булони съ цѣлью заставить вѣрить, что намѣренія его не измѣнились. Дипломатія его, до тѣхъ поръ столь требовательная, приняла самый кроткій и самый миролюбивый тонъ: „Теперь уже не такъ нужна смѣлость, пасалъ онъ Талейрану: — а *робость*, чтобъ я имѣлъ время приготовиться [204])“. Вице-король итальянскій Евгеній получилъ въ свою очередь въ видѣ инструкціи совѣтъ „говорить о мирѣ, но дѣйствовать воинственно“. Во время похода изъ Ганновера на Дунай, Бернадотту было приказано говорить

---

[204]) Наполеонъ къ Талейрану, 25 августа 1805. *Прим. автора.*

всѣмъ, что онъ дѣлалъ этотъ не большой крюкъ съ единственною цѣлью привести свой корпусъ обратно во Францію[205]). *Мониторъ*, по обыкновенію столь задорящій, быстро перемѣнилъ тонъ. Онъ не упоминалъ болѣе ни слова о политикѣ, а сообщалъ разныя другія новости, говорилъ объ изверженіи Везувія, о хорошей и дурной погодѣ. Онъ заявлялъ серьезно, *„что русскіе продолжали дѣлать приготовленія противъ Пруссіи“*; но ни слова о тѣхъ, которыя дѣлались повсюду противъ Франціи. Читая его, вы сказали бы, что никогда Европа не была болѣе спокойна, и только 22 сентября онъ рѣшается сообщить, что австрійцы перешли Иннъ 7 числа того же мѣсяца. Такъ какъ между тѣмъ невозможно было совершенно скрыть этого громаднаго передвиженія войскъ, то Наполеонъ уполномочилъ своихъ министровъ объявить, что въ видахъ предосторожности онъ сосредоточивалъ тридцать тысячъ человѣкъ на восточной границѣ. Только главнѣйшимъ начальникамъ арміи были извѣстны его намѣренія. И въ то время какъ онъ столь искусно скрывалъ эти намѣренія, онъ принималъ съ удивительною рѣшимостью какъ извнѣ, такъ и внутри всѣ мѣры, долженствовавшія обезпечить ему успѣхъ. Три изъ искуснѣйшихъ его офицеровъ — Мюратъ, Бертранъ и Савари были посланы секретно въ Германію для изученія всѣхъ мѣстностей, по которымъ должна была проходить наша армія, собрать всевозможныя свѣдѣнія о положеніи крѣпостей, дорогъ, рѣкъ, о позиціяхъ, занятыхъ непріятелемъ, о дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ намѣреніяхъ послѣдняго, о силахъ, которыми могли располагать враги. Онъ хотѣлъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ чрезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ въ Германіи личное свѣдѣніе о движеніяхъ австрійскихъ войскъ *„день за день и полкъ за полкомъ“*. Мюратъ, кромѣ того, имѣлъ порученіе повидаться съ Баварскимъ курфюрстомъ, бывшимъ за насъ, но

---

[205]) Наполеонъ къ Бернадотту, 6 сентября 1805. *Прим. автора.*

который, до нашего прибытія, видѣлъ себя во власти австрійскихъ войскъ; онъ долженъ былъ успокоить его и заявить, что мы спѣшимъ къ нему на помощь. Онъ отвезъ ему письмо Наполеона, исполненное увѣреній и обѣщаній. Наполеонъ былъ съ нимъ откровененъ, ввѣрилъ его честности тайну своихъ дѣйствій, обѣщалъ, увеличеніе и славу — которыя должны были служить воздаяніемъ за вѣрность къ намъ; онъ жаловался, что былъ принужденъ прибѣгнуть къ крайностямъ войны: „Сердце мое разрывается, говорилъ онъ ему: — при мысли о бѣдствіяхъ, которыя будутъ послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ, но Богу извѣстно, что я тутъ не виноватъ!“ Дюрокъ все еще оставался въ Берлинѣ, гдѣ онъ старался вовлечь Пруссію предложеніемъ Ганновера. Но держава эта, которая согласилась бы, не задумавшись, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ — такъ какъ отъ нея требовали только простой демонстраціи — теперь уже слишкомъ много приняла обязательства относительно Россіи и довольно высказала жалобъ на честолюбіе Франціи, чтобъ получить подобный подарокъ не выговоривъ ничего въ пользу европейскихъ интересовъ. Она охотно приняла все, совершившееся въ Италіи, но положительно требовала обезпеченія независимости Голландіи и Швейцаріи; но такъ какъ Наполеонъ и слышать не хотѣлъ о подобномъ условіи, то Пруссія возвратилась къ своей прежней нейтральной системѣ, однако съ тайнымъ неудовольствіемъ на насъ и съ замѣтною склонностью къ нашимъ противникамъ.

Оборонительный и наступательный союзъ былъ заключенъ съ Баденомъ и Гессенъ-Дармштадтомъ. Съ Вюртембергомъ не было еще ничего подписано, но все съ его стороны обнаруживало согласіе, въ которомъ онъ не былъ въ состояніи намъ отказать. Чтобъ покончить съ нерѣшимостью курфюрста, Наполеонъ велѣлъ уже сдѣлать предложеніе

---

[96]) Наполеонъ къ Бертье, 28 августа. *Прим. автора.*

Вюртембергскому наслѣдному принцу—посадить его на мѣсто отца, но проектъ этотъ остался безъ послѣдствій [207]). Маленькія эти государства доставили ему контингентъ въ двѣнадцать тысячъ, которыя не вошли въ дѣло, но тѣмъ не менѣе были ему полезны, охраняя его пути сообщенія. Что касается баварской арміи, состоявшей изъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ, она была должна сражаться вмѣстѣ съ нами. Изъ всѣхъ государствъ, которыя по своей слабости не могли намъ противиться, одно Неаполитанское королевство было исключено изъ этихъ союзныхъ договоровъ, которые впрочемъ не имѣли другой цѣли какъ освятить ихъ порабощеніе, прикрывая его благодѣніями, болѣе тягостными нежели бѣдствія войны. Сенъ-Сиръ получилъ формальное приказаніе овладѣть Неаполемъ и выгнать изъ него дворъ, въ моментъ, когда войска наши перейдутъ чрезъ Рейнъ: до тѣхъ же поръ онъ долженъ былъ *тщательно скрывать свои намѣренія* [208]). Но чрезъ нѣсколько времени Наполеонъ нашелъ болѣе выгоднымъ заключить съ Неаполитанскимъ дворомъ нейтральный договоръ, который дозволялъ бы ему расположить на По корпусъ Сенъ-Сира, чтобъ служить Массенѣ арьергардомъ и резервомъ. Обнародывая этотъ договоръ, *Монитеръ* предпослалъ ему слѣдующее разсужденіе: „Безъ сомнѣнія, въ интересахъ Франціи было бы овладѣть посредствомъ *полезнаго и легкаго завоеванія* королевствомъ, столь близкимъ къ владѣніямъ его величества въ Италіи. Но онъ не желалъ, чтобъ могли его упрекнуть въ томъ, что онъ воздвигъ препятствіе къ общему миру; онъ слѣдовалъ основаніямъ великодушной и умѣренной политики, служащей правиломъ всѣмъ его дѣйствіямъ“. Странная умѣренность, которая выражалась съ такимъ презрѣніемъ относительно правъ иностраннаго государя! Изъ всѣхъ этихъ

---

[207]) Наполеонъ къ Талейрану, 25 августа. *Прим. автора.*

[208]) Наполеонъ къ Сенъ-Сиру, 2 сентября. *Прим. автора.*

краснорѣчивыхъ фразъ явствовало, что въ эту критическую минуту сочли благовременнымъ отложить паденіе неаполитанскихъ Бурбоновъ; но ихъ предупредили, что это лишь дѣло отсроченное. Эпизодическаго этого отступленія достаточно для того, чтобъ дать настоящую цѣну всѣмъ восклицаніямъ Наполеона относительно происковъ и *коварства* Неаполитанскаго двора.

Не смотря на весьма смягченный тонъ въ своихъ нотахъ къ Кобенцелю, Талейранъ не умѣлъ выиграть у Австріи столько времени, сколько требовалъ Наполеонъ, но тѣмъ не менѣе держава эта была вполнѣ обманута на счетъ характера нашихъ военныхъ движеній. Она торопилась войною въ надеждѣ увлечь Баварскаго курфюрста. Для того, чтобъ добыть двадцать пять тысячъ человѣкъ, Австрія подвергала собственную армію и самую имперію близкой опасности, которой еще и не подозрѣвала. Послѣдняя нота, которою обмѣнялась она съ французскимъ правительствомъ, въ моментъ открытія непріятельскихъ дѣйствій, не лишена ни силы, ни достоинства, хотя нѣкоторыя изъ ея жалобъ, въ ней приведенныхъ, были съ ея стороны не болѣе какъ предлогами. Когда потребовали у нея объясненій касательно ея вооруженій, она мотивировала ихъ необходимостью напомнить Франціи уваженіе къ договорамъ, которые послѣдняя сама внушила Европѣ. Безъ сомнѣнія, Австрія выказывала здѣсь рвеніе, котораго не могла чувствовать въ глубинѣ души, къ договорамъ, которые были послѣдствіемъ нашихъ побѣдъ; но наконецъ, такъ какъ необходимо было дѣйствовать законнымъ порядкомъ, то невозможно ей отказать въ правѣ взывать къ договорамъ, заключеннымъ противъ нея: „Миръ между Франціею и Австріею, говорилось въ этомъ объясненіи: — основанъ на Люневильскомъ договорѣ, одною изъ статей котораго обусловливается и обезпечивается независимость республикъ какъ итальянскихъ, такъ швей-

царской и батавской, и предоставляется имъ свобода избрать себѣ правительство. Всякое намѣреніе заставить ихъ принять правительство, конституцію, государя, иначе—какъ по ихъ свободному выбору, иначе какъ съ сохраненіемъ дѣйствительной политической независимости — будетъ нарушеніемъ Люневильскаго договора, и Австрія имѣетъ право требовать его возстановленія!“

Странное и замѣчательное зрѣлище! Что можетъ лучше всего характеризовать нашу политику, какъ Австрія, справедливо и вѣрно ратующая противъ насъ относительно независимости тѣхъ самыхъ республикъ, которыя мы создали, и противъ которыхъ она вооружалась? Въ объясненіи представлялись потомъ снисхожденія, какія сдѣланы были ею относительно Франціи; если она соглашалась молчать до сихъ поръ, то единственно по духу миролюбія; но она не отказалась ни отъ своихъ правъ, ни отъ поддержки общественнаго спокойствія Европы. „Миръ этотъ нарушенъ, продолжалось въ объясненіи:—когда какая-нибудь держава приписываетъ себѣ право занятія, покровительства, вліянія, не утвержденныхъ ни народнымъ правомъ, ни договорами; когда она употребляетъ силу и дѣйствіе страха для того, чтобъ присоединять ихъ конституцію къ собственной, или вынуждать изъ нихъ союзы, уступки, акты подчиненія или присоединенія; когда она считаетъ достоинство свое оскорбленнымъ основательными представленіями, въ то время какъ собственные ея журналы послѣдовательно нападаютъ на всѣхъ монарховъ; наконецъ, когда она самовластно присвоиваетъ себѣ безусловное право располагать судьбами и интересами націй, и хочетъ устранить другія державы отъ участія въ поддержкѣ общаго равновѣсія — однѣхъ потому, что онѣ слишкомъ удалены, другихъ оттого, что проливъ отдѣляетъ ихъ отъ континента, противопоставляя протестамъ сосѣднихъ державъ объ опасности—уклончивые отвѣты, со-

браніе войскъ на ихъ границахъ и угрозы разрыва, если онѣ вздумаютъ защищаться [209])“.

На эту страшно и поразительно вѣрную картину былъ одинъ только отвѣтъ—пушечные выстрѣлы, и дѣйствительно Наполеонъ готовилъ подобный отвѣтъ Австріи. Не успѣли еще его войска стянуться къ Рейну, какъ вся Францiя преобразовалась уже въ обширный лагерь и организовалась такимъ образомъ, чтобъ быть въ состояніи держаться сама собою во время его отсутствія. Для защиты флотиліи и береговъ онъ оставилъ въ Булони двадцать пять тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ маршала Брюна, сформированныхъ изъ депо нѣкоторыхъ полковъ, и изъ десяти тысячъ матросовъ англійской экспедиціи, сведенныхъ въ батальоны. Онъ далъ указъ о преобразованіи національной гвардіи на пространствѣ всей территоріи, но предоставилъ себѣ право назначенія офицеровъ. Мѣры эти онъ дополнилъ призывомъ подъ ружье не только набора текущаго года, не только недоимочнымъ контингентомъ прежнихъ лѣтъ, но и будущимъ наборомъ изъ людей, которые имѣли достигнуть законнаго возраста въ первые три мѣсяца будущаго года. Такимъ образомъ онъ составилъ себѣ резервъ около полутораста тысячъ человѣкъ, которые и были отправлены на Рейнъ для обученія подъ начальствомъ маршаловъ Келлермана и Лефебра. Декретъ этотъ привелъ бы въ затрудненіе всякаго другаго кромѣ Наполеона. По конституціи назначеніе наборовъ и налоговъ принадлежало Законодательному Корпусу. Но какимъ образомъ созвать это собраніе въ подобную минуту? Общественное мнѣніе было тревожно и неблагопріятно, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ кризисовъ, вызванный огромностью военныхъ издержекъ, начиналъ обнаруживаться, Парижъ громко ропталъ и указывалъ на бе-

---

[209]) Нота графа Людовика Кобенцеля, 12 октября 1805 г.

Прим. автора.

зуміе самолюбія, которое снова вооружило противъ насъ Европу; итакъ надо было войдти въ объясненія, выслушать мнѣнія, можетъ быть даже критику! Надо было наконецъ признать существованіе этой коалиціи, столько разъ опровергнутой *Монитеромъ*, самымъ безстыднымъ образомъ. Наполеонъ не счелъ нужнымъ стать въ положеніе этого выбора; онъ довольно хорошо понималъ французовъ, чтобъ знать, что пока будетъ оправдывать его побѣда, ему нѣтъ надобности въ другихъ оправданіяхъ; и онъ теперь былъ увѣренъ одержать эту побѣду, благодаря успѣху его притворства, благодаря безумной стремительности непріятеля и подавляющему превосходству своихъ силъ. Итакъ онъ самъ не поколебался нарушить снова конституцію, которая всегда была только словомъ, а Сенатъ поспѣшилъ узаконить это нарушеніе, чтобъ въ дни бѣдствій это не вмѣнилось ему въ преступленіе.

По принятіи этихъ мѣръ, которыя всегда были въ его глазахъ самыя существенныя, онъ роздалъ роли тѣмъ, на кого хотѣлъ возложить управленіе во время своего отсутствія. Іосифъ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ и пользовался почетомъ власти, но Камбасересъ обладалъ ея сущностью или по крайней мѣрѣ тѣмъ, что Наполеонъ могъ оставить, даже удаляясь. Ему поручено было предсѣдательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и собирать у себя министровъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, но послѣдніе всѣ обязаны были сноситься съ Наполеономъ по дѣламъ своихъ управленій. Министръ полиціи въ особенности получилъ приказаніе писать къ нему *ежедневно* [210]): министръ этотъ въ самомъ дѣлѣ былъ великою пружиною правительства. Послѣ этого Наполеонъ попрощался съ Сенатомъ: онъ уѣзжалъ, говорилъ онъ, чтобъ подать помощь своимъ союзникамъ; *нѣсколько*

---

[210]) Приказъ на время отсутствія императора. 23 сентября.

Прим. автора.

еще дней назадъ онъ надѣялся, что миръ не будетъ нарушенъ, но надежды его несбылись. „Въ эту-то минуту, прибавилъ онъ: — разъяснилась злоба континентальныхъ враговъ! Они побоялись моей *пламенной любви къ миру*; они побоялись, чтобъ Австрія, при видѣ пропасти, изрытой ими подъ ея ногами, не возвратилась къ чувствамъ справедливости и умѣренности, и вовлекли ее въ войну. *Я скорблю о той крови, которая польется въ Европѣ*, но французское имя покроется отъ этого новымъ блескомъ".

Пока онъ скорбѣлъ объ этой жестокой крайности, его корпуса, продолжая свой невидимый походъ, переходили Рейнъ въ Майнцѣ, Спирѣ, Мангеймѣ и стремились къ сердцу Германіи. Они шли подать руку помощи Бернадотту, который прибылъ уже въ Вюрцбургъ, куда угрожаемый Австріею Баварскій курфюрстъ укрылся съ двадцатью пятью тысячами человѣкъ. Доведенные до крайности колебаніями этого государя, австрійцы перешли Рейнъ 7 сентября и заняли Ульмъ 18. Тогда только Наполеонъ, будучи извѣщенъ Мюратомъ, задумалъ окружить ихъ въ Швабіи, отрѣзавъ имъ сообщеніе съ Австріею, посредствомъ маневра, который употребилъ уже онъ при Маренго, но который былъ болѣе вѣренъ по поводу огромнаго его превосходства надъ арміею Макка [211]). Онъ тотчасъ же назначилъ позиціи, которыя должны были занять на Дунаѣ различные корпуса, находившіеся еще на Рейнѣ. Направивъ ихъ на Донаувертъ, Ингольштадтъ и Регенсбургъ, онъ овладѣвалъ рѣкою, и въ нѣсколько переходовъ могъ пересѣчь всѣ сообщенія Макка съ Вѣною, и окружить его совершенно прежде прибытія русской арміи, которая едва начинала двигаться. Онъ боялся, чтобъ Маккъ не провѣдалъ заблаговременно тайны этого маневра, столь простаго и вмѣстѣ столь рѣшительнаго;

---

[211]) Примѣчаніе къ движеніямъ великой арміи, 22 сентября.
Прим. автора.

но ему въ этомъ случаѣ весьма много помогли и чрезвычайная разбросанность нашихъ корпусовъ, и тайна, покрывавшая движенія, и безумная довѣрчивость его противника. Онъ искусно поддерживалъ заблужденіе австрійскаго главнаго штаба, заставивъ Мюрата появиться съ кавалеріею передъ главными выходами Чернаго Лѣса, словно онъ рѣшился вступить туда, по обыкновенію нашихъ первыхъ войнъ въ Германіи. Онъ позаботился самъ держаться въ Страсбургѣ до послѣдней минуты, какъ бы желая напасть на непріятеля съ фронта вмѣсто того, чтобъ сдѣлать нападеніе съ тылу. Оттуда-то онъ обратился къ своимъ солдатамъ съ прокламаціею, которая должна была открыть эту знаменитую кампанію. На этотъ разъ онъ отрѣшился отъ напыщенныхъ фразъ, часто наполнявшихъ его военныя рѣчи, и удовольствовался указать имъ въ нѣсколькихъ энергическихъ словахъ цѣль имъ предстоявшую: „Мы не остановимся до тѣхъ поръ, пока не обезпечимъ независимость германскихъ корпусовъ, не поможемъ союзникамъ и не сотремъ гордыни несправедливыхъ притѣснителей. Мы не заключимъ болѣе мира безъ обезпеченія. Великодушіе наше не обманетъ болѣе нашей политики. Солдаты! вашъ императоръ среди васъ. Вы — только авангардъ великаго народа!“

Для Франціи Наполенъ сдѣлался страшнымъ деспотомъ чѣмъ-то въ родѣ монарха прежняго времени; для солдатъ онъ остался прежнимъ Бонапарте Итальянской арміи. Они съ восторгомъ обрѣли вновь языкъ и обычные пріемы своего стариннаго генерала. Это были солдаты, но которые помнили, что они были гражданами; они служили его деспотизму, но ихъ формировала свобода, и не смотря ни на что они были сыны революціи. Наполеонъ считался у нихъ менѣе властелиномъ нежели любимцемъ; онъ былъ ихъ произведеніемъ; на него смотрѣли они не какъ на монарха, но какъ бы на военнаго трибуна; онъ обходился съ ними какъ съ равными; даже иногда, какъ подъ Аустерлицомъ, онъ сообщалъ имъ за-

ранѣе свой планъ кампаніи, словно находился въ военномъ совѣтѣ; онъ раздѣлялъ съ ними свою власть. Вожди арміи казались смиренными и покорными; солдаты были еще скорѣе товарищами ему нежели слугами, — вотъ причина ихъ энтузіазма къ нему и ихъ невыразимое превосходство надъ живыми машинами, дисциплинированными подъ австрійскою палкою. Но если они сдѣлались несравненными орудіями для завоеваній, то сколько они утратили въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ касательно великодушія и безкорыстія нашихъ прежнихъ республиканскихъ армій! Великая армія, благодаря чувствамъ, которыя Бонапарте постарался возбудить въ груди ея, была несовмѣстима съ законною мирною системою во Франціи, ей нужны были не только почести, но богатства, великія предпріятія, чтобъ занять ея дѣятельность,—народы, которыхъ можно бы эксплуатировать для удовлетворенія ея жадности.

Солдатамъ обѣщали долю добычи, ихъ пріучали самихъ брать себѣ добычу, безпрестанно повторяя, что война должна питать войну, обязывая ихъ жить реквизиціями и грабежемъ [212]) не только въ странахъ непріятельскихъ, но часто даже и на собственной территоріи. Если случалось, что принцъ Евгеній не хотѣлъ дѣлать этихъ вымогательствъ у своихъ итальянскихъ подданныхъ, Наполеонъ смѣялся надъ его щекотливостью и приказывалъ дѣйствовать путемъ реквизиціи: „Я это дѣлалъ не разъ въ Альзасѣ, писалъ онъ ему: .... — цѣны столь велики, что нечего и думать уплачивать по нимъ. Не обращайте вниманія, что эти мѣры не нравятся странѣ; положимъ, народъ кричитъ, но онъ не думаетъ о томъ, что говоритъ.... Я удивляюсь, что вамъ не объясняетъ этого вашъ военный министръ, который такъ долго дѣлалъ съ нами кам-

---

[212]) Въ особенности см. *Souvenirs militaires* Фезензака.

Прим. автора.

панію [213])!“ Если случалось, что маршалъ Бернадоттъ платилъ наличными деньгами въ *нейтральной* странѣ, по которой проходилъ онъ вопреки всякаго права, Наполеонъ выговаривалъ ему, забывая, что самъ предписывалъ ему подобный образъ дѣйствій. „Вы избаловали немного Гессенъ-Кассельскаго курфюрста, если правда, что заплатили ему наличными деньгами. Если это правда, я послалъ бы вамъ приказъ платить росписками [214]).“ Расплачиваться росписками сдѣлалось тогда фразою, вошедшею въ пословицу, которая означала не платить совсѣмъ. Пріемы эти развили непомѣрно въ арміи духъ грабежа и алчности, и Наполеонъ одобрялъ это въ вождяхъ еще болѣе открыто, хотя каралъ сурово, когда они уже черезчуръ переходили предѣлы имъ указанные. Нельзя не считать новымъ и знаменательнымъ фактомъ того, чтобъ въ моментъ вступленіявъ кампанію предложить напримѣръ главнокомандующему Массенѣ подарокъ *въ пятьдесятъ тысячъ франковъ* „въ знакъ уваженія [215]).“

Семь корпусовъ Наполеоновской арміи почти уже окончили свое движеніе, а Маккъ, стоя неподвижно въ Ульмѣ, казалось, не подозрѣвалъ цѣли этого. Генералъ этотъ продолжалъ невозмутимо стоять фронтомъ къ Черному Лѣсу и стеречь Иллеръ отъ Ульма до Меммингена. Узнавъ, что нѣкоторые французскіе отряды показались въ Баваріи, онъ послалъ Кинмайера, поручивъ ему отъ осьми до десяти тысячъ человѣкъ для того, чтобъ оберегать мосты на Дунаѣ и на протокѣ его Лехѣ, которые были не менѣе для него важны. Но онъ считалъ себя еще вполнѣ безопаснымъ, какъ вдругъ 6 октября въ виду Донауверта, на равнинѣ показался авангардъ Сульта, за которымъ вскорѣ послѣдовали корпуса маршаловъ Нея, Ланна и кавалерія Мюрата. Одна эта кавалерія состав-

---

[213]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, отъ 22 сентября 1805. *Прим. автора.*

[214]) Наполеонъ къ Бернадотту, 2 октября. *Прим. автора.*

[215]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 18 сентября. *Прим. автора.*

ляла отдѣльный корпусъ тысячъ около двѣнадцати; ей было предназначено играть первую роль въ кампаніи, въ которой главнѣе всего была быстрота движеній, такъ какъ Наполеонъ объявилъ заранѣе, что онъ разсчитывалъ вести эту войну скорѣе посредствомъ ногъ своихъ солдатъ нежели при помощи ихъ рукъ. Кинмайеръ не въ состояніи былъ защищать Дунай и Лехъ противъ такихъ силъ; еслибъ ему и удалось удержаться на одномъ пунктѣ, то его окружили бы на всѣхъ другихъ корпусъ Даву, шедшій на Нейбургъ, и корпуса Мюрата и Бернадотта, направлявшіеся на Ингольштадтъ. Все что онъ могъ сдѣлать—было поспѣшное отступленіе на Мюнхенъ, послѣ слабой попытки удержать мосты на Дунаѣ въ Донаувертѣ и на Лехѣ въ Рэнѣ.

Правый берегъ Дуная былъ немедленно загроможденъ нашими войсками, и съ первыхъ же минутъ судьба Макка сдѣлалась самою критическою. Онъ такъ еще мало понималъ свое положеніе, что 8 октября, когда всѣ выходы запирались предъ нимъ послѣдовательно, писалъ въ Вѣну, „что никогда армія не была расположена болѣе удобно, чтобъ обезпечить себѣ превосходство [216]).“ Сультъ занялъ Аугсбургъ; Бернадоттъ и баварскій корпусъ Вреде были посланы изъ Ингольштадта въ Мюнхенъ для того, чтобъ возстановить курфюрста и встрѣтить всю австрійскую армію, или русскую, которая пришла бы на помощь Ульму; Ней остался на лѣвомъ берегу—онъ долженъ былъ идти вверхъ до Гунцбурга, самаго существеннаго пункта для обложенія Ульма, и къ которому равномѣрно были направлены только по лѣвому берегу корпуса Ланна и Мюрата. Во время своего движенія послѣдніе 8 октября встрѣтили у Вертингена отрядъ около двѣнадцати тысячъ человѣкъ, посланный уже не въ пору Маккомъ на помощь Кинмайеру. Быстро атакованные конницею Мюрата и гренадерами Удино, окруженные превосходными силами

---

[216]) Генералъ Данилевскій: *Кампанія 1805 г.* *Прим. автора.*

австрійцы едва успѣли спастись, оставивъ намъ двѣ тысячи плѣнныхъ.

Небольшая схватка эта была первымъ сраженіемъ, и только отъ войскъ, въ ней участвовавшихъ, Маккъ и эрцъ-герцогъ Фердинандъ, раздѣлявшій съ нимъ начальство надъ Ульмскою арміею, могли узнать свое настоящее положеніе. Съ перваго же этого начала несоразмѣрность австрійскихъ силъ и невыгода положенія ихъ генераловъ были таковы, что дѣло шло уже не о побѣдахъ, а лишь о томъ — могли-ль они спастись отъ опасности. Война едва начиналась; армія ихъ, хотя и ослабленная командировкою корпуса Кинмайера, была еще почти нетронута, а они внезапно очутились уже въ отчаянномъ положеніи, окруженные грознымъ непріятелемъ, вслѣдствіе тайныхъ движеній, которыхъ они не предвидѣли, не подозрѣвали, однимъ словомъ очутились подъ ударомъ самой страшной военной хитрости, безпримѣрной въ исторіи.

Наполеонъ перенесъ свою главную квартиру въ Донавертъ. Первый его бюллютень, помѣченный изъ Нордлингена въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, отъ 7 октября, прежде вертингенскаго дѣла, оканчивается этими знаменательными словами: „непріятелю нечего терять времени для того, чтобъ избѣгнуть окончательной потери“. Въ продолженіе своего похода по Германіи онъ видѣлся со всѣми государями, которыхъ волею неволею привлекъ къ своему союзу. Въ Аугсбургѣ онъ въ особенности постарался овладѣть умомъ Вюртембергскаго курфирста, до тѣхъ поръ нерѣшительнаго и даже раздраженнаго безцеремонностью, съ какою наша армія поступала въ его столицѣ и владѣніяхъ. Онъ расположилъ къ себѣ этого государя перспективою обѣщанныхъ ему выгодъ; но союзы, пріобрѣтенные имъ этимъ способомъ въ Германіи, были болѣе кажущимися нежели прочными, дѣлали этихъ государей подозрительными въ глазахъ ихъ подданныхъ и гнусными для остальной Германіи. Одинъ изъ наиболѣе серь-

езныхъ фактовъ показалъ ему въ эту самую минуту, какъ мало онъ долженъ былъ разсчитывать на долготерпѣніе Пруссіи, которое онъ ей приписывалъ. Многіе изъ его корпусовъ для выигрыша одного или двухъ переходовъ къ Дунаю перешли маркизатъ Аншпахъ, — территорію, нейтрализованную Пруссіею, и чего при томъ легко было имъ избѣгнуть. Извѣщенный курфюрстомъ, что одна только колонна перешла эту границу, Наполеонъ настоялъ на переходѣ всего корпуса Бернадотта, употребивъ фальшивую отговорку, „что невозможно было поступить иначе [217])“. Чрезъ нѣсколько дней онъ написалъ къ Прусскому королю, извиняясь, что, отдавая это приказаніе, не зналъ о нейтрализаціи территоріи Аншпаха, прежде открытой для воюющихъ сторонъ; но дурное впечатлѣніе было уже произведено. Нарушеніе равномѣрно нейтральной территоріи Гессенъ-Касселя доказывало, что Наполеонъ не могъ умѣрять своихъ привычекъ насилія и захватовъ, даже тамъ, гдѣ онъ имѣлъ важный интересъ быть осторожнымъ. Извиненія его были очень дурно приняты въ Берлинѣ, ибо повѣрить имъ не представлялось никакой возможности. Въ отвѣтъ на письмо Наполеона, Гарденбергъ утверждалъ положительно, что императоръ самъ назначилъ пальцемъ на картѣ Дюроку и Лафоре границы нейтральныхъ земель [218]). Событіе это случилось весьма кстати для союзниковъ, которые приводили Прусскаго короля въ отчаяніе угрозами въ надеждѣ побѣдить его нерѣшительность. Разсердившись на нихъ, онъ приказалъ мобилизировать восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, чтобъ выставить ихъ на Вислу, противъ русской Варшавской арміи, а узнавъ дѣло Аншпаха, онъ отправилъ ихъ на южную границу, заявилъ публично, что потребуетъ удовлетворенія, и согласился на свиданіе съ Александромъ.

---

[217]) Наполеонъ къ Отто, 3-го октября. *Прим. автора.*

[218]) Шёлль: *Histoire abregée des Traités*, t. VIII. *Прим. автора.*

Наполеонъ очень хорошо зналъ шаткую политику Прусскаго короля, чтобъ слишкомъ бояться его угрозъ; во всякомъ случаѣ онъ преувеличивалъ значеніе театральной случайности, на дѣйствіе которой разсчитывалъ для быстраго прохлажденія этого воинственнаго жара. Каждый день приносилъ ему новые успѣхи, каждый день около Ульма сокращалась линія, окружавшая австрійскую армію. Проходя къ Ульму по лѣвому берегу Дуная, Ней занялъ Лангенау; потомъ онъ укрѣпился на обоихъ берегахъ рѣки, взявъ Гунцбургъ, послѣ одного изъ самыхъ блистательныхъ сраженій, въ которомъ можно было видѣть, до какой степени трусость овладѣла австрійцами, по слабости ихъ сопротивленія [219]), ибо въ этотъ день они имѣли надъ Неемъ большое численное превосходство.

Дѣйствительно, они должны были понять появляющуюся очевидность опасности, которую послѣдній солдатъ могъ понимать столь же ясно, какъ и вожди арміи. Вмѣсто того, чтобъ стать фронтомъ къ Черному Лѣсу, что было ихъ нормальнымъ положеніемъ при обыкновенной войнѣ, они поворотились къ нему тыломъ, опираясь на Иллеръ, въ положеніи; которое должны были бы занять мы сами, имѣя лѣвый флангъ въ Ульмѣ, правый въ Меммингенѣ, и видѣли какъ предъ ними закрывались пути, по которымъ они могли бы совершить отступленіе.

Послѣ битвы при Гунцбургѣ Ней съ двумя дивизіями занялъ Альбекъ и Эльхингенъ на лѣвомъ берегу Дуная, а на правомъ соединился съ корпусомъ Ланна и кавалеріею Мюрата, который занялъ позицію отъ Лейпгейма до Бургау. Сультъ пошелъ изъ Ландсберга на Меммингенъ, чтобъ отрѣзать Макку сообщеніе съ Тиролемъ, гдѣ находился эрцъ-герцогъ Іоаннъ съ двадцатью тысячами человѣкъ. Наполеонъ находился въ Аугсбургѣ съ гвардіею и корпусомъ Мармона;

---

[219]) Фезенсакъ. *Военныя воспоминанія.* *Прим. автора.*

наконецъ въ Дахау и Мюнхенѣ были корпуса Даву, Бернадотта и Баварскій, готовые идти на русскую армію, находившуюся еще на далекомъ разстояніи отъ театра событій. Въ какую бы Маккъ ни оборотился сторону, онъ видѣлъ впереди или по флангамъ непріятельскіе корпуса, готовые остановить его; предположивъ даже, что отчаянье внушило бы ему безумную мысль отступить на Швейцарію или на Черный Лѣсъ, онъ встрѣтился бы на дорогѣ съ корпусомъ Ожеро, который, слѣдуя послѣднимъ, потому что шелъ очень издалека, былъ еще во Фрибургѣ. Конечно ему была открыта еще тирольская дорога, онъ могъ бы присоединиться къ небольшому отряду, занимавшему ее, и достигнуть арміи эрцъгерцога Карла; но это отступленіе по странѣ готовой скоро сдѣлаться безвыходною, гдѣ за нимъ могли послѣдовать и можетъ быть даже предупредить, представляло большія затрудненія, и при томъ было очень поздно рѣшаться на эту мѣру, ибо Сультъ угрожалъ уже Меммингену.

Однако же какъ ни была искусно составлена сѣть, которою страшный противникъ окружилъ его, однако въ ней имѣлось слабое мѣсто. Въ отношеніи этого, столь чудесно задуманнаго плана, онъ сдѣлалъ ошибку, и, воспользовавшись ею, человѣкъ энергическій и рѣшительный заставилъ бы Наполеона раскаяваться въ огромной растянутости операцій и чрезвычайной разбросанности корпусовъ арміи. Этотъ-то слабый пунктъ нашей линіи обложенія былъ именно тотъ, который приказалъ Ней занять на лѣвомъ берегу Дуная, въ Альбекѣ, дивизіямъ Дюпона и Бараге д'Иллье. Дивизіи эти рѣшительно не могли преградить путь австрійской арміи. Если бы Маккъ бросился на нихъ со всѣми своими соединенными силами, нѣтъ сомнѣнія, что онъ разбилъ бы ихъ, прежде нежели прибыла бы помощь, что онъ успѣлъ бы пройдти въ Ааленъ и Нордлингенъ, а оттуда въ Богемію, гдѣ могъ бы сойдтись съ второю русскою арміею. Ошибка эта произошла отъ неправильно понятыхъ Наполеономъ на-

мѣреній Макка. Этотъ генералъ, по его мнѣнію, не могъ отступить иначе какъ на Тироль. 8 октября, направляя Нея на Гунцбургъ, онъ приказалъ Бертье написать ему: „его величество не предполагаетъ, чтобъ непріятель *былъ столько безуменъ и перешелъ на лѣвый берегъ Дуная*, ибо всѣ магазины находятся въ Меммингенѣ, и что для него чрезвычайно важно не покидать Тироля.“ Онъ не допускаетъ, прибавлялъ Бертье, чтобъ непріятель сдѣлалъ *глупость* ретироваться чрезъ Ааленъ и Нордлингенъ; а еслибъ наконецъ онъ и совершилъ эту глупость, то Бараге д'Иллье оставалось бы только отступать предъ нимъ и собирать по дорогѣ отряды, опоздавшіе на этихъ различныхъ пунктахъ. Но тамъ не было рѣшительно потребныхъ силъ для того, чтобъ остановить австрійскую армію. Это ошибочное мнѣніе Наполеона было причиною еще болѣе серьезной ошибки, всецѣло приписываемой по преданію Мюрату, съ тѣхъ поръ какъ знаменитый военный историкъ того времени, очевидецъ и самъ дѣйствующее лицо въ этихъ памятныхъ событіяхъ, не поколебался приписать ее этому маршалу [220]). Для приданія наибольшаго единства дѣйствій тремъ корпусамъ, ближайшимъ къ Ульму, императоръ весьма неосторожно поручилъ ихъ Мюрату, несравненному кавалерійскому генералу, но неспособному для веденія большихъ операцій, и конечно уступавшему въ этомъ отношеніи Ланну и Нею, которые должны были подчиняться его планамъ. Первое проявленіе его власти заключалось въ томъ, что онъ отозвалъ на правый берегъ Дуная единственныя двѣ дивизіи, остававшіяся на лѣвомъ берегу, для того, чтобы со всѣми своими соединенными силами направиться на Иллеръ, гдѣ по его мнѣнію непріятель отступитъ на Меммингенъ, а оттуда на Тироль. Въ этомъ случаѣ его можно

---

[220]) Генералъ Жомини, служившій тогда въ корпусѣ Нея офицеромъ генеральнаго штаба. См. *Политическую и военную жизнь Наполеона.*
Прим. автора.

упрекнуть лишь за слишкомъ буквальное исполненіе своихъ инструкцій и за то, что онъ раздѣлялъ ошибку Наполеона вмѣсто того, чтобъ исправить ее, какъ поступилъ бы болѣе проницательный главнокомандующій. Мысль, что Маккъ отступитъ на Тироль, до такой степени вкоренилась въ умѣ императора, что послѣ Гунцбургскаго сраженія, 10 октября въ шесть часовъ вечера онъ велѣлъ Бертье написать къ Нею приказанье *овладѣть Ульмомъ*, который по его предположенію былъ очищенъ австрійскою арміею, и немедленно начать преслѣдованіе Макка *на Меммингенъ или на другой пунктъ, на который направился непріятель* [221]).

Ней, понявшій всю важность позиціи Альбека, въ случаѣ, еслибъ непріятель вздумалъ ускользнуть чрезъ Богемію, напрасно старался перемѣнить рѣшеніе Мюрата. Между ними произошла страшная ссора, которая окончилась бы худо, еслибъ Нея не уговорили, представляя ему, что въ виду непріятеля обязанностью его было — повиновеніе. Онъ смирился и приказалъ генераламъ Дюпону и Бараге д'Иллье перейдти на правый берегъ съ ихъ войсками [222]), но въ тоже время увѣдомилъ Бертье объ опасности положенія. Опасность эта была такъ велика, что Дюпонъ не могъ совершить вполнѣ своего движенія. Едва онъ покинулъ Альбекъ чтобъ направиться къ Дунаю, какъ въ Гасслопхѣ наткнулся на корпусъ около двадцати пяти тысячъ человѣкъ подъ командою эрцъ-герцога Фердинанда. Маккъ, неспособный на смѣлое рѣшеніе, получая самыя противорѣчивыя свѣдѣнія, и будучи притомъ стѣсненъ въ командованіи, которое принужденъ раздѣлять съ эрцъ-герцогомъ и сообразоваться съ предписаніями надворнаго совѣта, вмѣсто того, чтобъ собрать всѣ свои силы

---

[221]) Письмо это помѣщено въ *Запискахъ*, изданныхъ отъ имени маршала Нея, его семействомъ. *Прим автора.*

[222]) Приказаніе было отдано, хотя Жомини утверждаетъ, что Ней ослушался Мюрата. Оно помѣчено 4 октября. *Прим. автора.*

и пробиться со стороны Богеміи или со стороны Тироля, направилъ на Альбекъ только отдѣльный отрядъ, скорѣе повидимому для обозрѣнія богемской дороги, нежели для того, чтобъ идти самому по ней. Дивизія Дюпона, хотя и была отдѣлена отъ войскъ Бараге д'Иллье, остававшихся назади, держалась геройски весь день противъ тройныхъ силъ непріятеля и этимъ мужественнымъ сопротивленіемъ поправила ошибку, которая могла лишить насъ плода предшествовавшихъ комбинацій. Дюпонъ въ состояніи былъ ретироваться на Альбекъ, а оттуда на Лангенау съ тремя тысячами плѣнныхъ, не внушивъ Макку своею слабостью другаго желанія какъ только болѣе и болѣе удалить его отъ корпуса Нея, заставивъ занять 12 октября эльхингенскую позицію и сжечь мостъ, которымъ она командовала.

Въ продолженіе этого времени положеніе его значительно ухудшилось на другихъ пунктахъ. Сультъ наконецъ явился предъ Меммингеномъ; Шпангенъ, занимавшій этотъ городъ, сдался 13 октября, оставивъ намъ семь тысячъ плѣнныхъ. Маршалъ этотъ направился немедленно на Ахштетенъ, чтобъ преградить биберахскую дорогу, единственный путь, по которому австрійцы могли еще пробраться въ Тироль посредствомъ обхода. Наполеонъ поспѣшилъ изъ Аугсбурга въ Пфаффенгаффенъ съ гвардіею; оттуда онъ быстро пошелъ въ главную квартиру Нея и предписалъ ему во что бы то ни стало возстановить сообщеніе съ дивизіею Дюпона, овладѣвъ эльхингенскою позиціею. Для подкрѣпленія блокирующей арміи онъ призвалъ уже Мармона къ устью Иллера [223]), что довело по крайней мѣрѣ до ста тысячъ человѣкъ количество войскъ, окружавшихъ тѣснѣе армію Макка.

Нѣсколько уже дней продолжалась отвратительная погода; отъ безпрерывныхъ дождей дороги сдѣлались непроходимы, и наши солдаты, нуждаясь во всемъ, принуждены были

[223]) Пятый бюллетенъ (bis) великой арміи. *Прим. автора.*

жить грабежами; но теперь они были увѣрены въ побѣдѣ. Утромъ 14 октября, Ней подъ непріятельскимъ огнемъ, возстановилъ эльхингенскій мостъ, сваи котораго не были сожжены, и едва окончилась эта опасная работа, какъ онъ бросился по немъ во главѣ своихъ войскъ. Достигнувъ противоположнаго берега, онъ взошелъ на эльхингенскія высоты, овладѣлъ деревнею, домъ за домомъ, и взялъ приступомъ монастырь, вѣнчающій эту возвышенность. Намѣреваясь укрѣпиться на этой вершинѣ, онъ атаковалъ австрійцевъ въ лѣсу, который они занимали недалеко оттуда; послѣ продолжительнаго сопротивленія онъ выбилъ ихъ изъ лѣса, отбросивъ къ Ульму и взявъ три тысячи плѣнныхъ. Въ это время Дюпонъ, все-таки будучи отдѣленъ, держался съ успѣхомъ между Альбекомъ и Лангенау противъ корпуса, вышедшаго изъ Ульма подъ начальствомъ генерала Вернека. На другой день, 15 октября, Ней взялъ возвышенность Михельсбергъ, командующую Ульмомъ, и съ этихъ поръ Маккъ рѣшительно не имѣлъ возможности удерживать позиціи. Движеніемъ нашихъ войскъ Вернекъ былъ отрѣзанъ отъ Ульма; онъ думалъ уже только о томъ какъ бы пробраться въ Богемію, и вскорѣ къ нему присоединился многочисленный кавалерійскій корпусъ, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Фердинанда, который воспользовался ночною темнотою для выхода изъ города. Въ погоню за ними Наполеонъ немедленно направилъ Мюрата съ драгунскими и гусарскими полками, и 16 октября велѣлъ требовать сдачи города. Потребовавъ въ свою главную квартиру князя Лихтенштейнскаго, онъ высказалъ желаніе, чтобъ австрійская армія сдалась, ибо „если онъ возьметъ городъ приступомъ, то будетъ обязанъ поступить такъ же, какъ въ Яффѣ, гдѣ гарнизонъ былъ переколотъ, и „*что это было грустное право войны*“ [224]).

Исторія этой страшной рѣзни была положительно досто-

---

[224]) Шестой бюллетень. *Прим. автора.*

вѣрна, и не было никакого повода предполагать, чтобъ онъ не былъ способенъ повторить ее. Маккъ нѣсколько уже дней какъ потерялъ голову. По разсказамъ Филиппа Сегюра, посланнаго къ нему парламентеромъ, видно, что человѣкъ этотъ растерялся до отчаянія [225]); солдаты его были положительно деморализованы; онъ находился въ городѣ, неимѣвшемъ серьезныхъ укрѣпленій, не имѣлъ никакой надежды на своевременную помощь, нуждался въ съѣстныхъ припасахъ, оставилъ у насъ въ рукахъ значительное количество плѣнныхъ и кромѣ того озлобленъ отступленіемъ двухъ корпусовъ: одинъ изъ нихъ подъ командою Вернека шелъ въ Богемію, за которымъ слѣдовалъ по пятамъ Мюратъ; другой, направлявшійся на Биберахъ и умѣвшій спастись отъ Сульта, старался добраться до Тироля подъ начальствомъ Іеллашича. Послѣ протестовъ, употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ, Маккъ принялъ съ какою-то лихорадочною радостью капитуляцію, прикрывавшую до нѣкоторой степени его стыдъ. Онъ вѣрилъ или притворялся, что вѣритъ скорому появленію русскихъ, и обязался сдаться съ своею арміею въ плѣнъ, если не получитъ помощи до 25 октября. Капитуляція была подписана 19. Въ тотъ же самый день узнали, что наканунѣ корпусъ Вернека, настигнутый кавалеріею Мюрата, сложилъ оружіе въ Нордлингенѣ, и что эрцъ-герцогъ Фердинандъ, преслѣдуемый съ яростью, по всѣмъ вѣроятіямъ, не замедлитъ подвергнуться такой же участи. При этомъ извѣстіи и будучи увѣренъ, что русская армія не подастъ ему помощи вовремя, такъ какъ она не появлялась еще на Иннѣ, Маккъ согласился сократить срокъ, назначенный капитуляціею. 20 января 1805 г. остатки австрійской арміи прошли предъ непріятелемъ у подошвы Михельсберга, по унизительному обычаю, вышедшему изъ употребленія, кото-

[225]) Донесеніе его находится въ Mémorial du depôt de la guerre, т. VIII.
Прим. автора.

рый труднѣе переносить нежели самое пораженіе и который увеличиваетъ бѣдствія войны, не принося другаго вознагражденія кромѣ удовлетвореннаго самолюбія.

Первый актъ кампаніи былъ выполненъ съ чудесною быстротою и точностью, и далъ такіе результаты, которые не нуждались въ обыкновенныхъ преувеличеніяхъ бюллетеней. Отъ восьмидесятитысячной непріятельской арміи уцѣлѣли только жалкіе остатки, разбросанные по всѣмъ направленіямъ — корпусъ Кинмайера за Инномъ, корпусъ Іеллашича въ Тиролѣ, а въ Богеміи нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, которые эрцъ-герцогу Фердинанду удалось спасти отъ преслѣдованія Мюрата, а всего тысячъ двадцать человѣкъ, уцѣлѣвшихъ только для того, чтобъ разнести по всѣмъ провинціямъ имперіи деморализацію, овладѣвшую ими. Мы взяли около двадцати тысячъ плѣнныхъ въ разныхъ сраженіяхъ, предшествовавшихъ Ульмской капитуляціи; число войскъ, находившихся въ городѣ, могло доходить до двадцати шести тысячъ [226]). Въ капитуляціи именуются только полки, но не ихъ численность, и въ этомъ отношеніи можно положиться на второе объявленіе Макка Филиппу Сегюру: онъ опредѣляетъ это число въ двадцать четыре тысячи человѣкъ, не считая раненыхъ; къ этому надобно прибавить огромное количество пушекъ, знаменъ и военныхъ припасовъ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ рѣшительно невозможно вѣрить исчисленіямъ Наполеона, которыя измѣнялись каждый часъ, смотря по предполагаемому легковѣрію лицъ, къ которымъ онъ обращался, или смотря по интересу, какой онъ имѣлъ обмануть ихъ.

Со всѣми генералами, у него армія Макка всегда въ восемьдесятъ тысячъ, съ другими корреспондентами и въ бюл-

---

[226]) Генералъ Раппъ, посланный въ Ульмъ, въ качествѣ альзасца для переписи гарнизона, наивно разсказываетъ, что онъ насчиталъ двадцать шесть тысячъ человѣкъ, и что въ день прохожденія предъ побѣдителемъ ихъ было *тридцать три тысячи.* Mémoires. *Прим. автора.*

летеняхъ — постоянно во сто тысячъ. Количество плѣнныхъ, взятыхъ до очищенія Ульма, онъ исчисляетъ даже до пятидесяти тысячъ въ письмѣ къ Вюртембергскому курфюрсту, а относительно гарнизона онъ колеблется между пятнадцатью и тридцатью шестью тысячами. Что же касается до его собственной потери, то, по его словамъ, она никогда не превышала *пяти сотъ убитыхъ* и тысячи раненыхъ [227]). По этимъ различнымъ исчисленіямъ узнается человѣкъ, который хлопоталъ не объ истинѣ, а только о произведеніи эффекта; но здѣсь эффектъ былъ такой блистательный, что не нуждался въ украшеніяхъ вымысла. Истребленіе этой арміи отдавало австрійскую монархію Наполеону, ибо австро-русскій корпусъ, авангардъ котораго прибылъ наконецъ къ Инну, изнеможенный отъ усталости, былъ слишкомъ слабъ для прикрытія Вѣны, а другая часть арміи эрцъ-герцога Карла, котораго эта побѣда принудила отступить въ Венгрію, не могла придти вовремя на соединеніе съ союзниками — она слишкомъ рисковала очутиться между Массеною и Наполеономъ. Европа была поражена изумленіемъ. Когда Питтъ услыхалъ эту новость, онъ сперва не хотѣлъ ей вѣрить, и когда ее подтвердила одна голландская газета, онъ такъ измѣнился въ лицѣ, что присутствующіе сочли его близкимъ къ смерти [228]).

Прусскій король, въ началѣ кампаніи, увлекаемый досадою, уступая вліянію королевы, поддерживавшей могущественную партію, ободряемый ласкательствами императора Александра, который клялся ему въ вѣчной дружбѣ на гробѣ Фридриха Великаго, былъ готовъ броситься въ объятія коалиціи. Гаугвицъ и сторонники французскаго союза открыто впали въ немилость, всѣ въ Берлинѣ ожидали, что прусская армія пойдетъ на помощь Австріи; но извѣстіе объ ульмской

---

[227]) Шестой бюллетень. *Прим. автора.*

[228]) *Журналъ* лорда Мельмсбюри, приводимый лордомъ Стенгопомъ: W. Pitt et son temps. *Прим. автора.*

капитуляціи значительно охладило этотъ пылъ, и императоръ Александръ, не смотря на обаяніе своего вкрадчиваго ума, не смотря на готовность, съ какою онъ выдалъ мщенію Пруссіи князя Чарторыйскаго — главнаго сторонника политики устрашенія [229]), могъ добиться отъ Прусскаго короля лишь условнаго союзнаго трактата. Договоръ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе иначе какъ послѣ новаго предложенія посредничества императору Наполеону. Онъ былъ содержимъ въ большой тайнѣ и подписанъ въ Потсдамѣ 3 ноября; условились, чтобъ прусская армія вступила въ кампанію только черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Гаугвица, которому было поручено предложить посредничество. Въ то же время было заявлено нашимъ представителямъ при Берлинскомъ дворѣ, Дюроку и Лафоре, что въ отместку за нарушеніе Аншпахской территоріи, Силезія будетъ открыта русскимъ и что Пруссія временно займетъ Ганноверъ, во всякомъ случаѣ уважая гарнизонъ, оставленный нами въ Гамельнѣ [230]).

Пока эта новая буря собиралась надъ головою Наполеона, онъ не подозрѣвалъ всей ея важности, а все еще думалъ, что Прусскій король удовольствуется занятіемъ Ганновера, и старался — околдовать его смѣсью ласкъ и угрозъ, могущественно дѣйствовавшею на нерѣшительные умы — страшное искусство, въ которомъ онъ не имѣлъ соперника. Дюрокъ, котораго онъ призвалъ къ себѣ, долженъ былъ прежде отъѣзда увидѣться съ королемъ, увѣрить его въ неизмѣнной дружбѣ Наполеона, сказать, что императоръ былъ *человѣкъ неузнанный, скорѣе человѣкъ искренній, нежели политикъ*; что дѣло Аншпаха служило лишь предлогомъ, злоупотребленнымъ врагами; что относительно Ганновера *онъ не заботился, но надобно было соблюсти формы;* что Фридрихъ съ Пруссіею сопротивлялся всей Европѣ, *что*

[229]) *Корреспонденція* князя Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ, изданная К. Мазадомъ. *Прим. автора.*

[230]) Шелль: *Краткая исторія трактатовъ*, т. VIII. *Прим. автора.*

онъ стоилъ больше Фридриха, а Францiя больше Пруссiи; [231]); что наконецъ орлы его никогда не терпѣли оскорбленія и не потерпятъ его на берегахъ Везера. Чрезъ нѣсколько дней онъ самъ писалъ къ королю письмо, исполненное самыми убѣдительными извиненіями, увѣряя въ неизмѣнной привязанности, заявляя готовность сдѣлать все, что дастъ ему средство возвратить вновь дружбу и довѣріе короля [232]). Но справедливо сомнѣваются, что это письмо никогда не было послано по адресу; въ сущности Наполеонъ убѣжденъ, что относительно Пруссіи онъ отдѣлается громкими фразами, въ особенности, если, въ чемъ онъ былъ увѣренъ, ему удалось бы получить новые успѣхи. Во всякомъ случаѣ прусская армія могла войдти въ дѣло еще не слишкомъ скоро, и онъ надѣялся разбить русскихъ, какъ уничтожилъ австрійцевъ.

Воображеніе Наполеона, всегда забѣгавшее впередъ и заранѣе пожинавшее плоды побѣдъ, было болѣе склонно упиваться успѣхомъ, нежели скорбѣть о неудачѣ. Необыкновенный, почти невѣроятный успѣхъ ульмскаго дѣла, присутствіе его во главѣ болѣе нежели двухсоттысячной арміи на границѣ обширныхъ государствъ, которыхъ никакая сила не могла у него оспорить, возбудила въ немъ честолюбіе до неимовѣрной степени. Онъ обращался съ второстепенными германскими державами уже не какъ съ союзниками, но какъ съ вассалами; онъ увѣрялъ курфюрста Баварскаго въ своемъ *покровительствѣ* [233]), онъ напечаталъ въ своемъ девятомъ бюллетенѣ слѣдующія слова, произнесенныя предъ главнымъ штабомъ Макка: „Я совѣтую моему брату, Германскому императору, чтобъ онъ торопился заключить миръ! теперь время припомнить, что всѣ имперіи имѣютъ срокъ своего существованія; мысль, что наступитъ конецъ Лотарингской

[231]) Наполеонъ къ Дюроку, 26 октября. *Прим. автора.*
[232]) Наполеонъ къ Прусскому королю, 27 октября. *Прим. автора.*
[233]) Наполеонъ къ Баварскому курфюрсту, 23 октября. *Прим. автора.*

династіи [234]), должна испугать ее!“ Онъ мечталъ о новомъ распредѣленіи германскихъ территорій, которое позволило бы ему устроить *княжества* въ пользу своихъ маршаловъ. Проэкты эти, какъ полагаютъ обыкновенно, задуманы не послѣ Аустерлица, а почти немедленно послѣ ульмской капитуляціи, въ чемъ удостовѣряетъ письмо Талейрана изъ Мюнхена, помѣченное 27 октября 1805: „Нѣтъ болѣе Германскаго императора! писалъ онъ Готриву: — въ Германіи три императора: Франція, Австрія и Пруссія. Нѣтъ болѣе Регенсбургскаго сейма“. Онъ представилъ потомъ основанія *федеративной системы* Франціи, предположенный планъ устройства леновъ, которые зависѣли бы отъ французской короны; онъ исчислялъ пожертвованія, налагаемыя на Австрію, а именно: уступку Венеціи, итальянскаго Тироля, нѣмецкаго Тироля, Бризгау, Ортенау, Форальберга, нижней Австріи. Все это, говорилъ онъ,—*противъ моего мнѣнія*. Въ самомъ дѣлѣ Талейранъ тщетно пытался отклонить эти рискованныя намѣренія Наполеона. Онъ хотѣлъ, чтобъ императоръ отказался окончательно отъ желанія заключить обманчивый всегда союзъ съ Пруссіею и соединился съ Австріею, явивъ свое великодушіе послѣ побѣды. Для полученія ея дружбы, по его мнѣнію, достаточно было только протянуть руку этой побѣжденной державѣ, и предложить ей вознагражде-

---

[234]) Лотарингскій домъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ царственныхъ домовъ въ Европѣ, считаетъ родоначальникомъ своимъ Жерарда, потомка герцоговъ Альзасскихъ, сдѣланнаго наслѣдственнымъ герцогомъ верхней Лотарингіи въ 1048 г. императоромъ Генрихомъ III. Домъ этотъ владѣлъ Лотарингіею почти 700 лѣтъ и далъ много замѣчательныхъ государей. Онъ существуетъ до настоящаго времени и царствуетъ въ Австрійской имперіи вслѣдствіе женитьбы герцога Лотарингскаго Франциска III на Маріи Терезіи (1745). Домъ этотъ развѣтвился на множество отраслей, изъ которыхъ главнѣйшія Водеманъ, Меркёръ, Гизъ, Жойёзъ, Шеврёзъ, Майеннъ, Омаль, Эльбёфъ, Гаркуръ. Онъ породнился почти со всѣми царственными домами Европы, особенно домами Франціи и Шотландіи. *Прим. перев.*

ніе за пожертвованія, которыхъ имѣли право отъ нея требовать. Она уступитъ Венецію, которая будетъ объявлена независимою, и свои швабскія владѣнія — вѣчную причину несогласій; а Наполеонъ съ своей стороны откажется отъ итальянской короны, обяжется заставить уступить Австріи Молдавію и Валахію, которую эти два пріобрѣтенія поссорили бы съ Россіею. По силѣ вещей, Австрія сдѣлалась бы такимъ образомъ нашею естественною союзницею [235]): она развязалась бы съ Англіею; Россія была бы отброшена въ Азію; и миръ на континентѣ установился бы на многія столѣтія.

Эту систему можно было оспаривать, можно было предпочесть ей другую, но что Талейранъ предвидѣлъ съ своею обычною проницательностью—это то, что намъ необходима была какая нибудь, а иначе мы остались бы одиноки въ Европѣ и постоянно видѣли бы, какъ обращается въ вопросъ— результатъ нашихъ побѣдъ. Наполеонъ охотно допускалъ это предположеніе въ принципѣ, но когда дѣло доходило до его примѣненія, непомѣрная жадность его всегда мѣшала ему дѣлать уступки, которыя однѣ могли бы пріобрѣсти ему серьезное и продолжительное содѣйствіе европейской державы.

Таковы были честолюбивыя мысли, занимавшія умъ Наполеона, когда онъ выступилъ изъ Мюнхена и пошелъ на Вѣну. Столица эта была прикрыта лишь слабою арміею Кутузова, около сорока тысячъ русскихъ [236]), къ которой присоединились отъ пятнадцати до двадцати тысячъ австрійцевъ подъ командою Кинмайера и Мерфельдта. Войска эти, изнуренныя продолжительными походами, не въ состояніи были оспаривать у насъ переправу чрезъ многочисленные

---

[235]) Мысли эти изложены въ письмѣ Талейрана къ Готриву, отъ 11 октября 1805. Онъ ихъ развивалъ уже въ *Запискѣ*, адресованной Наполеону изъ Страсбурга: Миньe *Notice sur Talleygrand*. *Прим. автора.*

[236]) Данилевскій. *Прим. автора.*

притоки Дуная, которые въ разныхъ мѣстахъ представляли естественную преграду, удобную для защиты даже отъ превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Когда авангардъ Бернадотта появился на Иннѣ, австро-русская армія отступала на всѣхъ пунктахъ. Однако Кутузовъ, изъ снисхожденія къ Австрійскому императору, который противу всякихъ вѣроятій продолжалъ надѣяться, что эрцъ-герцогъ Карлъ придетъ во время для защиты Вѣны, —согласился остаться на правомъ берегу Дуная, вмѣсто того, чтобъ отступить на Богемію, т. е. самымъ прямымъ путемъ для соединенія со второю арміею Александра. Мюратъ сталъ впереди французской арміи со своею кавалеріею; затѣмъ пришли корпуса Бернадотта, Мармона, Даву, Ланна, упираясь лѣвымъ флангомъ въ Дунай, а правымъ въ послѣдніе скаты Норическихъ Альпъ. Сультъ шелъ въ резервѣ. Ней былъ отряженъ съ десятью тысячами человѣкъ въ Тироль, чтобъ выгнать оттуда эрцъ-герцога Іоанна; его долженъ былъ подкрѣпить Ожеро, корпусъ котораго оставался назади.

Такимъ образомъ мы послѣдовательно переправились чрезъ Иннъ, Зальцу, Траунъ, занимая почти безъ боя такія важныя крѣпости, какъ Браунау и Зальцбургъ. Въ небольшихъ отдѣльныхъ стычкахъ, выпадавшихъ на долю авангарда, нельзя уже было не замѣтить у русскихъ стойкости и мужества, какихъ мы доселѣ не встрѣчали у австрійцевъ въ эту кампанію. Наполеонъ прибылъ въ Линцъ 4 ноября. Онъ принялъ здѣсь генерала Гіулая, привезшаго ему письмо, въ которомъ заключалось со стороны Австрійскаго императора предложеніе о перемиріи. Но императоръ Францъ мало былъ приготовленъ къ требованіямъ, какія Наполеонъ задумалъ заявить для полученія этого согласія: уступка Венеціи и Тироля были пожертвованія весьма значительныя, чтобъ принять ихъ съ перваго раза. Францъ не могъ даже льстить себя надеждою выиграть время въ переговорахъ объ этихъ тяжкихъ условіяхъ, ибо безталант-

ная проницательность его врага требовали въ видѣ залога и прежде всякихъ переговоровъ — непосредственно разрыва съ Россіею. Императоръ Францискъ, писалъ Наполеонъ,—ставитъ миръ въ зависимость отъ другой державы, интересы которой были столь различны. „Война эта, говорилъ онъ:— дѣло прихоти, но для вашего величества и для меня—война, поглощающая всѣ наши средства, чувства и способности [237]).“ Такія первыя посылки въ этихъ общихъ выраженіяхъ, конечно, могли быть удобны къ принятію, но послѣдствія, которыя онъ намѣревался извлечь изъ этого, были слишкомъ вредны, чтобъ согласиться на нихъ, не смотря на дружескія увѣренія, наполнявшія письмо. Итакъ эта попытка переговоровъ не привела ни къ какому результату и ни на минуту не остановила движенія нашихъ войскъ.

Отъ Линца, цѣпь Норическихъ Альповъ прогрессивно приближается къ Дунаю до окрестностей Вѣны, гдѣ послѣднее ихъ продолженіе Винеръ-Вальдъ оканчивается у рѣки, такъ что долина болѣе и болѣе суживается по мѣрѣ приближенія къ этой столицѣ. Такъ какъ армія опасалась въ одно и то же времи невѣроятнаго, но возможнаго нападенія со стороны арміи эрцъ-герцоговъ Карла и Іоанна, которыхъ считали прибывшими въ Стирію, и болѣе серьезнаго отпора со стороны Кутузова, который могъ воспользоваться многочисленными неровностями этой гористой страны, то Наполеонъ направилъ Мармона на Леобенъ, чрезъ Штейеръ, чтобъ преградить путь изъ Стиріи къ Вѣнѣ; потомъ велѣлъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная корпусу около двадцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Мортье, подкрѣпивъ его флотиліею, которая давала возможность этому маршалу мгновенно переправиться на другой берегъ, чтобъ тревожить русскихъ на ихъ линіи отступленія; наконецъ съ

---

[237]) Наполеонъ къ Австрійскому императору, 8 ноября.
Прим. автора.

остальною арміею онъ двинулся осторожно на Молькъ и Сентъ-Пельтенъ. Всѣ ожидали сраженія при Сентъ-Пельтенѣ, весьма крѣпкой и лучшей позиціи, какую только можно найдти для защиты Вѣны; но русскіе ограничивались лишь необходимыми сраженіями, нужными имъ для обезпеченія отступленія. На правомъ нашемъ флангѣ, въ Маріацеллѣ, Даву настигъ и разбилъ непріятельскую колонну, старавшуюся пройдти въ Стирію. Въ Амштеттенѣ князь Багратіонъ держался съ большою твердостью противъ Мюрата, чтобъ покровительствовать затруднительному походу Кутузова; въ Сентъ-Пельтенѣ русская армія снова остановилась, какъ бы желая дать сраженіе, но она вдругъ скрылась, поворотивъ назадъ и вмѣсто того, чтобъ продолжать путь на Вѣну, переправилась чрезъ Дунай въ Кремсѣ и сожгла за собою единственный мостъ, между Линцемъ и Вѣною (9 нобяря 1805).

Нападенія, котораго Наполеонъ боялся на свой флангъ со стороны эрцъ-герцоговъ во время похода на Вѣну, не произошло, и Мармонъ могъ дойдти не только до Леобена, но и до Греца, не встрѣтивъ серьезнаго препятствія. Какъ и предвидѣлъ Наполеонъ, наше быстрое нашествіе на центръ наслѣдственныхъ провинцій принудило эрцъ-герцога Карла къ отступленію; но не желая очутиться между арміями Наполеона и Массены, онъ ретировался не на Стирію, а на Венгрію—что заставило его сдѣлать гораздо большій обходъ и отказаться отъ всякой мысли о вспомоществованіи Вѣнѣ. Находясь долговременно безъ движенія на Адидже, не смотря на то, что имѣлъ армію въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, независимо отъ двадцати тысячъ, расположенныхъ въ Тиролѣ, съ которыми можно было бы встрѣтить Массену, располагавшаго всего пятидесятью тысячами, эрцъ-герцогъ Карлъ не съумѣлъ воспользоваться своими преимуществами, потому ли, что не считалъ себя достаточно готовымъ, или потому, что надворный совѣтъ предписалъ ему сообразоваться съ дѣйствіями Баварской арміи. Въ послѣднемъ случаѣ ошибка

была непростительна, ибо это значило ограничить обороною армію болѣе сильную, и начать наступленіе со слабѣйшею. Какъ бы то ни было, и для Массены не могло быть ничего благопріятнѣе бездѣйствія противника, имѣвшаго надъ нимъ такое большое преимущество. Онъ началъ тѣмъ, что 18 октября овладѣлъ частью Вероны, занятою австрійцами, посредствомъ ночнаго нападенія по совѣту Наполеона. Укрѣпивъ такимъ образомъ свою позицію на Адидже, онъ ожидалъ событій въ виду арміи эрцъ-герцога, сильно защищенной въ Калдьеро, почти у самыхъ воротъ Вероны. 28 октября Массена узналъ объ ульмской капитуляціи; онъ тотчасъ же понялъ все значеніе этой побѣды и, разсудивъ, что эрцъ-герцогу необходимо было начать отступленіе, не поколебался напасть на него на страшной позиціи. Два дня сряду, 30 и 31 октября Массена атаковалъ непріятеля въ его лагерѣ съ невѣроятною стремительностью, не добившись явнаго преимущества, но до того стѣснилъ его приготовленія къ отступленію, что эрцъ-герцогъ рѣшился пожертвовать цѣлою бригадою для того, чтобъ прикрыть свою ретираду. Будучи призванъ на помощь угрожаемой монархіи, эрцъ-герцогъ быстро отступилъ на Бренту, потомъ на Пьяве, преслѣдуемый по пятамъ Массеною. 12 ноября онъ былъ на Тальяменто, гдѣ выдержалъ противъ насъ блистательное арьергардное дѣло. Здѣсь-то онъ послѣ нѣсколькихъ колебаній рѣшился идти въ Венгрію, направляясь на Лайбахъ и Карніолію. Во время отступленія онъ собиралъ остатки войскъ своего брата эрцъ-герцога Іоанна, армія котораго, выгнанная изъ Тироля Неемъ и Ожеро, была еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ его собственная армія.

Въ Тиролѣ, какъ и въ Италіи успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: успѣхомъ этимъ Наполеонъ, конечно, былъ обязанъ отчасти искусству, храбрости, быстротѣ и вѣрности взгляда своихъ несравненныхъ генераловъ, но еще болѣе этой широкой концепціи, которая, обнимая сразу всю сово-

купность этой операціи и громадный ихъ театръ, пренебрегъ второстепенными пунктами и направилъ на главный пунктъ, т. е. на Дунай, непреодолимую массу, толчокъ которой долженъ былъ увлечь все остальное. Хитрости, прикрывавшія походъ нашей арміи изъ Булони на Рейнъ, самая мысль разрѣзать шестидесятитысячную армію Макка арміею болѣе нежели въ двѣсти тысячъ, служили предметомъ удивленія сверхъ мѣры и не представляли трудности ни въ мысли, ни въ исполненіи; но главное, что одинъ могучій военный геній могъ схватить съ такою силою—это самый пунктъ, на которомъ эта операція соединялась съ операціями другихъ армій, и пунктъ, на которомъ надо было поразить и другія защиты Австріи.

Мы оставили главную армію миляхъ въ пятнадцати отъ Вѣны, противъ Кремса, чрезъ который нечаянно скрылся Кутузовъ, сжегши мостъ, послужившій ему для переправы. Вслѣдствіе этого быстраго движенія, онъ немедленно очутился въ присутствіи Мортье, шедшаго по лѣвому берегу Дуная и отдѣленнаго отъ остальной арміи. Прежде нежели добраться до флотиліи, которая должна была обезпечить ему отступленіе, маршалъ этотъ, который, къ довершенію несчастья, былъ раздѣленъ съ одною изъ своихъ дивизій, Дюпона, мгновенно подвергся спереди и съ тыла нападенію большей части русской арміи въ дефилеяхъ, у развалинъ замка Дюрренштейна, знаменитаго мѣста заключенія короля Ричарда Львиное-Сердце. Солдаты наши не замедлили увидѣть, что имѣли дѣло съ большею половиною русской арміи, но, не испугавшись огромнаго превосходства, мужественно отбивали ея нападенія и бились цѣлый день съ окружившимъ ихъ непріятелемъ. Съ наступленіемъ вечера они рѣшились возвратиться для соединенія съ дивизіею Дюпона; они пробили себѣ дорогу штыками въ новой, кровопролитнѣйшей битвѣ, и вскорѣ были привѣтствуемы радостными криками товарищей, которые съ своей стороны аттаковали съ

тыла одну изъ русскихъ колоннъ, поспѣшая къ нимъ на помощь. Тогда Мортье могъ ускользнуть отъ арміи Кутузова, переправившись посредствомъ флотиліи на правый берегъ Дуная.

Въ это время Мюратъ, бывшій въ авангардѣ, не встрѣчая никого впереди, спѣшилъ по вѣнской дорогѣ и увлекалъ за собою всю армію. На него-то, въ дурномъ расположеніи духа, разсердился Наполеонъ за предвидѣнную имъ неудачу Мортье, неудачу, которой самъ императоръ былъ главнымъ виновникомъ, ибо выставилъ этотъ отдѣльный корпусъ на лѣвомъ берегу противу всей русской арміи. Онъ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ укорялъ его въ легкомысліи, *вѣтренности*, въ поспѣшности *ринуть армію на Вѣну*. „Между тѣмъ вы получили приказаніе, прибавилъ онъ: — преслѣдовать русскихъ по пятамъ. Но странный способъ преслѣдованія — уходить отъ непріятеля форсированнымъ маршемъ. Такимъ образомъ русскіе могутъ дѣлать что угодно съ корпусомъ маршала Мортье, чего не случилось бы, если бы вы исполнили мои приказанія“ [238]). Въ сущности, Мюратъ избралъ лучшее, ибо мосты находились только въ Линцѣ и Вѣнѣ, а такъ какъ флотилія не спустилась еще до Кремса, да и количество ея судовъ было весьма недостаточно для быстрой переправы, то Мюрату было бы весьма затруднительно *преслѣдовать русскихъ по пятамъ*. Но надобно же было, чтобъ на кого нибудь обрушилась отвѣтственность за эту ошибку, которая служила повтореніемъ оставленія Дюпона въ Альбекѣ, а Наполеонъ не хотѣлъ допустить, что самъ былъ ея виновникомъ.

Утромъ, 13 ноября, Мюратъ появился передъ Вѣною. Императоръ Францъ принялъ гуманное, но не политичное рѣшеніе избавить своихъ добрыхъ вѣнцевъ отъ ужасовъ оса-

---

[238]) Наполеонъ къ Мюрату, 11 ноября 1805. *Прим. автора.*

ды, которая, по истинѣ, не могла продолжаться болѣе нѣсколькихъ дней, но которая этимъ самымъ оказала бы неоцѣненную услугу дѣлу союзниковъ, въ то время, когда для нихъ были дороги минуты. Но оставляя въ Вѣнѣ графа Вюрбну для переговоровъ съ французами о мирномъ ихъ вступленіи въ столицу, Австрійскій императоръ поручилъ князю Ауэршпергу стеречь съ отрядомъ большіе мосты на Дунаѣ, представлявшіе для насъ чрезмѣрную важность. Наполеонъ приказалъ Мюрату овладѣть этими мостами во что бы то ни стало [239]), чтобъ начать немедленно преслѣдованіе русскихъ по Моравской дорогѣ. Воспользовавшись родомъ перемирія, установившагося между обѣими арміями, по поводу переговоровъ относительно занятія Вѣны, Ланнъ, Мюратъ и Белльяръ, сопровождаемые нѣсколькими штабными офицерами, и немного позади гусарскимъ полкомъ, подошли къ большому мосту, заложивъ руки за спину, какъ мирные путешественники; заведя разговоръ съ начальникомъ отряда, они объявили объ окончаніи войны, о заключеніи перемирія, удивлялись приготовленіямъ, сдѣланнымъ для взрыва моста, перешли его вмѣстѣ съ нимъ, а войско ихъ въ это время начало топить порохъ и перерѣзывать проводники. Замѣтивъ обманъ, австрійскій генералъ хотѣлъ приказать своимъ солдатамъ взрывать мины, но собесѣдники схватили его за воротъ. Тогда явился лично князь Ауэршпергъ, которому наши генералы громко повторили басню о перемиріи; въ это время нѣсколько нашихъ отрядовъ перешли чрезъ мостъ, австрійскіе солдаты были окружены, обезоружены, и фарсъ сыгранъ [240]).

Этотъ безчестный обманъ былъ мало достоинъ столь отважныхъ и уже столь прославившихся генераловъ. Впрочемъ

---

[239]) Фактъ, засвидѣтельствованный въ письмѣ Наполеона къ Сульту, 12 ноября. *Прим. автора.*

[240]) *Записки* генерала Раппа. *Прим. автора.*

чрезъ нѣсколько дней русскіе весьма остроумно доказали Мюрату, что относительно военныхъ хитростей могли быть нашими учителями. Маршалъ этотъ, сгарая нетерпѣніемъ возвратить милости Наполеона, едва овладѣлъ мостомъ, какъ со всею поспѣшностью бросился на дорогу, которая ведетъ въ Богемію и въ Галлабрюннѣ пересѣкаетъ дорогу изъ Кремса въ Моравію. Онъ надѣялся предупредить на перекресткѣ этихъ дорогъ русскую армію, которая очутилась бы такимъ образомъ между корпусомъ Бернадотта, котораго Наполеонъ долженъ былъ переправить на лѣвый берегъ съ помощью флотиліи, и корпусомъ Мюрата, но поддерживаемымъ войсками Ланна. По исчезновеніи Мортье, Кутузовъ, считавшій вѣнскіе мосты уничтоженными, замедлилъ нѣсколько въ Кремсѣ, желая дать своимъ войскамъ отдыхъ, такъ что, хотя и значительно опередилъ Мюрата, послѣдній съ своимъ авангардомъ появился въ одно почти время съ русскими въ Галлабрюннѣ—на пунктѣ соединенія обѣихъ дорогъ. Ободренный успѣхомъ на вѣнскомъ мосту и желая дать время войскамъ Ланна присоединиться къ нему, онъ снова заявилъ о заключеніи перемирія съ Австріею генераламъ Ностицу и Багратіону, которымъ поручена была защита Галлабрюнна. Австріецъ Ностицъ поддался обману и удалился, предоставивъ намъ проходъ; но хитрый ученикъ Суворова, будучи увѣдомленъ Багратіономъ, притворился, что не только зналъ о переговорахъ, но что и былъ уполномоченъ продолжать эти переговоры относительно русскаго корпуса. Онъ отправилъ къ нему генерала Винценгероде, который забавлялъ его краснорѣчивыми фразами и представился отъ имени императора Александра. Мюратъ, попавъ въ собственную ловушку, послалъ курьера въ Шенбруннъ, спросить у Наполеона объ условіяхъ мнимаго перемирія. Въ это время Кутузовъ ушелъ въ Моравію, оставивъ предъ нами лишь малую часть войска подъ командою Багратіона, съ приказаніемъ держаться до послѣдней капли крови. На другой день Мюратъ, разувѣ-

ренный Наполеономъ, аттаковалъ болѣе нежели съ сорока тысячами этотъ слабый отрядъ, на который всѣ смотрѣли какъ на погибшій. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Багратіонъ бодро выдержалъ натискъ массъ, ринувшихся на него; около половины его отряда погибло съ стоицизмомъ, свойственнымъ русскому солдату, для того чтобъ обезпечить отступленіе Кутузову. Съ наступленіемъ вечера, Багратіонъ изъ остатковъ отряда сформировалъ колонну, пробился и присоединился къ русской арміи. Это блистательное дѣло послужило предисловіемъ тѣхъ знаменитыхъ подвиговъ, которыми этому генералу суждено было прославиться въ ущербъ намъ впослѣдствіи (16 ноября) [241]).

Наполеонъ находился въ Шенбрунскомъ дворцѣ съ 14 ноября. Онъ дѣятельно занимался провѣркою положенія своей арміи, доставленіемъ ей припасовъ, въ которыхъ она не разъ нуждалась во время быстрыхъ переходовъ среди ранней зимы, наконецъ устройствомъ управленія завоеванною страною — заключавшагося главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобъ предварительно взять впередъ въ счетъ контрибуцію во сто миллъоновъ, которую онъ спѣшилъ наложить на Австрію. Совершенно покойный касательно корпусовъ, преслѣдовавшихъ въ Моравіи весьма ограниченную армію Кутузова, онъ расположилъ вокругъ Вѣны вѣеромъ корпуса, имѣвшіеся подъ рукою, такимъ образомъ, чтобъ они могли подкрѣплять другъ друга и защищать его самого на случай начаяннаго нападенія. Даву растянулся отъ Пресбурга къ Нейштадту, наблюдая за Венгріею; Мармонъ укрѣпился на гребнѣ Стирійскихъ Альпъ отъ Леобена до Земринга, готовый подать помощь арміи Массены, появленія котораго ожидали со дня на день. Предоставивъ Ланну, Мюрату и Сульту преслѣдованіе непріятеля, Бернадоттъ и баварцы располо-

---

[242]) Жомини, Матьё Дюма, Данилевскій. *Прим. автора.*

жились въ Иглау, чтобъ стеречь выходы изъ Богеміи, гдѣ появился корпусъ эрцгерцога Іоанна. Армія эта, повидимому, столь разсѣянная, могла собраться въ нѣсколько дней и представить неодолимую массу; на всѣхъ пунктахъ она приняла мѣры предосторожности.

Наполеонъ велѣлъ отдать приказаніе солдатамъ обходиться съ наибольшею кротостью съ жителями завоеванныхъ земель и въ особенности съ вѣнцами; онъ хотѣлъ, чтобъ австрійскій народъ чувствовалъ разницу между такимъ непріятелемъ какъ французы и такими друзьями какъ русскіе. Послѣдніе, дурно принятые населеніемъ, которое принуждено было кормить ихъ, мстили, по обычаю, весьма грубымъ обхожденіемъ. Наполеонъ, какъ только могъ, воспользовался этимъ взаимнымъ недовольствомъ, въ которомъ видѣлъ предвѣстье будущаго разрыва между союзниками; онъ преувеличивалъ съ одной стороны грубые поступки, а съ другой жалобы, во всѣхъ своихъ бюллетеняхъ о варварствѣ русскихъ, объ опустошеніяхъ и грабежахъ, совершенныхъ ими въ австрійскихъ провинціяхъ, о единодушныхъ проклятіяхъ, которыя раздавались противъ нихъ вездѣ, гдѣ онъ ни проходилъ. Въ то же время онъ обращался и къ общественному мнѣнію, стараясь — что ему столько разъ удавалось — возбудить подданныхъ противъ правительства, воспламенить народныя страсти, ссужая даромъ вѣнскую буржуазію мнѣніями партіи и революціонными чувствами: „Неудовольствіе народовъ чрезмѣрно. Въ Вѣнѣ и во всѣхъ провинціяхъ говорятъ о *дурномъ управленіи*, что единственно въ интересахъ Англіи увлекло народъ въ несправедливую и гибельную войну.... Венгерцы жалуются на *нелиберальное* правительство, которое ничего не дѣлаетъ для ихъ промышлености и выказываетъ безпокойство относительно ихъ народнаго духа... Всѣ увѣрены, что императоръ Наполеонъ другъ всѣхъ національностей и великихъ идей... Не пора ли наконецъ государямъ

послушаться *голоса своихъ народовъ* и освободиться отъ рокового вліянія англійской огигархіи [243])?"

Эти уловки служили только повтореніемъ тѣхъ уловокъ, какія онъ съ различнымъ успѣхомъ употреблялъ противъ Венеціи, Генуи, Египта, Швейцаріи, Голландіи и Испаніи, и надо сознаться, что онъ даже не слишкомъ заботился разнообразить ихъ приложеніе; но эта роль *освободителя народовъ* начинала уже мало приходиться по вкусу даже тѣмъ, объ освобожденіи которыхъ шла рѣчь, и революціонные вызовы Наполеона произвели въ Вѣнѣ лишь впечатлѣніе изумленія. То же случилось и съ стараніями его возбудить ненависть къ лицамъ, которымъ онъ приписывалъ постоянную войну. Онъ осыпалъ ихъ ругательствами въ своихъ бюллетеняхъ, по своему закоренѣлому обычаю, стараясь въ глазахъ народовъ очернить всѣхъ знаменитыхъ иностранцевъ, которыхъ онъ опасался патріотизма или проницательности; но эти оскорбленія, неловко расточаемыя, сдѣлались вскорѣ знакомъ почести. Видя какъ онъ превозносилъ память *короля* Маріи-Терезіи, чтобъ оскорбить и обезславить всѣхъ, кто обнаруживалъ при Австрійскомъ дворѣ хоть искру энергіи этой великой государыни, отъ Кобенцеля до царствующей императрицы и г-жи Коллоредо, вѣнцы не ошибались относительно намѣреній, которыя заставляли его дѣйствовать [244]).

---

[243]) Двадцать второй бюллетень, 13 ноября. *Прим. автора.*

[244]) Двадцать четвертый бюллетень, 16 ноября. *Прим. автора.*

ГЛАВА VIII.

Трафальгаръ. — Аустерлицъ.

Наполеонъ 18 ноября оставилъ уже Вѣну и былъ въ Знаймѣ въ Моравіи, идя на Брюннъ съ великолѣпною арміею, на встрѣчу арміи императора Александра, съ сердцемъ, упоеннымъ чудесными успѣхами, и съ головою, исполненною самыхъ грандіозныхъ проэктовъ, какъ Бертье молча вручилъ ему, когда онъ садился за столъ, депешу, напомнившую ему, что онъ смертный. Депеша эта заключала въ себѣ краткій разсказъ о трафальгарской катастрофѣ. Если бы страшный эгоизмъ оставилъ въ немъ хоть маленькое мѣсто угрызеніямъ совѣсти, онъ ощутилъ бы горькіе укоры при извѣстіи объ этомъ страшномъ истребленіи, ибо онъ не могъ не знать, что самъ былъ его виновникомъ. Но единственное, ему доступное чувство было — оскорбленіе униженной гордости и грусть объ уничтоженіи подобной арміи. Онъ не обнаружилъ никакого движенія; онъ скрылъ извѣстіе и ограничился тѣмъ, что написалъ къ Декре: „Что ждетъ дальнѣйшихъ подробностей, прежде чѣмъ составить окончательное мнѣніе *о характерѣ этого дѣла*, и что впрочемъ это не измѣняло ни въ чемъ его намѣреній о крейсерствѣ [245]“. Вотъ все, что вдохнула ему катастрофа, которую

---

[245]) Наполеонъ къ Декре, 18 ноября.

часто предсказывалъ ему самъ Декре, его лучшіе адмиралы, и въ которую повергли нашъ флотъ единственно его ослѣпленіе и самоувѣренность. Дѣйствительно, невозможно допустить странной системы, по которой за трафальгарское пораженіе возлагается равная доля отвѣтственности на Наполеона, Вилльнева и Декре [246]). Наполеонъ не былъ одною изъ причинъ, но даже главнѣйшею причиною этого грустнаго событія, ибо онъ былъ его единственнымъ виновникомъ.

Мы видѣли, какъ Вилльневъ, узнавъ о соединеніи флотовъ Кальдера и Нельсона съ флотомъ Корнуэльса предъ Брестомъ, взялъ на себя возвращеніе въ Кадиксъ вмѣсто того, чтобъ подвергать свою эскадру истребленію, которое онъ считалъ неизбѣжнымъ, еслибъ исполнилъ инструкцію Наполеона. Фактъ достовѣрный, служащій для оправданія человѣка, недостойно обвиненнаго, что еслибъ Вилльневъ повиновался приказаніямъ Наполеона, оставивъ Ферроль такъ быстро, какъ ему предписывали, онъ съ двадцатью осьмью недостаточно снабженными кораблями встрѣтилъ бы у Бреста непріятельскій флотъ въ тридцать пять кораблей, который уничтожилъ бы его, прежде чѣмъ Гантомъ успѣлъ бы подать ему помощь. Итакъ этотъ несчастный адмиралъ оказалъ первую услугу Франціи, сохранивъ ей флотъ; онъ оказалъ ей вторую, еще большую, споспѣшествовавъ неудачѣ этой безумной экспедиціи въ Англію, которая лишала насъ единственной арміи въ моментъ, когда шли на насъ войска русскія и австрійскія. Но это благоразумное поведеніе, сообразное съ извѣстнымъ тогда плохимъ состояніемъ нашего флота, оскорбило лучшія надежды неутолимой гордыни, которая мечтала уже о завоеваніи вселенной и которая не

---

[246]) Тьеръ: «Всѣ готовили себѣ свою долю ошибокъ въ этомъ великомъ бѣдствіи: Наполеонъ грѣшилъ *гнѣвомъ*, Декре упущеніями, Вилльневъ отчаяніемъ». *Прим. автора.*

могла терпѣть, чтобъ ей указывали предѣлы ея власти. Итакъ возвращаясь къ истиннымъ основаніямъ морской войны, по крайней мѣрѣ при условіяхъ, въ которыхъ мы находились, т. е. отказавшись отъ большихъ массъ для того, чтобъ дѣйствовать отдѣльными эскадрами, такъ, какъ ему не переставали совѣтовать Декре, Гантомъ и всѣ его адмиралы, Наполеонъ смертельно возненавидѣлъ человѣка, который внушилъ ему этотъ способъ какъ законъ неизбѣжной необходимости. Въ Вилльневѣ ненавидѣлъ онъ живое доказательство своего собственнаго продолжительнаго заблужденія, упорной надменности, суетности своихъ, столь расхваленныхъ плановъ. Вилльневъ нѣкоторымъ образомъ осуществлялъ самый чувствительный ударъ, какой только наносила ему до тѣхъ поръ фортуна. Онъ притворно выказывалъ, что единственно недостатокъ отваги или даже измѣна помѣшала исполнить свою обязанность офицеру, личная храбрость котораго была выше всякихъ подозрѣній: „Вилльневъ, писалъ онъ къ Декре, 4 сентября:—*несчастный, котораго слѣдуетъ изгнать самымъ позорнымъ образомъ.* При отсутствіи соображенія, храбрости, пониманія общаго интереса, *онъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ только спасти свою кожу*". И когда Декре попытался оправдать своего друга, онъ самъ былъ осыпанъ брызгами гнѣва своего господина: „Я предоставляю себѣ умолчать обо всемъ, что думаю о письмѣ вами написанномъ... До тѣхъ поръ пока вы найдете что нибудь правдоподобное, я васъ прошу не говорить мнѣ о столь унизительномъ дѣлѣ и не напоминать мнѣ о *человѣкѣ столь трусливомъ* [247])!" Къ этимъ горькимъ оскорбленіямъ онъ присоединилъ жалобы на всѣ дѣйствія Вилльнева, не обращая вниманія на обстоятельства, ихъ диктовавшія.

Впрочемъ — доказательствомъ, что этотъ гнѣвъ отчасти

---

[247]) Наполеонъ къ Декре, отъ 8 сентября. *Прим. автора.*

былъ притворный, и что въ сущности онъ зналъ цѣну своимъ обвиненіямъ, служитъ то, что, не смотря на жалобы, изъ которыхъ самомалѣйшая повела бы Вилльнева подъ военный судъ, онъ не лишалъ его мѣста. 14 сентября онъ послалъ ему прямое и формальное приказаніе выйдти изъ Кадикса съ соединенною эскадрою, зайдти въ Карѳагенъ, присоединить всѣ находящіяся тамъ испанскія суда, потомъ отправиться въ Неаполь для подкрѣпленія корпуса Сенъ-Сира, наносить всевозможный вредъ мальтійскимъ крейсерамъ и потомъ возвратиться въ Тулонъ. Наконецъ, чтобъ предупредить со стороны Вилльнева всякую попытку миновать эти приказанія, онъ прибавилъ эти знаменательныя слова: „*Мы желаемъ, чтобъ вездѣ, гдѣ встрѣтится вамъ непріятель съ меньшими силами, вы нападали на него не колеблясь и имѣли съ нимъ рѣшительное дѣло* [248])". На другой день, 15 сентября, желая, не то что отнять командованіе у Вилльнева, но усилить это приказаніе, онъ написалъ къ Декре: „послать нарочнаго курьера къ Вилльневу съ предписаніемъ исполнить этотъ маневръ;" и прибавлялъ онъ: „а если его *чрезмѣрное малодушіе* помѣшаетъ ему предпринять это, тогда вы пошлете адмирала Розили для его замѣщенія, который повезетъ Вилльневу письмо съ приказаніемъ возвратиться во Францію отдать отчетъ въ своемъ поведеніи [249]).„

Итакъ порученіе Розили было совершенно условно; оно имѣло лишь характеръ угрозы въ предвидѣніи случая, когда Вилльневъ былъ бы мало расположенъ исполнить приказаніе Наполеона; оно не имѣло другой цѣли какъ принудить его къ повиновенію. Декре могъ только передать эти приказанія, подкрѣпивъ ихъ собственнымъ предписаніемъ, въ то же время, какъ послалъ Розили въ Испанію, что онъ и сдѣлалъ. Еслибъ онъ считалъ обязанностью ослушаться, ему

[248]) Наполеонъ къ Вилльневу, 14 сентября. *Прим. автора.*
[249]) Наполеонъ къ Декре, 15 сентября. *Прим. автора.*

оставалось только просить увольненія отъ званія морскаго министра. Но воля Наполеона относительно кадикской эскадры была такъ опредѣленна, что 2 ноября, не взирая на всѣ хлопоты, представляемыя ему походомъ его арміи въ центръ Германіи, онъ нашелъ время торопить Декре: „Пусть мои эскадры отправляются! писалъ онъ: — чтобъ ихъ ничто не удерживало! я не хочу, чтобъ моя эскадра оставалась въ Кадиксѣ [250])".

Въ то время уже болѣе двухъ недѣль какъ эта эскадра не существовала.

Вилльневъ слишкомъ много страдалъ отъ упрековъ, которыми его осыпали, чтобъ еще разъ имъ подвергнуться. Убѣжденіе его относительно исхода встрѣчи съ англійскимъ флотомъ не измѣнилось, но ему предстояло теперь исполнить приказанія положительныя, настойчивыя, обойдти которыя не представлялось возможности; и теперь уже на него могла пасть отвѣтственность на случай катастрофы. Прежде однакожъ чѣмъ приступить къ исполненію приказанія, онъ съ цѣлью оправдать и себя и товарищей, подобно ему принесенныхъ въ жертву, пожелалъ созвать военный совѣтъ изъ офицеровъ обѣихъ національностей. Когда онъ спросилъ у

---

[250]) Наша апологетическая исторія Имперіи изобилуетъ въ этомъ отношеніи ошибочностью фактовъ и сужденій.

«Наполеонъ, говоритъ Тибодо: — далъ Декре формальное приказаніе призвать Вилльнева во Францію и отправить Розили для его замѣщенія... Декре совсѣмъ не отправлялъ Розили въ Испанію; онъ *отдалъ приказаніе своему другу* Вилльневу выйдти изъ Кадикса и пр.»—«Вилльневу былъ данъ преемникъ, говоритъ Биньонъ». — Что касается Тьера, ему лучше были извѣстны факты, но онъ упрекаетъ Декре, «что онъ предоставилъ вещи самимъ себѣ, вмѣсто того, чтобъ *взять на себя отвѣтственность ихъ направленія*». То-есть повидимому ослушаться Наполеона. Но именно въ томъ этотъ историкъ и упрекаетъ Вилльнева! Онъ говоритъ, что инструкціи Вилльнева и уполномочивали его выйдти изъ Кадикса». Никогда, напротивъ, приказанія не были болѣе грозны и повелительны. *Прим. автора.*

адмираловъ и контръ-адмираловъ французскихъ и испанскихъ мнѣнія о положеніи соединеннаго флота, они объявили единодушно, „что большая часть кораблей обѣихъ націй *была дурно вооружена*, что часть ихъ экипажей никогда не *упражнялась въ морѣ*, наконецъ что они не были въ состояніи оказать услуги, какой отъ нихъ требовали". Вилльневъ послалъ этотъ протоколъ въ Парижъ, присоединивъ послѣднюю просьбу: „Я не могу вѣрить, писалъ онъ къ Декре:—чтобъ его величество намѣревался подвергнуть большую часть своихъ морскихъ силъ столь отчаяннымъ случайностямъ, которыя не обѣщаютъ даже пріобрѣтенія славы". Но Наполеонъ заблаговременно учинилъ всякое предостереженіе невозможнымъ, приказавъ отправить Розили; ибо, еслибъ даже Вилльневъ простеръ свое самоотверженіе до того, чтобъ подождать этого адмирала для передачи ему командованія— съ увѣренностью увидѣть благородную жертву превращенную въ актъ трусости, то эта рѣшимость не спасла бы флота, ибо Розили долженъ былъ въ точности и даже немедленно исполнить тѣ же самыя приказанія. Будучи во время извѣщенъ о скоромъ прибытіи Розили, и что замѣщеніе его этимъ адмираломъ, уступавшимъ ему впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ, ничего не измѣнитъ въ развязкѣ, Вилльневъ не задумался болѣе кинуться въ пропасть, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ долженъ былъ найдти возстановленіе оскорбленной чести: „Я былъ бы счастливъ, писалъ онъ къ Декре:—уступить первое мѣсто, еслибъ по крайней мѣрѣ мнѣ предоставили второе; но будетъ жестоко утратить всякую надежду имѣть случай показать, что я былъ достоинъ лучшей участи". Онъ немедленно началъ приготовленія для встрѣчи съ англійскимъ флотомъ.

У Нельсона, командовавшаго англійскою эскадрою предъ Кадиксомъ, было сперва тридцать четыре корабля; одинъ онъ отдалъ своему товарищу Кальдеру для возвращенія въ Англію, потомъ шесть другихъ отправилъ за припасами въ

Тетуанъ и Гибралтаръ. Вилльневъ располагалъ тридцатью тремя кораблями, значитъ шестью болѣе противъ своего знаменитаго соперника, не считая пяти фрегатовъ и двухъ бриговъ; но большая часть этихъ судовъ была не въ состоянiи исполнить мало-мальски сложнаго маневра, въ особенности въ виду непрiятеля; часть ихъ матросовъ, преимущественно испанцы никогда не видѣли моря, и всѣ были положительно неопытны въ томъ, что составляетъ главнѣйшую силу военнаго корабля, т. е. въ артиллерiйскомъ дѣлѣ. Ни обращенiя съ орудiемъ, ни наводки и прицѣла невозможно изучить внутри порта, и въ самой трафальгарской битвѣ можно было засвидѣтельствовать, что англiйскiе артиллеристы стрѣляли каждую минуту, тогда какъ наши медлили по три минуты между каждымъ залпомъ [251]); первые стрѣляли въ борта и кузовъ корабля, что съ перваго же начала разстраивало непрiятельскiя батареи, тогда какъ послѣднiе, вѣрные прежней рутинѣ, старались сбить мачты и цѣлили въ такелажъ, что требовало опытности и ловкости, которой имъ не доставало.

Предвидя еще съ 10 октября близкiй выходъ Вилльнева, Нельсонъ отдалъ по своему флоту знаменитый приказъ, въ которомъ представилъ своимъ офицерамъ планъ сраженiя, которому необходимо было слѣдовать въ точности, исключая кое-какихъ измѣненiй, могшихъ встрѣтиться во время самого дѣла. Будучи увѣренъ, что Вилльневъ будетъ принужденъ явиться къ нему съ кораблями, вытянутыми въ одну линiю, по правиламъ старинной тактики, онъ рѣшился принять французскiй флотъ не параллельною линiею, но двумя колоннами, съ тѣмъ, чтобъ развернуть ихъ позже, „такимъ образомъ, чтобъ этотъ порядокъ слѣдованiя могъ

---

[251]) Адмиралъ Жюрьенъ де ла Гравьеръ: *Морскiя войны.*

Прим. автора.

быть въ то же время и боевымъ порядкомъ". Первая имѣла направиться на центръ, гдѣ долженъ былъ находиться адмиральскій корабль, тогда какъ другой предписано было атаковать арьергардъ. Двѣ эти части, окруженныя послѣдовательно всѣмъ англійскимъ флотомъ, очутились бы такимъ образомъ отдѣленными отъ остальныхъ силъ, а англичане имѣли бы время уничтожить эту половину соединенной эскадры, прежде чѣмъ другая успѣла бы подать ей помощь. Онъ предоставилъ самую легчайшую часть этой двойной задачи своему товарищу и другу Коллингвуду, который долженствовалъ имѣть такое преимущество силъ предъ нашимъ арьергардомъ, чтобъ нѣсколько его кораблей могли немедленно пособить Нельсону въ неравной битвѣ, въ которую тотъ имѣлъ вступить съ остальнымъ нашимъ флотомъ. Адмиралъ закончилъ свои инструкціи этимъ прекраснымъ приказаніемъ, принципъ котораго вѣренъ во всѣхъ сраженіяхъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ: „Что касается капитановъ, которые во время битвы не смогутъ замѣтить адмиральскихъ сигналовъ, то они въ такомъ случаѣ не ошибутся, если поставятъ свой корабль бортъ о бортъ съ непріятельскимъ кораблемъ".

Слова эти были точнымъ переводомъ словъ, съ которыми въ ту же минуту Вилльневъ обратился къ соединенной эскадрѣ: „Каждый капитанъ, не находящійся въ огнѣ, стоитъ не на своемъ посту, говорилъ онъ съ своей стороны: — а сигналъ, который напомнитъ ему объ этомъ, былъ бы для него оскорбителенъ". Вилльневъ отчасти предвидѣлъ маневръ, который готовилъ противъ него Нельсонъ; но онъ не могъ и думать употребить новую тактику съ кораблями, изъ которыхъ иные первый разъ вступили подъ паруса и которые едва только были годны для прежней. Итакъ онъ рѣшился держаться испытанной системы, которая по крайней мѣрѣ предоставляла каждому кораблю его самостоятельность, и которая притомъ имѣла бы свои преимущества въ виду

системы принятой Нельсономъ, еслибъ подавляющее меньшинство нашихъ силъ не поставило насъ въ такое положеніе, въ которомъ всякая система была безполезна. Окончивъ свои приготовленія съ спокойствіемъ и рѣшимостью человѣка, для котораго даже самая отчаянная доля сдѣлалась благодѣяніемъ, Вилльневъ вышелъ изъ Кадикса 20 октября, направляясь съ сѣвера на югъ и держа на Гибралтаръ, на встрѣчу Нельсону, который крейсировалъ въ открытомъ морѣ на высотѣ Гибралтарскаго пролива. Увѣдомленный объ этомъ фрегатомъ, Нельсонъ немедленно пошелъ на насъ. Ночью оба флота сблизились чувствительно, освѣщая себѣ путь бенгальскими огнями. 21 октября на разсвѣтѣ флотъ нашъ увидѣлъ непріятеля миляхъ въ двухъ съ половиною къ западу—позиція, дававшая ему преимущество надъ нами, ибо вѣтеръ дулъ съ запада. Въ четырехъ миляхъ къ юговостоку виднѣлся мысъ Трафальгаръ. Вилльневъ тотчасъ же подалъ сигналъ строиться въ боевой порядокъ; въ авангардѣ онъ поставилъ корабли Гравины, которые до тѣхъ поръ составляли обсерваціонную эскадру, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, не желалъ, чтобъ отдѣльная часть могла найдти какой нибудь предлогъ не участвовать въ сраженіи, чему бывали частые примѣры въ нашихъ морскихъ битвахъ. Въ арьергардѣ онъ помѣстилъ контръ-адмирала Дюмануара, а самъ занялъ позицію въ центрѣ. Эта длинная линія изъ тридцати трехъ кораблей шла такимъ образомъ съ сѣвера на югъ, въ то время какъ Нельсонъ двигался двумя колоннами.

Изъ самаго направленія, принятаго Нельсономъ, опытный глазъ Вилльнева не замедлилъ проникнуть намѣреніе англійскаго адмирала. Онъ понялъ, что, направляя большую массу своихъ силъ на нашъ арьергардъ, противникъ его не имѣлъ цѣлью только разъединить его для болѣе удобнаго истребленія, но что онъ въ то же самое время думалъ отрѣзать намъ

отступленіе къ Кадиксу [252]). Онъ немедленно приказалъ поворотиться своему флоту, который очутился такимъ образомъ, держа на Кадиксъ вмѣсто того, чтобъ держать на Гибралтаръ такъ, что авангардъ сдѣлался арьергардомъ и обратно. Вслѣдствіе этого маневра, флотъ нашъ сохранилъ отступленіе на Кадиксъ, атака англійскихъ колоннъ, направленная на линію, двигавшуюся уже не съ сѣвера на югъ, но съ юга на сѣверъ, конечно обратилась въ нашу пользу. Двѣ колонны приближались уже съ скоростью, нѣсколько уменьшенною по причинѣ ослабѣвшаго вѣтра, каждая имѣя во главѣ адмиральскій корабль, *Викторію*, на которой шелъ Нельсонъ, и *Ройялъ-Соверенъ* подъ флагомъ Коллингвуда. Каждый изъ нихъ шелъ подъ всѣми парусами, далеко впереди трехдечныхъ кораблей, какъ бы готовясь принять на себя весь огонь нашего флота. Эта чудная отвага, которой не могли не удивляться даже тѣ, которые должны были сдѣлаться ея жертвою, часто подвергалась порицаніямъ, какъ противная всѣмъ правиламъ морской тактики; конечно при отравенствѣ силъ изъ этого послѣдовало бы лишь то, что отдѣлившіеся такимъ образомъ корабли были бы уничтожены выстрѣлами непріятельскихъ орудій, прежде прибытія колоннъ на помощь; но отвага эта оправдывалась нашею слабостью, которую Нельсонъ зналъ такъ же хорошо, какъ и Виллльневъ, и поэтому она была геніальна. Онъ дѣйствовалъ съ убѣжденіемъ въ свое превосходство, вѣруя въ свои силы, какъ исполинъ, которому приходилось бороться съ карликами. Съ преимуществами, какія онъ имѣлъ надъ нами, обыкновенныя тактическія предосторожности были для него лишь тратою времени и безполезнымъ стѣсненіемъ; не думаютъ ни о правилахъ, ни о военныхъ хитростяхъ, когда стоитъ протянуть лишь руку, чтобъ побѣдить непріятеля.

---

[252]) Рапортъ адмирала Вилльнева, отъ 5 ноября. *Прим. автора.*

Маневръ Вилльнева принудилъ Нельсона отказаться отъ намѣренія отрѣзать отступленіе всему соединенному флоту; но онъ хотѣлъ пресѣчь его по крайней мѣрѣ центру и эскадрѣ Гравины, сдѣлавшейся арьергардомъ. Для достиженія этой цѣли онъ рѣшился разорвать нашу линію въ центрѣ, въ точкѣ, гдѣ находился нашъ адмиральскій корабль *Буцентавръ*, предоставивъ своему другу Колингвуду окружить и взять корабли Гравины. Что касается нашего авангарда, подъ начальствомъ Дюмануара, онъ принебрегъ имъ въ томъ убѣжденіи, что онъ не поспѣетъ къ сраженію во время. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Нельсонъ спустился въ каюту, написалъ на колѣнахъ въ своемъ журналѣ краткую молитву, въ которой просилъ у Бога побѣды, умоляя „чтобъ Господь не попустилъ ни одному англичанину позабыть священныя права человѣчества"; потомъ сдѣлавъ къ своей духовной приписку, которою поручилъ Англіи свою жену и дочь Гортензію, Нельсонъ, вышелъ на палубу. Онъ подалъ своей эскадрѣ знаменитый сигналъ, героическая простота котораго наэлектризовала его моряковъ: „Англія надѣется, что каждый выполнитъ свою обязанность".

Было около полудня. *Ройяль-Соверенъ*, идя на полныхъ парусахъ, напалъ на нашу линію въ томъ мѣстѣ, гдѣ арьергардъ соединялся съ центромъ, минутами двадцатью раньше слѣдовавшей за нимъ колонны. Его встрѣтили перекрестнымъ огнемъ корабли Гравины, но онъ не отвѣчалъ имъ и не уменьшилъ ходу до тѣхъ поръ, пока не прорвалъ линію между *Фугё* и *Санта-Анна* и выстрѣлилъ изъ всѣхъ своихъ дековъ, по кормѣ послѣдняго корабля. Страшный этотъ залпъ сразу вывелъ четыреста человѣкъ изъ строя. *Фугё*, получившій въ свою очередь градъ ядеръ изъ штирборда, не потерпѣвъ однакоже слишкомъ отъ этого, сцѣпился съ нимъ при помощи четырехъ другихъ кораблей, чтобъ вырвать у него добычу; но *Ройяль-Соверенъ* выдержалъ эту неравную битву, и вскорѣ *Беллейль* и прочіе трехдечные ко-

рабли изъ колонны Колингвуда явились поддержать его, проникнувъ въ свою очередь въ отверзтіе, сдѣланное адмиральскимъ кораблемъ.

Въ это время Нельсонъ бросился на нашъ центръ во главѣ новой колонны. Подобно *Ройяль-Соверену*, *Викторія* приняла огонь всей нашей эскадры, не потерпѣвъ особыхъ поврежденій. Рѣшившись вмѣстѣ биться бортъ о бортъ съ *Буцентавромъ*, на которомъ находился Вилльневъ, и пробить въ нашей линіи второе отверзтіе, подобное первому, Нельсонъ приказалъ сперва направить свой корабль на носъ *Буцентавра*, гдѣ уже Вилльневъ распорядился все приготовить къ абордажу; но найдя въ этомъ мѣстѣ линію непроницаемую, благодаря присутствію *Сантиссима-Тринидадъ*, онъ быстро перемѣнилъ направленіе, прошелъ сзади *Буцентавра*, поражая его нѣсколькими послѣдовательными залпами, которые разрушили его корму, сбили орудія и покрыли палубу мертвыми и ранеными. Тогда онъ пошелъ на *Редутабль*, предоставивъ слѣдовавшимъ за нимъ кораблямъ довершить побѣду надъ *Буцентавромъ*. *Редутаблемъ* командовалъ капитанъ Люкасъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ во французскомъ флотѣ; корабль этотъ весьма уступалъ *Викторіи* касательно артиллеріи; но послѣдній потерялъ уже болѣе пятидесяти человѣкъ изъ своего экипажа, а когда сцѣпились оба корабля, артиллерія могла только играть менѣе чѣмъ второстепенную роль. Марсы *Редутабля* были унизаны стрѣлками, а *Викторія*, лишенная этого, слабо отвѣчала на убійственный ружейный огонь; англійскіе матросы падали кучами, не бывъ въ состояніи отвѣчать невидимому непріятелю; палуба *Викторіи* была залита кровью и завалена трупами. Спокойный среди этой рѣзни, одѣтый въ полную адмиральскую форму и во всѣхъ своихъ орденахъ, Нельсонъ прохаживался по шканцамъ съ капитаномъ Гарди, ободряя своимъ присутствіемъ защитниковъ *Викторіи*. Вдругъ онъ зашатался и опустился на землю. Пуля, направленная

съ марсовъ *Редутабля*, пробивъ ему плечо и грудь, раздробила спинной хребетъ. Встревоженный капитанъ бросился подымать его.—„Со мною все кончено, Гарди, сказалъ Нельсонъ:—наконецъ они успѣли!“

Капитанъ Люкасъ не зналъ, какую громадную потерю нанесъ Англіи, но онъ видѣлъ палубу *Викторіи* почти лишенную защитниковъ, и разсудилъ, что пора сцѣпиться на абордажъ. *Викторія* былъ трехдечный корабль и значительно превышалъ *Редутабля*, вслѣдствіе чего приступъ дѣлался весьма затруднительнымъ, а англійскіе артиллеристы, выбѣжавъ на палубу, отбили этотъ первый приступъ. Люкасъ собрался на вторичную атаку, перекинувъ одну изъ своихъ рей въ видѣ моста между двумя судами, но въ то время, когда бросилась абордажная команда, *Темерэръ* явился на помощь къ адмиральскому британскому кораблю, сталъ вдоль *Редутабля* и однимъ залпомъ повалилъ двѣсти человѣкъ, вторымъ онъ сбилъ его мосты, осыпалъ ядрами и въ одну минуту измѣнилъ битву до такой степени, что отважный капитанъ принужденъ былъ сдаться, потерявъ пятьсосъ двадцать пять человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ то же почти время *Санта-Анна*, лишившаяся мачтъ и большей части своего экипажа, сдалась *Ройяль-Соверену*. Сраженіе продолжалось не болѣе полутора часа, а наша линія въ центрѣ и арьергардѣ имѣла двѣ значительныя бреши, сквозь которыя обѣ англійскія колонны прошли цѣликомъ, чтобъ ударить на насъ съ тыла, выбирая себѣ корабль по порядку и не выпуская добычи до сдачи или до истребленія.

Авангардъ нашъ подъ командою Дюмануара оставался еще цѣлъ. Соображаясь съ духомъ приказанія Вилльнева, который предписывалъ нашимъ судамъ прежде всего являться въ огонь какъ къ своему настоящему посту, этотъ адмиралъ долженъ былъ броситься на колонну Нельсона, по мѣрѣ ея приближенія къ нашему центру; но онъ исполнилъ это слишкомъ поздно, по особому приказу Вилльнева и чрез-

вычайно медленно, потому ли что мѣшалъ ему штиль, на который онъ и ссылался впослѣдствіи въ своей *оправдательной запискѣ*, или потому, что онъ считалъ, что маневръ этотъ его погубитъ, не спасая остальнаго флота. Дѣйствительно, разстроенный сначала успѣхомъ Нельсона, прорвавшаго нашу линію, флотъ нашъ видѣлъ на разныхъ пунктахъ единоборство *Викторіи* съ *Редутаблемъ* и *Ройяль-Соверена* съ *Санта-Анною*. Вездѣ моряки наши бились съ изумительною отвагою, но вездѣ также ихъ неопытность вредила этой храбрости, и они были подавляемы превосходствомъ противниковъ въ маневрахъ и дѣйствіи артиллеріи. *Фугё*, подъ начальствомъ одного изъ храбрѣйшихъ офицеровъ, капитана Бодуана, въ нѣсколько минутъ палъ, разгромленный страшными батареями *Темерэра*. Въ то же почти время Магонъ былъ убитъ на пылавшемъ *Алджезирѣ*, всѣ мачты котораго повалились съ трескомъ, а англичане кинулись на абордажъ среди пламени. Въ арьергардѣ, гдѣ испанскіе корабли находились въ большомъ числѣ, адмиралъ Гравина былъ смертельно раненъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ; *Санъ-Жуанъ Непомуцено*, *Монарка*, *Аргонаута* послѣдовательно пали подъ ударами дивизіи Колингвуда, и восемь кораблей сдались непріятелю; остальные медленно вышли съ поля сраженія, направляясь на Кадиксъ. Въ центрѣ держались еще *Буцентавръ* съ *Сантиссима-Тринидадъ*. Несчастный Вилльневъ, съ прискорбіемъ видѣвшій осуществленіе несчастья, которое столько разъ предсказывалъ, надѣялся не пережить его, но судилось такъ, чтобъ онъ присутствовалъ до конца, ибо смерть не хотѣла его. Находясь почти на томъ самомъ мѣстѣ, откуда прорвалась колонна Нельсона, онъ принималъ послѣдовательно огонь одиннадцати англійскихъ кораблей [253]), убившихъ или ранившихъ у него около трехсотъ человѣкъ;

---

[253]) Рапортъ генерала Контамина. *Прим. автора.*

всѣ мачты его упали одна за другою и падая загромоздили батарею штирборда единственную, которою онъ могъ еще наносить вредъ непріятелю. Такъ какъ всякое сопротивленіе сдѣлалось безполезнымъ, онъ хотѣлъ спустить шлюпку, переѣхать на другой корабль и продолжать битву, но всѣ гребныя суда его были раздавлены упавшими мачтами; онъ велѣлъ потребовать шлюпку у *Сантиссима-Тринидадъ*, но тотъ не услышалъ этого требованія за страшнымъ шумомъ, и онъ сдался англичанамъ для спасенія остальнаго экипажа.

Дѣло было почти кончено, какъ ужасный взрывъ заставилъ вздрогнуть самыхъ безстрашныхъ; это взлетѣлъ на воздухъ *Ашилль*, отказавшійся до конца спустить свой флагъ. Было около пяти съ половиною часовъ. Изъ тридцати трехъ кораблей французскаго флота, осьмнадцать были въ рукахъ у англичанъ, одиннадцать съ трудомъ уходили въ Кадиксъ, а четыре направлялись въ открытое море подъ начальствомъ Дюмануара, который вывелъ ихъ изъ этой рѣзни только для того, чтобъ натолкнуться 5 ноября на англійскихъ крейсеровъ, которымъ и принужденъ былъ отдать ихъ послѣ мужественнаго сопротивленія. Французы потеряли болѣе семи тысячъ человѣкъ, англичане едва треть этого количества; но какъ ни было для нихъ блистательно это торжество, тѣмъ не менѣе оно обошлось имъ страшно дорого, ибо они поплатились жизнью одного изъ своихъ величайшихъ военныхъ людей, и горе побѣдителей равнялось отчаянію побѣжденныхъ [254]).

Умирающій герой могъ еще улыбнуться своей послѣдней побѣдѣ. Казалось, онъ усиливался удержать отлетавшую жизнь, для того, чтобъ присутствовать при нашемъ пора-

---

[254]) Рапортъ Коллингвуда (отъ 22 октября лордамъ Адмиралтейства) отдаетъ полную справедливость Вилльневу и *высоко достопочтенной* храбрости нашихъ офицеровъ. *(Annal Register, 1805).* *Прим автора.*

женіи. Будучи уже въ агоніи, онъ вдругъ пробудился при громкихъ „ура“ привѣтствовавшихъ паденіе *Буцентавра;* онъ велѣлъ позвать капитана Гарди и сказалъ ему, полуприподнявшись на постелѣ: „Ну, что побѣда за нами?“ и когда другъ его отвѣчалъ утвердительно, продолжительный вздохъ вылетѣлъ изъ его стѣсненной груди. Онъ посовѣтовалъ ему тогда стать съ флотомъ на якорь передъ вечеромъ, ибо на утро онъ предвидѣлъ бурю, потомъ, подозвавъ его ближе, сказалъ ему слабымъ голосомъ: „Гарди, я умираю... еще нѣсколько минутъ, и меня не будетъ... Послушайте, Гарди, когда я умру, обрѣжьте мои волосы и отвезите ихъ моей милой леди Гамильтонъ, да не бросайте моего бѣднаго трупа въ море [255])!“ По окончаніи битвы, Гарди пришелъ къ умирающему и объявилъ о полномъ торжествѣ; послѣдній лучъ блеснулъ во взорахъ Нельсона: „Благодаря Богу, я исполнилъ мою обязанность“, сказалъ онъ и чрезъ нѣсколько минутъ скончался среди рыданія окружавшихъ.

Вечеромъ взволнованное страшною бурею море поглотило часть кораблей, захваченныхъ англичанами, а три изъ тѣхъ, которые ушли въ Кадиксъ, разбились о скалы почти у самаго порта. Восемь судовъ избѣгли катастрофы; они оставались въ блокадѣ въ Кадиксѣ до тѣхъ поръ, пока не попали въ руки испанскихъ инсургентовъ. Такимъ образомъ окончился этотъ гибельный день при Трафальгарѣ, въ которомъ столько благородныхъ жизней было пожертвовано слѣпому и злому упрямству одного человѣка. Всѣ эти рѣки крови пролиты были не только безъ надобности, но даже и безъ предлога. Все это человѣческое жертвоприношеніе имѣло только цѣлью браваду, капризъ и оскорбленную гордость Наполеона, за то что онъ на минуту поддался благоразумному совѣту Вилльнева. Онъ хотѣлъ, чтобъ гробовое молчаніе ни-

---

[255]) Робертъ Сутей: *Жизнь Нельсона.* *Прим. автора.*

чего даже не воспоминало объ этой страшной катастрофѣ, которую навлекъ онъ на Францію. Вмѣсто того, чтобъ сознаться въ своей ошибкѣ и исправить причиненное имъ зло, онъ возненавидѣлъ всѣхъ свидѣтелей этого опроверженія непогрѣшимости его и, не будучи въ состояніи уничтожить небольшаго числа жертвъ, пережившихъ несчастье, онъ постарался, на сколько былъ въ силахъ, истребить всякій слѣдъ ихъ славнаго несчастья. Онъ безчестно скрывалъ ихъ пораженіе, потому что оно было и его собственное; онъ образовалъ противъ нихъ заговоръ неблагодарности и забвенія; онъ смѣшалъ въ одной немилости героевъ съ трусами, и недалъ ни одного вознагражденія за столько славныхъ подвиговъ, ни одного утѣшенія въ столь малозаслуженномъ несчастьѣ, онъ, который безпрестанно говорилъ о чести и военныхъ доблестяхъ!

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1806 г., Вилльневъ былъ отпущенъ на слово англичанами, которые обходились съ нимъ со всѣмъ уваженіемъ, какого заслуживали его отвага и несчастья, и скромно высадился въ Морнэ. Донесеніе, которое онъ писалъ 5 ноября на англійскомъ фрегатѣ *Евріалусъ* къ морскому министру о трафальгарской битвѣ, оканчивалось слѣдующими трогательными словами: „Что касается меня, то, сознавая всю обширность моего несчастья и отвѣтственность, налагаемую подобнымъ бѣдствіемъ, я желаю только возможности повергнуть къ стопамъ его величества или *оправданіе* моего поведенія, или жертву, которая должна быть заклана, не въ память флага, который, смѣю сказать, остался неприкосновеннымъ, но за души тѣхъ, которые погибли вслѣдствіе моего неблагоразумія, неосторожности или забвенія какой нибудь изъ моихъ обязанностей.“ Это-то оправданіе приносилъ Вилльневъ, и никогда человѣкъ, подавленный неумолимою судьбою, не имѣлъ болѣе на него права; но требовалась только жертва; ибо, еслибъ Вилльневъ былъ правъ, то кто же долженствовалъ быть виновнымъ? Онъ

доѣхалъ до Ренна и тамъ въ нумерѣ гостиницы ожидалъ отвѣта отъ Декрѐ на письмо, которымъ онъ предупреждалъ его о своемъ прибытіи въ Парижъ и о намѣреніи своемъ обратиться къ правосудію императора. Легко предвидѣть этотъ отвѣтъ. Декре уважалъ своего стариннаго друга, но онъ былъ царедворецъ и не хотѣлъ компрометировать себя его защитою. 22 апрѣля Вилльнева нашли бездыханнаго въ нумерѣ гостиницы, съ шестью ранами, нанесенными ножомъ въ сердце; кинжалъ, вонзенный твердою рукою, весь еще находился въ ранѣ. Это было единственнымъ возраженіемъ на безчестное оскорбленіе того, кто писалъ, что Вилльневъ „*пожертвуетъ всѣмъ, чтобъ спасти свою кожу*". До послѣдней минуты онъ обвинялъ только свою судьбу. На столѣ лежало письмо, адресованное имъ къ женѣ: „Милый другъ! какъ примешь ты этотъ ударъ? увы, я плачу болѣе о себѣ, нежели о тебѣ... Я здѣсь одинъ, проклятый императоромъ, отвергнутый министромъ, который былъ мнѣ другомъ, подвергнутый огромной отвѣтственности за бѣдствіе, мнѣ приписываемое и въ которое вовлекла меня роковая сила, я долженъ умереть! Живи спокойно и почерпай утѣшеніе въ религіи: надѣюсь, что въ ней ты найдешь успокоеніе, въ которомъ мнѣ отказано. Прощай, отри слезы всѣмъ, кому я могъ быть дорогъ. *Какое счастье, что у меня нѣтъ дѣтей, которымъ досталось бы мое ужасное наслѣдство и которыя были бы отягощены моимъ именемъ!* О, я не былъ рожденъ для подобной участи, я не искалъ ее, я былъ увлеченъ противъ воли. Прощай! прощай!..."

Зловѣщія впечатлѣнія, произведенныя смертью Пишегрю, и кровавая венсенская трагедія, еще такъ плохо были заглажены, что никто не хотѣлъ вѣрить самоубійству Вилльнева. Разсказывали, что по приказанію Декрѐ и наущенію Наполеона, Мажанди, капитанъ *Буцентавра*, возвратившійся изъ Англіи въ одно время съ Вилльневомъ, согласился на убійство, и толки эти были такъ настойчивы, что послѣ па-

денія имперіи Мажанди написалъ подъ заглавіемъ *Некрологическія замѣтки о Вилльневѣ*—настоящую оправдательную записку, чтобъ опровергнуть это ложное обвиненіе. Онъ отдалъ въ ней почетную и трогательную дань памяти *добраго адмирала* ([256]), приведя доказательство за себя и за Декрè.

Нѣсколько времени тому назадъ смерть капитана Врайта уже подала поводъ къ подобнымъ толкамъ. Слухи эти были вѣроятно ложны, но именно потому, что императорское правительство не предоставляло никакихъ законныхъ средствъ къ разъясненію истины, именно потому, что оно дѣлало всякую гласность и всякій контроль невозможными, подозрѣнія становятся законными, и историкъ не имѣетъ права обходить ихъ молчаніемъ, ибо они лучше всякаго другаго обстоятельства рисуютъ состояніе недовѣрія и робости, въ которомъ находилась нація относительно своего правительства. Врайтъ былъ тотъ капитанъ англійскаго флота, который высадилъ на Бовильскій утесъ Жоржа и его товарищей. Попавшись тогда къ намъ въ руки вслѣдствіе кораблекрушенія, онъ, по приказанію Бонапарте, былъ заключенъ въ Тампль и содержался какъ единомышленникъ заговора, хотя онъ только повиновался повелѣніямъ своего правительства, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ каждый военный. Будучи спрошенъ во время процесса Моро, онъ ссылался на свое званіе флотскаго офицера и требовалъ, чтобъ съ нимъ обращались какъ съ военноплѣннымъ, отклоняя всякое объясненіе по поводу полученныхъ имъ приказаній. Врайтъ былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ моряковъ, сопутствовалъ Сиднею Смиту въ Сенъ-Жанъ д'Ару и оставался его искреннимъ другомъ; онъ былъ при многихъ случаяхъ оскорбляемъ *Монитеромъ* какъ послѣдній изъ убійцъ, и Бонапарте, какъ въ своихъ разговорахъ, такъ и въ пере-

---

256) Письмо капитана Ниферне къ Мажанди.

пискѣ не упоминалъ о немъ иначе какъ въ выраженіяхъ, дышавшихъ самою ярою ненавистью. Вотъ все, что публика могла знать относительно Врайта, какъ вдругъ 26 октября 1806 г. онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей тюрьмѣ. Горло у него было перерѣзано, возлѣ него лежали бритва и № *Монитера*, содержавшій разсказъ объ ульмской капитуляціи,—новость, которая будто бы послужила поводомъ къ самоубійству. Тогда было замѣчено, что этотъ № *Монитера* слишкомъ уже напоминалъ Сенеку, игравшаго роль въ смерти Пишегрю. Сидней Смитъ въ точномъ изслѣдованіи, предпринятомъ позже о смерти своего друга [257]), собралъ и выставилъ множество самыхъ подозрительныхъ обстоятельствъ. Въ продолженіе всего вечера, предшествовавшаго мнимому самоубійству, Врайтъ не только не выказывалъ грусти, а напротивъ игралъ на флейтѣ до поздняго часа; ударъ бритвою былъ нанесенъ съ такою силою, что голова почти отдѣлилась отъ туловища, и что еще страннѣе—бритва была закрыта послѣ удара; правая рука капитана вмѣсто того, чтобъ быть раскрытою, какъ слѣдовала предполагать по его дѣйствію, лежала вдоль тѣла; кровь, покрывавшая полъ, была растоптана ногами: ночью слышались крики и какъ бы шумъ, происходившій отъ борьбы; наконецъ Врайтъ нѣсколько разъ заявлялъ своимъ товарищамъ и между прочимъ капитану Уэльсу, содержавшемуся вмѣстѣ съ нимъ, что ему готовили участь Пишегрю, но что ни въ какомъ случаѣ не должно вѣрить его самоубійству. Всѣ эти факты были изложены подробно, но ихъ можно подвергнуть сомнѣнію, какъ собранные большею частью болѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ послѣ событія.

Не смотря на эти обвиняющія правдоподобія, можемъ сказать, что убійство капитана Врайта не заслуживаетъ до-

---

[257]) *Naval Cronicl*, 1816, vol. 36. *Прим. автора.*

вѣрія. И, если мы приходимъ къ такому заключенію, то не потому, что въ самый день смерти Врайта, 26 октября 1805 г. Наполеонъ пишетъ къ Фуше: *„Велите посадить въ темницу этого жалкаго убійцу Врайта, который хотѣлъ убѣжать изъ Тампля“* (258), ибо эта фраза могла быть написана подобно многимъ другимъ съ простою цѣлью обмануть потомство. Наше мнѣніе основывается на болѣе прочной вѣроятности, что онъ не имѣлъ никакого интереса совершить столь жестокій поступокъ. Притомъ нѣтъ ничего невозможнаго, что Фуше принялъ это на себя изъ излишняго рвенія; и Наполеонъ, предложивъ себѣ эту гипотезу на о. св. Елены 259) и, разрѣшая ее, правда, отрицательно, говоритъ: „Фуше не осмѣлился бы, ибо онъ зналъ, что я велѣлъ бы его повѣсить, еслибъ онъ отважился на это... *Для того, чтобъ Врайтъ былъ казненъ тайнымъ образомъ, нужны были мои повелѣнія, а не приказанія Фуше...* Наконецъ, прибавляетъ онъ: — голова моя была тогда занята такими великими замыслами, что мнѣ было некогда думать о жалкомъ англійскомъ капитанѣ. „Извлеченіе, приведенное выше, доказываетъ, что послѣдній доводъ не основателенъ. Можно ли допустить, чтобъ Фуше рискнулъ быть повѣшеннымъ, упреждая нѣсколько правосудіе своего повелителя относительно „этого жалкаго убійцы Врайта?“ Наполеонъ самъ разсказываетъ, что онъ намѣревался „велѣть судить и казнить капитана, за то, что онъ высадилъ убійцъ и шпіоновъ на берега Франціи“, 260) и онъ велѣлъ бы повѣсить Фуше за то, что последній такъ хорошо угодилъ и предупредилъ его намѣренія? По крайней мѣрѣ позволительно сомнѣваться въ этомъ. Когда послѣ заговора адской машины, Фуше предоставилъ ему полтораста якобинцевъ, присланныхъ изъ-за моря на

---

258) Корреспонденція. *Прим. автора.*

259) О Меара. *Прим. автора.*

260) О Меара, отъ 17 сентября 1817 г. *Прим. автора.*

медленную, но вѣрную смерть, по поводу преступленія, котораго они не совершали, велѣлъ ли онъ повѣсить Фуше? Прежде чѣмъ подумать объ этомъ, онъ долженъ былъ начать съ другаго виновнаго. Какъ бы то ни было, впечатлѣніе, произведенное въ Парижѣ этимъ новымъ самоубійствомъ, можетъ быть резюмировано въ остротѣ, тогда распространенной: „Этотъ Бонапарте дѣйствительно несчастливъ: всѣ его враги умираютъ у него въ рукахъ!"

Но пора разсказать развязку удивительной кампаніи, первый актъ которой ознаменовался громами Ульма, а второй занятіемъ Вѣны. Наполеонъ выѣхалъ изъ этой столицы около половины ноября, онъ дошелъ въ Моравіи до Брюнна—крѣпости, имѣвшей очень важное значеніе, но безъ войска, которую онъ могъ занять безъ выстрѣла, благодаря австрійской недальновидности и безпечности. Армія союзниковъ была сосредоточена въ тридцати миляхъ оттуда къ Ольмюцу, гдѣ Кутузову удалось наконецъ соединиться съ арміею Александра. Она состояла по официальнымъ даннымъ изъ 82,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было австрійцевъ только 14,000 [261]). Войска ея были отличныя, нимало недеморализованныя, ибо если Кутузовъ и принужденъ былъ отступать предъ силами подавляющаго превосходства, то онъ стоялъ противъ насъ въ Амштеттенѣ, Дюрренштейнѣ и Голобрюннѣ съ твердостью, приносившею ему большую честь.

Для этой арміи такъ важенъ былъ выигрышъ времени до нападенія на Наполеона, что операціи ея до сихъ поръ загадочны. На соединеніе съ нею шли значительныя подкрѣпленія подъ начальствомъ генерала Бенингсена; мѣсячный срокъ, въ который Пруссія должна была привести свою ар-

---

[261]) Данилевскій. Эту же цифру приводитъ и Бертье въ письмѣ къ Массенѣ: *Memorial du Dépot de la guerre*. Что касается до бюллетеней Наполеона, то они въ этомъ отношеніи совершенно невѣрны.

Прим. автора.

мію въ движеніе, приближался къ концу, а это было для коалиціи лишнихъ сто двадцать пять тысячъ; англо-шведская армія направлялась изъ Ганновера на открытую Голландію; эрцъ-герцогъ Карлъ прибылъ въ Венгрію, гдѣ онъ исправлялъ свои потери и готовился перейдти въ наступленіе; наконецъ Наполеонъ, въ виду угрожавшей опасности, которой подвергали его эти случайности, остановилъ свое шествіе впередъ; онъ чувствовалъ, что положеніе его на такомъ огромномъ разстояніи отъ операціоннаго базиса было уже слишкомъ рискованно. По всѣмъ вѣроятіямъ, простое промедленіе со стороны австро-русскихъ принудило бы его въ очень короткое время къ отступательному движенію, вслѣдствіе двойной необходимости сосредоточиться и сохранить свою линію отступленія. Борьба, предпринятая при этихъ условіяхъ, послужила бы ему почти неизбѣжною гибелью, ибо онъ очутился бы между тремя значительными арміями, имѣя ограниченныя силы; и еслибъ двѣ изъ этихъ армій соединились въ Венгріи, какъ предполагалъ Кутузовъ, онѣ представили бы ему массу, на которую ему трудно было бы сдѣлать нападеніе.

Все это были самыя настоятельныя причины избѣгать всякой встрѣчи съ Наполеономъ прежде осуществленія ожидаемыхъ событій. Не легко даже теперь объяснить поводы, заставившіе союзниковъ дѣйствовать въ то время, когда они могли все выиграть выжиданіемъ. Правда, извѣстно, что австро-русская армія нуждалась въ съѣстныхъ припасахъ въ Ольмюцѣ, но ей было легко достать ихъ въ другомъ мѣстѣ, и ничто не обязывало ее беречь эту позицію. Капитальный интересъ ея даже былъ—кинуться на Венгрію, чтобъ соединиться тамъ съ 80,000 эрцъ-герцога Карла. Но императоръ Александръ поддался вліянію генерала генеральнаго штаба Вейротера, человѣка тщеславнаго и неспособнаго, охотно сочинявшаго планы, который былъ совѣтникомъ эрцъ-герцога Іоанна въ Гогенлинденѣ. Притомъ же

Александръ былъ окруженъ молодыми людьми, исполненными пыла, отваги и мечтательности, горѣвшими нетерпѣніемъ отличиться въ глазахъ своего монарха, и которые относились съ глубокимъ презрѣніемъ къ выжидательной системѣ, предложенной Кутузовымъ, австрійскимъ императоромъ и опытнѣйшими генералами арміи. Важныя несогласія, происшедшія между русскими и австрійцами, вслѣдствіе несчастнаго начала кампаніи, много способствовали и тѣмъ и другимъ желать скорѣйшаго возобновленія непріятельскихъ дѣйствій, въ которыхъ каждый надѣялся найдти себѣ оправданіе.

Наполеонъ зналъ это положеніе вещей и воспользовался имъ съ удивительною ловкостью. Сначала онъ гордо принялъ Стадіона и Гіулая, присланныхъ къ нему въ лагерь съ предложеніями; но тотчасъ же почти одумался, узнавъ, что Пруссія готова была присоединиться къ его противникамъ; онъ сдѣлался на столько сообщителенъ, на сколько былъ до тѣхъ поръ высокомѣренъ и недовѣрчивъ. 25 ноября онъ послалъ Савари въ лагерь союзниковъ, съ льстивымъ письмомъ къ императору Александру и съ тайнымъ порученіемъ внимательно обозрѣть непріятельскую армію, испытывая почву для переговоровъ. Савари былъ принятъ любезно, но очень холодно; онъ привезъ своему государю сухое и уклончивое письмо, адресованное не императору, *но главѣ французскаго правительства* [262]). Наполеонъ, столь щекотливый въ этомъ отношеніи, ни мало не оскорбился; онъ хотѣлъ показать себя выше мелочныхъ требованій этикета, и сдѣлался еще предупредительнѣе. Савари немедленно возвратился въ Ольмюцъ, чтобъ предложить свиданіе Наполеона съ слишкомъ довѣрчивымъ Александромъ: съ этимъ вмѣстѣ онъ долженъ былъ дополнить свое изученіе австро-русской

---

[262]) *Записки* герцога Ровиго. *Прим. автора.*

арміи. Савари, имѣвшій глаза и уши будущаго министра полиціи, узналъ количество и расположеніе арміи, разговаривалъ съ адъютантами и пользовался смѣлою довѣрчивостью, воодушевлявшею молодыхъ офицеровъ. Наконецъ Александръ отказалъ въ свиданіи, но согласился послать къ Наполеону своего адъютанта, князя Долгорукаго. Наполеонъ не допустилъ князя принять роль наблюдателя, какую Савари исполнялъ у союзниковъ, а принялъ его на аванпостахъ и допустилъ его увидѣть свою армію именно на столько, на сколько было нужно, чтобъ обмануть его. Нѣсколько дней прежде одинъ эскадронъ изъ нашего авангарда былъ захваченъ и взятъ въ Вишау. Долгорукій нашелъ, что войска наши стягивались на всѣхъ пунктахъ, чтобъ сосредоточиться на позиціяхъ, давно изученныхъ, къ которымъ Наполеонъ хотѣлъ привлечь австро-русскую армію. Стѣсненныя на узкомъ пространствѣ, отдѣленныя еще отъ корпуса Бернадота и дивизіи Фріана, которыя хотѣли прибыть лишь въ послѣднюю минуту, занятыя явно постройкою ретраншаментовъ на различныхъ пунктахъ, словно боясь нападенія, войска наши могли показаться князю лишь слабыми по числу и робкими, недовольными по виду [263]).

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, Долгорукій приступилъ къ дѣлу безъ ораторскихъ предисловій. Наполеонъ передалъ разговоръ со своею обычною недобросовѣстностью, приправляя свой разсказъ оскорбленіями, ему свойственными, относительно всѣхъ людей, у которыхъ онъ встрѣчалъ какую бы то ни было твердость. Онъ заявилъ въ своихъ бюллетеняхъ, что этотъ *франтикъ* осмѣлился даже предложить ему уступку Бельгіи. Никогда не было и рѣчи о востребованіи Бельгіи у Франціи, да и время было очень дурно выбрано затѣвать подобную несообразность. Долго-

---

[263]) *Тридцатый бюллетень.* *Прим. автора.*

рукій не дѣлалъ никакого предложенія въ этомъ родѣ. Императоръ Александръ, соединясь съ Прусіею и Австріею, составилъ программу, и эту-то программу, сто разъ обсужденную, адъютантъ его долженъ былъ представить Наполеону. Донесеніе Долгорукаго объ этомъ разговорѣ носитъ на себѣ характеръ истины и поразительно напоминаетъ знаменитый разговоръ Уайтворта съ Наполеономъ. Какъ всегда, Наполеонъ употребляетъ тонъ искусителя, когда не можетъ говорить какъ повелитель. „Чего отъ меня хотятъ? Зачѣмъ императоръ Александръ воюетъ со мною? Чего онъ требуетъ? Развѣ онъ завидуетъ увеличенію Франціи? Ну, такъ пусть онъ раздвигаетъ свои границы въ ущербъ сосѣдей... со стороны Турціи, и всѣ споры будутъ улажены!“ Но когда Долгорукій отвѣчалъ, что Россія не думаетъ объ увеличеніи, а заботится лишь о поддержаніи независимости Европы, объ очищеніи Голландіи и Швейцаріи, о вознагражденіи, котораго она никогда не переставала требовать для Сардинскаго короля, Наполеонъ вышелъ изъ себя и воскликнулъ, что ничего не уступитъ въ Италіи, „даже и тогда, когда русскіе станутъ лагеремъ на Монтмартрскихъ высотахъ (264)!“—восклицаніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что чрезъ нѣсколько дней оно встрѣчается цѣликомъ въ одномъ изъ его бюллетеней. Слова эти положили конецъ переговорамъ, которые со стороны Наполеона были ни чѣмъ инымъ какъ военною хитростью, предназначенною для того, чтобъ сдѣлать непріятеля смѣлѣе, и съ обѣихъ сторонъ думали только о войнѣ.

Позиціи, занятыя Наполеономъ, на которыхъ онъ ожидалъ нападенія союзниковъ, были выбраны чрезвычайно искусно какъ для атаки, такъ и для обороны. Войска наши, упираясь въ Брюннскую цитадель, которая въ случаѣ нужды должна была обезпечить ихъ отступленіе на Богемію, при-

---

264) Рапортъ князя Долгорукаго. *Прим. автора.*

крытыя съ перваго фланга лѣсистыми, почти непроходимыми холмами, съ фронта глубокимъ ручьемъ, образовавшимъ мѣстами широкія озера, войска наши укрѣпились въ прямомъ углѣ, образуемомъ двумя дорогами, идущими изъ Брюнна— одна на Вѣну, другая на Ольмюцъ. Они занимали всѣ деревни, лежащія по ручью, отъ Гиршковица до Тельница, гдѣ начинается область озеръ. Предъ нашимъ центромъ, за ручьемъ, подымалась плоская возвышенность Праценъ—позиція господствующая и передовая, за которою виднѣлись вдали деревня и замокъ Аустерлицъ, занятыя уже арміями обоихъ императоровъ. Наполеонъ расположилъ на лѣвомъ флангѣ около крутаго холма, прозваннаго нашими солдатами *Сантономъ*, корпусъ арміи Ланна, по обѣимъ сторонамъ Ольмюцкой дороги; на правомъ, отъ Тельница къ Кобленцу размѣстилъ корпусъ Сульта, въ центрѣ къ Гиршковицу корпусъ Бернадотта, пришедшій наканунѣ съ Богемской границы, присоединивъ къ нему конницу Мюрата. Самъ онъ сталъ въ резервѣ съ гвардіею и десятью батальонами подъ начальствомъ Удино. Сзади своего крайняго праваго крыла, въ Райгернъ на позицію совершенно эксцентрическую, онъ отрядилъ Даву съ дивизіею Фріана и дивизіею кавалеріи, чтобъ въ рѣшительную минуту пустить ихъ на лѣвый флангъ русскихъ. Какъ бы тамъ ни говорили, количество этихъ войскъ по крайней мѣрѣ равнялось числу союзниковъ, ибо три армейскихъ корпуса—Сульта, Бернадотта и Ланна, какъ ни были ограничены по поводу потерь и откомандировокъ, не могли имѣть каждый менѣе пятнадцати, двадцати тысячъ человѣкъ; гвардія и кавалерія Мюрата представляли по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ человѣкъ, да отрядъ Даву восемь тысячъ [265]).

---

[265]) Тьеръ говоритъ: 65—70,000 челов. Наполеонъ, который въ этомъ случаѣ разнорѣчивъ, говоритъ все-таки, по поводу иллюминаціи, которую импровизировали ему солдаты: 80,000 человѣкъ. *Прим. автора.*

Позиція эта, почти неприступная съ фронта, была создана чтобъ подбить союзниковъ на соблазнъ отрѣзать Наполеону дорогу на Вѣну, обойдя его правый флангъ и отдѣливъ его такимъ образомъ отъ остальной арміи, расквартированной въ окрестностяхъ этой столицы. Но эта операція, слишкомъ уже рискованная, еслибъ ее предприняли, на нѣкоторомъ разстояніи, рядомъ стратегическихъ движеній, съ силами только равными его силамъ, становилась безумнодерзкимъ предпріятіемъ съ тѣхъ поръ, какъ ее начинали на глазахъ у столь страшнаго врага подъ выстрѣлами его орудій и даже на полѣ сраженія, которое самъ онъ выбралъ. Таковъ по крайней мѣрѣ былъ планъ, на которомъ осмѣлился остановиться Вейротеръ, ободренный безъ сомнѣнія кажущеюся и разсчитанною слабостью нашихъ отрядовъ нашаго праваго фланга къ Тельницу и къ вѣнской дорогѣ. Для того, чтобъ болѣе и болѣе завлечь его на этотъ опасный путь, Наполеонъ не только обнажилъ свой правый флангъ, но оставилъ незанятою плоскую возвышенность Праценъ—родъ высокаго мыса, вдававшагося на средину двухъ армій и съ высоты котораго онъ могъ сильно затруднить это круговое движеніе австро-русской арміи. Союзники заняли возвышенность, но недостаточными силами, не подозрѣвая важности этой позиціи, и роли, которую имѣла она играть въ приготовлявшейся битвѣ. Въ продолженіе всего вечера 1 декабря русскіе обходили нашъ правый флангъ на два пушечные выстрѣла. Съ вершины своего бивуака Наполеонъ съ восторгомъ видѣлъ, какъ они стремились къ своей собственной гибели. Онъ предоставилъ имъ безпрепятственно совершить это движеніе, какъ бы сознавая невозможность воспротивиться этому: одинъ только небольшой отрядъ нашей кавалеріи показался на равнинѣ и немедленно отступилъ, какъ бы испуганный непріятельскими силами [266]).

---

[266]) Тридцатый бюллетень. *Прим. автора.*

Изъ этого начала Наполеонъ очень скоро понялъ, что усилія его привлечь на свой правый флангъ непріятельское нападеніе—увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Убѣжденіе его въ этомъ отношеніи было твердо до такой степени, что въ тотъ же вечеръ въ прокламаціи къ своимъ солдатамъ, онъ не поколебался объявить на свой страхъ о маневрѣ, который долженъ былъ произвести на другой день непріятель. „Позиціи, занимаемыя нами, говорилъ онъ: — страшны; и *въ то время какъ они будутъ идти въ обходъ моего праваго фланга, они мнѣ подставятъ свой флангъ.* Солдаты! я самъ буду направлять ваши батальоны. Я буду держаться вдали отъ огня, если вы съ обычною вашею храбростью смѣшаете непріятельскіе ряды; но если побѣда будетъ хоть съ минуту нерѣшительна, вы увидите, что вашъ императоръ подвергнется первымъ ударамъ!...“ Предсказаніе это, сдѣланное съ такою увѣренностью, много способствовало къ упроченію слуха, еще весьма распространеннаго въ Россіи [267]), что измѣна передала Наполеону планъ Вейротера. Фактъ этотъ конечно не представляетъ ничего невозможнаго, ибо хотя планъ Вейротера и былъ сообщенъ союзнымъ генераламъ очень поздно, ночью 1 декабря, однако навѣрное до того былъ извѣстенъ кое-кому въ генеральномъ штабѣ. Но Наполеонъ не имѣлъ ни малѣйшей надобности въ подобной продѣлкѣ для того, чтобъ разгадать ошибку, мысль о которой онъ внушилъ собственными своими распоряженіями, и которой все предварительное развитіе видѣлъ собственными глазами. Анекдотъ этотъ не заключаетъ въ себѣ большой

---

[267]) См. разказъ генерала Данилевскаго, который говоритъ въ этомъ отношеніи весьма утвердительно, и котораго Тьеръ оспариваетъ, ни мало не опровергая. «Никто, писалъ де Мэтръ 31 января 1806 г:—никто не сомнѣвается, что планъ сраженія не былъ доставленъ Бонапарте». *Correspondance diplomatique*, изд. Альбертомъ Бланкомъ.

Прим. автора.

важности и можетъ быть принятъ лишь на основаніи формальныхъ документовъ, которыхъ не имѣется и до настоящаго времени.

Осмотрѣвъ лично все на аванпостахъ, Наполеонъ захотѣлъ посѣтить пѣшкомъ бивуаки. Солдаты немедленно его узнали и окружили съ восклицаніями. Имъ вздумалось отпраздновать годовщину его коронаціи: мигомъ кули соломы были взоткнуты на колья, для импровизированной иллюминаціи, и длинная полоса свѣта, пробѣгая по нашей линіи, внушила союзникомъ мысль, что Наполеонъ старается ускользнуть посредствомъ хитрости, заимствованной у Аннибала и Фридриха. Одинъ старый гренадеръ подошелъ къ нему и обратился отъ имени товарищей съ слѣдующими словами: „Обѣщаю тебѣ, что мы доставимъ русскихъ знаменъ и пушекъ, чтобъ отпраздновать годовщину твоей коронаціи!“ Рѣчь характеристическая, доказывающая, что не смотря ни на что, республиканскій духъ существовалъ еще въ низшихъ рядахъ арміи, и что солдаты видѣли въ Наполеонѣ не столько властелина, сколько прежняго ровню, въ которомъ, даже коронуя его, они думали только осуществить собственное величіе.

На другой день утромъ, 2 декабря 1805 г., восходящее солнце разсѣяло туманъ, залегавшій въ долинахъ, и открыло другъ другу обѣ арміи, готовыя вступить въ бой. Русскіе совершенно почти очистили возвышенность Праценъ, и въ долинахъ, которыми она командуетъ, были ясно видны изъ колонны, подвигавшіяся къ Тельницу и Сокольницу. Этимъ путемъ располагали обойдти нашъ правый флангъ, прогнавъ дивизію Леграна, которая одна стерегла эти ущелья. Забота исполнить это капитальное движеніе плана Вейротера поручена была Буксгевдену, храброму, но неспособному генералу, имѣвшему подъ своимъ начальствомъ корпусъ въ тридцать тысячъ человѣкъ и генераловъ Ланжерона, Дохтурова и Пршибышевскаго; его долженъ былъ подкрѣпить Ко-

ловратъ, занимавшій еще часть возвышенности. Правый русскій флангъ, подъ начальствомъ Багратіона, стоялъ противъ Ланна впереди Сантона; въ центрѣ къ Аустерлицу находились оба императора съ ихъ гвардіею и корпусомъ принца Лихтенштейнскаго. Кутузовъ въ уныніи слѣдовалъ за своимъ монархомъ, скорбя заранѣе о предвидѣнномъ имъ несчастьи, но ничего не дѣлая, чтобъ отвратить его. Самъ Багратіонъ, читая утромъ изложеніе плана Вейротера, воскликнулъ: „Сраженіе проиграно“ [268]).

Союзная армія такимъ образомъ представляла огромный полукругъ, простиравшійся отъ Голубица къ Тельницу, и который замыкалъ уголъ, центръ котораго занимали наши войска. Находясь въ засадѣ на днѣ этого рода воронки, сжатая на узкой мѣстности, внимательная, неподвижная и собравшаяся, какъ левъ въ моментъ, когда онъ хочетъ броситься на добычу, французская армія въ грозномъ молчаніи ожидала сигнала нападенія на непріятеля. Когда весь лѣвый флангъ союзниковъ ринулся къ озерамъ и сталъ подходить у Тельница къ дивизіи Леграна, которую вскорѣ имѣлъ поддержать корпусъ Даву, вызванный изъ Райгерна, Наполеонъ, который до сихъ поръ удерживалъ свои войска, подалъ сигналъ, и дивизіи Сульта кинулись брать приступомъ высоты Працена. Онѣ встрѣтили тамъ колонну Коловрата, шедшую на соединеніе съ Буксгевденомъ, въ минуту взяли ее во флангъ и опрокинули; потомъ бросились на пѣхоту Милорадовича, явившагося во второй линіи для поддержки. Дивизіи Вандама и Сентъ-Илера, подкрѣпленныя бригадами Тьебо и Моранда, бросились въ штыки на русскіе батальоны. Послѣдніе, внезапно остановленные среди движенія, неподдержанные никакимъ резервомъ, атакованные съ боку, когда они шли на атаку съ фронта, были отброшены на склоны

---

[268]) Данилевскій. *Прим. автора.*

возвышенности въ глазахъ самого императора Александра, удивленнаго и опечаленнаго непредвидѣнною катастрофою, опрокинувшею его центръ.

Въ то время какъ Наполеонъ съ свойственною ему быстротою наносилъ этотъ рѣшительный ударъ, имѣвшій съ начала сраженія цѣлью разрѣзать русскую армію на двое въ самомъ ея центрѣ, другіе корпуса его, смѣло развернувшись вслѣдствіе мгновеннаго движенія впередъ, исполняли съ одинаковымъ успѣхомъ роли, имъ назначенныя. Правда, на крайнемъ нашемъ флангѣ, дивизія Леграна, окруженная сильнѣйшимъ вчетверо непріятелемъ, была сперва отброшена за Тельницъ и Сокольницъ; но Даву не замедлилъ явиться къ ней на помощь съ дивизіями Фріана и Бурсье, такъ что отступательное движеніе Леграна оказалось скорѣе выгоднымъ, нежели неблагопріятнымъ, ибо оно болѣе и болѣе завлекало русскій лѣвый флангъ въ ловушку, въ которой онъ долженъ былъ очутиться. Въ нашемъ центрѣ Бернадоттъ пошелъ на Блазовицъ; онъ атаковалъ русскую гвардію и корпусъ принца Лихтенштейнскаго, въ то же время какъ Ланнъ, образовавшій нашъ лѣвый флангъ, взялъ Голубицъ, не смотря на усилія Багратіона, оспаривавшаго эту позицію. Это двойное нападеніе помѣшало русскимъ подкрѣпить свои войска, бившіяся на Праценѣ. Великолѣпная кавалерія принца Лихтенштейнскаго, состоявшая изъ осьмидесяти двухъ эскадроновъ, призванная съ одной стороны на помощь центру, а съ другой получивъ приказаніе подкрѣпить Багратіона, не могла дѣйствовать послѣдовательно и вмѣстѣ, что было бы необходимо для натиска такой неотразимой массы. Одни изъ ея эскадроновъ съ уланами Константина бросились преслѣдовать легкую конницу Келлермана, среди нашей пѣхоты, которая осыпала ихъ пулями; другіе съ большимъ успѣхомъ атаковали кавалерію Мюрата, но вскорѣ возвратились, не бывъ поддержаны.

Бригада Каменскаго, вызванная съ лѣваго русскаго фланга княземъ Вяземскимъ на помощь центру, собрала остатки колоннъ Коловрата и Милорадовича и поправила на минуту дѣло. Тогда императоръ Александръ созналъ всю важность обладанія возвышенностью; но корпуса его, бившіеся вдали отъ этой позиціи, не имѣли возможности прислать подкрѣпленіе во время. Старикъ Кутузовъ, раненый въ голову, видѣлъ съ отчаяніемъ осуществленіе своего предчувствія, и когда у него спросили—опасна ли его рана, онъ отвѣчалъ, показывая на Праценъ: „Вотъ смертельная рана!" Атакованная съ фронта и съ фланга всѣми дивизіями Сульта, бригада Каменскаго геройски выдерживала наше нападеніе; но вскорѣ, подавленная численностью и потерявъ половину людей, была отброшена въ лощину къ Бирнбауму. Былъ часъ по полудни; союзный центръ потерпѣлъ пораженіе, оба фланга еще сражались, но безъ сообщенія и безъ средствъ соединиться. Въ эту критическую минуту русская гвардія, большая часть которой оставалась еще въ резервѣ, бросилась на нашъ центръ съ цѣлью смять его и попытаться овладѣть обратно высотами Працена. Одинъ изъ нашихъ батальоновъ былъ смятъ кирасирами; наполеоновская гвардія кинулась въ свою очередь, и обѣ конницы схватились съ ожесточеніемъ. Отборныя эти войска вступили въ рукопашный бой, который вскорѣ окончился въ нашу пользу. Кавалеристы поворотили назадъ въ безпорядкѣ, и Раппъ взялъ въ плѣнъ князя Ретюни. Въ то же время общій натискъ гвардіи и корпуса Бернадотта, послѣ ужаснѣйшаго боя, оттѣснилъ русскую линію по направленію къ Аустерлицу. Тогда Наполеонъ поспѣшилъ присоединить часть своихъ войскъ къ войскамъ Сульта, чтобъ пустить ихъ на корпусъ Буксгевдена.

Генералъ этотъ, продолжая смѣло исполнять свое движеніе вокругъ нашего праваго фланга, не только прошелъ Тельницъ и лощины, образовавшія озера, но дошелъ даже до окрестностей Тураса, расположеннаго сзади насъ, сражаясь

успѣшно съ дивизіями Даву и Леграна, и не заботясь о томъ, что происходило въ центрѣ. Когда его положительно потребовали, онъ долженъ былъ теперь идти подъ огнемъ всѣхъ дивизій Сульта. Дивизія Пршибышевскаго, оставленная имъ въ Сокольницѣ, была окружена и принуждена къ сдачѣ; ему удалось довести до Аугезда колонну Дохтурова, но въ минуту, когда они выходили, Вандамъ бросился на нее съ высотъ Працена и перерѣзалъ на двое, такъ что одна только часть ея могла продолжать путь на соединеніе съ Кутузовымъ. Остальная часть колонны Дохтурова и вся колонна Ланжерона съ кавалеріею Кинмайера были отброшены за озера. Артиллерія ихъ взошла на мостъ, который провалился; войска, сопровождавшія ее, кинулись на озеро Тельница, замерзшее нѣсколько дней тому назадъ. Но Наполеонъ немедленно велѣлъ направить огонь своихъ батарей на этихъ несчастныхъ. Ледъ, пробитый нашими ядрами и уступая тяжести такой огромной массы, мгновенно проломился и поглотилъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Еще на другой день слышны были ихъ крики и стоны. Единственнымъ выходомъ Дохтурову и Кинмайеру оставалась узкая плотина, лежащая между озеръ Мельница и Тельница, и по этому-то шоссе, подъ перекрестнымъ огнемъ нашей артиллеріи оба генерала отступили съ удивительнымъ мужествомъ, но понеся громадныя потери [269]).

Таковы были страшныя сцены, освѣщенныя *солнцемъ Аустерлица*. Сцены эти безъ сомнѣнія имѣли свое величіе, какъ и всѣ, въ которыхъ развертываются отвага и геній, но ничто не могло стереть съ нихъ ужаса, ибо одно только можетъ очистить и облагородить поле сраженія—это торжество

---

[269]) 30, 31, 32 и 33 бюллетени; замѣчанія Наполеона о рапортѣ Кутузова; разсказъ генерала Данилевскаго; разсказъ генерала Рауха; *Memorial du Depôt de la guerre*; донесеніе Кутузова, Жомини; *записки Ровиго*.
Прим. автора.

великой идеи. Здѣсь причиною не былъ принципъ, а одинъ человѣкъ; и наши побѣды не могли быть ни чѣмъ инымъ какъ бойнею.

Австро-русская армія отступила не на Ольмюцъ, какъ предполагалъ Наполеонъ вечеромъ въ день Аустерлицкой битвы, но на Венгрію, что по всѣмъ видимостямъ спасло ее отъ большаго еще пораженія. Русскіе потеряли двадцать одну тысячу убитыми и ранеными, австрійцы около шести тысячъ; сто тридцать три орудія и огромное количество знаменъ достались въ наши руки. Съ нашей стороны было потеряно, по самымъ вѣрнымъ исчисленіямъ, около осьми тысячъ пятисотъ человѣкъ, ибо нельзя не видѣть самаго дѣтскаго поступка въ томъ уменьшеніи, какое по этому случаю встрѣчается въ бюллетеняхъ императора (восемь сотъ убитыхъ и полторы тысячи раненыхъ). Никогда еще Наполеонъ не одерживалъ столь громадной побѣды. Должно прибавить, что никогда ему такъ не благопріятствовали ошибки противниковъ; но заставить непріятеля сдѣлать ошибку—это половина военнаго генія, а въ этомъ обстоятельствѣ онъ отличался. Побѣда при Риволи была также блистательна, но результатъ далеко не могъ равняться съ аустерлицкою. Непосредственныя послѣдствія ея почти равнялись уничтоженію европейской коалиціи, которая надолго обрекалась на безсиліе. Что же касается послѣдствій дальнѣйшихъ, они могли быть еще болѣе удовлетворительны, еслибъ отвратительная политика не мѣшала безпрестанно успѣхамъ этого чуднаго военнаго генія. Но до конца своей карьеры Наполеонъ долженъ былъ доказывать собственнымъ примѣромъ, что есть искусство и рѣже и труднѣе того, которое заключается въ умѣньи пользоваться побѣдою: это именно искусство, научающее не употреблять ее въ зло.

ГЛАВА IX.

Пресбургскій договоръ.—Имперія и вассальныя королевства.—Рейнскій союзъ.—Внутреннее положеніе.—Разрывъ съ Пруссіею.

Теперь мнѣ остается разсказать, вслѣдствіе какого ряда странныхъ событій, Пруссія, мимо воли, очутилась въ необходимости занять на мѣстѣ битвы положеніе побѣжденной Австріи. На другой день послѣ аустерлицкой битвы императоръ Францъ попросилъ свиданія у своего побѣдителя. Генералъ безъ арміи и государь безъ государства, монархъ этотъ имѣлъ единственное убѣжище въ Венгріи, которую впрочемъ братъ его эрцъ-герцогъ не въ состояніи былъ защищать противъ насъ. Онъ явился на бивуакъ къ Наполеону, унизилъ въ своемъ лицѣ шесть вѣковъ величія, могущества и гордости, и получилъ изъ милости перемиріе, первымъ условіемъ котораго было для него отдѣленіе отъ Александра и немедленное очищеніе русскими австрійскихъ владѣній. Императоръ Александръ, которому надоѣла роль генералиссимуса и воображеніе котораго было поражено ужасными сценами, совершившимися въ его присутствіи, съ удовольствіемъ согласился на условіе, которое, даже по просьбѣ самого союзника, освобождало его отъ всѣхъ обязательствъ относительно Австріи. Онъ находился тогда въ Голишѣ за Моравою. Въ то время увѣряли на основаніи

Наполеоновскаго бюллетеня и хвастовства Савари, что государь этотъ былъ въ отчаянномъ положеніи и что спасеніемъ своимъ въ этомъ случаѣ былъ обязанъ только великодушію Наполеона. Но это великодушіе кажется по меньшей мѣрѣ сомнительно, ибо, вопервыхъ, Наполеонъ, соглашаясь на перемиріе, совершенно не зналъ дѣйствительнаго положенія русскихъ; онъ даже имѣлъ поводъ считать его лучшимъ, чѣмъ оно было, ибо велѣлъ преслѣдовать ихъ въ направленіи, противоположномъ тому, какое они приняли; во вторыхъ мѣстонахожденіе Александра было прикрыто арміею, которая, не смотря на свои потери, была сильнѣе двухъ дивизій, съ которыми Даву собрался напасть на него въ Гедингѣ, съ цѣлью воспрепятствовать переправѣ чрезъ Мораву. Наконецъ самъ Наполеонъ, который въ своемъ тридцать первомъ бюллетенѣ писалъ, „что ни одинъ человѣкъ изъ русской арміи не могъ бы спастись“, говорилъ другое въ своей важной перепискѣ, гдѣ онъ писалъ только, что Александру *было бы трудно отдѣлаться* [270]), а это имѣетъ совершенно другое значеніе.

Цѣль подобнаго увѣренія слишкомъ очевидна, чтобъ можно было принять его безусловно. Наполеоновскіе бюллетени болѣе и болѣе становились какъ бы родомъ манифеста, обращеннаго уже не къ французской арміи, но къ цѣлой Европѣ, и котораго каждое слово было разсчитано, чтобъ вліять на общественное мнѣніе въ смыслѣ страстей и интересовъ императора. Здѣсь намѣреніе его лишить уваженія храбрую, хотя и несчастливую армію, выхваляя собственное великодушіе, было очевидно, и только угодники могутъ обманываться въ этомъ случаѣ. То же должно сказать и о словахъ, которыя онъ приписываетъ Австрійскому императору, разсказывая о свиданіи съ этимъ государемъ: „Франція, будто

---

[270]) Наполеонъ къ Талейрану, 4 декабря. *Прим. автора.*

бы сказалъ послѣдній:—права въ ссорѣ съ Англіею.... англичане купцы, которые готовы поджечь континентъ, лишь бы только завладѣть всемірною торговлею!“ Еслибъ даже это и было справедливо, то разглашеніе интимнаго разговора можно назвать не только мало великодушною нескромностью, имѣвшею цѣлью поссорить Австрію съ Англіею, но и неловкостью, ибо оно было діаметрально противоположно его цѣли, давая такъ ясно видѣть причины, которыя внушили ее. Варварства и страшныя опустошенія на австрійской территоріи, приписываемыя русской арміи Наполеономъ, чрезмѣрныя похвалы, расточаемыя имъ принцу Іоанну Лихтенштейнскому, стороннику австро-французскаго союза, въ ущербъ Кобенцелю, партизану политики національной, и Гаугвицу, тщеславіе котораго было столь извѣстно, въ ущербъ Гарденбергу, котораго онъ публично осмѣливался обвинять въ *ненечувствительности къ золотому дождю* [271]), потому что послѣдній выказывалъ рвеніе къ чести и достоинству своей страны, всѣ эти разнообразныя выходки единственный и тотъ же самый поводъ—сѣять раздоры и ненависть между людьми и народами, съ которыми приходилось ему бороться. Но эти монархи, государственные люди и дипломаты не были до такой степени новички, чтобъ имъ не приходилось иногда слышать поговорки: *Divide et impera*; они могли притвориться на время, что поддаются хитрости, пущенной въ ходъ для ихъ разъединенія, но съ желаніемъ тѣмъ живѣйшаго примиренія, что имъ навязывали униженіе лжи, которая не могла никого обмануть.

У Наполеона не было другихъ правилъ поведенія во время переговоровъ, открывшихся послѣ аустерлицкой битвы. На этотъ разъ, когда дѣло шло не объ удовлетвореніи личныхъ неудовольствій, но о разрѣшеніи дипломатическихъ

---

[271]) Тридцать четвертый бюллетень. *Прим. автора.*

вопросовъ высокой важности, правило *раздѣлять для того чтобъ повелѣвать,* было совершенно у мѣста и онъ могъ бы приложить его съ большими шансами на успѣхъ, еслибъ съумѣлъ хоть сколько нибудь обуздать свою ненасытную алчность. Первою его заботою было разрознить переговорщиковъ и договариваться о мирѣ съ каждою державою отдѣльно—пріемъ искусный, который предупреждалъ всякое соглашеніе и всякое дѣйствіе съобща между побѣжденными союзниками. Отдѣливъ Австрію отъ Россіи, онъ постарался отдѣлить ее и отъ Пруссіи. За три дня до сраженія Гаугвицъ былъ у него въ лагерѣ съ предъявленіемъ ультиматума Пруссіи, и Наполеонъ отправилъ его въ Вѣну, отложивъ свой отвѣтъ до болѣе благопріятнаго времени; теперь, когда сама Пруссія была побѣждена, безъ войны, Наполеонъ предоставилъ себѣ лично договариваться съ Гаугвицемъ. Что же касается переговоровъ съ Австріею, онъ поручилъ ихъ Талейрану, требуя, чтобъ они происходили не въ Вѣнѣ, а въ Брюннѣ.

Талейранъ остался вѣренъ мудрымъ идеямъ, которыя выражалъ въ Страсбургской запискѣ и потомъ въ частныхъ письмахъ; онъ хотѣлъ, чтобъ побѣдою пользовались умѣренно и даже съ великодушіемъ. Онъ совѣтовалъ Наполеону явить милосердіе относительно Австріи. Чѣмъ полнѣе былъ нашъ успѣхъ, тѣмъ казалось ему удобнѣе и политичнѣе это поведеніе, ибо оно имѣло болѣе шансовъ выиграть намъ расположеніе этой державы потому, что мы собирались поднять непріятеля, доведеннаго до крайняго отчаянія. Онъ соглашался на взятіе у Австріи Венеціи и швабскихъ провинцій, ибо этимъ предупреждался всякій новый поводъ къ ссорѣ; но въ то же время надо было дать ей щедрое вознагражденіе на Дунаѣ, гдѣ для насъ очень важно было видѣть пріобрѣтеніе ею провинцій, которыхъ жаждала Россія; необходимо было успокоить ее отдѣленіемъ короны французской отъ итальянской, и даже уничтожить всякое ея подозрѣніе,

сдѣлавъ Венецію независимымъ государствомъ, вмѣсто присоединенія къ Французской имперіи. Благодаря этимъ уступкамъ, Австрія, подкрѣпленная тою самою войною, которая должна была разорить ее, привязалась бы къ намъ не только изъ признательности, но и въ видахъ продолжительной пользы; политика наша не была бы постоянною угрозою европейской системѣ, и въ случаѣ новой войны мы нашли бы въ самомъ центрѣ континента точку опоры гораздо прочнѣе прусской шаткости.

Совѣты эти были прозорливы и разумны, ибо они нисколько не исключали добраго согласія съ Пруссіею; они даже настаивали на томъ, что если предпочитался союзъ съ этою державою, такъ какъ она удалялась отъ насъ, только поставивъ свою щекотливость выше своихъ интересовъ, то, независимо отъ выгодъ, которыя долженствовали обезпечить намъ ея содѣйствіе, мы должны были предложить ей залогъ, который успокоивалъ бы европейскій миръ въ будущемъ. Но Наполеонъ, нежелавшій даже до аустерлицкой битвы слушать этихъ совѣтовъ, гораздо менѣе былъ расположенъ слѣдовать имъ теперь, уничтоживъ союзную армію. Онъ давно уже позабылъ ульмскую программу. Какъ ни былъ честолюбивъ первый этотъ проэктъ, но онъ казался ему уже не болѣе какъ робкою и запоздалою попыткою. Онъ хотѣлъ уже отнять у Австріи не только Венецію, Тироль, Форальбергъ и швабскія провинціи, но Фріуль, Истрію, Далмацію, да и эти пріобрѣтенія были не болѣе какъ предвкушеніемъ тѣхъ плодовъ, какіе разсчитывалъ онъ извлечь изъ своей побѣды. Во всякомъ случаѣ онъ не смѣлъ заявить съ перваго раза своихъ претензій во всей полнотѣ, хотя и заранѣе обезпечилъ себя договорами съ курфюрстами Баварскимъ, Вюртембергскимъ и Баденскимъ, которые должны были получить отъ него австрійскія нѣмецкія провинціи; онъ хотѣлъ прежде знать расположеніе Пруссіи. Выигрывать время, отдѣлываться неопредѣленностью въ иныхъ вопросахъ, а

именно въ томъ, который поднимался по поводу столь часто обѣщаннаго раздѣленія коронъ французской и итальянской, раздѣленія, которое Наполеонъ предлагалъ въ шутку отложить до тѣхъ поръ, *пока Англія возстановитъ равновѣсіе морей* [272]; наконецъ не принимать никакого окончательнаго обязательства и избѣгать разговора о Неаполѣ, который благодаря разрыву нейтральныхъ, попадалъ къ намъ въ руки—вотъ была временная роль, назначенная Талейрану. Не зная еще, не будетъ ли онъ принужденъ разойдтись съ Пруссіею, Наполеонъ допускалъ возможность сдѣлки относительно кое-какихъ пунктовъ, напримѣръ прощенія Неаполитанской королевы въ обмѣнъ высылки Дама и Актона; но прежде нежели на что нибудь рѣшиться, онъ хотѣлъ повидаться съ Гаугвицемъ и узнать настоящія его чувства. Поэтому онъ поспѣшилъ возвратиться въ Вѣну (12 декабря), оставивъ Талейрана вести переговоры въ Брюннѣ съ австрійскими уполномоченными.

Гаугвицъ ожидалъ Наполеона съ большимъ смущеніемъ, которое было весьма основательно по поводу ложнаго положенія, въ какомъ находилось его правительство. Изъ двухъ союзниковъ, съ которыми прусскій кабинетъ вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія, одинъ находился внѣ возможности дѣйствовать,—другой заключалъ миръ и сдавался безусловно. Ему оставалась третья союзница—Англія, но отъ которой онъ не могъ ожидать никакой дѣятельной помощи. Итакъ, предположивъ продолженіе войны, Пруссія должна была одна выносить натискъ наполеоновскихъ армій; и эта перспектива внушала ей живѣйшую тревогу. Кромѣ того ей было трудно выйдти съ достоинствомъ изъ щекотливаго положенія, въ какомъ она очутилась, ибо если она освободилась отъ обязательствъ, относительно Австріи, то она не

---

[272]) Наполеонъ къ Талейрану, 13 декабря 1805. ***Прим. автора.***

была свободна относительно Англіи и Россіи. Такъ какъ Наполеонъ хорошо зналъ эти обстоятельства, хотя имѣлъ лишь неполныя замѣтки о потсдамскомъ договорѣ, то и имѣлъ значительное преимущество предъ прусскимъ уполномоченнымъ, и разумѣется поспѣшилъ воспользоваться этимъ съ своею обычною увѣренностью. Онъ принялъ Гаугвица, то показывая негодованіе обманутаго союзника, которому за услуги заплатили черною неблагодарностью, то вспыльчивость разгнѣваннаго побѣдителя, жаждущаго мщенія; онъ притворялся, что не считалъ серьезными—весьма законныхъ жалобъ, приведенныхъ Пруссіею для подкрѣпленія ея политики, что она едва имѣла смутное понятіе о нарушеніяхъ территорій и объ оскорбительныхъ пріемахъ, доведшихъ ее до отчаянія. Испуганный Гаугвицъ, боясь навлечь на свою родину бѣдствія невыгодной войны, имѣлъ слабость поддаться этой комедіи, или гнусность показать, что ей повѣрилъ въ моментъ, когда одной энергической демонстраціи съ его стороны было достаточно, чтобъ умѣрить необузданное честолюбіе, обуревавшее умъ Наполеона. Онъ допустилъ его принять роль обвинителя, слабо защищался противъ его упрековъ, однимъ словомъ выказалъ смущеніе и уныніе въ то время, когда долженъ былъ говорить громко и гордо. До этого-то и хотѣлось Наполеону довести его. Когда императоръ разсудилъ, что уже достаточно напугалъ этого дипломата, онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и вмѣсто объявленія войны, которою устрашалъ его, предложилъ союзъ и уступку Ганновера. Но соглашаясь на эту великую жертву, онъ требовалъ немедленно выбора, онъ не могъ подчиниться дальнѣйшему обсужденію; должны были избрать безотлагательно войну или поземельное пріобрѣтеніе. Гаугвицъ всегда былъ сторонникомъ союза съ Франціею во что бы то ни стало; онъ никогда не выказывалъ ни большой щекотливости, ни патріотизма, и даже не видѣлъ—что было гнуснаго для его родины въ этой сдѣлкѣ; онъ былъ ослѣпленъ и съ

жадностью кинулся на предложенную ему приманку, съ сладкою надеждою, что въ Пруссіи его примутъ какъ народнаго благодѣтеля, ибо доставлялъ своему монарху территоріальное увеличеніе вмѣсто войны, которой имѣлъ поводъ опасаться. Онъ подписалъ, такъ сказать, во время самаго присутствія, съ тѣмъ чтобъ представить на утвержденіе своего правительства, договоръ оборонительнаго и наступательнаго союза, въ силу котораго Пруссія получала Ганноверъ въ замѣну Аншпахскаго маркизата, который Наполеонъ долженъ былъ переуступить Баваріи, и княжества Невшательскаго, которое онъ хотѣлъ присоединить къ Франціи (15 декабря).

Не успѣлъ Наполеонъ заключить этой сдѣлки съ Пруссіею, какъ уже обнаружилъ свои притязанія относительно Австріи: онъ не только потребовалъ ихъ во всей силѣ, но заявилъ еще новыя, внушенныя ему этимъ успѣхомъ. Онъ не хотѣлъ уже сдѣлки касательно Тироля, ему нужна была кромѣ того Далмація; что касается Неаполя, то Талейранъ не долженъ былъ даже терпѣть, чтобъ ему о немъ говорили, ибо настала пора „*наказать эту мошенницу* [273])“! Наканунѣ еще онъ готовъ былъ довольствоваться высылкою Актона, а теперь преступленія Неаполитанской королевы превзошли всякій предѣлъ, и одно устраненіе ея могло удовлетворить Наполеона. Быструю эту перемѣну объясняли тѣмъ, что въ это время онъ узналъ о разрывѣ неаполитанскаго нейтралитета [274]); это совершенная неправда: онъ видѣлъ и поработилъ Гаугвица—вотъ и все. Наполеонъ согласился только на одну уступку, именно ограничить военную контрибуцію пятидесятью милліонами. Талейранъ долженъ

---

[273]) Наполеонъ къ Талейрану, 14 декабря 1805. *Прим. автора.*

[274]) Тьеръ. Письмо отъ 14 декабря, въ которомъ Наполеонъ позволялъ Талейрану вступить въ сдѣлку относительно Неаполя, доказываетъ очень ясно, что онъ зналъ о паденіи королевы. *Прим. автора.*

былъ дать понять уполномоченнымъ объ улаженіи съ Пруссіею, и что каждый день промедленія могъ только ухудшить ихъ положеніе. Наполеонъ не допускалъ даже мысли, чтобъ Прусскій король отказался утвердить договоръ, наносившій ему безчестье, но доставлявшій большія выгоды; во всякомъ случаѣ онъ былъ увѣренъ въ этомъ согласіи и даже извлекалъ изъ него пользу, какъ бы уже имѣлъ его. Онъ велѣлъ перенести переговоры изъ Брюнна въ Пресбургъ, чтобъ быть къ нему ближе; въ то же время онъ сосредоточивалъ свои войска и придавалъ имъ угрожающій видъ, словно ожидая близкаго разрыва. Одинокіе уполномоченные, смущенные столькими послѣдовательными неожиданностями и боясь увеличенія новыхъ требованій, возраставшихъ ежедневно, рѣшились подвергнуться тяжелому закону необходимости и, уставъ отъ безполезнаго сопротивленія, подписали гибельный Пресбургскій договоръ, самый унизительный, какой когда либо былъ навязанъ Австрійскому дому.

Австрія уступала Венецію, Истрію, Фріуль и Далмацію Итальянскому королевству, Тироль и Форальбергъ Баваріи, Швабскія провинціи предназначались Вюртембергу; Бризгау, Ортенау и городъ Констанцъ—Баденскому курфюрсту. Она отказывалась отъ всѣхъ правъ на непосредственное дворянство: она лишала покровительства эту могущественную силу, которая такъ много способствовала австрійскому вліянію въ Германіи; признавала королями курфюрстовъ Баденскаго и Вюртембергскаго; принимала наконецъ все, что мы сдѣлали въ Италіи, и соглашалась молчать о Неаполѣ. Какъ вознагражденіе, ей давали княжество Вюрцбургское для одного изъ ея эрцъ-герцоговъ. Краткая эта война заставила ее потерять наилучшія ея провинціи, равняющіяся пятой части территоріи, и всѣ почти выходы въ море. Вмѣсто того чтобъ предлагать такія тяжелыя и оскорбительныя условія, гораздо лучше было бы сразу нанести ей смертельный ударъ, ибо она не могла жить въ приготовленномъ положеніи, и поли-

тика ея неизбѣжно дѣлалась постояннымъ заговоромъ—въ надеждѣ отомстить намъ. Надобно было или уничтожить ее совершенно, или предложить достойныя условія. Оставить ее жить, доведя до отчаянія, значило замѣнить принудительною враждою непріязнь, которая до тѣхъ поръ обусловливалась только обстоятельствами. Мы думали объ этомъ, когда узнали Пресбургскія условія. „Дѣти мои, сказалъ эрцъгерцогъ Карлъ, прощаясь съ своими солдатами:—*отдохните до тѣхъ поръ, пока мы начнемъ снова*" [275]).

Чтобъ предотвратить эту опасность, которая не могла ускользнуть отъ его проницательнаго взора, пріобрѣлъ ли по крайней мѣрѣ Наполеонъ друзей, способныхъ противостать такой естественной ненависти? Онъ не нашелъ въ этомъ отношеніи ничего лучшаго, какъ договоръ, отвезенный въ Берлинъ Гаугвицемъ, договоръ, который можетъ быть Пруссія и принуждена бъ была подписать во избѣжаніе войны, но который она могла принять лишь съ глубокимъ униженіемъ и пламенною жаждою мести. Держава эта дѣйствительно такъ тѣсно была связана съ Англію, что ожидала уже перваго срока полученія субсидій изъ Лондона. Препятствовать ей въ полученіи наслѣдства даже отъ государя, который помогалъ ей деньгами,—значило поставить ее въ критическое положеніе. Здѣсь было нѣчто серьезнѣе шутки, съ Прусскимъ кобинетомъ: это была тяжкая рана для народной гордости и для щекотливости патріотизма и чести, которыя Наполеонъ ставилъ ни во что при своихъ разсчетахъ. Итакъ вмѣсто того, чтобъ пріобрѣсть намъ здѣсь союзника, его политика создала намъ новую вражду; и съ его стороны было страшное ослѣпленіе вѣрить, что онъ могъ нейтрализовать ее при помощи троихъ кліентовъ, Баденскаго, Вюртембергскаго и Баварскаго. Территоріальныя увеличенія, которыя онъ имъ предоставилъ, были, дѣйстви-

---

[275]) Де Мэтръ *Дипломатическая корреспонденція*, 31 января 1806.

тельно, ничто предъ потерею вліянія, уваженія и популярности, которой подвергло ихъ наше покровительство. Ихъ считали въ Германіи прикащиками Наполеона, и заявивъ хвастливо въ тридцать седьмомъ бюллетенѣ, что они получили королевскія титла, какъ заслуженную награду, онъ озаботился самъ выставить ихъ въ жертву ненависти ихъ земляковъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на измѣнниковъ. Это значило заставить этихъ государей дорого заплатить за союзъ, въ который они вступали скорѣе по принужденію, нежели добровольно. Благодарность ихъ была тѣмъ сомнительнѣе, что Наполеонъ, независимо отъ столь мало прикрытаго вассальства, собирался навязать имъ отношенія, способныя оскорбить въ нихъ самое дорогое чувство. Этому случайному монарху, насильно ворвавшемуся въ кругъ королей, необходимы были семейныя связи, которыя способствовали бы къ уничтоженію скромнаго прошедшаго выскочки. Въ этомъ отношеніи Наполеонъ подверженъ былъ предразсудкамъ, свойственнымъ самымъ обыкновеннымъ людямъ; онъ остался чувствителенъ къ обаянію рожденія и сословія, какъ мѣщанинъ прежняго времени, и экс-террористъ сгаралъ нетерпѣніемъ вступить въ связь съ королями. Онъ уже не разъ давалъ объ этомъ предчувствовать нѣсколькимъ мелкимъ германскимъ государямъ, но попытки его не были приняты. При началѣ новой кампаніи, соединившись съ курфюрстами Баварскимъ, Вюртембергскимъ и Баденскимъ, онъ велѣлъ своему представителю, генералу Тіарду, возобновить эти предложенія, но поименованные государи мало выказали готовности. Наиболѣе изъ нихъ расположенный къ намъ, Баварскій курфюрстъ притворялся глухимъ; дочь его, принцесса Августа, которую Наполеонъ хотѣлъ выдать за принца Евгенія, готовилась выйдти за сына Баденскаго курфюрста, а жена его громко протестовала при одной мысли о предлагаемомъ неравномъ бракѣ. Что касается Вюртембергскаго курфюрста, дочь котораго Напо-

леонъ прочилъ за своею брата Жерома, то онъ былъ еще хуже приготовленъ къ подобному родству, ибо сдѣлался нашимъ союзникомъ противъ воли, и необходимо было прибѣгнуть къ пушкамъ для того, чтобъ отворить ворота Штудгардта. Итакъ всѣ эти государи съ ужасомъ отклоняли эту руку, еще обагренную кровью герцога энгіэнскаго. Но послѣ Аустерлица роли перемѣнились. О чемъ Наполеонъ наканунѣ просилъ, того онъ теперь требовалъ; онъ дѣйствовалъ уже не какъ союзникъ, но въ качествѣ властелина. Подобно тому, какъ во время варварства грабежъ былъ слѣдствіемъ побѣды, необходимо, чтобъ дочери этихъ государей служили своимъ отцамъ выкупомъ ихъ государствъ. Принцесса Августа, разлученная съ женихомъ, должна была выйдти за человѣка, который лишь видѣлъ ея портретъ нѣсколько дней тому назадъ на фарфоровой тарелкѣ [276]); наконецъ самъ этотъ женихъ противъ воли женится на Стефаніи Богарне; наконецъ Жеромъ, вступившій въ бракъ въ Бальтиморѣ съ достойною особою, но необладавшею знатными титлами, и отъ которой имѣлъ уже дитя, принужденъ былъ развестись и жениться на дочери Вюртембергскаго курфюрста.

Но эти блестящія семейныя связи, пріобрѣтенныя вооруженною рукою, и территоріальные передѣлы, которые были или долженствовали служить ихъ вознагражденіемъ, уменьшенная Австрія, разстроенная русская армія, униженная Пруссія и Германская Конфедерація, передѣланная въ нашу пользу—всѣ эти факты составляли лишь особую часть послѣдствій, какія Наполеонъ намѣревался извлечь изъ аустерлицкой побѣды. Онъ мечталъ теперь о радикальной перемѣнѣ всей европейской системы. Когда при началѣ имперіи онъ взывалъ къ памяти Карломана, въ этомъ видѣли вообще только фантазію и ораторскій пріемъ, неимѣвшій суще-

---

[276]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 31 декабря 1805. *Прим. автора.*

ственнаго отношенія къ фактамъ. Послѣ аустерлицкой битвы можно было видѣть, что тутъ было съ его стороны нѣчто другое кромѣ случайнаго выраженія. Это не то что федерація королевствъ, которою онъ хотѣлъ окружить себя, не имѣла ни чего общаго съ старинною королевскою федераціею. Подъ именемъ федераціи онъ имѣлъ въ виду тѣсное и самовластное единство. Эти вассальныя королевства въ сущности долженствовали быть послушными орудіями его собственнаго господства: это было замаскированіе, къ которому онъ считалъ обязанностью прибѣгнуть, потому что простое заявленіе намѣреній создало бы ему многихъ враговъ при тогдашнемъ положеніи Европы. Завоеваніе въ своемъ грубомъ смыслѣ было слишкомъ ненавистно, чтобъ могло долго поддержать себя; требовалось прикрыть его кое-какими формами независимости и автономіи, и именно для созданія обмана онъ задумалъ основать троны для своихъ братьевъ, и учредить княжества въ пользу своихъ генераловъ и чиновниковъ. Но подъ этими громкими именами королей, принцевъ, герцоговъ, большихъ и малыхъ ленниковъ должны были быть лишь покорные слуги желѣзной централизаціи. Онъ льстилъ себя надеждою, что народы будутъ обмануты этими наружными формами и что съ той минуты, какъ его креатуры получатъ титла независимыхъ государей,—въ нихъ будутъ видѣть только народныхъ представителей. Итакъ націи могли считать себя свободными и независимыми подъ опекою этой высшей челяди изъ принцевъ и королей, которою онъ самъ имѣлъ управлять въ качествѣ самовластнаго господина. Такова по своему духу и по своимъ существеннымъ чертамъ знаменитая эта федеральная система, которую выставляютъ намъ созданіемъ генія, и которая была ни что иное какъ жалкій пріемъ деспотизма.

Разрывъ столькихъ вѣковыхъ узъ, связывавшихъ народы, которыми собирались располагать безъ ихъ согласія, открытое презрѣніе къ ихъ преданіямъ, привычкамъ, чувствамъ,

питаемымъ ими къ прежнимъ династіямъ, презрѣніе къ ихъ патріотической гордости, къ самымъ дорогимъ симпатіямъ, разрушеніе ихъ учрежденій, однимъ словомъ полнѣйшая перемѣна, которую вводили во всѣ условія ихъ существованія,—все это заставляло предполагать, что въ силу выраженія, которымъ такъ много злоупотребляли, *они созрѣли*, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, для этихъ преобразованій, что имъ давали кое-какое вознагражденіе, если что нибудь можетъ вознаградить потерю свободы, что наконецъ во всѣхъ ихъ идеяхъ произошелъ радикальный переворотъ и что на помощь этого переворота разсчитывали на успѣхъ навязаннаго имъ новаго порядка вещей. Но ничего этого не было. Столь хвалимыя благодѣянія *Гражданскаго кодеска* ни коимъ образомъ не могли заставить ихъ забыть бѣдствія рабства, и даже когда улучшали ихъ администрацію, упрощая ее какъ въ Германіи, имъ было очень ясно видно, что это дѣлалось единственно для болѣе быстраго и болѣе удобнаго отправленія деспотизма. Наполеонъ ни минуты не позаботился объ истинномъ положеніи ихъ чувствъ и мнѣній. Привыкнувъ видѣть въ государствахъ ни что иное какъ организованную силу, не обращать никакого вниманія на силы нравственныя, не видѣть народовъ за правительствами, ибо, убивъ нѣсколько тысячъ подъ Аустерлицемъ, онъ считалъ, что все было кончено; овладѣвъ при помощи случая полемъ сраженія, онъ полагалъ, что могъ распоряжаться самовластно европейскими народами; обезоруживъ кабинеты, онъ думалъ, что съ народами можно обращаться какъ съ *мертвыми головами*, надъ которыми можно производить сколько угодно операцій, ни мало не безпокоясь о ихъ винѣ, интересахъ или удобствахъ. Какъ бы ни объясняли это презрѣніе, оно въ короткое время приняло такіе грубые размѣры, какихъ ни чѣмъ оправдать невозможно.

Наполеонъ отпраздновалъ эту систему низверженіемъ Неаполитанскаго королевскаго дома. Онъ даже изъ Вѣны по-

торопился заявить объ этомъ событіи Европѣ, какъ только сдѣлка его съ Гаугвицемъ убѣдила его, что ему нечего бояться Пруссіи. „Генералъ Сенъ-Сиръ, говоритъ онъ въ своемъ тридцать седьмомъ бюллетенѣ: идетъ усиленными переходами къ Неаполю, чтобъ наказать измѣну королевы *и свергнуть съ престола эту преступную женщину, которая съ такимъ безстыдствомъ нарушила все священное для человѣка!*" За нее начали ходатайствовать у императора. Онъ отвѣчалъ: „Еслибъ даже пришлось возобновить непріятельскія дѣйствія и вести войну тридцать лѣтъ, то и въ такомъ случаѣ *подобное ужасное коварство не можетъ заслужить прощенія!*"

Но если со стороны королевы было ужаснымъ коварствомъ нарушить неожиданно нейтральный договоръ, послѣ всѣхъ бѣдствій, за которыя она имѣла полное право жаловаться на Наполеона, то какого же названія заслуживаетъ поведеніе самого Наполеона, когда среди мира и наканунѣ заключенія этого нейтральнаго договора, онъ приказалъ Сенъ-Сиру идти въ Неаполь и бросить дворъ въ море? Съ чьей стороны были вызовы, лихоимства, нарушенія территоріи, насилія и оскорбленія, доведшія королеву до этого отчаяннаго положенія? Развѣ Наполеонъ не доказалъ ей тысячью способовъ, что при первомъ случаѣ рѣшился отнять у нее королевство, развѣ не двадцать разъ грозилъ онъ ей пустить ее по міру и не оставить въ ея владѣніяхъ достаточно мѣста для ея погребенія? Развѣ она могла не знать, что угрозы эти готовы были исполниться, и что одна только континентальная война заставила Наполеона отложить намѣреніе? Наконецъ, печатая въ Мониторѣ этотъ нейтральный договоръ, надиктованный силою, развѣ непріятель не озаботился предупредить ее, *что интересы Франціи совѣтовали овладѣть этимъ государствомъ посредствомъ легкаго и полезнаго завоеванія?* Вѣроятно ли, чтобъ Наполеонъ, при его характерѣ и прежнемъ поведеніи, въ состояніи былъ долго лишать

себя завоеванія легкаго, полезнаго и внушаемаго интересами Франціи.

Итакъ вѣроломства Неаполитанскаго двора были принужденнымъ результатомъ еще гнуснѣйшаго коварства, но которое умѣло скрываться довольно искусно, для того чтобъ обмануть поверхностные умы. Измѣна Неаполитанской королевы немедленно перешла въ состояніе несомнѣннаго факта, и Наполеонъ усилилъ это впечатлѣніе громкою вспышкою притворнаго гнѣва. Войска наши подъ начальствомъ Массены, Сенъ-Сира и Ренье слѣдовали въ Неаполь съ убѣжденіемъ, что шли ниспровергнуть самое олицетвореніе обмана и вѣроломства; они просто разсчитывали воздвигнуть тамъ своими республиканскими руками новый тронъ, который давно уже былъ предназначенъ Наполеономъ своему брату Іосифу, главнѣйшему изъ большихъ ленниковъ, долженствовавшихъ группироваться вкругъ новой Западной имперіи.

Вслѣдствіе этого завоеванія, которое, какъ и предсказывалъ Наполеонъ, не могло быть не легкимъ, но которое не совершилось безъ того, чтобъ многія провинціи не пострадали отъ меча и огня, вся Италія очутилась подъ нашимъ владычествомъ. Изъ всѣхъ итальянскихъ государей одинъ папа считалъ еще, что имѣлъ владѣнія на полуостровѣ, но его не надолго оставили въ этомъ заблужденіи. Первосвященникъ этотъ хотѣлъ создать Карломана. Онъ старался изъ всѣхъ силъ къ возвышенію и возвеличенію Бонапарте. Не смотря на неодобреніе всѣхъ искреннихъ католиковъ и внушенія собственной совѣсти, онъ отправился въ Парижъ прикрыть великое убійство обаяніемъ религіи, въ надеждѣ, что жертва эта, страшная для всѣхъ, будетъ для него единственно покровительницею и благодѣтельницею; настала пора получить ему вознагражденіе. Обманувшись во всѣхъ надеждахъ во время пребыванія въ Парижѣ, онъ ни о чемъ не заявилъ прямо, но далъ себѣ слово получить удовлетвореніе, и ему не трудно было найдти для этого случай бла-

годаря безпрерывнымъ сношеніямъ, установленнымъ Конкордатомъ между римскимъ дворомъ и французскимъ правительствомъ. Случай этотъ и представился ему почти немедленно въ видѣ просьбы, поданной ему Наполеономъ о расторженіи брака Жерома съ урожденною Паттерсонъ. Бракъ этотъ могъ быть уничтоженъ гражданскимъ порядкомъ безъ особыхъ затрудненій, но была религіозная сторона, и порѣшить съ нею предоставлялось только духовной власти. Наполеонъ не поколебался попросить папу о расторженіи брака, будучи увѣренъ, что ему не откажутъ въ этой малой услугѣ, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ ему уступокъ, несравненно болѣе щекотливыхъ. Римскій дворъ дѣйствительно не разъ доказывалъ, особенно въ этомъ отношеніи, съ какимъ удобствомъ, видя свои выгоды, онъ умѣлъ примѣнять къ обстоятельствамъ свои правила и соглашаться на исключенія изъ своихъ наиболѣе установившихся правилъ. Здѣсь отъ него столько не требовали, ибо Наполеонъ приложилъ къ своей просьбѣ мнѣнія знаменитѣйшихъ казуистовъ и собственнаго папскаго богослова, которыя, въ силу самаго церковнаго права, доказывали недѣйствительность этого брака. Но къ величайшему его удивленію и досадѣ, онъ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ непреодолимое сопротивленіе со стороны кроткаго Пія VII. Самъ первосвященникъ написалъ къ императору письмо, наполненное самыми нѣжными увѣреніями въ дружбѣ; онъ именно заявлялъ, что былъ каноническій поводъ недѣйствительности въ скрытности брака „по специальному параграфу Трентскаго собора. Но такъ какъ къ несчастью самыя тщательныя разслѣдованія не могли доказать, что этотъ декретъ былъ когда бы то ни было объявленъ въ Балтиморѣ, то онъ къ сожалѣнію не могъ расторгнуть брака. Дѣйствуя иначе, онъ совершилъ бы страшное злоупотребленіе предъ судомъ Божіимъ [277])“!

---

[277]) Пій VII къ Наполеону, іюнь 1801. *Прим. автора.*

Эта неожиданная щекотливость совѣсти, являвшейся столь сговорчивою въ дѣлахъ тысячу разъ серьезнѣйшихъ, произвела холодность въ отношеніяхъ Наполеона съ Римскимъ дворомъ. Это послужило только началомъ непріязненныхъ дѣйствій. Съ обѣихъ сторонъ, какъ во время коронаціи, такъ и во время конкордата было слишкомъ много разсчета, уловокъ, недомолвокъ, заднихъ мыслей и, словомъ сказать, обмановъ,—чтобъ несогласіе могло остановиться на этомъ. Начавъ войну съ Австріею, Наполеонъ обращался съ папскими владѣніями съ обычною безцеремонностью, какую употреблялъ онъ относительно новѣйшихъ государствъ; онъ приказалъ отряду Сенъ-Сира занять Анкону, не позаботясь даже предупредить папское правительство. Такое поведеніе было не ново со стороны Бонапарте, и явившись на коронацію въ Парижъ, папа только освятилъ и увѣнчалъ въ его лицѣ длинный рядъ поступковъ подобнаго рода; но когда онъ самого себя увидѣлъ жертвою такихъ продѣлокъ, то началъ находить ихъ менѣе славными. Онъ написалъ къ нему 3 ноября, протестуя противъ завладѣнія Анконою и жалуясь „на оскорбленія и неудовольствія, которыми осыпали его со времени возвращенія изъ Парижа, на слабую взаимность за свою преданность, столько разъ заявленную его величеству“ наконецъ требуя права нейтралитета, признаннаго и уваженнаго всею Европою.

Наполеонъ отвѣчалъ папѣ только послѣ Аустерлица. Письмо Пія VII застало его среди проэктовъ возстановленія имперіи Карломана, въ разгарѣ карловингскихъ мечтаній. Папа сдѣлался на половину участникомъ этой великой исторической пародіи; онъ съ безграничною угодливостью взывалъ къ имени и воспоминаніямъ Карломана, пока надѣялся извлечь изъ этого пользу для собственной власти, а теперь убѣдился въ опасности этихъ честолюбивыхъ анахронизмовъ и испытывая, что значитъ Карломанъ въ эпоху безвѣрія. Отвѣтъ Наполеона, соблюдая еще нѣкоторыя формальныя

предосторожности, за однимъ разомъ разрушилъ все зданіе папскаго честолюбія. Договариваясь съ папою, Карломанъ дѣйствительно договаривался какъ сила съ силою, ибо тогда за первосвященникомъ было нѣчто другое нежели маленькое Римское государство,—цѣлый міръ вѣрующихъ. За папою Піемъ VII, напротивъ, имѣлась болѣе нежели ослабленная вѣра, а именно улетавшая свѣтская власть. Громадная нравственная сила, осуществлявшаяся въ его предшественникахъ и дозволявшая имъ не поддаваться властителямъ міра, была лишь тѣнью и не заключала въ себѣ ничего, что могло бы устрашить Наполеона. Оба могущества, наполнявшія борьбою средніе вѣка, снова очутились другъ противъ друга; оба были непродолжительны въ новѣйшее время; но одно изъ нихъ обладало несмѣтною матерьяльною силою, а другое лишь воспоминаніемъ и родомъ археологической находки. Мечта папства должна была сокрушиться первая, ибо когда Бонапарте, въ оправданіе занятія Анконы, сослался на свои обязанности „покровителя св. Престола, наслѣдника королей втораго и третьяго поколѣнія“, онъ по крайней мѣрѣ опирался на дѣйствительную силу, заключавшуюся въ его шпагѣ, въ то время какъ Пій VII былъ лишь государемъ духовнаго, воображаемаго царства.

Наполеонъ очень ясно велѣлъ дать замѣтить папѣ, что если онъ обращался не весьма церемонно съ св. Престоломъ, то Пій VII долженъ былъ приписать это собственно отказу, „который пришлось испытать ему, Бонапарте, во всемъ, даже въ томъ, что составляло первую обязанность религіи, какъ напримѣръ, *когда дѣло шло о недопущеніи протестантизма подымать голову во Франціи*“. Намекъ положительно не вѣрный на возможность возврата французской короны къ протестантскимъ дѣтямъ Жерома, потому что Жеромъ былъ исключенъ изъ императорскаго престолонаслѣдія. Но „онъ будетъ продолжать покровительствовать св. Престолу, не смотря на неприличныя выходки, неблагодарность и дур-

ное расположеніе людей, которые сняли маски въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ и считали его погибшимъ. Наконецъ его святѣйшество былъ воленъ предпочесть англичанъ и турецкаго султана; не не желая подвергать кардинала Феша непріятностямъ, онъ велитъ замѣстить его свѣтскимъ лицомъ [278]).

Въ письмѣ, писанномъ въ тотъ же день къ кардиналу, и которое этотъ долженъ былъ сообщить римскому двору, Наполеонъ еще опредѣлительнѣе объяснялъ характеръ этого *покровительства*, какое съ тѣхъ поръ онъ предполагалъ навязать св. Престолу: „Такъ какъ эти болваны, писалъ онъ:— не находятъ неудобства въ томъ, чтобъ протестантъ занималъ французскій престолъ, то я пошлю имъ посланникомъ протестанта... Я религіозенъ, но не ханжа. Константинъ отдѣлилъ гражданскую часть отъ военной, и я могу назначить сенатора начальствовать въ Римѣ отъ моего имени... *Для папы я Карломанъ, потому что подобно Карломану я соединилъ короны французскую и ломбардскую*, и что моя имперія сопредѣльна съ Востокомъ... Если будутъ вести себя хорошо, я ничего не измѣню во внѣшности, а иначе ограничу званіемъ римскаго епископа.“ Пій VII, въ которомъ досада пересиливала страхъ, отвѣчалъ Наполеону съ удвоенною кротостью на упреки, которые очень хорошо зналъ за предлоги, исключая жалобы касательно брака Іеронима. Но если и въ этомъ отношеніи онъ противился намѣреніямъ императора, то это было къ величайшему его сожалѣнію *и единственно потому, что онъ не нашелъ въ божественныхъ законахъ ничего, что дозволяло бы* ему слѣдовать естественному влеченію сердца [279]). Притомъ онъ отрицалъ, и весьма основательно, какой бы то ни было пріемъ враговъ непрія-

---

[278]) Наполеонъ къ папѣ Пію VII, 7 января 1806. *Прим. автора.*

[279]) Пій VII къ Наполеону 29 января. *Прим. автора.*

теля и увѣрялъ, что никогда не считалъ его величество погибшимъ, въ чемъ Наполеонъ упрекалъ его въ новомъ письмѣ". Пій VII дѣйствительно писалъ къ нему въ то время, когда онъ вступилъ побѣдителемъ въ Вѣну и когда ульмская побѣда была уже давно извѣстна. Затѣмъ, перемѣнивъ матерію, вмѣсто того, чтобъ оспаривать странную теорію *протектората*, выставленную Наполеономъ, онъ довольствовался тѣмъ, чтобъ съ глубокою и скрытною иронiею, свойственною слабости и въ которой отличаются попы и женщины, напомнить ему льстивыя обѣщанія, которыми манили его для привлеченія его въ Парижъ. Теперь, когда Наполеонъ къ своимъ прежнимъ завоеваніямъ присоединилъ столь знаменитыя пріобрѣтенія, и такъ какъ онъ относилъ *къ Богу успѣхъ своего оружія*, то можно было надѣяться, *что онъ также пожертвуетъ Богу и плоды своихъ завоеваній*, допустивъ къ участію въ нихъ церковь. „Ваше величество сдѣлались государемъ Венеціи. Это расширеніе вашихъ владѣній въ Италіи подало намъ лестную надежду, что настало время, когда ваше величество пожелаете чтобъ церковь наконецъ получила обратно часть наслѣдства св. Петра, отнятаго у нее революціею". Заключеніе весьма логичное и тѣмъ болѣе огорчившее Наполеона, что онъ считалъ, что навелъ на римскій дворъ ужасъ, а между тѣмъ послѣдній, повидимому, мало боялся этого страшнаго гнѣва. Наконецъ отвѣтъ этотъ, исполненный *искренности*, по выраженію самого папы, но искренности весьма изученной, не давалъ ему никакого права возставать противъ тѣхъ, кто адресовалъ его.

На этотъ разъ Наполеонъ оставилъ всякое притворство и скинулъ маску: „Ваше святѣйшество, писалъ онъ къ папѣ:— государь Рима, *но я его императоръ!* Всѣ мои враги должны быть его врагами. Поэтому неприлично, чтобъ какой нибудь агентъ сардинскаго короля, какой нибудь англичанинъ, русскій или шведъ жилъ въ Римѣ или въ вашихъ владѣніяхъ, чтобъ

какой нибудь корабль, принадлежащій этимъ державамъ, входилъ въ ваши порты... Я отвѣтственъ *предъ Богомъ*, удостоившимъ избрать мою руку для возстановленія религіи. И какимъ образомъ я могу видѣть безъ скорби вредъ, наносимый ей медлительностью римскаго двора? За это будутъ *отвѣчать предъ Богомъ* тѣ, кто оставляетъ Германію анархіи, за это будутъ *отвѣчать предъ Богомъ* тѣ, кто замедляетъ разсылку буллъ моимъ епископамъ! Вѣдь не очертя же голову *я преобразовалъ религію во Франціи* такимъ образомъ, что нѣтъ страны, гдѣ она дѣлала бы столько добра и гдѣ была бы столь уважаема [280]".

Странныя эти выраженія показываютъ, что онъ смотрѣлъ уже на себя какъ на нѣчто высшее чѣмъ верховный владѣтель папы, ибо онъ былъ недалекъ отъ того, чтобъ оспаривать у него титло намѣстника Божія. Ревностный къ религіи болѣе самого папы, онъ не былъ не правъ, показывая ему преимущество своихъ заслугъ предъ божествомъ, онъ смѣло выставлялъ ихъ и вносилъ въ эти шутовскія выходки невозмутимую увѣренность, которая удалась ему столь хорошо съ каирскими улемами. Это рѣшительное заявленіе принциповъ объяснялось и дополнялось болѣе яснымъ и повелительнымъ сообщеніемъ, предписывавшимъ кардиналу Фешу образъ дѣйствій на будущее время. Онъ долженъ былъ требовать немедленнаго изгнанія всѣхъ англичанъ, русскихъ шведовъ, жившихъ въ римскихъ владѣніяхъ: „*я болѣе не предполагаю*, говорилъ Наполеонъ: *чтобъ римскій дворъ мѣшался въ политику*...—Я посылаю принцу Іосифу приказаніе подавать вамъ вооруженную помощь... Вразумите ихъ, что у меня глаза открыты, что я могу быть обманутъ, но лишь на столько, на сколько хочу этого, *что я Карломанъ, ихъ императоръ*, и что со мною должны и обращаться въ этомъ

---

[280]) Наполеонъ къ Пію VII, 19 февраля 1806 г. *Прим. автора.*

смыслѣ. Я передамъ папѣ въ нѣсколькихъ словахъ мои намѣренія, а если онъ на нихъ не согласится, то я ограничу его до тѣхъ условій, въ какихъ онъ находился до Карломана [281])!"

Чтожъ въ сущности произошло со времени путешествія въ Парижъ, которое Наполеонъ исхлопоталъ цѣною стольких просьбъ, лести и обѣщаній? Въ чемъ же могъ онъ наконецъ упрекать этого слабаго старика, съ которымъ обращался такъ сурово, обманувъ и обольстивъ его самыми несбыточными надеждами? Пій VII отказалъ ему въ расторженіи брака Іеронима, по причинамъ, которыя могли быть не искренни, но единственнымъ судьею которыхъ была его совѣсть первосвященника; кромѣ того, въ отправленіе церковныхъ дѣлъ онъ вносилъ медленность, очень вѣроятно, разсчитанную, но которая нисколько не превышала его правъ духовнаго владыки. Итакъ не вины папы переполнили мѣру, а силы Наполеона, увеличившіяся чрезмѣрно. Оскорбленное самолюбіе и аустерлицкая побѣда,—вотъ все, чего было нужно, для того, чтобъ Наполеонъ сдѣлался столь безжалостенъ относительно Рима. Между угнетеніемъ, которому онъ его подвергалъ, и конечнымъ разореніемъ былъ только вопросъ времени. Съ того момента, какъ папа отказался подчиняться во всемъ видамъ императора, изгнаніе его изъ Рима было уже дѣломъ порѣшеннымъ; оставалось ожидать только предлога и случая.

Къ огромнымъ владѣніямъ Рима и Неаполя Наполеонъ рѣшился присоединить Голландію, гдѣ великій пансіонеръ Шиммельфеникъ, безъ вѣдома сохранялъ мѣсто для втораго брата императора. Когда англо-шведы угрожали Голландіи во время нашей войны въ Австріи, Наполеонъ послалъ туда Лудовика съ арміею, которая ограничилась занятіемъ позиціи на границахъ

[281]) Наполеонъ къ Фешу, 13 Февраля 1806 г. *Прим. автора.*

Вестфаліи, и вскорѣ освободилась благодаря аустерлицкой побѣдѣ. Лудовикъ явился поздравить брата во время проѣзда его чрезъ Страсбургъ. Наполеонъ принялъ его очень холодно: „Зачѣмъ вы оставили Голландію? сказалъ онъ ему. Васъ тамъ принимали съ удовольствіемъ, слѣдовало остаться!" Лудовикъ упомянулъ о слухахъ, ходившихъ въ этой странѣ по поводу близкаго преобразованія ее въ монархію: „слухи эти, прибавилъ онъ: — не по сердцу этой свободной и уважаемой націи, да и мнѣ также не нравятся [282])".

Это отвращеніе братьевъ Наполеона входить въ его виды представляется характеристичнымъ и не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, хотя и часто старались фальшиво объяснять его нелѣпую систему вассальныхъ королевствъ желаніемъ удовлетворить ихъ алчность и честолюбіе. Іосифъ отказался уже отъ итальянскаго престола, приводя, правда, извиненіе, которое скорѣе было предлогомъ нежели серьезнымъ поводомъ, и чтобъ заставить его принять тронъ неаполитанскій, надобно было употребить надъ нимъ родъ насилія. Лудовикъ, честность и безкорыстіе котораго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, былъ еще дальше отъ всякой алчности подобнаго рода; но его точно также не спрашивались какъ Іосифа и Іеронима. Любопытный этотъ фактъ доказываетъ не только, что карловингское воскресеніе принадлежитъ собственно одному Наполеону, но выставляетъ на свѣтъ и мнѣніе о немъ братьевъ, ибо въ ихъ колебанія входило столько же недовѣрія къ взыскательному властелину, сколько и къ фортунѣ. Но, какъ писалъ король Лудовикъ, дѣло шло не объ ихъ волѣ, а о волѣ Наполеона, и имъ приходилось избрать между изгнаніемъ Люціана или трономъ, который имъ предлагали.

„Наполеонъ, говоритъ этотъ государь въ своихъ за-

---

282) Историческіе документы о Голландіи, короля Лудовика.
Прим. автора.

пискахъ: — далъ понять Лудовику, что если съ нимъ не совѣтовались по поводу этого дѣла, *то потому, что подданный долженъ только повиноваться*. Лудовикъ разсуждалъ, что его могли принудить силою, и какъ императоръ хотѣлъ этого непремѣнно, то ему грозило то, что случилось съ Іосифомъ, который, отказавшись отъ Италіи, очутился въ Неаполѣ. Но онъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку, онъ написалъ брату, *что чувствовалъ необходимость удаленія изъ Франціи братьевъ императора*, и просилъ управленія въ Генуѣ или Пьемонтѣ. Наполеонъ отказалъ [283])". Съ Голландіею совѣтовались еще менѣе нежели съ Лудовикомъ: „Г. Талейранъ, писалъ Бонапарте, 14 марта 1806 г.:—сегодня вечеромъ я видѣлъ г. Вергеля. Вотъ вамъ въ двухъ словахъ — какъ я поставилъ вопросъ: Голландія находится безъ исполнительной власти, и ей нужна такая власть; я ей даю принца Лудовика... Вмѣсто великаго пансіонера у нея будетъ король... Необходимо, чтобъ раньше трехъ недѣль принцъ Лудовикъ вступилъ въ Амстердамъ". Вотъ собственно къ чему сводились мнимыя просьбы голландскихъ патріотовъ, чтобъ исходатайствовать назначеніе королемъ Людовика. Владычество наше не могло не быть ненавистнымъ въ странѣ, разоренной нашими злоупотребленіями и бѣдствіями, которымъ мы подвергли ее, вовлекши ее насильно въ войну съ Англіею; при этихъ обстоятельствахъ намекать на предложеніе трона во имя національной признательности, значило издѣваться надъ несчастьемъ посредствомъ самой гнусной комедіи. Лудовикъ смирился съ грустью; онъ принялъ королевство какъ наказаніе, но съ искреннимъ желаніемъ облегчить бѣдствія своихъ новыхъ подданныхъ; онъ явился между тогдашними государями, какъ родъ монарха печальнаго образа; но хотя онъ и заранѣе приходилъ въ

---

[283]) Документы о Голландіи. *Прим. автора.*

смущеніе при мысли объ огорченіяхъ, которыя предвидѣлъ, онъ всетаки еще не подозрѣвалъ, какимъ суровымъ рабствомъ прикрывалось это королевское титло, котораго заставляло страшиться его вѣрное предчувствіе.

Систему большихъ владѣній Наполеонъ дополнилъ созданіемъ меньшихъ государствъ, не имѣвшихъ другой цѣли какъ доставлять огромное содержаніе его родственникамъ и и разнымъ чиновникамъ, на счетъ завоеванныхъ странъ, и что не стоило ни одного франка его казначейству. Сестра его Элиза имѣла уже Лукку и Пьомбино, Евгеній владѣлъ Верхнею Италіею, Полина Боргезе получила герцогство Гвасталу, которое вскорѣ продали очень выгодно за наличныя деньги; Бертье досталось княжество Невшательское, которое Пруссія должна была уступить намъ въ замѣнъ Ганновера; Мюрату герцогство Бергское, уступленное намъ Баваріею; Бернадотту Понте-Корво, а Талейрану княжество Беневентское — два владѣнія, которыя съ незапамятныхъ временъ папы оспаривали у королевства Неаполитанскаго. Лебренъ сдѣланъ былъ герцогомъ пьянченцскимъ. Одна Венеціанская область отдѣлила двѣнадцать владѣній, владѣльцы которыхъ имѣли быть назначены впослѣдствіи. Это былъ только первый очеркъ огромной іерархіи, которой предстояло возвысить блескъ великой имперіи. Эти покорные сателлиты возвѣщали цѣлую планетную систему, которая вскорѣ долженствовала вращаться вокругъ императорской звѣзды, ихъ центра; но они не могли имѣть другаго блеска кромѣ того, какой исходилъ отъ ихъ создателя. Эти новыя государства были еще болѣе зависимы, нежели самые призраки королевствъ, которымъ они должны были служить свитою; въ сущности это было созданіе чисто-фискальное, не уполномочивало ни къ какой власти, однимъ словомъ составляло помѣстья, или лучше сказать, — организованный грабежъ. До сихъ поръ наше лихоимство надъ побѣжденными имѣло менѣе оскорбительную форму, потому что оно

было безлично. Оно производилось во имя, и въ пользу большаго государства, и можно было считать, что поборы взимались въ общественныхъ интересахъ. Теперь обираемыхъ ставили предъ обирающими; завоеванныхъ заставили самихъ содержать завоевателей, и подданные новыхъ ленниковъ должны были знать своихъ властителей лишь по суммамъ, которыя послѣдніе у нихъ вымогали, — вѣрное средство сдѣлать эту бюрократическую феодальную систему продолжительною и популярною.

Естественнымъ вѣнцомъ этого грандіознаго зданія была новая организація, которую Наполеонъ готовилъ для Германскаго Союза; но прежде чѣмъ обнаружить этотъ проэктъ, угрожающій европейскому миру более нежели всѣ доселѣ ими осуществленные, онъ хотѣлъ окончательно опутать Пруссію, принудивъ ее подчиниться Шенбрунскому договору, и попытаться войдти въ соглашеніе съ Англіею или съ Россіею, разсчитывая, по своему обыкновенію, еслибъ его предложенія были приняты этими державами, ввести эту чудовищность въ предварительныя условія и въ подписаніе трактата, а въ случаѣ неуспѣха, бросить имъ ихъ въ лицо въ видѣ вызова. Гаугвицъ повезъ въ Берлинъ предложеніе о Ганноверѣ, вмѣсто объявленія войны, но встрѣтилъ совершенно не тотъ пріемъ, на какой разсчитывалъ.. Всѣ чувствовали—что было въ этомъ предложеніи оскорбительнаго и презрительнаго для прусской націи. Дрожа еще отъ негодованія предъ утѣснителемъ Европы, она не только должна была сложить оружіе безъ битвы, и покинуть союзниковъ, какъ это бываетъ обыкновенно въ несчастныхъ войнахъ; но отъ нея требовали, чтобъ она опозорила себя, овладѣвъ ихъ остатками и обративъ противъ нихъ мечъ, который извлекла для ихъ защиты. Надобно было считать ее націею автоматовъ, недостойныхъ названія человѣка, чтобъ предполагать ее нечувствительною къ недостойной роли, на которую хотѣли осудить ее. Возмущеніе народной чести обнаружилось

съ необыкновенною силою между всѣми классами населенія и даже при дворѣ, гдѣ эти чувства слишкомъ притуплены, чтобъ показать большую щекотливость. Самъ король, хотя и находился подъ вліяніемъ страха и интереса, ощутилъ глубокое униженіе при мысли утвердить подобныя условія, ибо они не представляли въ оправданіе даже значительной выгоды, которая заставила бы современемъ забыть все, что было въ этомъ постыднаго. Пріобрѣтеніе Ганновера, если исключить территоріальныя уступки, которыхъ онъ былъ цѣною, увеличивало его государство четырьмя или пятью стами тысячъ жителей; но противъ такой слабой ставки онъ долженъ былъ рисковать своею популярностью, достоинствомъ короны и перспективой неизбѣжной почти войны съ Англіею! Съ другой стороны, отказавшись отъ предложенія, ему предстояла немедленная война противъ побѣдоносной арміи, расположенной въ нѣсколькихъ переходахъ отъ его границъ и противъ которой онъ лишь могъ выставить войска гораздо малочисленнѣе.

Въ этой жестокой крайности король рѣшился уступить, утвердивъ трактатъ съ предоставленіемъ себѣ нѣсколькихъ измѣненій, которыя онъ считалъ необходимыми относительно себя лично и относительно государственныхъ интересовъ. Онъ въ особенности настаивалъ на уничтоженіи статьи оборонительнаго и наступательнаго союза, дѣлавшей его солидарнымъ со всѣми перемѣнами, какія Наполеонъ произвелъ или собирался произвесть въ Европѣ. Въ сущности онъ не хотѣлъ признать паденія неаполитанскаго дома, желалъ взять Ганноверъ временно до полученія согласія Англіи, наконецъ, какъ необходимое дополненіе къ пріобрѣтенію Ганновера, представлялъ присоединеніе городовъ Гамбурга, Бремена и Любека, разсчитывая этимъ новымъ увеличеніемъ заставить замолчать жалобы своихъ подданныхъ. Гаугвицъ отправился въ Парижъ представить Наполеону изложенный такимъ образомъ договоръ, и нашъ представитель въ Бер-

линѣ, Лафоре, рѣшился подписать его, предоставляя впрочемъ утвержденіе на волю своего монарха.

Въ промежутокъ этого времени совершилось великое, нѣсколько уже времени предвидѣнное событіе. Самый страшный и настойчивый врагъ Наполеона, Уильямъ Питтъ, умеръ 23 января 1806, изнуренный попирающими борьбами власти и свободы, пораженный въ сердце аустерлицкою побѣдою: въ министерство былъ призванъ Фоксъ, его великій соперникъ по краснорѣчію, если не по политическому генію. Наполеонъ сразу увидѣлъ всю пользу, какую могъ онъ извлечь изъ несчастія, довершившаго пораженіе его континентальныхъ враговъ, и изъ возвышенія человѣка, открытая и благородная душа котораго не допускала страшиться въ немъ опаснаго противника. Фоксъ не прожилъ достаточно долго для оправданія или полнаго опроверженія надеждъ, въ сущности мало для него лестныхъ; но во всякомъ случаѣ можно было видѣть, что онъ недосягалъ до высоты дѣла, завѣщаннаго ему Питтомъ. Преждевременная смерть, похитившая его при самомъ вступленіи на поприще управленія, въ соединеніи съ симпатичностью его характера, подала поводъ къ весьма преувеличеннымъ сожалѣніямъ тѣхъ, которые поддерживаютъ, что честолюбіе Наполеона не было не совмѣстно съ миромъ Европы. Самъ Бонапарте охотно распространялъ это ошибочное мнѣніе: „Смерть Фокса, говаривалъ онъ часто: — была однимъ изъ злополучій моей карьеры... Еслибъ онъ жилъ, дѣло народовъ побѣдило бы его, и мы устроили бы съ нимъ новый порядокъ въ Европѣ [284])". Но все, что было неосновательнаго въ этомъ общемъ мѣстѣ, опровергается во первыхъ тѣмъ, что Фоксъ послѣ всѣхъ филантропическихъ изліяній, которыми онъ считалъ обязанностью дебютировать, былъ принужденъ просто-на-просто

---

[284]) Ласъ-Козъ. *Прим. автора.*

возвратиться къ политикѣ Питта, и потомъ тѣмъ, что тотчасъ же по выступленіи его въ министерство, Наполеонъ сдѣлался требовательнѣе въ отношеніи къ континентальнымъ державамъ. Онъ во время Амізнскаго трактата имѣлъ личныя сношенія съ Фоксомъ, и старался ласкать этого благодушнаго оптимиста, мало способнаго проникнуть въ разсчеты такой темной политики; онъ видѣлъ въ немъ лишь противника, котораго легко обмануть, и болѣе сговорчиваго нежели великій министръ, который всегда и вездѣ встрѣчался ему на дорогѣ, оглашавшій его проэкты, немедленно какъ только они были задуманы, и противополагавшій имъ неодолимую рѣшимость. Какое неожиданное счастье — замѣна добрымъ и великодушнымъ Фоксомъ — высокомѣрнаго человѣка, проницательный взглядъ и холодное презрѣніе котораго столько разъ разстроивали императорскій шарлатанизмъ.

Но этотъ счастливый шансъ, который могъ обезпечить Европѣ миръ, послужилъ только къ возженію войны. Наполеонъ уже готовъ былъ вступить въ сдѣлку съ Пруссіею, ибо предполагаемыя ею измѣненія въ шенбрунскомъ договорѣ, не заключали въ себѣ ничего непомѣрнаго, и притомъ онъ былъ увѣренъ, что настойчивость его принудила бы ее отказаться совсѣмъ или отчасти. Но едва онъ узналъ о вступленіи Фокса въ министерство, какъ оживился и слышать не хотѣлъ о договорѣ. Первымъ его движеніемъ было сохранить Ганноверъ, чтобъ удобнѣе заключить миръ съ Англіею [285]; но это движеніе, не смотря на вѣрность внушившей его мысли, не приведено было въ исполненіе, и Наполеонъ думалъ только о томъ, чтобъ ухудшить положеніе Пруссіи, принудивъ ее принять болѣе невыгодныя условія, чѣмъ тѣ, которыя она исправила. Онъ предоставлялъ себѣ сдѣлаться съ Англіею впослѣдствіи, и въ ожиданіи

[285]) Наполеонъ къ Талейрану, 4 февраля 1806 г. *Прим. автора.*

хотѣлъ устрашить ее и понудить къ миру, втянувъ Пруссію волею или неволею въ запретительную лигу, которая должна была открыть континентальную блокаду. Пруссія обязана была не только принять условія шенбрунскаго договора, но отказаться отъ Байретскаго маркграфства, признать всѣ перемѣны, совершавшіяся въ Италіи, и, кромѣ того, запереть для англійской торговли устья Эльбы и Везера — статья болѣе серьезная, равнявшаяся объявленію войны Англіи. Скрѣпя сердце, Гаугвицъ подписалъ этотъ новый договоръ, но не смѣлъ на этотъ разъ лично везти его въ Берлинъ, и поручилъ прусскому посланнику Луккезини.

Было слишкомъ много жестокости и насмѣшки назвать союзнымъ трактатомъ договоръ, заключенный при подобныхъ условіяхъ, и давать его какъ залогъ *вѣчнаго союза* [286]) между договаривающимися сторонами. Никогда еще наша дипломатія не усвоивала болѣе непостижимаго и гибельнаго направленія. Дѣйствительно, нельзя было въ здравомъ умѣ предположить, чтобъ Пруссія, въ какихъ бы ни находилась тогда обстоятельствахъ, согласилась на собственное и всей Германіи разореніе, чтобъ содѣйствовать Наполеону въ его ненависти противъ Англіи, и помочь ему довершить завоеваніе Континента. До тѣхъ поръ прусскій нейтралитетъ и даже союзъ былъ возможенъ при самыхъ легкихъ уступкахъ; но послѣ подобнаго трактата, Пруссія насильно дѣлалась нашимъ самымъ злѣйшимъ врагомъ, и могла только думать о томъ какъ бы насъ разбить при удобномъ случаѣ. Наполеонъ принудилъ ее схватиться за этотъ случай, ранѣе чѣмъ она предполагала, рядомъ дѣйствій, которыя должны были дѣлать положеніе ея невыносимымъ. Съ нимъ результаты ошибки никогда не заставляли себя ожидать, благодаря

---

[286]) Это буквальное выраженіе договора. См. *De Clerck, Recueil des Traités, etc.* *Прим. автора.*

его неизмѣнной системѣ — извлекать изъ успѣховъ все, что только можно и согласно съ убѣжденіемъ, что фортуна утомляется менѣе, когда ее насилуютъ до крайности, нежели въ то время когда упускаютъ хоть одну изъ ея милостей! Король прусскій, прежде еще чѣмъ подписать этотъ роковой договоръ, началъ уже платиться за свою слабость и жадность. Наполеонъ занялъ Аншпахъ ранѣе нежели за двѣ недѣли до ратификаціи. По утвержденіи же договора онъ велѣлъ оскорбить въ *Монитерѣ* главу прусскаго кабинета, Гарденберга, который имѣлъ уже честь подвергаться оскорбительнымъ обвиненіямъ въ бюллетенѣ, помѣченномъ изъ Вѣны. Онъ снова упрекалъ его „въ корыстной стачкѣ съ вѣчными врагами континента [287])"; называлъ его *измѣнникомъ и клятвопреступникомъ*, и для оправданія этихъ любезностей обнародовалъ, исказивъ, письмо, которое этотъ министръ патріотъ, прежде еще нежели онъ могъ узнать о шенбрунскомъ договорѣ, писалъ къ лорду Гарравби, съ цѣлью объяснить ему, „что новое занятіе Ганновера Наполеономъ будетъ считаться направленнымъ противъ Пруссіи [288])". Посольство наше въ Берлинѣ получило приказаніе прекратить всякія съ нимъ сношенія. Наполеонъ велѣлъ заявить королю, что разсчитывалъ на отставку Гарденберга. Онъ не могъ уже допускать въ Пруссіи министерство, которое не плясало бы по его дудкѣ. Гибельное предзнаменованіе! Такимъ точно образомъ началъ онъ съ неаполитанскою королевою, прежде чѣмъ отнять ея владѣнія. „Скажите Гаугвицу, писалъ онъ Талейрану: что *всегда предполагали* объ удаленіи Гарденберга [289])". Король прусскій долженъ былъ рѣшиться пожертвовать своимъ министромъ. Къ этому неуспо-

---

[287]) Монитеръ 21 марта 1860 г. *Прим. автора.*

[288]) Телль. *Hist. abregée des Traités L. t.* VIII. *Memoires tirés de papiers d'un homme d'Etat; t.* IX. *Прим. автора.*

[289]) Наполеонъ къ Талейрану, 30 марта. *Прим. автора.*

коительному вмѣшательству Наполеона во внутреннія дѣла Пруссіи присоединился вскорѣ захватъ англійскимъ флотомъ четырехъ сотъ купеческихъ или германскихъ кораблей, который нашелъ въ этомъ щедрое вознагражденіе за временное закрытіе Эльбы и Везера. Еслибъ Наполеонъ захотѣлъ обогатить англійскую торговлю, то не могъ бы придумать лучше ничего какъ свою смѣшную систему континентальной блокады, первый результатъ которой убилъ всякую конкуренцію въ пользу Англіи.

Но это былъ только самый небольшой сюрпризъ изъ тѣхъ, какіе готовились прусскому кабинету. Едва онъ началъ приходить въ себя отъ волненія, какъ узналъ, что Германскій Союзъ, часть котораго онъ составлялъ и на дѣло котораго имѣлъ право смотрѣть какъ на вопросъ и до него касавшійся, подвергся преобразованію не только безъ его вѣдома, но даже противъ него. Съ нимъ поступали еще болѣе страннымъ образомъ, что переполнило мѣру его терпѣнія. Прусскій король утвердилъ 9 марта договоръ, по которому ему уступали Ганноверъ *въ полное владѣніе*, а въ іюнѣ Наполеонъ предложилъ уже эту землю Англіи какъ залогъ мира и соглашенія. Онъ предлагалъ ее въ то время, когда Пруссія не подала ему ни малѣйшаго повода къ законной жалобѣ. Причины, приводимыя въ оправданіе этой измѣны, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Вступая во владѣніе Ганноверомъ, Пруссія дала замѣтить, что принимаетъ его съ неудовольствіемъ; этому можно было повѣрить на слово, и это дѣлало ей честь. Что же касается до свѣта, пролитаго открытіями англійской трибуны на ея прошлое поведеніе, здѣсь не было ничего новаго для Наполеона. Пруссія была достаточно наказана за свое униженіе. Поведеніемъ Наполеона дѣйствительно руководилъ одинъ поводъ—желаніе уладить съ Англіею.

Подъ вліяніемъ своихъ прежнихъ мечтаній о Первомъ Консулѣ, Фоксъ воспользовался открытіемъ, сообщеннымъ

ему о намѣреніи убить Наполеона, для того чтобы войдти въ сношенія съ французскимъ кабинетомъ, въ надеждѣ, что это открытіе доставитъ какой нибудь случай благопріятный миру. Продолженіе войны онъ постоянно приписывалъ упрямству Питта и недовѣрію и дурному расположенію континентальныхъ державъ, которыя, по его мнѣнію, довели до крайности человѣка, отъ природы справедливаго и умѣреннаго; онъ долженъ былъ по преимуществу согласовать свои дѣла со словами, и въ качествѣ министра доказать превосходство системы, которую поддерживалъ онъ какъ ораторъ. Притомъ онъ не могъ найдти болѣе удобнаго времени для испытанія оптимистическихъ идей, ибо Наполеонъ пріобрѣлъ такіе успѣхи, что могъ, безъ боязни показаться уступчивымъ, сдѣлать кое-какія пожертвованія для такого важнаго обстоятельства, какъ возстановленіе мира съ Англіею.

Наполеонъ не могъ не понять всей важности подобнаго соглашенія; онъ самъ придумалъ мнимый проэктъ убійства, подавшій Фоксу поводъ къ извѣщенію. Схватившись поспѣшно за предоставляемый ему случай, онъ велѣлъ передать Фоксу чрезъ Талейрана отрывокъ изъ рѣчи, въ которомъ онъ высказывалъ желаніе о заключеніи мира, *на основаніяхъ Аміэнскаго трактата;* и вслѣдствіе нѣсколькихъ сообщеній самаго любезнаго свойства, обмѣненныхъ между двумя кабинетами, завязались прямые переговоры, въ виду мира, при посредствѣ лорда Ярмоута, одного изъ многочисленныхъ британскихъ подданныхъ, задержанныхъ въ силу разрыва Аміэнскаго трактата. Талейранъ, которому было поручено вести съ нимъ переговоры, тотчасъ же безъ затрудненій допустилъ возвращеніе Ганновера Англійскому королю, а равно и общій принципъ *uti possidetis*, настоящее положеніе владѣній относительно новыхъ пріобрѣтеній обѣихъ этихъ державъ; онъ обязывался въ особенности оставить Неаполитанскому дому о. Сицилію, которымъ наши войска не могли овладѣть. Въ одномъ только онъ былъ непоколебимъ: онъ

упорно отказывался допустить Россію въ общіе переговоры. Наполеонъ дѣйствительно нашелъ большія преимущества заключить сепаратные договоры; здѣсь онъ предположилъ себѣ возобновить игру, которая такъ удалась ему съ Пруссіею и Австріею, и такимъ же образомъ какъ онъ вырвалъ договоръ по слабости Гаугвица для уничтоженія одинокой Австріи, онъ хотѣлъ устроить импровизированное сношеніе и съ Россіею, чтобъ потомъ распоряжаться по своему съ Англіею.

Русскій императоръ, завладѣвшій устьями Катарро, въ то время когда войска наши шли занять ихъ, согласился потомъ внять жалобамъ Австріи, на которую Наполеонъ возложилъ за это отвѣтственность. Онъ дѣйствительно послалъ въ Парижъ Убриля съ полномочіемъ, но не столько для заключенія мира, сколько для обсужденія условій. Наполеонъ тотчасъ же сочинилъ планъ обмануть Убриля, также какъ онъ обманулъ Гаугвица, давъ ему подписать договоръ, съ помощью котораго можно бы устрашить Англію. Одного уже прибытія русскаго уполномоченнаго было достаточно, чтобъ совершенно измѣнить и тонъ и рѣчи. Лордъ Ярмоутъ по возвращеніи изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ къ Фоксу съ предложеніями Наполеона, очутился въ совершенно новомъ положеніи. Объ оставленіи Бурбонамъ Сициліи уже и слышать не хотѣли: императоръ получилъ письма отъ брата, въ которыхъ послѣдній заявлялъ, что не можетъ обойтись безъ этого острова. Притомъ его генералы не сегодня завтра должны овладѣть Сициліею. Англія должна удовольствоваться Ганноверомъ, Мальтою и завоеванными колоніями [280]). По мѣрѣ того какъ Убриль попадалъ въ ловушку, французскій

---

[290]) Депеша лорда Ярмоута къ Фоксу, 19 іюня 1806 г. *Annual Register for the yahr 1806. State papers.* Параграфы переговоровъ приведены отчасти, но съ серьезными измѣненіями, въ *Монитерѣ* отъ 26 ноября 1806

Прим. автора.

кабинетъ становился требовательнѣе и осторожнѣе относительно Ярмоута. Его развлекали самыми смѣшными предложеніями. Такъ ему предлагали въ видѣ вознагражденія короля обѣихъ Сицилій новое владѣніе, образованное изъ *Ганзейскихъ городовъ,* которые отберутъ у Германіи! Вообще всѣ вознагражденія, предлагаемыя Наполеономъ, всегда нужно брать у сосѣдей. Наконецъ съ 15 по 20 іюля Бонапарте убѣдился въ согласіи Убриля на договоръ, предложенный имъ Россіи, и въ мгновеніе сцена измѣнилась снова. Нѣтъ ему дѣла, что трактатъ этотъ еще только въ проэктѣ, что онъ заключаетъ условія невозможныя къ принятію, онъ лестью, устрашеніемъ или подкупомъ довелъ представителя императора Александра подписать его предварительно, и немедленно воспользовался имъ, какъ бы онъ былъ окончательный. Онъ тотчасъ же разоблачилъ огромный сюрпризъ, который онъ приготовилъ таинственно, слѣдуя за этими различными переговорами: „Талейранъ мнѣ объявилъ, писалъ Ярмоутъ къ Фоксу 9 іюля:—а также объявилъ и Убрилю, что если состоится миръ, то Германія останется въ своемъ настоящемъ положеніи, и *что предполагаемыя перемѣны не будутъ обнародованы* [291])." Обѣщаніе это было немедленно нарушено. Наполеонъ объявилъ новое устройство Германскаго союза, преобразованнаго подъ его покровительствомъ, и необходимо было, чтобъ Англія, съ которою сперва договаривались по *statu quo,* согласилась уступить намъ Сицилію и видѣть половину Германіи подчиненную нашему владычеству.

Этотъ театральный эффектъ — точное повтореніе стратагемъ, предшествовавшихъ заключенію Аміэнскаго трактата, или скорѣе тѣхъ, какія Наполеонъ употреблялъ во всѣхъ своихъ дипломатическихъ переговорахъ—ибо это была у него постоянная система. Кто зналъ немного глубже его характеръ и изучилъ сколько нибудь внимательно его прежнее

---

[291]) *Annual register State papers.* *Прим. автора.*

политическое поведеніе, тотъ могъ навѣрное предсказать эти быстрыя перемѣны, приводившія въ отчаяніе его противниковъ. Какъ въ дипломатіи, такъ и на войнѣ, когда все казалось выиграннымъ, въ этотъ-то именно моментъ и слѣдовало не довѣрять ему. Обладая необыкновеннымъ искусствомъ обольщать и увлекать для внушенія ложной безопасности, онъ покорялъ своими обѣщаніями уполномоченныхъ, которыхъ обманывала его кажущаяся откровенность; выставляя передъ ними мотивы гуманности, славы умиротворенія Европы послѣ столькихъ раздоровъ, онъ дѣлалъ ихъ участниками своихъ видовъ въ будущемъ, своихъ филантропическихъ надеждъ; онъ спѣшилъ взять съ нихъ слово, не давая имъ времени одуматься; потомъ, когда все было рѣшено, условлено, окончено, онъ вдругъ обнаруживалъ какую нибудь страшную неожиданность и ставилъ ихъ въ положеніе или покориться, или разорвать договоръ, грозя возложить на нихъ отвѣтственность за послѣдствія. Такъ какъ весьма довѣрчивые кабинеты всегда почти заранѣе обнадеживали своихъ подданныхъ относительно мира, то чаще всего они преклонялись и принимали совершившіеся факты.

Сюрпризъ этотъ былъ приготовленъ съ цѣлью значительно охладить восторженное удивленіе Фокса къ Бонапарте, и который притомъ подвергся уже нѣсколько разъ болѣзненнымъ припадкамъ. Онъ тѣмъ живѣе почувствовалъ это огорченіе, что разсчитывалъ себя гарантированнымъ отъ него въ силу своихъ прежнихъ сношеній съ Наполеономъ. Но вмѣсто того, чтобъ согласиться, какъ надѣялся императоръ, онъ выразилъ свое неудовольствіе лорду Ярмоуту, который въ этомъ случаѣ выказалъ мало твердости и проницательности, воспользовавшись всѣмъ уполномочіемъ въ противность своимъ инструкціямъ, вступая въ обсужденіе сицилійскаго вознагражденія. Фоксъ придалъ ему лорда Лоудерделя, которому поручено было говорить болѣе энергически и возвратиться къ самой исходной точкѣ переговоровъ, т. е. къ поддержанію

statu quo. Тогда Наполеонъ предложилъ королю Обѣихъ Сицилій новыя вознагражденія, на которыя онъ имѣлъ не болѣе права какъ и на Ганзейскіе города, а именно—обѣщалъ послѣдовательно Албанію, принадлежавшую Оттоманской имперіи, съ Рагузою, составлявшею независимую республику, потомъ Балеарскіе острова — собственность своего союзника короля Испанскаго. Изъ всѣхъ земель, которыми Наполеонъ хотѣлъ барышничать въ этихъ странныхъ переговорахъ, не было ни одной, къ которой онъ могъ бы примѣнить даже право завоеванія: онъ не владѣлъ въ сущности ни Ганноверомъ, ни Сициліею, ни Ганзейскими городами, ни Албаніею, ни Разузскою республикою, ни Балеарскими островами, и онъ уступалъ или требовалъ ихъ поочередно, словно дѣло шло о его личной собственности. Никогда онъ не располагалъ чужими владѣніями съ бо́льшимъ цинизмомъ и наглостью. Въ это время изъ Петербурга пришло весьма тягостное извѣстіе для нашей дипломатіи. Императоръ Александръ отвергъ съ презрѣніемъ насмѣшливый договоръ, навязанный нерѣшительному Убрилю, и въ то же время между Россіею и Англіею установилось полнѣйшее согласіе. Вся эта мелочная комбинація была разоблачена, а къ довершенію несчастья Фоксъ, послѣдній сторонникъ мира въ англійскомъ кабинетѣ, умеръ 13 сентября, излѣчившійся немного поздно отъ всѣхъ обольщеній касательно великаго императора. Такъ какъ законныя требованія Англіи относительно Сициліи усложнились требованіями, которыя возобновила Россія съ своей стороны по поводу королей Неаполитанскаго, Сардинскаго и Далмаціи, переговоры могли еще тянуться благодаря хитростямъ, свойственнымъ дипломатіи, но они были уничтожены. Такимъ образомъ не удалась попытка, столь важная для всеобщаго мира. Какъ бы ни старались затемнить и исказить факты, невозможно не придти къ неизбѣжному заключенію, что война между Франціею съ одной стороны, а съ другой Россіею, Англіею и, слѣдовательно, Прус-

сіею, произошла единственно отъ того, что Наполеонъ отказался уступить Сицилію, куда не вступилъ еще ни одинъ его солдатъ, и это потому, говорилъ онъ, что Сицилія была необходима королевству его брата Іосифа! Здѣсь было по крайней мѣрѣ начало умопомѣшательства.

Война съ Россіею и Англіею была тождественна войнѣ съ Пруссіею, ибо Наполеонъ далъ въ руки этимъ державамъ вѣрное средство увлечь Прусскаго короля. Предположивъ, что его прежнія жалобы и образованіе новаго Рейнскаго Союза показались ему недостаточными поводами къ разрыву, невозможно, чтобъ этотъ государь могъ противиться ихъ ходатайствамъ, узнавъ о безцеремонности, съ которою Наполеонъ распорядился съ провинціею, принадлежавшею къ его владѣніямъ; а еслибъ Испанскій король былъ способенъ на движеніе гордости, нѣтъ сомнѣнія, что онъ непосредственно пришелъ бы къ подобному рѣшенію, потому что не только заключили миръ безъ его согласія, но предлагали его провинцію кому угодно, выгнавъ его родственниковъ изъ Неаполя, управляя этрурскимъ королевствомъ какъ французскимъ департаментомъ. Съ Голландіею поступали еще хуже. Отдавъ ее Людовику, ей обѣщали возвратить ея колоніи, и въ тотъ самый моментъ, когда возобновляли это торжественное обѣщаніе, колоніи эти предложили Англіи. Но Голландія была слишкомъ связана, чтобъ могла внушить страхъ. Итакъ, подъ предлогомъ заключенія сепаратныхъ договоровъ, наша дипломатія до такой степени смѣшала всѣ вопросы, повредила всѣмъ интересамъ, оскорбила всѣ права, что при неудачѣ одной только комбинаціи все рухнуло разомъ, и Наполеонъ поймался на собственную хитрость и поссорился со всѣми, въ особенности съ тѣми, кого называлъ своими союзниками. Здѣсь самая рискованная гипотеза служила единственно основнымъ камнемъ всему зданію этого мнимаго примиренія, — это надежда на утвержденіе Александра. Предположеніе не осуществилось, и отъ по-

пытки осталось только жалкое зрѣлище недобросовѣстности, застигнутой на мѣстѣ преступленія и обнаруженной предъ цѣлымъ міромъ.

Наполеонъ былъ не такъ слѣпъ, чтобъ ошибиться относительно чувствъ, какія должно было внушить его поведеніе въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ; но онъ льстилъ еще себя надеждою нейтрализировать ихъ посредствомъ устрашенія. Онъ поспѣшилъ приняться за военныя мѣры и приказалъ своимъ генераламъ быть на готовѣ. Его армія занимала еще весь югъ Германіи, ибо онъ воспользовался захватомъ русскими Каттарскаго залива, чтобъ избѣгнуть очищенія австрійскихъ провинцій и вмѣстѣ владѣній новаго Союза. Великая армія, подкрѣпленная многочисленными рекрутами, была болѣе воинственна и удобна къ распоряженію нежели когда либо. Принявъ эти предосторожности и положивъ руку на ефесъ шпаги, онъ ожидалъ сообщеній изъ Берлина.

Этому двору въ половинѣ іюля сообщенъ былъ актъ, которымъ учреждался Рейнскій Союзъ подъ *покровительствомъ* Наполеона. Это смягчающее обстоятельство дурно прикрывало полнѣйшую зависимость, въ какой находились государи, которыхъ Наполеонъ принудилъ вступить въ эту лигу противъ собственнаго ихъ отечества. Независимо отъ трехъ властителей—Бадена, Баваріи и Вюртемберга, въ новомъ союзѣ участвовали принцъ великій канцлеръ Дольбергъ, Гессенъ-Дармштадтскій курфюрстъ, принцъ Сальмъ-Сальмъ и нѣкоторые другіе. Они заключили съ Франціею вѣчный наступательный и оборонительный союзъ и обязались выставлять для общей защиты армію въ шестьдесятъ три тысячи человѣкъ.

Союзный сеймъ находился во Франкфуртѣ, что же касается прежняго Германскаго Союза, то съ нимъ обращались такъ безцеремонно, что городъ Регенсбургъ, гдѣ происходили его засѣданія, былъ уступленъ Баваріи. Нашъ министръ Баше получилъ приказаніе увѣдомить его, „что Импе-

раторъ, государь его, не признавалъ болѣе германской конституціи, признавая впрочемъ самодержавіе каждаго изъ нѣмецкихъ государей, взятаго отдѣльно." Наполеонъ владѣвшій уже всѣми главными переправами чрезъ Рейнъ, дополнилъ свою систему сообщеній съ союзными государствами, приказавъ расширить укрѣпленія Майнца за Рейномъ и занявъ сильнымъ гарнизономъ крѣпость Везель, расположенную на правомъ берегу въ великомъ герцогствѣ Бергскомъ. Занятіе это совершилось въ то самое время, когда Баше отъ имени Наполеона торжественно объявлялъ Регенсбургскому сейму, что императоръ никогда не отодвинетъ за Рейнъ границы Франціи (1 августа 1806).

Этимъ преобразованіемъ былъ пораженъ не только Регенсбургскій сеймъ, но и самая Австрійская имперія, такъ сказать, объявлялась вакантною. Австрійскій императоръ, еще носившій этотъ безполезный титулъ, собственно говоря, не имѣлъ владѣній въ Германіи; только Франція и Пруссія однѣ могли претендовать на это. Францискъ II понялъ свое положеніе и самъ отказался отъ этого достоинства, не ожидая, чтобъ его къ тому принудили, хотя Пресбургскій договоръ признавалъ его и давалъ ему право отражать съ оружіемъ въ рукахъ это новое нашествіе. Актъ Союза менѣе чувствительно оскорблялъ Пруссію, но всетаки она подвергалась серьезному покушенію, потому что столько государствъ, правительства которыхъ болѣе или менѣе могли ей симпатизировать, но народы которыхъ связывались съ нею самыми тѣсными узами крови, языка, общественныхъ интересовъ, подчинялись безвозвратно чужеземному вліянію. Такъ какъ невозможно было сомнѣваться въ чувствахъ, какія возбуждало въ ней учрежденіе, столь противное ея интересамъ, Наполеонъ хотѣлъ ее успокоить, приказавъ сообщить ей въ самый моментъ заявленія трактата, что онъ былъ бы очень радъ, „еслибъ она подъ своимъ вліяніемъ образовала изъ сѣверныхъ государствъ Германіи Союзъ, подобный Рейнскому." Вознагражденіе даже менѣе посредственное, ибо сѣверныя госу-

дарства не могли служить противовѣсомъ тѣмъ, которыя Наполеонъ привлекъ къ своему союзу; но Берлинскій кабинетъ принялъ его съ готовностью, не подозрѣвая ни коимъ образомъ, что было рѣшено заранѣе—не отдавать ему обѣщаннаго. Онъ не замедлилъ убѣдиться въ этомъ, открывъ въ тоже время и другое болѣе тягостное обстоятельство.

Разрушенная такимъ образомъ коалиція цѣною столько пролитой крови при Ульмѣ и Аустерлицѣ, едва сложила оружіе, какъ среди этой истощенной Европы, среди народа, расположеннаго даже къ намъ наиболѣе, возникла новая коалиція, вызванная длиннымъ рядомъ кровавыхъ оскорбленій и нестерпимыхъ притѣсненій. Между тѣмъ никогда наше внутреннее положеніе не требовало болѣе настоятельно мирной политики. Самъ Наполеонъ принужденъ былъ сознать эту истину по возвращеніи изъ Аустерлица и торжественно обѣщалъ Франціи дать ей наконецъ вкусить блага мира. Но это обѣщаніе было также неискренно какъ и отчетъ о знаменитомъ бѣдствіи, омрачившемъ блескъ нашихъ побѣдъ. Въ рѣчи при открытіи сессіи 1806 г. заключается единственное офиціальное извѣщеніе, котораго нигдѣ болѣе не заявлялъ Наполеонъ—о трафальгарской катастрофѣ. Даже тотъ, кто очень хорошо знаетъ его недобросовѣстность и всю дерзость его обмановъ, едва повѣритъ своимъ глазамъ, когда прочтетъ, въ какихъ выраженіяхъ изобразилъ онъ это гибельное событіе: „*Бури*, говоритъ онъ:—*заставили насъ потерять нѣсколько кораблей, послѣ неудачно завязаннаго сраженія* [292])." Вотъ на какихъ основаніяхъ хотѣлъ онъ, чтобъ писали его исторію! Вотъ по какимъ свидѣтельствамъ Франція должна была судить о своемъ правительствѣ и составлять мнѣніе о состояніи своихъ дѣлъ! Послѣ успѣха столь грубой лжи нечего удивляться тому неизмѣнному легковѣрью, съ какимъ принимались слова Наполеона, когда онъ призывалъ небо въ

---

[292]) *Рѣчь при открытіи* 2 марта 1806 г. *Прим. автора.*

свидѣтели своихъ усилій въ пользу столь дорого купленнаго мира. Даже и въ то время, когда онъ не сдержалъ обѣщанія, онъ все еще спекулировалъ на это столь законное желаніе, чтобъ усилить свою популярность тріумфатора: „Онъ заботится не о завоеваніяхъ, сказалъ по его порученію Шампаньи въ Законодательномъ Корпусѣ: — онъ исчерпалъ военную славу; онъ не стремится болѣе къ этимъ кровавымъ лаврамъ, срывать которые принудили его силою: усовершенствовать администрацію, создать изъ нее для своего народа источникъ продолжительнаго благоденствія и заслужить благословенія какъ настоящаго, такъ и будущаго поколѣній—вотъ какая привлекаетъ его слава [293]).“

Настало время приниматься ему за эту лживую программу, столько разъ обѣщанную и столько разъ откладываемую. Со времени разрыва съ Англіею, благоденствіи и богатству Франціи нанесенъ былъ гибельный и значительный ущербъ, и наши побѣды, какъ ни были онѣ разорительны для завоеванныхъ нами земель, далеко не могли пополнить огромнаго дефицита, причиненнаго уничтоженіемъ нашей торговли и національной промышлености. Такова была впрочемъ истинная мысль Наполеона. Онъ хотѣлъ пріучить Францію жить на счетъ Европы. „Финансы наши идутъ плохо, сказалъ онъ Молльену, отправляясь въ Аустерлицкую кампанію:—*но не здѣсь я могу привести ихъ въ порядокъ* [294]).“ Въ сущности одна армія пользовалась настоящимъ образомъ плодами нашихъ завоеваній, и надобно сказать правду, что она постепенно принимала такіе размѣры, что скоро должна была охватить, или, лучше сказать, поглотить всю почти націю. Арміи доставалась большая часть контрибуцій, налагаемыхъ на иностранцевъ; ей же выпадало на долю большее количество имѣній, которыя Наполеонъ учреждалъ для

---

[293]) *Отчетъ о положеніи Имперіи*, 5 марта 1806. *Прим. автора.*
[294]) *Молльенъ*, *Записка министра финансовъ.* *Прим. автора.*

своихъ генераловъ подъ именемъ герцогствъ и княжествъ; ей наконецъ эти тріумфальныя арки, карусели и звѣзды, эти колонны, отлитыя изъ бронзы непріятельскихъ орудій, которыя украсили парижскія площади. Армія болѣе и болѣе становилась великою пружиною, всеобщимъ двигателемъ, началомъ и концомъ всего. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ она имѣла не только собственный духъ, весьма различный отъ духа націи, но даже свои интересы и источники, независящіе отъ источниковъ и интересовъ государственныхъ, съ спеціальными, исключительнымъ управленіемъ и назначеніемъ, безъ малѣйшей солидарности съ другими отраслями. Вотъ мысль, внушившая ему, послѣ Аустерлица, столь восхваляемое учрежденіе военной кассы изъ контрибуцій, взятыхъ въ Австріи, и управляемой Молльеномъ. Дѣйствительно, чудное изобрѣтеніе, которое окончательно испортило и развратило учрежденіе нѣкогда столь патріотическое, столь чистое и безкорыстное, которое называли *вооруженною націею*. Солдаты наши должны были довольствоваться сами собою, образовать отдѣльную корпорацію, управляемую собственными правилами, чуждую страстямъ остальнаго населенія, изъятую отъ всякаго гражданскаго вліянія, отдѣленную какъ своими удовольствіями, такъ и почестями, и не имѣвшую даже съ прочими гражданами связи общности интересовъ. Наконецъ, какъ ни былъ новый военный духъ близокъ съ тѣмъ, какой нѣкогда воодушевлялъ легіоны преторіанцевъ—стыдъ и кару римскаго населенія, — но французскіе нравы и цивилизація были еще такъ сильны, что Наполеонъ въ этомъ отношеніи никогда не достигъ идеала, потому ли, что ему не доставало времени для его осуществленія, потому ли, что онъ отступилъ предъ дурнымъ впечатлѣніемъ, какое произвели бы нѣкоторыя изъ этихъ нововведеній, заимствованныхъ у цезарскаго Рима. Въ одномъ замѣчаніи, надиктованномъ по поводу праздника, который долженъ былъ Парижъ дать великой арміи, читаемъ: „*Нѣсколько бычачьихъ боевъ по испан-*

скому обычаю, или звѣриные бои были бы въ этихъ обстоятельствахъ увеселеніями, которыя понравились бы воинамъ [295])." Подобными-то зрѣлищами Бонапарте, безъ сомнѣнія, располагалъ дать своему городу, какъ онъ диктовалъ Шампаньи, „урокъ чистой и возвышенной нравственности и заслужить благословеніе, какъ настоящаго, такъ и будущаго поколѣній!" Тигры, раздирающіе другъ друга предъ глазами опьянѣвшаго плебса, вотъ вмѣстѣ съ гладіаторами единственная черта нравовъ, которую ему оставалось заимствовать у этой печальной эпохи Римской имперіи: но можно сказать, что въ этомъ необузданный этотъ шарлатанъ, который столько пользовался французскими ошибками и предразсудками, шелъ за предѣлы того, что могли вынесть и его народъ и его эпоха; что онъ ни дѣлалъ, вкусы эти не были французскими, и онъ клеветалъ на мольеровскую и корнелевскую націю, предполагая, что она способна восторгаться этими грубыми и свирѣпыми забавами. Событія принудили Наполеона отложить эту попытку, такъ и оставшуюся въ проэктѣ, но она слишкомъ характеристична, чтобъ пройдти ее молчаньемъ; она показываетъ, въ какой эпохѣ жила мысль его, и ставитъ его, такъ сказать, между настоящими его современниками, неимѣющими ничего общаго съ современною цивилизаціею.

Парижское населеніе какъ бы въ вознагражденіе за тотъ вредъ и лишенія, которыя были нанесены ему закрытіемъ колоніальныхъ рынковъ и прекращеніемъ промышленныхъ дѣлъ, имѣло предъ глазами возведеніе роскошныхъ работъ, служащихъ скорѣе для украшенія величія власти, нежели для распространенія благосостоянія и ободренія производства. Впрочемъ большая часть этихъ пышныхъ и вмѣстѣ безполезныхъ работъ должна была оставаться недокончен-

---

[295]) Замѣтка Наполеона для министра внутреннихъ дѣлъ, 17 февраля 1806 г. *Прим. автора.*

ною. Кромѣ тріумфальныхъ арокъ, упомянутыхъ выше, приказано было докончить Лувръ, Пантенъ и улицу Риволи, построить Коммерческій трибуналъ на площади св. Магдалины, открыть улицу Мира; послѣдовало открытіе *Аустерлицкаго моста*. Но эти постройки, а также и другія учрежденія, характера болѣе полезнаго, какъ умноженіе художественныхъ и ремесленныхъ школъ, развитіе промышленныхъ выставокъ, улучшеніе сухопутныхъ и водяныхъ путей, были только весьма недостаточными палліативами противъ того жалкаго состоянія, въ какое впали всѣ отрасли народнаго производства. Наша промышленость, задушенная войною, должна была оставаться до конца имперіи въ томъ выжидательномъ положеніи, которое Шампаньи въ своемъ отчетѣ, метко изобразилъ касательно литературы: „*Литература и искусство стараются воспарить!* [296]“ Одна общественная казна поправлялась среди всеобщаго бѣдствія, благодаря сильнымъ средствамъ, которыя употреблялъ Бонапарте, чтобъ положить конецъ финансовому кризису, приведшему столько катастрофъ въ дѣловомъ мірѣ во время зимы 1805—1806.

Причины этого кризиса были до такой степени очевидны, что ихъ еще задолго предсказывали проницательные люди. Прежде всего онъ опирался на одной общей причинѣ, предъ которою всѣ остальныя были побочныя, а именно на громадности нашихъ военныхъ издержекъ. Если къ огромнымъ расходамъ на приготовленія Англійской экспедиціи прибавить неисчислимыя потери, причиненныя уничтоженіемъ нашего купеческаго флота, ударами, постигшими нашу торговлю, насильственнымъ истощеніемъ нашего земледѣлія, у котораго рекрутскіе наборы отымали болѣе и болѣе его естественную поддержку, то нельзя не удивляться еще одному—какъ это Франціи удалось избѣжать болѣе полнаго бѣдствія. Къ этой господствующей причинѣ, бывшей необходимымъ ре-

---

[296]) *Отчетъ о положеніи имперіи.* *Прим. автора.*

зультатомъ дурной политики, присоединялись заблужденія дурной финансовой системы, которая двусмысленные и опасные пути предпочитала честному сознанію нуждъ и необходимостей, простаго представленія которыхъ было достаточно чтобъ повредить популярности Наполеона. Разсчитывая всегда на побѣду для покрытія своихъ военныхъ издержекъ, безъ увеличенія налога, Наполеонъ постоянно былъ принужденъ издерживать впередъ доходы, и эта необходимость породила первый пріемъ, заключавшійся въ томъ, что облигаціи генеральныхъ сборщиковъ дисконтировались большою финансовою компаніею, которая такимъ образомъ забирала предварительные налоги за налогами. Компанія эта подъ управленіемъ Уврара, Депрè и Ванленберга должна была вмѣстѣ поставлять провіантъ и фуражъ на флотъ и армію, такъ что въ одно и тоже время давала государству деньги и ихъ отъ него требовала—положеніе сложное, опасность котораго напрасно представлялъ Барбье-Марбуа Наполеону. Компанія эта, не находя въ Парижѣ достаточныхъ источниковъ, принуждена была силою вещей расширить кругъ своихъ операцій. Такъ какъ Испанія, лишенная по поводу войны съ Англіею своего главнаго дохода — состоявшаго въ добываніи мексиканскихъ піастровъ, была вынуждена отсрочивать уплату недоимки по субсидіямъ, и кромѣ того страдала отъ неурожая, изобрѣтательный геній Уврара придумалъ нажить деньги изъ средствъ этой разоренной страны. Явясь къ Испанскому королю въ качествѣ спасителя монархіи, онъ предложилъ ему уладить всѣ его затрудненія, уплатить накопившіяся субсидіи, доставить хлѣба въ изобиліи, и въ замѣнъ за все это попросилъ только одного — уступки этихъ мексиканскихъ піастровъ, изъ которыхъ Испанія не могла болѣе извлекать никакой выгоды. Дѣйствительно, онъ нашелъ средство получить ихъ чрезъ посредство англійскихъ и американскихъ банкировъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Амстердамскимъ домомъ Гопе, и самъ Питтъ далъ фрегаты для пе-

ревозки мексиканскихъ піастровъ [297]). Благодаря этому залогу, цѣнность котораго впрочемъ не подвергалась сомнѣнію, Парижская компанія могла продолжать снабжать французское правительство деньгами и разными запасами. Въ Испаніи все измѣнилось, и повсюду изобиліе заступило мѣсто недостатковъ. Но для успѣха предпріятія Уврара необходимо было, по поводу медленныхъ и затруднительныхъ сообщеній съ Америкою, именно время, а вскорѣ онъ увидѣлъ себя въ неизбѣжной опасности, потому что недостаточно имѣлъ его въ виду при своихъ разсчетахъ. Парижскіе товарищи его, не будучи въ силахъ одни дисконтировать валоты казначейства, исхлопотали у Барбье-Марбуа, чтобъ и французскій банкъ занялся этимъ вмѣстѣ съ ними. Банкъ, истощившій уже собственныя средства на помощь бѣдствующей торговлѣ и на доставленіе Наполеону необходимыхъ фондовъ для войны [298]), незамедлилъ увидѣть свой кредитъ поколебленнымъ; онъ еще ухудшалъ свое положеніе чрезмѣрнымъ выпускомъ билетовъ. Публика, увѣдомленная о постоянномъ уменьшеніи металлическаго резерва, начала осаждать банкъ съ требованіемъ размѣна билетовъ. Такъ какъ необходимо было избѣжать во что бы то ни стало открытаго банкротства, то пришлось изобрѣтать формальности, которыя хотя и замедляли размѣнъ, однако равнялись прекращенію платежа.

Таковы были главныя перипетіи кризиса, приведеннаго обстоятельствами, и котораго не могли, безъ явной несправедливости, приписать банкирамъ, которые въ этомъ случаѣ дѣйствовали подъ контролемъ или вліяніемъ правительства [299]). Но какъ бѣдствія ихъ отразились на многихъ частныхъ со-

---

[297]) *Записки* Уврара. *Прим. автора.*

[298]) Говорятъ, что выданная впередъ сумма равнялась пятидесяти милліонамъ, и фактъ подаетъ поводъ къ живымъ отрицаніямъ, главнѣйшимъ образомъ со стороны Бильона и Тибодо. Но дѣло не въ суммѣ; заемъ самъ по себѣ неоспоримъ. *Прим. автора.*

[299]) Что весьма достаточно доказывается письмами Барбье-Марбуа, приведенными въ *Запискахъ* Уврара. *Прим. автора.*

стояніяхъ, и какъ можно всегда быть увѣрену нравиться толпѣ, поражая высокопоставленныя лица — предметъ ея зависти или поклоненія, Наполеонъ, по возвращеніи въ Парижъ, нашелъ болѣе удобнымъ взять у *соединенныхъ негоціантовъ* все, что они имѣли, нежели подвергнуть третейскому суду ихъ операціи. Съ ними пострадалъ и честный Барбе-Марбуа, который, соглашаясь на сдѣлки съ ними, повиновался волѣ Наполеона, т. е. будучи подчиненъ необходимости служить арміи. Впрочемъ замѣчательно то, что называя Уврара плутомъ, Фуше мошенникомъ, а Массену воромъ, Наполеонъ никогда не могъ обойдтись безъ этихъ людей, которые конечно не отличались щекотливостью. Послѣ самаго дурнаго съ ними обращенія, онъ постоянно обращался къ нимъ, какъ бы въ силу неодолимаго предопредѣленія, ибо въ его правительствѣ было много порученій, ввѣрить которыя онъ могъ только людямъ подобнаго сорта — удобнымъ орудіямъ, отъ которыхъ можно было требовать всего и которыхъ онъ и бросалъ и бралъ—вновь поочередно, не боясь съ ихъ стороны ни оскорбленнаго самолюбія или уязвленной гордости, ни какого нибудь щекотливаго открытія, ибо они первые были заинтересованы молчаніемъ. Что касается Уврара и его сотоварищей, то въ этомъ случаѣ они скорѣе были жертвами нежели мошенниками, ибо, какъ формально свидѣтельствуетъ Молльенъ, они уменьшили на четверть процентъ отъ дисконта облигацій генеральныхъ сборщиковъ, и не только не получили никакой выгоды отъ своего огромнаго предпріятія, которое въ сущности предотвратило банкротство государства, но потерпѣли только разореніе и униженіе, не занимаясь ничѣмъ другимъ какъ своимъ ремесломъ спекуляторовъ. Кромѣ того, чтобъ дать понятіе о духѣ справедливости императора при улаженіи этого дѣла мы должны прибавить, что за бѣдствія кризиса онъ подвергъ отвѣтственности не только Уврара, Депрѐ и Ванлерберга, но пятнадцать избранныхъ личностей изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, по большей

части чуждыхъ финансовому міру. Героини гостиныхъ, беззащитныя женщины, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что онѣ блистали умомъ, красотою, возвышенными чувствами, были изгнаны за то, что рѣчами своими возбуждали въ публикѣ тревогу и недовѣріе къ банку! Между этими особами находилась госпожа Рекамье, мужъ которой совершенно разорился по поводу кризиса, госпожи Шеврезъ, Дюра, Аве, Люинъ и проч. Послѣдняя избавилась отъ изгнанія, благодаря покровительству Талейрана, но для того, чтобъ подвергнуться болѣе унизительному наказанію, ибо ее простили съ однимъ условіемъ, чтобъ она сдѣлалась статсъ-дамою императрицы. Едва минулъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте учредилъ въ Сенатѣ свой знаменитый *Комитетъ индивидуальной свободы!* Сенъ-Жерменское предмѣстье было увѣдомлено, что время критики, направленной противъ новаго двора, прошло безвозвратно, и что волею-неволею слѣдовало входить въ систему. На половину ласками, на половину угрозами Наполеону удалось женить нѣсколькихъ генераловъ на аристократкахъ самыхъ древнѣйшихъ фамилій. Савари, начальникъ избранной жандармеріи, женился на дѣвицѣ Коаньи. Это Наполеонъ называлъ смѣшеніемъ стариннаго дворянства съ новымъ!

Въ этомъ, постепенно съ большею силою овладѣвавшемъ имъ желаніи скрѣпить и совершенно, такъ сказать, переплавить французское общество, была одна элементарная предосторожность, которой Наполеонъ не забывалъ среди всѣхъ своихъ заботъ въ качествѣ завоевателя и основателя имперіи—это забота приготовить молодыя поколѣнія къ правленію, подъ которымъ они должны жить — посредствомъ воспитанія, сообразнаго съ идеями, какія хотѣлъ онъ имъ привить. Онъ уже много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, давъ извѣстное направленіе народному образованію [300]); онъ си-

---

[300]) См. по этому поводу II томъ. *Прим. автора.*

стематически задушилъ нѣкоторыя отрасли преподаванія, какъ исторію и философію, замѣнивъ ихъ обязательнымъ изученіемъ военной дисциплины, какъ предмета защищеннаго отъ идеалогіи и болѣе свойственнаго къ образованію людей по его вкусу. Но онъ не замедлилъ убѣдиться, что эта ученая реформа преподаванія останется не дѣйствительною до тѣхъ поръ, пока онъ не преобразуетъ самихъ преподавателей. Здѣсь необходимы были наставники, проникнутые однимъ духомъ, подчиненные одной дисциплинѣ, организованные въ одну іерархію; однимъ словомъ необходимо было, чтобъ единству въ доктринахъ служило единство въ повиновеніи. Съ этой точки зрѣнія знаменитые уставы іезуитовъ представляли Наполеону самый совершенный образецъ, о которомъ онъ мыслилъ когда либо. Дѣйствительно онъ безгранично удивлялся этому славному Ордену, и, изгоняя его, всегда завидовалъ этой организаціи, служащей вѣнцомъ духу абсолютизма. Но іезуиты заставляли дорого платить имъ за услуги: они дѣйствовали не много для Рима, очень много для себя, а Наполеону хотѣлось, чтобъ работали только ему одному. Итакъ, къ величайшему своему прискорбію, онъ не могъ сдѣлаться съ іезуитами, но заявилъ своимъ статсъ-секретарямъ [301]), что они оставили настоящій пробѣлъ. Съ трудомъ онъ долженъ былъ отказаться употребить въ свою пользу іезуитовъ, „потому что начальникъ ихъ жилъ въ Римѣ.“ Онъ тотчасъ же представилъ въ Государственный Совѣтъ правила, долженствовавшія служить основаніемъ проэкта преобразованія университета. Изъ нихъ ясно видна его мысль установить родъ свѣтскаго іезуитизма, котораго ему слѣдовало быть главою и верховнымъ вдохновителемъ. Сознавая, что не могъ онъ требовать отъ членовъ университета обѣта безбрачія, онъ все-таки запрещалъ имъ жениться до извѣстнаго возраста. Онъ желалъ, чтобъ онъ нихъ требовалось обя-

---

[301]) Тибодо. *Прим. автора.*

зательства, какъ отъ военныхъ, на извѣстное число лѣтъ службы; онъ назначилъ имъ тѣсную зависимость отъ ихъ начальниковъ. При этихъ условіяхъ онъ предоставлялъ имъ монополію общественнаго обученія.

Виды эти, которыхъ Наполеонъ никогда не могъ осуществить вполнѣ, по поводу сопротивленія заключавшагося въ нравахъ вѣка, въ 1806 году были только назначены. Устройство университета отложили до 1810, но уже было легко предвидѣть недостатки учрежденія. Оно имѣло всѣ неудобства централизаціи въ порядкѣ вещей, который не можетъ выносить ее безнаказанно. Государство обязано и ободрять просвѣщеніе, но не овладѣвать имъ. Монополія, уничтожая возможность всякой конкуренціи, убиваетъ также всякое соревнованіе; она парализуетъ самыя драгоцѣнныя возбуждающія средства человѣческой дѣятельности; но ободряетъ рутину и лѣность разума. Безусловное однообразіе въ методахъ и доктринахъ противно самой сущности интеллектуальной жизни, которой прежде всего необходима свобода, и которая должна находиться въ постоянномъ движеніи, потому что она безконечно обновляетъ свои формы и дѣйствія. Ничего нѣтъ удобнѣе для уничтоженія профессора какъ эти узкія программы, которыя не представляютъ никакой дѣятельности ему; а уничтожая профессора, убиваютъ и воспитанника. Наконецъ узы исключительной зависимости, которой должны были подчиниться члены будущаго состава профессоровъ, имѣли повести къ упадку духъ столь благородной и возвышенной должности; они слишкомъ явно обнаруживали претензію—отлить по одной офиціальной формѣ всѣ мнѣнія и всѣ умы, захватить всѣ права и всѣ вліянія въ пользу государства, т. е. въ сущности въ пользу одного человѣка.

Эта эгоистическая и корыстная заботливость, побуждавшая Наполеона относить все собственно къ себѣ, превращать въ правительственныя средства всякую должность и

всякій предметъ, наиболѣе чуждые политики, обнаружились еще явственнѣе въ катехизисѣ, который онъ велѣлъ напечатать въ одно время съ университетскимъ проектомъ. Здѣсь даже самое богословіе принуждено было сдѣлаться орудіемъ имперіалистской пропаганды. Съ августа 1805, Наполеонъ уже намекалъ Римскому двору о проектѣ своего катехизиса; но Римскій дворъ имѣлъ основательныя причины—какъ бы не слышать этого, и мало выказывалъ готовности. Вслѣдствіе этого Бонапарте рѣшился обойдтись безъ Рима и устроить дѣло при помощи собственныхъ богослововъ, по образцу Боссюэтовскаго катехизиса, приноровленнаго къ нуждамъ новѣйшаго времени. Но онъ не довольствовался этимъ захватомъ духовныхъ привилегій, а доставилъ послѣ пріятную неожиданность прочесть это заявленіе принциповъ—съ одобреніемъ кардинала-легата Капрары, которому Пій VII именно запретилъ изъявлять даже малѣйшее согласіе [302]). Капрара давно уже ни въ чемъ не отказывалъ императору, который сдѣлалъ его миланскимъ архіепископомъ и нѣсколько разъ платилъ его долги [03]). Подпись Капрары на документѣ такого рода почти равнялась папскому одобренію, и можно судить о чувствахъ, возбужденныхъ этимъ заявленіемъ при Римскомъ дворѣ, который былъ въ то время въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ покровителемъ,—простымъ изложеніемъ правилъ, заключавшихся въ императорскомъ катехизисѣ.

„*Воп.* Въ чемъ собственно состоятъ наши обязанности къ Наполеону I, нашему императору? — *Отв.* Мы собственно обязаны любить его, быть вѣрными, *служить въ его военной службѣ*, употреблять всѣ средства для защиты импе-

---

[302]) См. по этому поводу документы, изданные Госсонвилемъ. *Прим. автора.*

[303]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, 23 марта 1805 г. *Прим. автора.*

ріи и его престола, и пламенно молиться о его спасеніи и о процвѣтаніи государства.

„*Воп.* Почему должны мы исполнять всѣ эти обязанности относительно нашего императора? — *Отв.* Потому, что Богъ, осыпая нашего императора дарами какъ во время мира, такъ и на войнѣ, назначилъ его нашимъ государемъ и далъ ему свой образъ на землѣ. *Почитать нашего императора и служить ему, значитъ почитать Бога и служить Ему.*

Воп. Нѣтъ ли особенныхъ причинъ, которыя должны сильнѣе привязать насъ къ Наполеону I, нашему императору? — *Отв.* Есть, ибо онъ тотъ, котораго Богъ призвалъ къ возстановленію св. вѣры нашихъ отцовъ, и ея покровительству. Онъ установилъ и сохранилъ общественный порядокъ своею глубокою и дѣятельною мудростью, онъ защищаетъ государство могущественною своею рукою; онъ сдѣлался помазанникомъ Божіимъ посредствомъ посвященія его папою. Тотъ, кто не исполнитъ обязанностей относительно нашего императора, достоинъ будетъ вѣчнаго проклятія“ [304]) и проч.

Скорѣе чувствуется омерзѣніе нежели негодованіе при мысли, что человѣкъ осмѣлился говорить о себѣ съ такимъ безстыдствомъ. Но удивительнѣе то, что онъ могъ безнаказанно говорить подобныя вещи въ вѣкъ Вольтера и дѣлать изъ этого предметъ *духовнаго* образованія. Съ какою удивительною безцеремонностью этотъ бывшій артиллерійскій подпоручикъ вербуетъ папу въ свою полицію и преобразовываетъ въ жандарма самого бога! Автократія его, какъ видимъ, была не далека отъ того, чтобъ перейдти въ догматъ. Это въ его глазахъ былъ необходимый переходъ къ апоѳеозѣ. Эта постоянная, неизмѣнная система эксплуатировать въ

---

304) Извлеченіе изъ *катехизиса* Имперіи. *Прим. автора.*

пользу деспотизма все отъ чести солдата до рвенія бѣднаго деревенскаго священника, наставляющаго дѣтей въ нравственности, считалась геніальною, но она относится къ искусству управленія точно также, какъ пріемъ дикаря, срубающаго дерево для того, чтобъ достать плодъ, относится къ садоводству. Чтобъ дать настоящую цѣну этой системѣ, ей недоставало одного, именно возможности судить о ней по ея результатамъ. Еслибы это царствованіе проходило при условіяхъ тишины, цѣлостности и продолжительности, необходимыхъ для всякаго опыта, въ присутствіи страшнаго униженія, которое было необходимымъ его послѣдствіемъ, вскорѣ пришли бы къ убѣжденію, что коварство не геній, и что даже съ точки зрѣнія успѣха, политика, уничижающая людей для того, чтобъ властвовать надъ ними, никогда не можетъ назваться искусною, потому что она сама уничтожаетъ заранѣе всѣ элементы продолжительности и постоянства.

Пока Наполеонъ упрочивалъ деспотизмъ внутри, болѣе и болѣе вкореняя его въ самые народные нравы, буря, которой первые признаки видѣли мы въ Пруссіи, приняла чрезвычайно грозные размѣры. Король съ удивительною простотою поспѣшилъ принять предложенье Наполеона относительно образованія Сѣвернаго Союза, разсчитывая на выгодное дѣйствіе этой лиги, чтобъ заслужить у своихъ подданныхъ прощеніе за всѣ униженія, которымъ онъ ихъ подвергнулъ. Но съ первыхъ же шаговъ онъ увидѣлъ такія препятствія, что ничего не могъ заключить. Увѣряя въ своемъ добромъ расположеніи, Саксонія и Гессенъ или представляли ему уклончивыя причины, или за согласіе свое требовали такихъ преимуществъ, какихъ дать имъ было невозможно. Вскорѣ однакожъ обнаружилось, откуда шли эти препятствія. Что бы ни говорили, но было извѣстно, что Наполеонъ хотѣлъ вовлечь курфюрста Гессенъ-Кассельскаго въ Рейнскій Союзъ. Но такъ какъ онъ поставилъ непремѣн-

нымъ условіемъ, чтобы этотъ государь отказался отъ званія прусскаго маршала [305]), то весьма вѣроятно, что не имѣя возможности присоединить его къ своей системѣ, онъ подъ рукою дѣлалъ все, что могъ, для отвращенія его отъ присоединенія къ Пруссіи. Но онъ также долженъ былъ предвидѣть, что, рано или поздно, курфюрстъ изобличитъ предъ Пруссіею эту попытку устрашенія, собственно ли для оправданія, или для приданія себѣ цѣны. Таже политика и относительно ганзейскихъ городовъ, которымъ объявлено было болѣе повелительнымъ тономъ запрещеніе принимать какое либо участье въ Сѣверномъ Союзѣ. Вскорѣ Прусскій кабинетъ удостовѣрился въ этомъ двойномъ обманѣ, а не прошло еще и мѣсяца какъ императоръ такъ любезно приглашалъ своего добраго брата собрать вокругъ Пруссіи остатки прежней Германской имперіи. Въ тоже время стало извѣстно въ Берлинѣ, что Мюратъ, новый великій герцогъ Бергскій, говорилъ всѣмъ о своемъ будущемъ королевствѣ, что Ожеро, стоявшій съ корпусомъ въ Аншпахѣ среди чисто прусскаго населенія, пилъ за успѣхъ нашей будущей войны съ Пруссіею, и что Наполеонъ не смотря на свои повторенныя увѣренія, приказалъ укрѣплять Везель и сосредоточивалъ въ немъ свои войска.

Въ такомъ видѣ были дѣла, когда депеша прусскаго посланника Луккезини [306]), вскорѣ подтвержденная англійскою дипломатіею, заявила Прусскому королю торгъ, предметомъ котораго служилъ Ганноверъ между Франціею и Англіею. Посредствомъ своей полиціи Наполеонъ зналъ одержаніе депеши Луккезини прежде ея отправленія въ Берлинъ. Онъ поспѣшилъ опровергнуть ее чрезъ Лафоре. Онъ приказалъ не только отрицать существованіе переговоровъ, длившихся цѣлые мѣсяцы; но Лафоре долженъ былъ поклясться Прус-

---

305) Наполеонъ къ Талейрану, 31 мая 1805 г. *Прим. автора.*

306) Отъ 6 августа. *Прим. автора.*

скому королю, что миръ съ Англіею не состоялся именно вслѣдствіе отказа нашего уступить Ганноверъ. Онъ хотѣлъ въ этомъ отношеніи обмануть самого Лафоре, чтобъ тотъ могъ въ свою очередь легче обмануть другихъ. „Оставьте его, писалъ онъ къ Талейрану 2 августа: — въ убѣжденіи, что я не мирюсь съ Англіею по поводу Ганновера". Въ тоже время Лафоре поручено было очернить и погубить предъ Прусскимъ кабинетомъ „этого негоднаго болвана, этого фальшиваго и низкаго Луккезини, который получалъ самыя смѣшныя свѣдѣнія [307])". Но это запирательство и клеветы не могли имѣть другаго дѣйствія, какъ только увеличивали раздраженіе и весьма справедливое недовѣріе правительства, чаша терпѣнія котораго переполнилась. Прусскій король приказалъ немедленно мобилизировать свою армію.

Въ тоже время взрывъ общественныхъ чувствъ, долго сдерживаемый, разразился съ необыкновенною силою. Во всѣхъ континентальныхъ войнахъ, предпринимаемыхъ до сихъ поръ, Наполеонъ имѣлъ дѣло съ правительствами болѣе или менѣе прочно организованными. Въ Италіи, какъ и въ Австріи онъ воевалъ съ народами безъ связи, безъ національнаго духа, соединенными самыми слабыми федеративными узами, и едва имѣвшими понятіе о патріотическомъ чувствѣ. Въ этихъ странахъ за правительствомъ были только индивидуумы, или много что провинціи, и стоило только уничтожить тамъ армію, чтобъ завладѣть всѣмъ; въ Пруссіи напротивъ, за правительствомъ былъ разумный, образованный, дѣятельный народъ, одноплеменный и справедливо гордившійся великими подвигами, сдѣланными имъ при Фридрихѣ. Можно было однимъ удачнымъ ударомъ уничтожить его армію, отвыкшую отъ войны, но страна могла прибѣгнуть къ трудолюбивымъ и стойкимъ массамъ, изъ среди которыхъ имѣли появиться новые легіоны. Наполеонъ неожиданно дол-

---

[307]) Наполеонъ къ Талейрану, 8 августа 1806 г. *Прим. автора.*

женъ былъ встрѣтить тамъ ту же силу, которая давала Франціи превосходство предъ Европою.

Тотчасъ же цѣлыя массы политическихъ брошюръ наводнили Германію. Со всѣми южными провинціями обращались еще какъ съ завоеванными землями и занимали ихъ нашими войсками, которыя Наполеонъ находилъ выгоднымъ продовольствовать на счетъ иностранцевъ. Предположивъ, что занятіе русскими Катарскаго залива могло относительно Австріи оправдывать подобное обращеніе, но предлогъ этотъ былъ непремѣнимъ къ другимъ германскимъ государствамъ, которымъ приходилось терпѣть отъ этого. Жалобы Пруссіи встрѣтили большое сочувствіе во всей Германіи, благодаря страданіямъ народныхъ массъ и искреннему негодованью привилегированнаго класса, которые видѣли какъ ихъ раздѣляли и распредѣляли подобно стаду барановъ во время послѣдняго устройства германскихъ дѣлъ. Не смотря на это возраставшее волненіе, слабость и нерѣшительность короля были таковы, что легко можно было избѣгнуть войны при малѣйшей умѣренности. Убѣжденный взрывомъ общественнаго мнѣнія, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, покинутый Гаугвицемъ и самимъ Ломбардомъ, которые уступили силѣ вещей, Лафоре совѣтовалъ своему правительству быть какъ можно осторожнѣе; но Наполеонъ отвергъ этотъ совѣтъ со своею обычною запальчивостью, и политика его приняла характеръ еще болѣе наступательный и вызывающій: „Письмо Лафоре, писалъ онъ къ Талейрану, отъ 22 августа:—кажется мнѣ глупостью. Эта излишняя боязнь достойна сожалѣнія... скажите ему, что онъ долженъ быть покоенъ, замѣчать все, доносить мнѣ обо всемъ, дѣйствовать хладнокровно; если ему будутъ говорить о Сѣверномъ Союзѣ, пусть скажетъ, что *не имѣетъ инструкцій*, а если зайдетъ рѣчь о ганзейскихъ городахъ, онъ долженъ объявить, *что я не потерплю ни малѣйшаго измѣненія въ ихъ настоящемъ положеніи*.... Если Луккезини заговоритъ съ вами о Саксоніи

и Гессенѣ, вы скажете, *что не знаете моихъ намѣреній.*“ Одинъ уже отказъ объяснить его намѣренія—достаточно говоритъ о нихъ. Въ то же время какъ онъ посылалъ Лафоре эти печальныя инструкціи, онъ далъ Германіи зловѣщее и грозное предостереженіе—убійствомъ Пальма (26 августа).

Пальмъ былъ книгопродавцемъ вольнаго города Нюремберга, не давно уступленнаго Баваріи, на который мы не могли имѣть никакого законнаго притязанія, хоть онъ и былъ временно занятъ нашими войсками. Подобно всѣмъ собратамъ, Пальмъ совершилъ преступленіе не тѣмъ, что издалъ, но продавалъ и распространялъ брошюры, написанныя въ пользу свободы его отечества. Въ числѣ этихъ брошюръ имѣлась одна, весьма краснорѣчивая, написанная Гентцомъ подъ заглавіемъ. „*Глубокое униженіе Германіи*“—сочиненіе, восторженность и пылъ котораго много способствовали къ пробужденію народнаго духа. Наполеонъ зналъ одно только средство опровергнуть сочиненіе: не имѣя возможности уничтожить автора, онъ принялся за книгопродавцевъ. Онъ употребилъ здѣсь средство, которое во всѣхъ письмахъ рекомендовалъ брату Іосифу, какъ самое вѣрное для успокоенія неаполитанцевъ. Средство это, дѣлающееся постояннымъ припѣвомъ въ его братскихъ изліяніяхъ, и которое Наполеонъ считалъ примѣнимымъ вездѣ и во всемъ, сводилось въ лаконическую формулу, которая по его мнѣнію была послѣднимъ словомъ политической мудрости; формула эта: *разстрѣлять!* 5 августа онъ поспѣшилъ послать къ Бертье слѣдующее приказаніе: „Я полагаю, кузенъ, что вы приказали арестовать аугсбургскихъ и нюрембергскихъ книгопродавцевъ. *Я думалъ бы отдать ихъ подъ военный судъ и разстрѣлять въ двадцать четыре часа.* Нельзя назвать обыкновеннымъ преступленіемъ распространеніэ пасквилей въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся французскія войска, съ цѣлью возбуждать противъ нихъ жителей. Приговоръ долженъ быть составленъ въ такомъ смыслѣ, что вездѣ, гдѣ только находится армія, на обязанности главно-

командующаго лежитъ забота объ ея безопасности, а потому такія-то и такія-то лица, уличенныя въ намѣреніи возбудить жителей Швабіи противъ французской арміи, присуждаются къ смертной казни".

Итакъ все было рѣшено заранѣе—виновность, наказаніе, приговоръ, и во французской арміи нашлось семь полковниковъ, принявшихъ на себя гнусную роль судей. Но они могли отвѣчать на это словами Гуллена, писавшаго по поводу герцога Энгіенскаго: „Мы должны были судить, а иначе судили бы насъ самихъ!" Арестованный въ Нюрембергѣ, Пальмъ отданъ былъ подъ военный судъ, который, исполняя приказаніе, осудилъ его на смерть, также какъ и еще троихъ книгопродавцевъ, которыхъ не удалось схватить. Безполезнымъ сочли назначить ему защитника, но опомнились, составляя приговоръ, и судъ къ жестокости присоединилъ ложь, удостовѣривъ торжественно, что формальность эта была исполнена. Пальмъ шелъ на смерть съ отвагою и простотою, тронувшею даже самихъ исполнителей казни. Скоро начали выхвалять его какъ мученика въ патріотическихъ пѣсняхъ, раздавшихся по всей Германіи.

Убійство этого невиннаго заставило долго трепетать германскія населенія. Разстрѣливанье могло быть дѣйствительнымъ средствомъ въ полудикихъ провинціяхъ Неаполя, но среди цивилизованной Европы, среди народа, который не былъ еще пріученъ къ рабству, оно произвело скорѣе дѣйствіе гнѣва и негодованія, нежели страха. Правительства мало обращаютъ вниманія на жизнь неизвѣстнаго частнаго лица, особенно если оно пострадало во имя мнимаго государственнаго интереса, и потому Берлинскій дворъ отнесся довольно равнодушно къ смерти Пальма; но событіе это не осталось безъ вліянія на его рѣшенія, ибо съ тѣхъ поръ онъ не могъ избѣгнуть столкновенія съ общественнымъ мнѣніемъ; а Наполеонъ не только не выказывалъ ни малѣйшаго расположенія къ уступкамъ, которыя облегчили бы соглашеніе, но

напротивъ становился день отъ дня упрямѣе, высокомѣрнѣе, требовательнѣе.

Ссылаясь на отказъ Россіи по поводу договора, заключеннаго съ Убрилемъ, онъ не хотѣлъ болѣе даже слышать о началѣ Союза до тѣхъ поръ, пока Пруссія не распуститъ арміи; онъ пошелъ гораздо дальше этого требованія и предписалъ своему министру въ Саксоніи тайно понуждать корфюрста, чтобъ послѣдній объявилъ себя *независимымъ королемъ* [308]). Съ подобными притязаніями невозможно было думать о возстановленіи добраго согласія между двумя державами; и когда Кнобельсдорфъ, преемникъ Луккезини, въ нотѣ отъ 1 октября представилъ три условія, составлявшія ультиматумъ Берлинскаго двора, т. е. очищеніе нашими войсками Германіи, очищеніе Везеля и наконецъ обѣщаніе не дѣлать никакого препятствія Сѣверному Союзу, то эта программа поставила такое разстояніе между двумя правительствами, что война оказалась на самомъ дѣлѣ объявленною: Наполеонъ уже восемь дней какъ выѣхалъ въ Майнцъ.

Въ теченіе этихъ переговоровъ Берлинскій кабинетъ дѣлалъ большія ошибки; но онѣ происходили отъ слабости, а не отъ обдуманной испорченности. Первая изъ нихъ заключалась въ томъ, что Пруссія не объявила намъ войны тотчасъ же послѣ нарушенія нами территоріи Аншпаха, ибо мы подали ему къ этому двадцать законныхъ поводовъ—Эттенгеймскою засадою, захватомъ порта Куксгавена, арестованіемъ Румбольда, нарушеніемъ территоріи Гессенъ-Кассельской, предшествовавшей нѣсколькими днями нападенію на Аншпахъ, наконецъ всею нашею европейскою политикою, которою она имѣла нѣкоторое право заниматься. Упустивъ удобный случай вслѣдствіе недостатка твердости, Берлинскій дворъ сдѣлалъ вторую ошибку, принявъ Ганноверъ подъ вліяніемъ страха, внушеннаго ему Наполеономъ. Но, будучи далекъ отъ того,

---

[308]) Замѣтка къ депешѣ Дюрана, 12 сентября. *Прим. автора.*

чтобъ воспользоваться этою опасною побѣдою, и обезпечить по крайней мѣрѣ тѣхъ, кого онъ такъ жестоко унизилъ, Наполеонъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не довелъ ихъ отчаянія до послѣднихъ предѣловъ. Не успѣлъ онъ уступить Ганноверъ Пруссіи, какъ уже предложилъ его Англіи; въ тоже время онъ предложилъ Неаполитанскому королю Ганзейскіе города, къ независимости которыхъ обнаружилъ такое благородное рвеніе, когда дѣло шло о присоединеніи ихъ къ Сѣверному Союзу; онъ раздѣлилъ Германію въ пользу Франціи предъ глазами изумленнаго Прусскаго короля, предлагая ему одною рукою вознагражденіе и отнимая его другою; онъ занялъ крѣпости за Рейномъ, не смотря на свои неоднократныя увѣренія; разстрѣливалъ германскихъ гражданъ въ нейтральныхъ земляхъ, гдѣ войска его размѣщались вопреки всякаго права. И въ продолженіе всего времени какъ онъ велъ себя, съ союзниками и съ Европою? Онъ обманулъ Англію, обѣщавъ ей не требовать Сициліи; обманулъ Испанію, предлагая безъ ея согласія уступку Белеарскихъ острововъ; обманулъ Голландію, уступивъ англійскимъ уполномоченнымъ ея колоніи, которыя обѣщалъ ей сохранить; обманулъ Австрію, барышничая Рагузою, составлявшею ея владѣнія, нарушивъ Пресбургскій договоръ, который формально признавалъ Германскую имперію и старинный Нѣмецкій Союзъ (§ VII); онъ обманулъ Россію, выманивъ отъ Убриля договоръ, заключенный на основаніи формальнаго обѣщанія, что императоръ не обнародуетъ акта Рейнскаго союза. Но эти козни были ведены такъ неловко, что обманъ обнаружился самъ собою. Тотъ, кто хотѣлъ лгать предъ всѣми, увидѣлъ всѣхъ противъ себя. Лицемѣріе его открылось, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Аустерлица, Континентъ снова вооружился, съ цѣлью напасть на насъ.

Но Наполеонъ, вмѣсто того чтобъ испугаться этой перспективы, радовался и торжествовалъ: „У меня въ Герма-

нiи, писалъ онъ Іосифу:—около полутораста тысячъ человѣкъ, *а съ этимъ я могу покорить Вѣну, Берлинъ, Петербургъ.*" Слова эти были слишкомъ справедливы, но возможность подобной неожиданности обманывала его относительно условій продолжительности. Конечно, армія его могла оказывать чудеса, выиграть сотню сраженій; но не въ состоянія была ни передѣлать новѣйшей цивилизаціи, ни измѣнить духъ народовъ.

Когда подумаешь о чудесномъ орудіи, бывшемъ у него въ рукахъ, и о недостойномъ употребленіи, какое онъ дѣлалъ изъ него такъ долго и безнаказанно, невольно приходятъ на память магическія силы, играющія столь важную роль въ восточныхъ сказкахъ. Пока герой обладаетъ талисманомъ, все ему удается до невѣроятности. Основанія, управляющія другими людьми, для него не существуютъ. Безчисленныя чудеса рождаются безъ усилія подъ его безсознательною рукою. Онъ не знаетъ ни добра, ни зла, насмѣхается надъ невозможностью. Онъ можетъ потѣшаться сколько угодно надъ всѣмъ справедливымъ и священнымъ. Безразсудство становится у него геніемъ, непредусмотрительность—ловкостью, криводушіе—справедливостью, и чѣмъ больше онъ топчетъ въ грязь всѣ правила мудрости, закона, здраваго смысла, тѣмъ съ большимъ блескомъ увеличиваются его успѣхи. Даже, повидимому, извращаются самые законы природы. Люди съ суевѣрнымъ страхомъ смотрятъ на зловѣщій свѣтъ метеора. Они готовы обожествить этого привилегированнаго неуязвимаго смертнаго, удивительной фортуны котораго не можетъ нарушить никакое преступленіе. Но стоитъ только талисману потеряться или разбиться, и божокъ мгновенно исчезаетъ. Предъ всѣми остается только жалкій безумецъ, вы спрашиваете —этотъ избранникъ судьбы не былъ ли ея жертвою?—и вы колеблетесь между страхомъ и жалостью. Вотъ исторія Наполеона и великой арміи.

ГЛАВА X.

Іена. — Берлинскій декретъ.

Какъ ни было глубоко, искренно и страстно національное движеніе, увлекшее Пруссію въ войну, послѣ тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ ей Наполеономъ, военное положеніе этой державы, также какъ и страшная дѣятельность ея врага, — предписывали ей крайнюю осторожность, къ сожалѣнію, столь мало совмѣстимую съ благородными увлеченіями патріотизма. Пруссія, страна безконечныхъ равнинъ, открытая со всѣхъ сторонъ для нападенія, составленная изъ лоскутьевъ, не обладала почти ни одною изъ тѣхъ большихъ естественныхъ преградъ, за которыми народъ можетъ укрыться какъ за укрѣпленіемъ, и которыя даютъ время организовать народное возстаніе, когда уничтожены его арміи. Одна только рѣка Эльба, представлявшая ей довольно сильную оборонительную линію, могла служить преградою при одномъ лишь условіи—оставить прежде полкоролевства. Къ довершенію несчастья, французская армія была у воротъ Пруссіи. Наполеону даже не предстояло побѣждать разстоянія, которое обыкновенно во всѣхъ войнахъ раздѣляетъ обѣ воюющія стороны; у него уже имѣлось полтораста тысячъ человѣкъ на прусской границѣ во Франконіи, такъ что этотъ благородный взрывъ общественнаго

мнѣнія, могшій дать Пруссіи триста тысячъ лишнихъ солдатъ, не могъ принести никакой пользы за недостаткомъ времени. Вслѣдствіе слабости и нерѣшительности короля, численность арміи во время открытія непріятельскихъ дѣйствій, была значительно меньше, нежели нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Въ силу договора 15 февраля, Прусскій король, чтобъ доказать Наполеону свое мирное расположеніе, распустилъ большую часть своей арміи, и хотя рѣшился созвать ее въ половинѣ августа, однако не успѣлъ еще вполнѣ организовать ее. По самымъ вѣрнымъ исчисленіямъ [309]), онъ не могъ выставить противъ Наполеона болѣе ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ. У этой храброй, хорошо обученной дисциплинированной и воодушевленной лучшими чувствами арміи, былъ еще болѣе серьезный недостатокъ, нежели численное меньшинство — именно тотъ, что она никогда не воевала. Можно сказать, что прусскія войска не сражались со времени семилѣтней войны; ибо короткая кампанія, сдѣланная ими противъ насъ при началѣ революціи, была лишь военною прогулкою. Итакъ воевать научаются лишь на войнѣ: если это правило небезусловно вѣрно относительно великихъ генераловъ, геній которыхъ врожденъ и держится болѣе вдохновенія нежели опытности, то оно положительно вѣрно относительно солдатъ.

Этой неопытной арміи дали генераловъ, отличавшихся отсутствіемъ молодости и пыла. Герцогу Брауншвейгскому былъ семьдесятъ одинъ годъ, маршалу Мёлендорфу и генералу Калькрейту по семьдесятъ, да и самъ Блюхеръ, кото-

---

[309]) Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ доводятъ эту цифру до 185,000 человѣкъ, правда включая въ это число прусскіе гарнизоны. По этому счету наполеоновская армія должна была имѣть 500,000 человѣкъ. Это обыкновенная ложь, такъ называемыхъ исторій. По офиціальнымъ отчетамъ Брауншвейгскаго герцога численность прусской арміи не превышала 117,000 человѣкъ, съ саксонскимъ контингентомъ включительно. *Прим. автора.*

рый былъ молодъ по энергіи, какъ современникъ его, принцъ Гогенлоэ считался по предубѣжденію [310]), имѣли тогда болѣе чѣмъ по шестидесяти. Это старые товарищи Фридриха Великаго были на столько разсудительны, на сколько ихъ солдаты довѣрчивы. Отличившись въ юности знаменитыми заслугами, преданные страстно отечеству, которое, такъ сказать, они создали своими храбрыми руками, но напитанные стратегическими идеями, которыя, переставъ измѣняться сообразно съ обстоятельствами, мало-по-малу перешли въ состояніе рутины, — они были, кромѣ того, отягчены лѣтами и продолжительнымъ миромъ, они не могли раздѣлять волновавшихся вокругъ нихъ мечтаній, но не смѣли также и уничтожить ихъ изъ боязни ослабить мораль солдата, такъ что прусская армія представляла странное зрѣлище самой отчаянной отваги, предводимой старостью.

Во главѣ молодежи, явившейся на защиту и отмщеніе національной чести, отличался въ особенности принцъ прусскій Людовикъ, другъ госпожи Сталь и племянникъ Фридриха Великаго, который снискалъ уже любовь своими благородными качествами. Онъ болѣе чѣмъ кто либо способствовалъ къ возвышенію народнаго духа, и геройски пожертвовалъ жизнью дѣлу отечества; рядомъ съ нимъ стояли принцъ Генрихъ и эта королева, столь прекрасная и симпатичная, которую Наполеонъ обезсмертилъ низкими оскорбленіями. По примѣру Маріи - Терезіи, королева Луиза хотѣла возбудить своими рѣчами пылъ и отвагу въ солдатахъ, но присутствіе ея въ главной квартирѣ имѣло въ особенности цѣлью поддерживать нерѣшительность короля, отъ котораго опасались возврата къ слабости и раскаянію. Весь почти дворъ послѣдовалъ въ лагерь, гдѣ видѣли еще

---

[310]) Неизвѣстно въ силу какихъ данныхъ Тьеръ представляетъ принца Гогенлоэ, род. въ 1746 году, какъ *главу молодыхъ людей*.

Прим. автора.

публицистовъ, какъ баронъ Генцъ, и даже сторонниковъ политики нашего союза, Гаугвица и Ломбарда, излѣчившихся немного поздно отъ своихъ заблужденій. Безвредные писатели, профессора, какъ Арндтъ, поэты, какъ Коцебу, призывали народъ къ оружію. Философъ Фихте, пламенный защитникъ французской революціи, сдѣлавшійся не менѣе рѣшительнымъ врагомъ новаго цезаризма, *въ своихъ рѣчахъ къ германскому народу*, просилъ какъ милости, чтобъ его приняли въ прусскую армію; но подобное соревнованіе должны были понять только позже. Присутствіе этихъ женщинъ, этихъ царедворцевъ, писателей, государственныхъ людей говорило довольно громко арміи, что съ нею сливались, что готовы были раздѣлить ея участь, что въ ней видѣли осуществленіе самаго отечества. Но, не смотря на добровольность и размѣры этого патріотическаго порыва — потому ли, что не знали еще всей силы опасности, потому ли, что не было времени для обобщенія и организаціи движенія,—этотъ первый вооруженный контингентъ доставленъ былъ главнѣйшимъ образомъ дворянствомъ и военнымъ классомъ, которые, будучи издавна приготовлены къ этой роли, естественно должны были очутиться въ первыхъ рядахъ. Только позже увидѣли необходимость участья всего народа. Въ описываемое время этотъ отважный и преданный народъ, который жаждалъ раздѣлить съ своими защитниками опасность, оставался лишь простымъ зрителемъ борьбы. Вотъ объясненіе неудачъ Пруссіи въ 1806 г., и неслыханной быстроты нашего торжества. Натура ея территоріи, доступной и, такъ сказать, уязвимой на многихъ пунктахъ, также какъ и громадность средствъ, находившихся въ распоряженіи Наполеона, требовали отъ Пруссіи, чтобъ она преимущественно предъ всякою другою державою была вооружена, и она имѣла предъ всѣми нашими континентальными врагами то преимущество, что ей было легко достигнуть этого. На то время, Пруссія вѣрила еще, что ея старинныя военныя учрежденія могли

служить достаточно защитою, и она дорого поплатилась за это.

Прусская армія раздѣлялась на два корпуса. Одинъ изъ семидесяти тысячъ, подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, направился изъ Магдебурга на Веймаръ и Эрфуртъ; второй, подъ командою принца Гогенлоэ, пошелъ на Саксонію и, взявъ двадцать тысячъ саксонцевъ, пустился по Саалу ко входу въ ущелья, ведшія изъ Саксоніи во Франконію. Позиція эта, слишкомъ передовая относительно численности прусской арміи и позиціи, занимаемой нами во Франконіи, была избрана главнѣйшимъ образомъ съ тою цѣлью, чтобъ увлечь Гессенъ-Кассельскаго курфюрста, располагавшаго арміею отъ пятнадцати до двадцати тысячъ, и который усиливался поддерживать шаткій нейтралитетъ между двумя столь сильными державами. Для того чтобъ скорѣе покончить съ нерѣшимостью этого государя, герцогъ Брауншвейгскій продлилъ свое правое крыло до Эйзенаха, по конецъ Турингскаго лѣса, прикрывавшаго фронтъ его арміи на протяженіи двадцати миль. Ошибка эта напомнила ошибку, совершонную Маккомъ въ прошломъ году, когда онъ, очертя голову подался слишкомъ въ Баварію. Какъ въ то время австрійскимъ генераламъ, такъ теперь прусскимъ слѣдовало употребить противъ подобнаго противника одно лишь средство, а именно, выбравъ хорошія оборонительныя позиціи, укрѣпляться въ нихъ постепенно, чтобъ дать время русской арміи придти на помощь. Если дѣйствительно располагали не отдавать Наполеону входа въ Саксонію безъ боя, то первую батарею могли выставить ему на верхней Саалѣ [312]); вторую — гораздо сильнѣе на Эльбѣ; наконецъ во всякомъ случаѣ можно было скрыться за Одеромъ, конечно оставляя государство, но спасая армію, которая могла все спасти въ свою очередь. Таковы были мудрыя рѣшенія, преимущество

[312]) Жомини. *Прим. автора.*

которыхъ въ это время даже Дюмурье старался выказать Берлинскому двору, опираясь на свой авторитетъ опытнаго воина, подкрѣпленный знаменитыми уроками предшествовавшаго года. Но вмѣсто того, чтобъ примкнуть къ правому берегу Саалы, армія герцога Брауншвейгскаго осталась въ лагерѣ между этою рѣкою и Турингскимъ лѣсомъ, на открытой почти позиціи, не позаботившись даже объ охранѣ многочисленныхъ ущелій, чрезъ которыя можно было напасть на нее.

Наполеонъ уже готовился воспользоваться этими ошибками, но ему хотѣлось, чтобъ новый ударъ, какой намѣревался онъ нанести континентальнымъ державамъ въ лицѣ Пруссіи, былъ ужаснѣе всѣхъ прежнихъ, для того, чтобъ навсегда отбить у нихъ охоту къ сопротивленію. Никогда болѣе громадныя усилія не были направлены противъ державы, которая во всякомъ случаѣ считалась второстепенною; никогда борьба не открывалась при столь неравныхъ условіяхъ. Войска его, предназначенныя дѣйствовать непосредственно противъ арміи герцога Брауншвейгскаго, состояли, по его собственному сознанію, почти изъ двухсотъ тысячъ, а самое меньшее изъ ста осьмидесяти тысячъ [313]). „У меня будетъ двѣсти тысячъ на полѣ сраженія“, писалъ онъ 20 сентября Людовику. — „Мы пойдемъ на Дрезденъ съ двумя стами тысячъ войска“, пишетъ онъ Сульту 5 октября, и прибавляетъ: „съ подобнымъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ я могу вездѣ напасть на непріятеля, будучи вдвое сильнѣе его [314])“. Признанія эти гораздо болѣе заслуживаютъ довѣрія, нежели ложь бюллетеней, въ которыхъ

---

[313]) Цифра, приводимая въ этомъ случаѣ Фезензакомъ въ *военныхъ воспоминаніяхъ*, кажется намъ наиболѣе близкою къ истинѣ. Въ другихъ исчисленіяхъ его относительно этой кампаніи, онъ гораздо менѣе точенъ. *Прим. автора.*

[314]) Наполеонъ къ Сульту 5 октября 1806 г. *Прим. автора.*

на другой день послѣ сраженія размѣры арміи непремѣнно измѣняются въ противоположномъ смыслѣ.

Войска эти, долженствовавшія дѣйствовать подъ личнымъ его начальствомъ, были въ нѣкоторомъ родѣ роскошью и излишкомъ безчисленной арміи, которая на всѣхъ пунктахъ имперіи готова была замѣнить ихъ въ случаѣ нужды. Для обезпеченія сообщеній, Наполеонъ оставилъ позади пятьдесятъ тысячъ человѣкъ Рейнскаго Союза; на Везелѣ былъ у него тридцатитысячный корпусъ подъ командою короля Людовика. Государь этотъ долженъ былъ напечатать въ газетахъ, что войска его, простиравшіяся до осьмидесяти тысячъ человѣкъ, шли на Вестфалію. Двадцать тысячъ человѣкъ оберегали Майнцъ подъ начальствомъ Мортье. Къ этимъ силамъ присоединялись на нашихъ сѣверныхъ и восточныхъ границахъ двѣнадцать тысячъ мобилизованной національной гвардіи и тридцать тысячъ рекрутъ. Брюнъ оставался охранять наши берега, Мармонъ съ двадцатью тысячами, сосредоточенными въ Зарѣ и въ Иллиріи, и итальянскій вице-король Евгеній, сорокатысячныя силы котораго, опираясь на Венецію и Пальма-Нову, могли въ случаѣ надобности быть подкрѣплены тридцатитысячнымъ секурсомъ отъ короля Іосифа, обезпечивали ему спокойствіе Австріи. Послѣдняя впрочемъ мало безпокоилась о бѣдствіяхъ, грозившихъ Пруссіи. Этотъ огромный кругъ обороны, обнимавшій уже почти половину Европы, былъ подкрѣпленъ линіею неприступныхъ крѣпостей, простиравшеюся отъ Анвера къ Браунау, т. е. отъ океана къ Инну. Въ своемъ пламенномъ желаніи сосредоточить противъ Пруссіи всѣ источники и средства, какими только могъ онъ располагать, Наполеонъ задумалъ эксплуатировать противъ нее мечтанія польскаго патріотизма, и сформировалъ подъ начальствомъ генерала Заіончека, польскій легіонъ, предназначенный дѣйствовать впослѣдствіи въ герцогствѣ Варшавскомъ [315]). Не находя

[315]) Наполеонъ къ герцогу Дежану, 20 сентября. *Прим. автора.*

еще достаточнымъ во Франціи того, что онъ называлъ *продуктомъ* конскрипціи, онъ велѣлъ вызвать *волонтеровъ*, какъ будто это слово могло имѣть какой нибудь смыслъ при правительствѣ, въ которомъ не было другой воли кромѣ его. Корпусъ волонтеровъ былъ сформированъ подъ названіемъ *жандармовъ-ординарцевъ императора.* Такъ какъ нельзя было обратиться ни къ любви свободы, ни даже къ патріотическому чувству для поддержки войны, затѣянной однимъ честолюбіемъ, то обратились къ тщеславію семействъ. Корпусъ этотъ долженъ былъ состоять изъ богатыхъ людей, которые могли обмундироваться на свой счетъ, и жить на средства родителей. Самое названіе, данное имъ, обѣщало повидимому прямыя сношенія съ императоромъ, т. е. драгоцѣнные случаи отличиться въ глазахъ его. Однимъ словомъ, это было неоцѣненное счастье попасть въ корпусъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ умолять императора, чтобъ онъ удостоилъ оказать молодымъ людямъ такое рѣдкое отличіе: „арміи его величества, говорилъ онъ въ своемъ циркулярѣ: — такъ многочисленны, что онъ изъявилъ свое согласіе на мою просьбу лишь по *моему неотступному ходатайству!*“ Безполезно прибавлять, что этотъ циркуляръ былъ сочиненъ самимъ императоромъ. Не смотря на неодолимую приманку этого обѣщанія, корпусъ *жандармовъ-ординарцевъ* мало заставилъ говорить о себѣ въ эту кампанію.

Не смотря на громадность этихъ приготовленій, которыхъ достаточно было разгромить непріятеля болѣе сильнаго нежели Пруссія, Наполеону казалось, что онъ мало сдѣлалъ для обезпеченія побѣды. Можно было сказать, что онъ не могъ удовлетворять самого себя; онъ торопилъ, усложнялъ мѣры предосторожности, вооруженія, съ какою-то ярою дѣятельностью, съ неистовымъ жаромъ, которые очевидно предназначались къ образованію всемірной имперіи. Дѣйствительно, чего же ему было бояться, разъ уничтоживъ Пруссію?

Оставалась на полѣ битвы одна Россія, которую онъ могъ однимъ словомъ возвратить въ ея степи, а остальной континентъ представлялъ ему лишь покоренныя, трепетавшія державы. Итакъ, открывавшаяся война была капитальнымъ событіемъ въ его жизни, рѣшительнымъ переломомъ въ его судьбѣ. Подъ вліяніемъ этой постоянной мысли, наполнявшей душу этого человѣка, подчинявшагося обстоятельствамъ минуты до самозабвенія, Наполеонъ дошелъ даже до того, что пыталъ себя надеждою увлечь Австрію противъ Пруссіи. Только наканунѣ открытія кампаніи ему пришли въ голову мудрые совѣты Талейрана.

Только теперь онъ увидѣлъ, что у него въ Европѣ не было ни одного союзника, на котораго онъ могъ бы разсчитывать; онъ подумалъ, что одно проигранное сраженіе могло обрушить все это исполинское зданіе, не опиравшееся въ сущности ни на принципы, ни на интересы, ни на страсти, и которое имѣло поддержку лишь въ одномъ его военномъ геніѣ. Подъ вліяніемъ этихъ мудрыхъ соображеній, пришедшихъ довольно поздно, онъ осмѣлился предложить искалѣченной Австріи, у которой не зажили еще всѣ имъ нанесенныя ей раны, присоединиться къ намъ для уничтоженія единственной арміи, которая представляла еще ей какую-нибудь возможность возвратить хоть часть ея потерь. Притворяясь, что не вѣритъ еще войнѣ, хотя войска его стояли уже въ Вюрцбургѣ, онъ писалъ къ Рошфуко, своему посланнику въ Вѣнѣ:

„Я рѣшился не вступать болѣе въ союзъ съ такою *перемѣнчивою и гнусною державою* какъ Пруссія. Я, безъ сомнѣнія, останусь съ нею въ мирѣ, потому что *не имѣю накакого права проливать кровь моихъ народовъ подъ пустыми предлогами;* однако необходимость обратить всѣ мои заботы на мой флотъ вынуждаетъ меня заручиться союзомъ на континентѣ. Изъ трехъ державъ, Россіи, Пруссіи и Австріи, *мнѣ необходима одна какъ союзница.* Ни въ какомъ случаѣ

нельзя довѣриться Пруссіи, остается лишь Австрія и Россія.... Я понялъ Австрійскаго императора, считаю его постояннымъ и вѣрнымъ своему слову, вы должны объяснить ему это въ такомъ смыслѣ, однакоже безъ неумѣстнаго усердія [316]).“ Точно также трудно повѣрить въ искренность этого предложенія, какъ и считать его комедіею. Одинаково оскорбительное и циничное въ двухъ предположеніяхъ, оно мало дѣлаетъ чести политическому такту того, кто его задумалъ, ибо оно могло произвести лишь самое дурное дѣйствіе.

Французская армія однакоже оканчивала сосредоточиваться въ верхней Франконіи, на опушкѣ того самаго Турингскаго лѣса, котораго противоположную сторону занимала Прусская армія. Для исполненія этого движенія намъ стоило только совершить лишь нѣсколько переходовъ, отдѣляющихъ Швабію и верхній Палатинатъ отъ Вюрцбурга и Бамберга. Армія наша растянулась отъ Кронаха къ Гильбургаузену, угрожая всѣмъ ущельямъ, выходящимъ къ фронту арміи герцога Браушвейгскаго. Въ этомъ самомъ положеніи Наполеонъ долженъ былъ искать элементовъ для своего плана кампаніи, и даже нѣтъ надобности оспаривать фантастическое предположеніе о походѣ въ Вестфалію, вѣроятно для удовольствія сдѣлать крюкъ въ двѣсти миль и создать себѣ препятствіе на Везерѣ. Прусская армія находилась не болѣе какъ въ пяти миляхъ отъ Наполеона; онъ по своему выбору могъ напасть на нее справа чрезъ Энзенахъ и Готу или слѣва чрезъ Гофъ и Шлейцъ. Въ первомъ случаѣ онъ отбрасывалъ пруссаковъ на ихъ естественную линію отступленія, т. е. на Саксонію и Эльбу, во второмъ—онъ отрѣзывалъ ихъ отъ той и другой, и отрѣзывалъ съ такими превосходными силами, что операція эта, всегда рискованнная при равномъ числѣ, почти не представляла для него никакой опасности, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ и

---

316) Наполеонъ къ Ла-Рошфуко, 3 октября 1805. *Прим. автора.*

равнялась для Пруссіи окончательному истребленію. Геній его естественно увлекалъ его къ этимъ рискованнымъ операціямъ; окружить непріятеля, овладѣть его сообщеніями, начать посредствомъ деморализаціи сообщеніе, которое вскорѣ долженъ былъ докончить оружіемъ—это, можно сказать, былъ любимый его маневръ, которому онъ обязанъ самыми блестящими своими успѣхами и который долженствовалъ погубить его впослѣдствіи: какимъ же образомъ допустить, чтобъ онъ отступилъ отъ этой тактики въ то время, когда онъ могъ извлечь изъ нея выгоды, болѣе рѣшительныя чѣмъ когда либо?

Узнавъ о движеніи французовъ, герцогъ Брауншвейгскій сосредоточилъ свою армію въ окрестностяхъ Веймара; онъ присоединилъ корпусъ Гогенлоэ, но оставилъ только авангардъ въ проходахъ Турингскаго лѣса, позабывъ великолѣпную демонстрацію, которою Моро такъ отлично доказалъ при Гогенлиденѣ опасность такой операціи, какую мы предпринимали. Армія наша, обязанная раздѣлиться для перехода ущелій, могла кинуться въ Саксонію съ трехъ различныхъ пунктовъ, на пространствѣ пятнадцати миль чрезъ Гофъ, Саальбургъ и Графенталь: поэтому нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ герцогъ Брауншвейгскій сосредоточилъ всѣ свои силы противъ одного изъ этихъ отдѣльныхъ корпусовъ, то серьезно повредилъ бы успѣху нашихъ послѣдующихъ операцій. Пока Наполеонъ совершалъ этотъ, столь важный походъ, герцогъ Брауншвейгскій словно спалъ въ Веймарѣ и находился въ такомъ бездѣйствіи, что нѣтъ никакого интереса разбирать приписываемые ему различные планы кампаніи, ибо онъ ничего не дѣлалъ для ихъ исполненія.

Наши войска немедленно заняли оба берега Саалы, упираясь преимущественно на правый, съ цѣлью спуститься внизъ по рѣкѣ параллельно съ Прусскою арміею. Первая стычка произошла 8 октября при Саальбургѣ между прусскимъ отрядомъ и кавалеріею Мюрата; на другой день Берна-

доттъ отбросилъ къ Шлейцу генерала Таунэнцина. 10 октября Ланнъ, корпусъ котораго съ корпусомъ Ожеро составлялъ нашъ правый флангъ, встрѣтилъ въ Саальфельдѣ авангардъ Гогенлоэ, подъ начальствомъ принца Людовика Прусскаго. На этотъ разъ противники оказались достойными другъ друга, но позиціи были далеко неравны.

Растянувшись съ самаго начала дѣла, прусскія войска не могли выдержать стремительности Ланна; они отступили на всѣхъ пунктахъ послѣ недолгаго сопротивленія. Принцъ, хотя и пришелъ въ отчаяніе отъ этой неудачи, предвидѣнной имъ съ начала кампаніи, удержалъ однакоже свой корпусъ отъ бѣгства. Онъ нѣсколько разъ ходилъ въ атаку на челѣ своей кавалеріи, и ему на минуту удалось поправить дѣло. Въ одну изъ этихъ атакъ онъ увлекся, заскакалъ и бился отчаянно съ нашими кавалеристами, какъ человѣкъ нежелающій пережить своего пораженія и отказываясь сдаться даже тогда, когда легли вокругъ него всѣ его товарищи. Одинъ гусаръ, на требованіе котораго онъ отвѣчалъ ударомъ, вонзилъ въ него свою саблю. Такъ палъ на самомъ порогѣ своего угрожаемаго отечества этотъ благородный молодой человѣкъ, котораго, повидимому, ожидала самая блестящая участь. Если ему и не судилось счастье, по крайней мѣрѣ онъ не видѣлъ оскверненія своей родины чужеземцами; онъ избѣгнулъ зрѣлища униженій всякаго рода, которымъ неумолимый побѣдитель имѣлъ подвергнуть и его родину, и его семейство,

Наполеонъ находился въ Шлейцѣ. Оттуда онъ перенесъ свою главную квартиру въ Ауму, потомъ въ Геру (12 октября) почти на высоту города Іены. Въ окрестностяхъ этого города стояли аванпосты арміи герцога Брауншвейгскаго, находившейся между Эрфуртомъ и Веймаромъ нѣсколько миль дальше. Слѣдованіе наше по правому берегу Саалы, гдѣ уже Мюратъ достигъ Наумбурга, обнаружило старому маршалу намѣренія Наполеона; онъ понялъ, что

его отрѣзываютъ отъ Саксоніи и опережаютъ на верхней Эльбѣ и можетъ быть даже въ Магдебургѣ, на самомъ важномъ пунктѣ его линіи отступленія. Онъ немедленно рѣшился выступить изъ лагеря съ главными силами и идти вдоль Саалы до Магдебурга, оставивъ позади корпуса Гогенлоэ и генерала Рюхеля, поручивъ имъ собрать нѣкоторые отставшіе отряды. Это значило раздѣлить свои силы предъ самымъ сраженіемъ, когда именно важнѣе нежели когда нибудь было ихъ соединеніе.

Для безопаснаго исполненія этого движенія, самымъ главнымъ дѣломъ для него было имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ переходы черезъ Саалу до впаденія ея въ Эльбу, и въ особенности до Наумбурга, города, лежавшаго на линіи его отступленія, и откуда мы могли кинуться на его флангъ и остановить его движеніе. Герцогъ Брауншвейгскій понялъ эту необходимость и приказалъ одному изъ своихъ генераловъ занять Наумбургъ; но все это было выполнено столь медленно и небрежно, что корпуса Даву и Бернадотта успѣли овладѣть этою позиціею и устроиться на ней прежде, нежели противникъ продупредилъ ихъ. Принцъ Гогенлоэ, которому угрожала большая опасность чѣмъ принцу Брауншвейгскому, ибо и слабѣйшею частью прусской арміи онъ дѣйствовалъ противъ сильнѣйшей части арміи французской, предводимой Наполеономъ, былъ непостижимо еще неосторожнѣе относительно охраны перехода черезъ Саалу въ Іенѣ! Пока герцогъ Брауншвейгскій уходилъ по направленію къ Наумбургу, Гогенлоэ заступалъ его мѣсто вокругъ Веймара; онъ прочно занималъ дорогу, ведущую изъ Веймара въ Іену, но не имѣлъ даже наблюдательнаго отряда въ этомъ городѣ, такъ что Ланнъ могъ укрѣпиться и на высотахъ, господствующихъ надъ Іеною, въ виду прусскихъ аванпостовъ, тянувшихся отъ Господы къ Глосевицу.

Таково было положеніе обѣихъ армій утромъ 13 октября: герцогъ Брауншвейгскій шелъ съ королемъ и почти шестидеся-

тысячною арміею на Наумбургъ и по направленію къ ущель Кёзенъ, гдѣ имѣлъ встрѣтиться съ корпусомъ Даву; Гогенлоэ, укрѣпившійся на дорогѣ изъ Іены въ Веймаръ съ силами около сорока тысячъ человѣкъ [317]), готовился слѣдовать за нимъ немедленно по присоединеніи двадцати тысячъ человѣкъ генерала Рюреня, находившагося еще назади. Онъ никакъ не ожидалъ нападенія въ Іенѣ, принимая затрудненія, предстоявшія многочисленной арміи пройдти чрезъ высоты Лондграфемберга вѣнчающія городъ; онъ считалъ корпусъ Ланна аванпостами, и никакъ не атакующею силою. Наполеонъ напротивъ рѣшился направить на этотъ пунктъ главныя массы своей арміи; при томъ же онъ зналъ весьма неточно настоящую позицію прусской арміи; ему все казалось, что предъ нимъ находились всѣ силы герцога Брауншвейгскаго и что вслѣдствіе этого онъ положительно окружилъ его. „Прусская армія захвачена на мѣстѣ, она окружена,“ писалъ онъ въ тотъ же день утромъ въ своемъ бюллетенѣ [318]). Онъ говорилъ то же самое во всѣхъ письмахъ. Промахъ этотъ ввелъ его въ ошибку, за которую онъ долженъ былъ дорого поплатиться. Въ предположеніи, что на ущелья Козенъ и Наумбургъ сдѣлано будетъ нападеніе лишь тою арміею, которую онъ обратилъ уже въ бѣгство, онъ полагалъ, что для охраненія этой позиціи достаточно корпуса Даву, и потому отозвалъ корпусъ Бернадотта, также какъ и кавалерію Мюрата, принявъ направленіе на Донбургъ—ближайшій пунктъ къ Іенѣ, гдѣ онъ намѣренъ былъ употребить ихъ въ пользу въ сраженіи, которое хотѣлъ дать лично [319]).

---

[317]) Самъ Наполеонъ былъ того же мнѣнія по прибытіи въ Іену: «У непріятеля *сорокъ тысячъ человѣкъ* между Веймаромъ и Іеною», писалъ онъ къ Нею наканунѣ сраженія. Число это возрасло до 80,000 въ пятомъ бюллетенѣ. *Прим. автора.*

[318]) Четвертый бюллетень, 13 октября. *Прим. автора.*

[319]) Приказъ, который столь сильно съ тѣхъ поръ оспаривали, былъ также точенъ, какъ и возможенъ: «*Отправляйтесь какъ можно скорѣе съ корпусомъ Бернадотта въ Дорнбургъ*». Наполеонъ къ Мюрату, 13 ок-

Весь вечеръ и часть ночи Наполеонъ употребилъ на восхожденіе своей арміи на высоты Ландграфемберга, и на назначеніе боеваго порядка для различныхъ корпусовъ своихъ. Ожеро поставленъ былъ на лѣвомъ флангѣ на веймарской дорогѣ, Сультъ въ Лобштедтѣ, на правомъ; въ центрѣ, на плоской возвышенности, стояли Ланнъ, Ней, Мюратъ, прискакавшій изъ Наумбурга съ своею легкою кавалеріею, и наконецъ самъ Наполеонъ съ гвардіею. Всѣ эти силы были вдвое многочисленнѣе арміи Гогенлоэ. Утромъ 14 октября, во время густаго тумана, Ланнъ получилъ приказаніе очистить мѣстность съ тою цѣлью, чтобъ дать возможность развернуться нашей арміи: онъ напалъ на прусскіе аванпосты съ такою силою, которая вскорѣ дала понять непріятелю, что передъ нимъ находилось нѣчто другое нежели отдѣльный корпусъ. Пруссаки держались нѣкоторое время въ деревняхъ Глозевицѣ и Господѣ, но вскорѣ были выбиты оттуда, и вслѣдствіе этой предварительной схватки Гогенлоэ убѣдился, что на плечахъ у него была вся армія Наполеона. Немедленно онъ приказалъ стать подъ ружье всей арміи, поспѣшая призвать генерала Рюхеля, находившагося еще въ Веймарѣ, и бросился впередъ взять обратно позицію, которой начиналъ понимать всю важность.

Въ девять часовъ утра возобновилось прерванное сраженіе, начатое на этотъ разъ маршаломъ Неемъ, который, увлекшись нетерпѣніемъ, съ тремя тысячами человѣкъ ворвался въ самую средину непріятельской линіи. Осаждаемый массами кавалеріи, маршалъ построилъ свои батальоны въ

тября. Письмо, отправленное въ тотъ же день вечеромъ къ Даву, прибавляетъ: «Еслибъ принцъ Понте-Корво находился въ вашихъ окрестностяхъ, вы могли бы *идти вмѣстѣ;* но императоръ *надѣется*, что онъ уже ушелъ съ кавалеріею великаго герцога Бергскаго *къ Дорнбургу*». Бернадотту предоставляли выборъ, но предпочитали послѣднее движеніе.

Прим. автора.

каре и держался около часа въ этомъ опасномъ положеніи, пока Ланнъ не явился къ нему на выручку. Въ ту же минуту Ожеро напалъ на пруссаковъ чрезъ Изерштедтъ, обогнувъ Шнекке, позицію, которую онъ считалъ неприступною, а Сультъ на правомъ нашемъ флангѣ завязалъ жаркую перестрѣлку съ ихъ пѣхотою, засѣвшею въ небольшомъ лѣсу, за деревнею Глосевицемъ. Когда Наполеонъ увидѣлъ, что оба эти фланга начали одерживать верхъ надъ прусаками, онъ одновременно выдвинулъ гвардію и всѣ резервы. Неожиданное нападеніе такой разрушительной массы мгновенно разорвало центръ Гогенлоэ; непріятельская линія поворотила, а въ этотъ самый моментъ Мюратъ, воспользовавшись случаемъ, бросился на нее со всею своею кавалеріею. „Въ мгновеніе ока“, говоритъ Наполеонъ,—отступленіе пруссаковъ обратилось въ полное пораженіе, бѣгущія войска, преслѣдуемыя по пятамъ, бросились по направленію къ Веймару. Въ это-то самое время прибылъ на поле битвы генералъ Рюхель, съ своими двадцатью тысячами, изнеможенными отъ усиленнаго перехода. Онъ отважно бросился въ дѣло, но тотчасъ же почти былъ опрокинутъ натискомъ побѣдоносной арміи, и потомъ, пріостановленный на время, устремился снова на Веймаръ, куда кавалерія наша прискакала вмѣстѣ съ бѣглецами, захватывая плѣнныхъ тысячами.

Пока Наполеонъ одерживалъ надъ Гогенлоэ эту легкую побѣду, Даву въ пяти миляхъ оттуда бился съ большею частью прусской арміи, находившеюся подъ начальствомъ короля и герцога Брауншвейгскаго. Маршалъ этотъ воспользовался ночью для занятія ущелья Кёзенъ, по которому пруссаки должны были проходить, слѣдуя въ Наумбургъ. Утромъ 14, предвидя, что придется имѣть дѣло съ непріятелемъ болѣе многочисленнымъ и не зная еще всей степени опасности, онъ тщетно старался удержать Бернадотта, которому положительный, хотя и удобный къ перетолкованію приказъ, предписывалъ занять Дорнбургъ. Бернадоттъ, который

впрочемъ не зналъ настоящаго положенія дѣлъ, буквально держался своихъ инструкцій, и что бы ни говорили въ оправданіе или порицаніе его рѣшенія, но въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ сообразно съ духомъ, развитымъ въ своей арміи Наполеономъ. Когда генералъ заявляетъ притязанія на непогрѣшимость, онъ одинъ отвѣчаетъ за событія, и ему неприлично жаловаться на ошибки, происшедшія при исполненіи его приказаній.

Утромъ 14 октября, одновременно почти съ началомъ битвы при Іенѣ, генералъ Шметтау, котораго герцогъ Брауншвейгскій послалъ такъ поздно въ авангардъ для овладѣнія ущельемъ Козенъ, наткнулся въ туманѣ на дивизію Гидена, который стерегъ входъ противъ Гассенгаузена. Блюхеръ командовалъ кавалеріею Шметтау. Онъ стремительно напалъ на кавалерію Гюдена и сломалъ ее, но не могъ смять нашей пѣхоты, построенной въ каре и поддерживаемой батареями, которыя дѣйствовали вдоль по шоссе. Такъ какъ корпуса принца Оранскаго и Вартенслебена явились изъ Ауэрштедта на выручку Шметтау, то дивизія Гюдена очутилась атакованною тройными силами и окруженною со всѣхъ сторонъ. Но пользуясь искуснымъ своимъ расположеніемъ и покровительствуемая густымъ туманомъ, который много мѣшалъ маневрамъ, она геройски защищала ввѣренный ей постъ, и дала время другимъ дивизіямъ Даву поспѣть къ ней на помощь. Дивизія Фріана появилась первая и сильнымъ натискомъ освободила правый флангъ Гюдена, отбросивъ къ Экарсберге кавалерію, грозившую разорвать наши порѣдѣвшіе ряды. Лѣвый нашъ флангъ оставался еще въ опасности. Встревоженный неожиданнымъ сопротивленіемъ, и скорбя объ ошибкѣ, сдѣланной имъ—предупредить ее въ Кёзенѣ, Герцогъ Брауншвейгскій рѣшился пробиться во что бы то ни стало. Соединивъ обѣ свои дивизіи принца Оранскаго и Вартенслебена и напутствовавъ ихъ рѣчью, сталъ во главѣ и самъ повелъ ихъ въ битву. На него посыпался градъ

пуль и картечь. Войска его храбро выдержали этотъ огонь, но не имѣли достаточно силы взять наши позиціи. Стараясь увлечь ихъ, старый маршалъ получилъ смертельную рану, возлѣ него упалъ Шметтау и потомъ самъ Мёлендорфъ съ своими храбрѣйшими офицерами, но все-таки дивизія Гюдена измученная усталостью, готова была уступить, какъ явилась дивизія Моранда и возобновила битву съ свѣжими силами. На нее кинулись въ атаку по очереди принцъ Вильгельмъ съ своею кавалеріею, и король лично съ дивизіею Вартенслебена, но не могли сломить ее; первый былъ раненъ, подъ вторымъ убиты двѣ лошади. Каре наши оставались нерушимы подъ этою лавиною кавалеріи. Встрѣченные убійственнымъ огнемъ, пруссаки подались назадъ и усѣяли поле трупами. Тогда, воспользовавшись нерѣшимостью и смятеніемъ, причиненными въ непріятельской арміи этими неудачами, Даву быстро повелъ свои дивизіи впередъ, овладѣвъ высотами Экарстберга, и поставилъ на нихъ артиллерію.

Для прусской арміи настала самая критическая минута: дѣйствительно теперь оканчивалось страшное іенское пораженіе, и для нея было важнѣе нежели когда нибудь овладѣть проходами Кёзенъ и Наумбургъ. Хотя до тѣхъ поръ попытки ей и не удавались, но нападеніе въ массѣ со всѣми силами, безъ сомнѣнія, послужило бы ей въ пользу, ибо двѣ еще дивизіи ея не участвовали въ битвѣ. Но король нисколько не подозрѣвалъ разбитія Гогенлоэ, понесъ огромныя потери, потерялъ лучшихъ генераловъ и офицеровъ. Онъ рѣшился соединиться съ корпусомъ Гогенлоэ съ тѣмъ, чтобъ снова пойдти по той же дорогѣ и пробиться чрезъ ущелье со всею прусскою арміею. Вслѣдствіе этого онъ подалъ сигналъ къ отступленію и направилъ свои колонны на Веймаръ. Даву, потерявшій съ своей стороны около четверти войскъ и солдаты котораго умирали отъ изнеможенія, былъ не въ состояніи препятствовать походу королевской арміи. Итакъ

они имѣли возможность дойдти въ достаточномъ порядкѣ до высотъ Апольды, на половинѣ пути между Ауэрштедтомъ и Веймаромъ. Подойдя до этого пункта, она нашла тамъ готовый къ бою корпусъ Бернадотта, поспѣшившій изъ Дорнбурга, и въ то же время была какъ бы залита волнами бѣглецовъ Гогенлоэ. Послѣдніе бросились на нее въ страшномъ безпорядкѣ, тѣснимые нашею кавалеріею, которая гнала ихъ по всѣмъ направленіямъ. Будучи принуждена измѣнить свое отступательное движеніе, среди подобной суматохи, увеличенной еще темнотою, прусская армія бросилась въ безпорядкѣ къ Соммердѣ. Вскорѣ паника овладѣла всѣми ея дивизіями, которыя разсѣялись по всѣмъ дорогамъ отъ Эрфурта до Вейсензее.

Таково было знаменитое пораженіе, положившее въ одинъ день конецъ могуществу прусской монархіи. Какъ ни была однакожъ ужасна эта катастрофа, часть арміи осталась нетронутою, ибо послѣдняя сражалась съ необыкновенною отвагою. Но, будучи дурно управляема и такъ долго не участвуя въ войнѣ, она неожиданно вступила въ битву съ болѣе многочисленною арміею, предводимою несравненнымъ генераломъ, въ высшей степени владѣвшимъ быстротою и неодолимою стремительностью, которыя пріобрѣтаются длиннымъ рядомъ побѣдъ. Исходъ борьбы при столь печальныхъ условіяхъ былъ неизбѣженъ, и потому можно сказать, сраженіе при Іенѣ походило скорѣе на бойню, нежели на битву. Что касается послѣдствій, то они должны были быть еще ужаснѣе. По уничтоженіи этой арміи, всякое сопротивленіе становилось невозможнымъ, Пруссія оставалась открытою въ распоряженіи непріятеля.

Наполеонъ отдалъ отчетъ о побѣдѣ еще съ большею чѣмъ обыкновенною неточностью, чтобъ сгладить всякій слѣдъ ошибки, которой онъ подвергалъ такой большой опасности отдѣльный корпусъ Даву. Маршалъ этотъ долженъ былъ бороться съ большею частью прусской арміи,

въ то время какъ императоръ громилъ слабѣйшую ея часть двойными силами. Наполеонъ совершенно измѣнилъ роли въ своемъ пятомъ бюллетенѣ; онъ имѣлъ дѣло съ *осьмьюдесятью тысячами человѣкъ*, въ то время какъ Даву „сражался только противъ *пятидесяти* [320]). Изъ ауэрштедской битвы онъ сдѣлалъ только второстепенный эпизодъ Іенскаго сраженія, тогда какъ она была главнымъ и рѣшительнымъ событіемъ. Онъ впрочемъ удостоилъ признать, что Даву высказалъ отличную храбрость и твердость характера — „первыя качества военнаго человѣка;“ но подобныя похвалы были далеки чтобъ отвѣчать заслугѣ, оказанной въ тотъ же день этимъ маршаломъ, и Наполеонъ въ своихъ частныхъ письмахъ отдавалъ ему гораздо больше справедливости. Досада его обрушилась на Бернадотта, который сообразовался только съ его приказаніями. Наполеонъ горько упрекалъ его за продолжительное хожденіе между полями двухъ сраженій и утверждалъ, что ночью посланъ ему приказъ подкрѣпить Даву; но утвержденіе это, весьма невѣроятное при извѣстной осторожности Бернадотта, такъ и осталось безъ доказательства.

Съ любопытствомъ ожидали, что Наполеонъ намѣревался сдѣлать съ беззащитною Германіею, предоставленною капризамъ его честолюбія; вскорѣ однакожъ узнали въ чемъ дѣло. Между германскими государями, остававшимися внѣ Рейнскаго Союза, были два, которыхъ онъ соблазнялъ вооружиться противъ Пруссіи въ началѣ кампаніи: одинъ изъ нихъ, присоединившій свои войска къ нашему непріятелю, курфюрстъ Саксонскій, другой курфюрстъ Гессенъ-Кассельскій, сохранявшій строгій нейтралитетъ, хотя пруссаки и занимали на время его столицу.

---

[320]) Ошибка тѣмъ болѣе умышленная и разсчитанная, что онъ увеличилъ ее въ *офиціальномъ отчетѣ*, который велѣлъ составить чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ событія. Отчетъ этотъ обнародованъ въ *Memorial du Depôt de la guerre*, *L. VIII*. *Прим. автора.*

Столь различное поведеніе заслуживало, повидимому, и различнаго обращенія со стороны Наполеона. Оно было такъ и въ дѣйствительности, только вопреки всякому предположенію; онъ отпустилъ на слово всѣхъ саксонскихъ плѣнныхъ, со всевозможными лестными отзывами объ ихъ государѣ, воевавшемъ съ нами, и конфисковалъ владѣнія Гессенъ-Кассельскаго, остававшагося нейтральнымъ. По поводу этого событія повторялись по обычаю всѣ басни, какія Наполеонъ хотѣлъ сочинить, для того чтобъ выставить гнуснымъ государя, котораго рѣшился онъ ограбить. Этотъ *коварный* государь обладалъ странностью, встрѣчаемою нерѣдко даже у людей, не имѣющихъ ничего царственнаго, а именно желаніемъ самосохраненія. Побуждаемый высказаться между двумя враждующими державами, онъ повиновался преступному внушенію не приставать ни къ той, ни къ другой, и сидѣлъ преспокойно въ столицѣ, объявивъ намѣреніе оставаться нейтральнымъ. Если это не было поводомъ къ нашей дружбѣ, то не было причиною къ нашей ненависти. Но Наполеонъ рѣшился уже съ нѣкотораго времени образовать въ Германіи новое государство, предназначенное Мюрату или Іерониму, и, къ несчастью Кассельскаго курфюрста, верхній Гессенъ лежалъ именно на той мѣстности, которую онъ избралъ, между тѣмъ какъ Саксонія находилась въ болѣе особенномъ положеніи. Поэтому, что бы ни дѣлалъ бѣдный курфюрстъ, Наполеонъ заранѣе рѣшился найдти его виновнымъ, а извѣстно, какъ онъ былъ искусенъ въ обвиненіи праваго человѣка. Въ послѣднія минуты государь этотъ, увѣдомленный объ угрожавшей ему опасности, попросилъ, послѣ долгихъ колебаній, чтобъ его причислили къ Рейнскому Союзу; словно околдованный, онъ бросился въ руки къ непріятелю. Наполеонъ сухо отказалъ ему; онъ имѣлъ на него другіе виды. Наканунѣ вступленія въ кампанію, 30 сентября, въ письмѣ къ брату Лудовику, онъ приказывалъ обходиться какъ можно любезнѣе съ курфюрстомъ, оказывать уваженіе, чтобъ, по

словамъ его, удержать его нѣсколько времени при нейтралитетѣ; но въ тоже время предварялъ, что по окончаніи перваго акта войны онъ поручитъ ему завоевать Кассель, изгнать курфюрста, и обезоружить его армію". Это ни мало не помѣшало ему заявлять въ то же время въ письмѣ къ князю примасу, „*что онъ не имѣлъ никогда повода жаловаться на курфюрста, и что никогда онъ не нападетъ на него по собственному побужденію*" [321]).

На другой день послѣ іенской битвы, когда окончился первый актъ кампаніи, по выраженію Наполеона, тонъ быстро измѣнился. Курфюрсту послана была нота, составленная двусмысленно, въ которой увѣдомляли его, что императоръ зналъ о тайномъ соглашеніи его съ коалиціею. Ему вмѣняли въ преступленіе, что онъ не отразилъ силою прусскихъ войскъ, когда они проходили чрезъ Кассель; и въ тоже время упрекали, противорѣча первому обвиненію, за то, что онъ не распустилъ собственной арміи. Подобный образъ дѣйствій обязывалъ насъ занять его владѣнія! Изъ этого можно заключить, что здѣсь была лишь простая мѣра предосторожности. Но Мюратъ получилъ въ тотъ же день болѣе точныя приказанія. Наполеонъ поручилъ ему схватить курфюрста, и послать плѣннымъ въ Мецъ. Онъ долженъ былъ немедленно обезоружить гессенскую армію и управлять страною отъ имени императора. „Я хочу", прибавляетъ Наполеонъ:—*чтобъ Гессенскій домъ пересталъ царствовать* и былъ вычеркнутъ изъ числа державъ" [322]). Онъ объявилъ объ этомъ событіи въ бюллетенѣ отъ 4 ноября, осыпая курфюрста самыми низкими оскорбленіями, за которыми слѣдовали такія утѣшительныя пророчества: „*Гессенъ-Кассельскіе народы будутъ счастливѣе. Освобожденные отъ военной барщины, они*

---

[321]) Наполеонъ къ князю примасу, 1 октября. *Прим. автора.*

[322]) Наполеонъ къ Мюрату, 2 октября. *Прим. автора.*

могутъ мирно воздѣлывать свои поля, освобожденные отъ части налоговъ, *они будутъ управляемы на великодушныхъ и благородныхъ основаніяхъ*, на которыхъ основано управленіе Франціи и ея союзниковъ." Бѣдные гессенцы, кости которыхъ, вмѣстѣ съ нашими, усѣяли всѣ поля битвъ въ Европѣ, вскорѣ должны были убѣдиться, что значило это воркованье голубка и безмятежное счастье, обѣщанное этимъ сочинителемъ идиллій. Имъ даже очень скоро пришлось дѣлать сравненіе между *коварнымъ государемъ* и чистосердечнымъ императоромъ.

Наполеонъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ терять время собиранія плодовъ послѣ іенской побѣды. На другой же день послѣ сраженія онъ наложилъ на завоеванныя земли контрибуцію въ сто пятьдесять девять милліоновъ, и издалъ указъ, „что всѣ англійскіе товары, находившіеся въ сѣверныхъ городахъ, должны принадлежать арміи" [323]).

Это разбойническое дѣйствіе, однимъ ударомъ разорявшее купцовъ сѣверной Германіи, не подавшихъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ, ибо ихъ наказывали за дѣйствія предшествовавшія нашему занятію, служило предисловіемъ знаменитому берлинскому декрету. Наполеонъ пустилъ уже свои войска по всѣмъ направленіямъ въ погоню за блуждающими остатками прусской арміи, не давъ имъ времени ни опомниться, ни соединиться. Блюхеру удалось уйдти въ Коледу, ссылаясь на перемиріе, котораго Прусскій король дѣйствительно просилъ, но безъ успѣха. Мюратъ бросился съ своею кавалеріею на Эрфуртъ, потомъ на Нордгаузенъ, оттуда на Магдебургъ—центральный пунктъ, къ которому направлялись Гогенлоэ и маршалъ Калькрейтъ съ наибольшимъ числомъ бѣглецовъ. За ними слѣдовали Ней и Сультъ, захватывая на дорогѣ цѣлые полки, застигнутые въ рас-

---

[323]) Декретъ изъ Іены, 16 октября. Параграфъ V. *Прим. автора.*

плохъ быстротою нашихъ движеній. Даву кинулся на Лейпцигъ. Бернадоттъ пошелъ на Галле, гдѣ находился двѣнадцати-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ принца Евгенія Вюртембергскаго. Хотя войска эти и не были въ состояніи держаться противъ Бернадотта, но уступили только послѣ мужественнаго сопротивленія, стоившаго намъ большой потери убитыми и ранеными. Наполеонъ поспѣшилъ изъ Мересбурга. Посѣтивъ поле битвы послѣ сраженія, онъ увидѣлъ груды труповъ, принадлежавшихъ 32 полу-бригадѣ, въ особенности отличившейся въ этомъ кровопролитномъ дѣлѣ; и когда ему назвали ее, у него вырвалась фамильярная шутка, имѣвшая привилегію электризовать военное звѣрство, трудно сказать почему, ибо не извѣстно, что сильнѣе въ этихъ холодныхъ и жестокихъ словахъ—презрѣніе, наглость или безчеловѣчіе. „Опять тридцать вторая! воскликнулъ онъ тономъ игрока, который нашелъ еще неожиданно деньги въ карманѣ: *я столько разъ посылалъ ее на убой* въ Египтѣ, въ Италіи и вездѣ, *что о ней недолжно бы быть помину!* [324])“ Генералъ Раппъ, у котораго подъ оболочкою стараго служаки не имѣлось недостатка въ нѣкоторой гуманности, приводитъ однакожъ эту фразу съ внутреннимъ удовольствіемъ и убѣжденіемъ. Здѣсь заключается психологическая тайна, достойная вниманія. Фанатическое обожаніе солдатъ къ тому, кто обращался съ ними гораздо хуже, нежели обращаются съ бѣговыми лошадьми или боевыми пѣтухами, значительно унижаетъ гордость человѣческой природы.

Пока Мюратъ, Сультъ и Ней спѣшили на Магдебургъ чтобъ занять его, Даву и Ожеро вступили въ Виттенбергъ, Ланнъ въ Дессау; мы владѣли теченіемъ Эльбы. Наполеонъ прибылъ въ Потсдамъ 24 октября, и на другой день Даву входилъ въ Берлинъ. Императоръ нѣсколько дней оставался

---

[324]) *Записки* Раппа. *Прим. автора.*

въ замкѣ Санъ-Суси и велѣлъ проводить себя на могилу Фридриха Великаго; онъ унесъ шпагу знаменитаго покойника и не постыдился отослать въ Парижъ этотъ варварскій трофей, словно сгаралъ нетерпѣніемъ побѣдить и обезоружить даже въ могилѣ единственаго современнаго полководца, слава котораго могла набросить на него тѣнь. Льстецы его памяти находятъ это поведеніе весьма естественнымъ; но что сказали бы они о побѣдителѣ, который взялъ бы въ домѣ Инвалидовъ шпагу Наполеона? Прибывъ въ Наумбургъ, онъ поспѣшилъ приказать взять и положить на телегу скромный камень, затерянный среди поля, напоминавшій о побѣдѣ при Росбахѣ [325]), какъ будто бы отъ него зависѣло уничтожить прошедшее и передѣлать исторію. Это мщеніе было мелочно, и Фридрихъ презрѣлъ бы его. Есть три обстоятельства, въ которыхъ послѣдній значительно превосходитъ Наполеона. Фридрихъ всегда презиралъ шарлатанизмъ, былъ великъ въ несчастьи; онъ употреблялъ непозволительныя средства, но вообще для совершенія дѣлъ справедливыхъ и возможныхъ, исключая раздѣла Польши. Впрочемъ, Наполеонъ заботливо эксплоатировалъ въ своихъ бюллетеняхъ память и примѣры Фридриха. Если вѣрить ему, то этотъ мудрый и проницательный государь имѣлъ бы благоразуміе избавить свою страну отъ подобной катастрофы, и сдѣлался бы союзникомъ и другомъ Наполеона. „Имя его, геній и желаніе, писалъ онъ въ своемъ семнадцатомъ бюллетенѣ:—были за нашу націю, столь имъ уважаемую, которой еслибъ онъ, по его словамъ, былъ королемъ, то въ Европѣ не раздался бы ни одинъ выстрѣлъ безъ его дозволенія.“ Но въ тоже время, когда онъ возстановлялъ тѣнь Фридриха Великаго противъ Берлинскаго двора, онъ не упускалъ случая оскорблять ко-

---

[325]) Деревня между Наумбургомъ и Мерзебургомъ, гдѣ Фридрихъ II разбилъ въ 1757 г. французовъ подъ начальствомъ маршала Субиза, и гдѣ велѣлъ поставить столбъ въ память этого событія. *Прим. автора.*

ролеву, вліянію которой приписывалъ неожиданную энергію, которую выказалъ король, объявляя намъ войну. Привыкнувъ прямо уничтожать препятствія, смотрѣть на нихъ нѣкоторымъ образомъ какъ на силы математическія, будучи чуждъ всякой щекотливости и порывамъ великодушія, привыкнувъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на чувства, предразсудки и приличія, онъ видѣлъ въ этой несчастной женщинѣ лишь силу подлежавшую уничтоженію, мало нужды, какими средствами, и онъ напалъ на нее, съ единственнымъ оружіемъ, какое могъ употребить противъ нее—съ насмѣшкою, клеветою и оскорбленіями. Не было ни одного бюллетеня, въ которомъ онъ не обращался бы къ этому любимому предмету, и можно составить цѣлый томъ изъ всего, что онъ напечаталъ противъ нее. Для уничтоженія вліянія и репутаціи этой женщины онъ употреблялъ такое же математическое и разсчитанное ожесточеніе, какое употреблялъ для разбитія полка или взятія бастіона. Описавъ ее, какъ особу „довольно красивую лицемъ, но *недалекаго ума*“ [326]), онъ старался внушить ненависть къ ней населенія, какъ къ единственной виновницѣ этой гибельной войны. По какому непостижимому случаю эта женщина, погруженная „въ важныя занятія туалетомъ“, пришла къ вмѣшательству въ государственныя дѣла, къ вліянію на короля, къ возбужденію вездѣ пыла, ее обуревавшаго? Объясненіе находилось, по словамъ Наполеона, въ весьма распространенной тогда гравюрѣ, гдѣ съ одной стороны изображался красивый Русскій императоръ и возлѣ него королева, а съ другой—король, подымающій руку надъ гробницею Фридриха Великаго. Королева, закутанная въ шаль, *почти какъ лондонскія гравюры представляютъ леди Гамильтонъ*, прикладываетъ руку къ сердцу и какъ бы смотритъ на Русскаго императора. Тѣнь Фри-

---

[326]) Девятый бюллетень. *Прим. автора.*

дриха, прибавляетъ Наполеонъ: —должна была придти въ негодованіе *отъ этой скандальной сцены* [327]).“

Изъ боязни, чтобъ этотъ намекъ на предполагаемыя домашнія несчастья Прусскаго короля, не былъ для него недостаточно ясенъ, Наполеонъ писалъ въ послѣдующихъ бюллетеняхъ: „всѣ пруссаки приписываютъ несчастья Пруссіи *путешествію императора Александра.* Перемѣна, происшедшая съ тѣхъ поръ въ умѣ королевы, которая изъ *робкой и скромной женщины* сдѣлалась буйною и воинственною, *совершилась внезапно.* Всѣ сознаютъ, что королева причина бѣдствій прусской націи, и вездѣ говорятъ: какъ она измѣнилась со времени *этой роковой встрѣчи съ императоромъ Александромъ!* Въ комнатахъ занимаемыхъ королевой *въ Потсдамѣ, нашли портретъ русскаго императора, подаренный ей самимъ государемъ* [257])“. Къ этому подобію судебнаго слѣдствія не доставало только воспроизведенія любовныхъ писемъ виновной четы. Здѣсь пробѣлы моральной организаціи Наполеона равнялись недостатку разсудка, ибо если онъ оскорблялъ самыя чувствительныя побужденія человѣческой совѣсти, то потому что не имѣлъ ихъ въ собственномъ сердцѣ, онъ сильно ошибался, что и другіе люди, также какъ и онъ, лишены всѣхъ чувствъ чести и нравственности; онъ не замѣчалъ, что низкіе доносы на женщину, убѣжавшую и безоружную, дѣлаемые человѣкомъ, начальствующимъ полумилліонною арміею, шли прямо противъ своей цѣли, что они вызывали негодованіе, не только въ каждой возвышенной душѣ, но даже возмущали самаго обыкновеннаго человѣка.

Стоило только намъ перейдти чрезъ Эльбу, и Пруссія дѣлалась нашею до Одера. Шпандау сдался 25 октября. Потерявъ два дня на собираніе своихъ остатковъ въ Магдебургѣ, Гогенлоэ началъ отступленіе, съ возможною поспѣш-

---

[327]) Семнадцатый бюллетень. *Прим. автора.*

ностью къ Штеттину, на устьѣ Одера. Но кавалерія Мюрата уже упредила его, и войска Ланна наводнили страну. Настигнутый и разбитый въ Цегденикѣ, а потомъ окруженный между Пренцловомъ и Пассевалкомъ, Гогенлоэ положилъ оружіе 28 октября. На другой же день Штеттинъ сдался по первому требованію. Въ тоже время Кюстринъ сдался на капитуляцію при первомъ появленіи Даву. Послѣ огромной неудачи, понесенной при открытіи кампаніи, прусскія войска были положительно деморализованы; всякое сопротивленіе они считали безполезнымъ, и положеніе ихъ ни мало не разнилось отъ положенія, представляемаго паденіемъ государствъ, особенно централистическихъ монархій. Когда отрывается основной камень свода, падаетъ все зданіе. Когда центръ въ рукахъ непріятеля, оконечности теряютъ всякій интересъ, и никто болѣе не думаетъ объ ихъ защитѣ. Вотъ почему и генералы были въ такомъ разстройствѣ, и гарнизоны сами сдавали свои крѣпости. Одинъ Магдебургъ еще держался, но и тотъ не замедлилъ сдаться. Наканунѣ, 7 ноября, палъ послѣдній отрядъ прусской арміи подъ командою Блюхера. Будучи отрѣзанъ отъ Одера, генералъ этотъ нашелся вынужденнымъ броситься съ востока на западъ. Преслѣдуемый по пятамъ корпусами Сульта и Бернадотта, Блюхеръ, послѣ чрезвычайно опаснаго перехода, успѣлъ пробраться въ Любекъ, но войска наши пробились туда силою почти въ одно съ нимъ время, и подвергли Любекъ всѣмъ ужасамъ, какіе совершаются въ городахъ, взятыхъ приступомъ. Впрочемъ, Блюхеръ ушелъ, но снова настигнутый на другой день, припертый къ морю, окруженный безъ снарядовъ, между Трлавою, нейтральною датскою границею, и войсками, заграждавшими ему всякій выходъ, онъ сдался на капитуляцію въ свою очередь, раздѣливъ съ Веймарскимъ герцогомъ честь — сдѣлать послѣдній выстрѣлъ по непріятелю.

Не смотря на всѣ бѣдствія столь огромнаго пораженія,

среди невообразимаго смятенія, были поданы благородные примѣры, недолженствовавшіе погибнуть, и прусскій народъ имѣлъ по крайней мѣрѣ возможность приписать свои неудачи скорѣе судьбѣ, неопытности, несоразмѣрности силъ, нежели слабости своихъ защитниковъ. Самые лучшіе генералы ея убиты на полѣ сраженія, принцы королевскаго семейства проливали свою кровь съ необыкновенною отвагою; дворянство, изъ котораго исключительно почти состояло сословіе офицеровъ, видѣло, какъ падалъ цвѣтъ его дѣтей подъ непріятельскими пулями. Пруссія была раздавлена, но не унижена въ собственныхъ глазахъ. Глубокая, всеобщая скорбь, настоящее патріотическое отчаяніе уступили мѣсто высокомѣрной довѣрчивости, и всѣ классы раздѣляли эти чувства; но налогъ крови въ особенности палъ на тѣ изъ нихъ, преимущества которыхъ заставляли имъ завидовать. Возбужденіе, которое французы по привычкѣ старались еще распространять противъ аристократіи занятыхъ имъ странъ во имя революціонныхъ принциповъ, отъ которыхъ они отдалились болѣе чѣмъ всякій другой народъ, нашло мало сочувствія въ Пруссіи. Въ городахъ принимали ихъ вообще холодно и мрачно, сообразно съ достоинствомъ незаслуженнаго несчастья. Со времени вступленія нашего въ Магдебургъ, послѣ сдачи этой крѣпости, — появился болѣе серьезный симптомъ, а именно прусскіе солдаты начали оскорблять своихъ офицеровъ, осыпая ихъ тяжкими укорами за то, что послѣдніе не хотѣли продолжать защиты. Наконецъ хотя орографія страны положительно не благопріятствовала партизанской войнѣ, однако вскорѣ такіе люди какъ Шилль, герцогъ Брауншвейгскій, сынъ побѣжденнаго при Ауэрштедтѣ, и впослѣдствіи самъ Блюхеръ—затѣяли эту войну и производили самые дерзкіе набѣги, среди расположенія нашихъ войскъ.

Наполеонъ торжественно вступилъ въ Берлинъ 27 октября во главѣ своей арміи; чтобы съ перваго же дня устрашить эту

столицу громадностью своихъ военныхъ силъ. Городскія власти подъ предводительствомъ генерала Гуллена подали ему городскіе ключи. Онъ принялъ депутацію, окруженный блестящею военною свитою, высокомѣрно и сердито, со всѣми пріемами, которые, по его мнѣнію, должны были усилить робость побѣжденныхъ. Во главѣ властей находился князь Гацфельдъ, которому Прусскій король поручилъ гражданское управленіе. Наполеонъ, желавшій унизить дворянство и обласкать буржуазію, которую считалъ менѣе склонною къ патріотизму и народной чести, прогналъ князя Гацфельда: „Не являйтесь ко мнѣ, сказалъ онъ ему: —я не нуждаюсь въ вашихъ услугахъ; поѣзжайте въ свое имѣніе! [328])“ Потомъ, вызвалъ графа Неля, сурово упрекнулъ его за благородныя чувства, высказанныя его дочерью въ перехваченномъ письмѣ, и, приписывая несчастья войны интригамъ дворянства и двора, воскликнулъ: „*Добрый берлинскій народъ* сдѣлался жертвою войны, въ то время какъ спаслись тѣ, которые накликали ее. *Я доведу это дворянство до такой степени, что оно будетъ вынуждено просить милостыню* [329]).

На другой же день ему захотѣлось начать приведеніе этой угрозы въ исполненіе, поразивъ прусское дворянство въ особѣ того самаго князя Гацфельда, съ которымъ онъ такъ грубо обошелся во время представленія наканунѣ. Первымъ же его дѣломъ по вступленіи въ Берлинъ было наложить руку на почтамтъ и распечатать всю казенную и частную корреспонденцію. Князь именно только что описалъ своему государю обстоятельства вступленія нашего въ Берлинъ, и былъ столь далекъ предположить что нибудь преступное въ этомъ столь естественномъ дѣйствіи, что не побоялся ввѣрить свое посланіе почтамту. Письмо это, копія съ котораго сохрани-

---

[328]) Двадцать первый бюллетень. *Прим. автора.*

[329]) 16. *Прим. автора.*

лась, и содержаніе котораго не имѣло никакого значенія, было представлено Наполеону. Оно тотчасъ же подало ему предлогъ, необходимый для его политики, — показать примѣръ прусскому дворянству. Онъ немедленно издалъ декретъ отдать Гацфельда подъ военный судъ, состоящій изъ семи полковниковъ, въ качествѣ *измѣнника и шпіона*. Коммисія изъ семи полковниковъ напомнила зловѣщую исторію Пальма и герцога Энгіенскаго, и говорила довольно ясно о характерѣ суда. Что же касается до обвиненія въ шпіонствѣ и измѣнѣ, которыми осмѣлились запятнать честнаго и благороднаго человѣка, по поводу невиннаго сообщенія государю, лишившемуся государства и арміи, — и которому грозили уже въ его отдаленномъ убѣжищѣ за Одеромъ, словно спасеніе нашихъ двухсотъ тысячъ солдатъ зависѣло отъ обнаруженія событій, случившихся въ присутствіи всего населенія, то это было послѣднее слово безстыдства и насмѣшки. Самые близкіе и преданные Наполеону люди, какъ Бертье, Дюрокъ, Раппъ, возмутились при мысли о пролитіи крови честнаго и уважаемаго человѣка, единственное преступленіе котораго заключалось въ томъ, что онъ остался вѣренъ своему государю. Они окружили его, неотступно умоляя не пятнать своей славы и не дѣлать палачей изъ своихъ товарищей. Наполеонъ оставался тѣмъ болѣе непоколебимъ, что рѣшеніе его было результатомъ холоднаго и обдуманнаго разсчета. Онъ въ этомъ случаѣ только примѣнялъ въ точности систему, которую во всѣхъ своихъ письмахъ навязывалъ Іосифу относительно Неаполя. Показаться ужаснымъ въ первые моменты, чтобъ отнять у побѣжденныхъ всякую мысль о возстаніи, и потомъ задобрить всѣхъ неожиданно кротостью, — вотъ было возобновленное правило Цезаря Борджіа, которое императоръ обратилъ въ свою аксіому, и котораго добродушный Іосифъ не могъ рѣшиться примѣнить на практикѣ. Принцъ Гацфельдъ былъ избранъ жертвою собственно по своему высокому положенію и вслѣдствіе участья, какое

принималъ онъ въ объявленіи войны. Къ счастью, его успѣли скрыть въ первыя минуты, и это спасло его. Впечатлѣніе ужаса, произведенное однимъ объявленіемъ объ участи, его ожидавшей, было до такой степени общее, что казнь сдѣлалась невозможною; время для этого было потеряно, не рѣшились совершить жестокость, разглашенную заранѣе, и устроили маленькую сценку милосердія, которая столь часто вызывала умиленіе у нашихъ историковъ, дѣлая, во всякомъ случаѣ, больше чести ихъ чувствительности, нежели проницательности.

Вслѣдствіе отказа Наполеона въ перемиріи, переговоры о мирномъ трактатѣ начались 2 октября, въ Виттенбергѣ, между маркизомъ Луккезини и Дюрокомъ. Императоръ имѣлъ право диктовать условія, и онъ сдѣлалъ это со всею суровостью безжалостнаго завоевателя. Уступка всѣхъ провинцій, которыми Пруссія владѣла между Эльбою и Рейномъ, обязательство не вмѣшиваться болѣе въ дѣла Германіи, наконецъ уплата военной контрибуціи и признаніе всѣхъ новыхъ государей, какихъ онъ хотѣлъ посадить на германской территоріи — вотъ требованія, какія Дюроку поручено было заявить Пруссіи [330]). Луккезини поспѣшилъ представить эти условія своему государю, который, будучи утомленъ войной и понуждаемый окончить ее, немедленно послалъ свое согласіе. Наполеонъ отказался подписать договоръ, имъ же сочиненный. Въ промежуткѣ войска наши одержали новые успѣхи, Магдебургъ сдался, и польскіе депутаты предложили поднять возстаніе въ тылу русской и прусской арміи. Предъ Наполеономъ открывался новый горизонтъ, и въ головѣ его возникали непомѣрные проэкты. Россія была послѣднею державою, которая могла еще противиться ему на континентѣ, и онъ задумалъ возстановить противъ нее Польшу.

---

[330]) *Луккезини..: Sulla causa egli effetti della Confederatione renana.*
Прим. автора.

Онъ немедленно написалъ къ Фуше, прислать къ нему Костюшко. Бонапарте, который въ предшествовавшемъ году желалъ заключить съ своими непріятелями лишь отдѣльные трактаты, заявилъ теперь прусскимъ уполномоченнымъ, что онъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ завоеваній въ Пруссіи, до тѣхъ поръ, пока Англія не возвратитъ всѣхъ колоній намъ и Голландіи, и пока Россія не обяжется гарантировать независимость Молдавіи и Валахіи. Лишь съ умѣренностью этихъ двухъ державъ онъ полагалъ соразмѣрить будущее состояніе прусской монархіи. Онъ захотѣлъ положить на одни вѣсы несчастья Прусскаго короля съ рѣшеніемъ императора Александра и британскаго кабинета, и снова завязалъ узы ихъ прежней солидарности. Пруссія была въ его глазахъ не болѣе какъ предметъ мѣны, въ родѣ Португаліи въ эпоху Аміэнскаго мира. Оставитъ ли онъ ее существовать въ видѣ монархіи, или сдѣлаетъ изъ нея республику, какъ онъ говорилъ Бильому? Онъ разсуждаетъ объ этомъ, и у него вырывается восклицаніе *„что чрезъ десять лѣтъ династія его будетъ древнѣйшею въ Европѣ!“* Въ ожиданіи, Пруссія — залогъ, который возстановить всегда будетъ время, операціонный базисъ для его арміи, неисчерпаемый источникъ финансовъ и разныхъ припасовъ. Въ избѣжаніе всякихъ ходатайствъ и увѣщаній въ этомъ отношеніи, онъ поспѣшилъ представить публикѣ свое рѣшеніе, связавъ себя въ нѣкоторомъ родѣ торжественнымъ и неизмѣннымъ заявленіемъ.

„Всѣ эти успѣхи, писалъ онъ въ своемъ бюллетенѣ отъ 10 ноября: — не должны пріостанавливать во Франціи военныхъ приготовленій... Французская армія не выступитъ изъ Польши и Берлина, пока Англія не возвратитъ французскихъ, голландскихъ и испанскихъ колоній и пока не заключится общій миръ“. Чрезъ нѣсколько времени, 21 ноября 1806, новая мѣра, необыкновеннѣе всѣхъ принятыхъ имъ до тѣхъ поръ, дополнила и опредѣлила систему, съ помощью

которой онъ льстилъ себя надеждою принудить Англію къ уступкамъ. Система эта, заявленная многими приготовительными дѣйствіями, какъ лига нейтральныхъ и захватъ англійскихъ товаровъ во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, заключалась въ закрытіи континента для англійской торговли. Предварительнымъ условіемъ для подобнаго предпріятія, если не хотѣли сдѣлать изъ этого пустаго хвастовства, было завоеваніе Континента — дѣло, правда, значительно подвинувшееся впередъ, но окончаніе котораго могло представить нѣкоторыя затрудненія. Толковали безъ умолку о томъ, уполномочивало ли Наполеона право возмездія принимать подобную мѣру для наказанія Англіи за злоупотребленіе ея правомъ осмотра и блокады. Это все равно что спрашивать — дозволено ли отвѣчать чудовищнымъ беззаконіемъ на несправедливость, на которую считаешь себя въ правѣ жаловаться, и жертвы которой чужды спору. Было бы гораздо полезнѣе обсудить, — въ его ли власти было исполнить предпринятую мѣру. И такъ это мнимое возмездіе было не только въ тысячу разъ возмутительнѣе злоупотребленій, которыя оно должно было обуздать, — но его можно назвать самою пустою и химерическою утопіею. Злоупотребленія, на которыя жаловался Наполеонъ, были дѣйствительны, исключительны, часто даже гнусны, но можно ли забыть, что тѣ изъ нихъ, за которыя онъ такъ громко укорялъ Англію — были собственнымъ его дѣломъ? Имѣлъ ли онъ право упрекать англичанъ за то, что они брали въ плѣнъ матросовъ съ французскихъ купеческихъ судовъ, онъ, который забиралъ въ плѣнъ не только матросовъ съ купеческихъ кораблей, но и всѣхъ беззащитныхъ частныхъ лицъ, находившихся во время разрыва во Франціи, Голландіи, Италіи? Какъ смѣлъ онъ вмѣнять имъ въ преступленіе блокаду Эльбы и Везера, когда онъ завладѣлъ устьями этихъ рѣкъ для того, чтобъ запереть ихъ для англійской торговли. При томъ что значили неудобства и злоупотребленія права осмотра сравнительно

съ лишенiями, которымъ онъ считалъ себя въ правѣ подвергнуть Континентъ, въ отместку за свои личныя оскорбленiя? Запереть Континентъ для англiйскихъ товаровъ, значило лишить его не только произведенiй, фабрикованныхъ въ Англiи, но и всѣхъ произведенiй Новаго Свѣта, сдѣлавшихся предметами первой необходимости, — такъ они вошли въ ежедневное употребленiе; скажемъ болѣе, — это было уничтоженiе всего европейскаго торговаго флота, не бывшаго въ состоянiи соперничать съ англiйскимъ флотомъ. Онъ считалъ народы до такой степени глупо-легковѣрными, что они могли бы приписать Англiи зло, котораго онъ былъ очевидно единственнымъ виновникомъ! Онъ предполагалъ ихъ достаточно слѣпыми, чтобъ они могли соединиться противъ единственной нацiи, которая не согнулась предъ нимъ, восторгаться удивленiемъ къ столь великому человѣку, утѣшаться собственнымъ разоренiемъ, которое обезпечило бы ему послѣднюю побѣду, вмѣшаться цѣною столькихъ страданiй и пожертвованiй въ споръ ненасытнаго завоевателя, который извѣстенъ былъ имъ лишь грабежами.

Таковы были нелѣпыя мечтанiя, внушившiя знаменитый Берлинскiй декретъ. Съ самаго его начала ему уже положительно недоставало одного—возможности исполненiя, ибо исполненiе его предполагало не только покорность, но рвенiе и содѣйствiе народовъ, которые долженствовали сдѣлаться его жертвою. Поэтому онъ причинилъ много бѣдъ и притѣсненiй, но оставался закономъ лишь на бумагѣ, и скорѣе можно видѣть въ немъ дѣйствiе, нежели вызовъ безсильнаго гнѣва. Этотъ царь царей, который не могъ, не смотря на всѣ свои соединенныя силы и средства, спустить корабля въ море, писалъ съ неподражаемымъ хладнокровiемъ—„*что Британскiе острова отнынѣ будутъ находиться въ блокадѣ.*“ Онъ запрещалъ всякую торговлю и всякiя сношенiя съ ними, опредѣлялъ, „что каждый англiйскiй подданный, находящiйся въ странахъ, занятыхъ нашими войсками, будетъ взятъ

какъ военно-плѣнный, что товары англійскаго происхожденія будутъ захватываемы всюду; что *какая бы то ни было собственность*, принадлежащая англійскому подданному, будетъ объявлена военною добычею.“ Читая заявленіе этой безумной мѣры, невольно думается о всѣхъ этихъ случайныхъ царяхъ, любимцахъ толпы, которую ослѣпляло внезапное величіе. Такъ и слышишь трибуна Ріенци, который, указывая съ вершины Капитолія на всѣ четыре страны свѣта, восклицалъ: и *это мое, это мое, это мое!* Талейранъ получилъ приказаніе сообщить этотъ декретъ всѣмъ нашимъ союзникамъ, съ Даніею включительно, которой онъ долженъ былъ въ особенности сообщить, что „*Наполеонъ не намѣренъ нарушать трактатовъ*, но надѣется, что Копенгагенскій кабинетъ не потерпитъ никакого правильнаго курьера, никакого англійскаго почтовано бюро въ Даніи [331]).“ Декретъ былъ отправленъ въ Сенатъ, при посланіи, въ которомъ Наполеонъ вкратцѣ извѣщалъ, что „такъ какъ возобновилъ войну собственно по своей *крайней умѣренности*, то и долженъ былъ сдѣлать распоряженія „отвратительныя для его сердца, ибо онъ долженъ былъ поставить интересы частныхъ лицъ въ зависимость отъ споровъ государей, и *послѣ стольких лѣтъ господства цивилизаціи* возвратиться *къ принципамъ*, характеризующимъ варварство первыхъ дѣяній народовъ [332]).“

Невозможно было лучше опредѣлить этого памятника безумія и гордости. Берлинскій декретъ прочли во всей Европѣ болѣе съ удивленіемъ нежели съ негодованіемъ, ибо если тиранія Наполеона была дѣйствительно гнусна, то вообще вѣрили въ его политическій геній, а въ виду подобной безумной выходки невозможно было не признать, что упоеніе успѣхами смутило свѣтлость этого ума, всегда столь

---

[331]) Наполеонъ къ Талейрану, 21 ноября. *Прим. автора.*

[332]) Сообщеніе Наполеона Сенату, 21 ноября 1806. *Прим. автора.*

дивнаго для веденія военныхъ дѣйствій. Декретъ это въ самомъ дѣлѣ неминуемо связывалъ навсегда Европу съ Англіею. Европейскіе народы, безъ сомнѣнія, давно уже постоянно угрожающими притѣсненіями доведены были до благопріятственнаго расположенія въ пользу британскаго дѣла; но это движеніе мнѣнія обнаружилось въ особенности между политическими и правительственными людьми, болѣе другихъ чувствительными къ вопросамъ независимости. Вслѣдствіе берлинскаго декрета подвергались пораженію самыя низшія сословія. Народныя массы, которыхъ мы щадили до тѣхъ поръ, болѣе всего заинтересовались нашимъ пораженіемъ и торжествомъ Англіи. Континентальная блокада была лишеніемъ и бѣдностью, вторгавшимися въ каждый домъ, въ нѣдра самыхъ убогихъ семействъ, чтобъ сдѣлать намъ враговъ. Ни одна мѣра не способствовала болѣе къ возстановленію противъ насъ населенія, и къ ускоренію паденія императорскаго правительства.

Сообщеніе Наполеона Сенату оканчивалось требованіемъ, весьма неожиданнымъ даже для тѣхъ, кто менѣе всего смотрѣлъ серьезно на декламаціи въ пользу мира. Послѣ всѣхъ успѣховъ, какъ увѣрялъ онъ,—почти безъ потери людей, послѣ этихъ торжественныхъ бюллетеней, въ которыхъ онъ утверждалъ, что въ арміи изъ стодвадцати пяти тысячъ человѣкъ онъ взялъ *сто семьдесятъ тысячъ* плѣнныхъ; послѣ всѣхъ наборовъ во Франціи и Германіи, имѣли, можетъ быть, право надѣяться на нѣкоторое спокойствіе, и льстили себя надеждою, что заслужили его; но будучи далекъ отъ чего нибудь похожаго, онъ потребовалъ у Сената восемьдесятъ тысячъ конскриптовъ, которые, по обыкновенному порядку, должны были идти нераньше какъ черезъ годъ, въ сентябрѣ 1807 г. „И можетъ ли быть, писалъ онъ, предъявляя это повелѣніе сенаторамъ:—болѣе удобнѣе время для призванія къ оружію этихъ молодыхъ французовъ? Идя къ къ своимъ знаменамъ, они будутъ проходить непріятельскія

столицы и поля битвъ, ознаменованныя побѣдами ихъ предшественниковъ."

Сенаторы, подобно многимъ благоразумнымъ умѣреннымъ людямъ, обрадовались нашимъ успѣхамъ, ибо видѣли въ нихъ залогъ скораго возстановленія мира; но это значило дурно понимать властителя, которому отдались они. Это преждевременное требованіе крови молодыхъ поколѣній, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось опредѣленнымъ правиломъ, доказало имъ, какъ они обманывались, а Берлинскій декретъ внушилъ имъ прежнія серьезныя опасенія о фортунѣ, съ которою они связали свою долю и также, къ сожалѣнію, и судьбы своего отечества. Вопреки самыхъ ясныхъ предостереженій и обыкновенной проницательности, они хотѣли создать великаго человѣка, Цезаря; они скрыли его недостатки отъ глазъ обманутой націи, они посвятили ему всю долю своей славы, они, такъ сказать совокупили въ немъ все, что было у нихъ силы, популярности, способностей, сдѣлались рабскими орудіями его власти, въ надеждѣ быть допущенными раздѣлить, если не ея почести, то по крайней мѣрѣ пользованіе. Теперь идолъ былъ оконченъ, и герой однимъ прыжкомъ ускользнулъ изъ ихъ робкихъ объятій; было поздно, чтобъ остановить его, слишкомъ поздно, чтобъ образумить его обожателей. Напрасно они старались остановить его, напрасно трепетными устами шептали совѣты, которыхъ онъ не слушалъ; пришлось слѣдовать за нимъ безъ отдыха: создавъ Цезаря, надобно было ему дать міръ.

Нельзя не отдать почетной справедливости неподкупному и безпристрастному суду общественнаго мнѣнія, которое въ моментъ, когда Наполеонъ достигъ этой головоломной высоты, когда онъ казался наиболѣе неуязвимымъ, но когда однако у него начинала кружиться голова, въ этотъ самый моментъ настойчивые, не основанные ни на какомъ фактѣ слухи начали предсказывать его скорое и неизбѣжное паденіе. Полиція принялась за ложные слухи, но не могла за-

претить вѣрить въ нихъ, ибо здѣсь нѣчто другое нежели продѣлки партіи: это внутреннее и глубокое убѣжденіе, что эти блестящіе успѣхи только кажущіеся, что это непомѣрное величіе—не правдоподобная мечта, неожиданность, которая не можетъ долго продолжаться. Вотъ что всѣ чувствовали, съ непогрѣшимою вѣрностью общественнаго здраваго смысла, и это давало вѣру во всѣ необыкновенные и лишенные справедливости слухи. Наполеонъ основательно сердился, ибо онъ видѣлъ здѣсь не только доказательства, что вѣрили этимъ баснямъ, но что не вѣрили ни ему, ни его дѣлу. Онъ видѣлъ въ томъ сомнѣніе въ его геніи и оскорбленіе его звѣзды. Эти слухи и вѣра, которую имъ придавали, были опроверженія, бросаемыя ему въ лицо, самымъ неуловимымъ спорщикомъ. Въ тотъ самый день, когда мы торжественно вступали въ Берлинъ, вдругъ пронеслась молва, что Италію отобрали у насъ аагличане, что Массена убитъ, и русскіе выгнали насъ изъ Далмаціи [333]). Раздраженный до крайности, Наполеонъ отвѣчалъ, что въ Италіи у него двѣсти тысячъ войска, въ Далмаціи двадцать пять, что Германская армія его на Вислѣ никогда не была сильнѣе. Но нѣтъ нужды, онъ не могъ уничтожить заронившейся въ обществѣ мысли, что въ нашемъ опасномъ, ненормальномъ положеніи неудачи сдѣлались вѣроятнѣе побѣдъ, и убѣжденіе это было столь естественно, что Наполеонъ съ гнѣвомъ встрѣчалъ его даже у людей, наиболѣе ему преданныхъ и въ интересахъ которыхъ было бы отвергать это убѣжденіе: „*Гдѣ это вы открыли*, мой кузенъ, писалъ онъ 16 ноября Камбасересу:—*что Испанія вступила въ коалицію*? Мы въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Испаніею. Всѣ крѣпости у насъ въ рукахъ.“

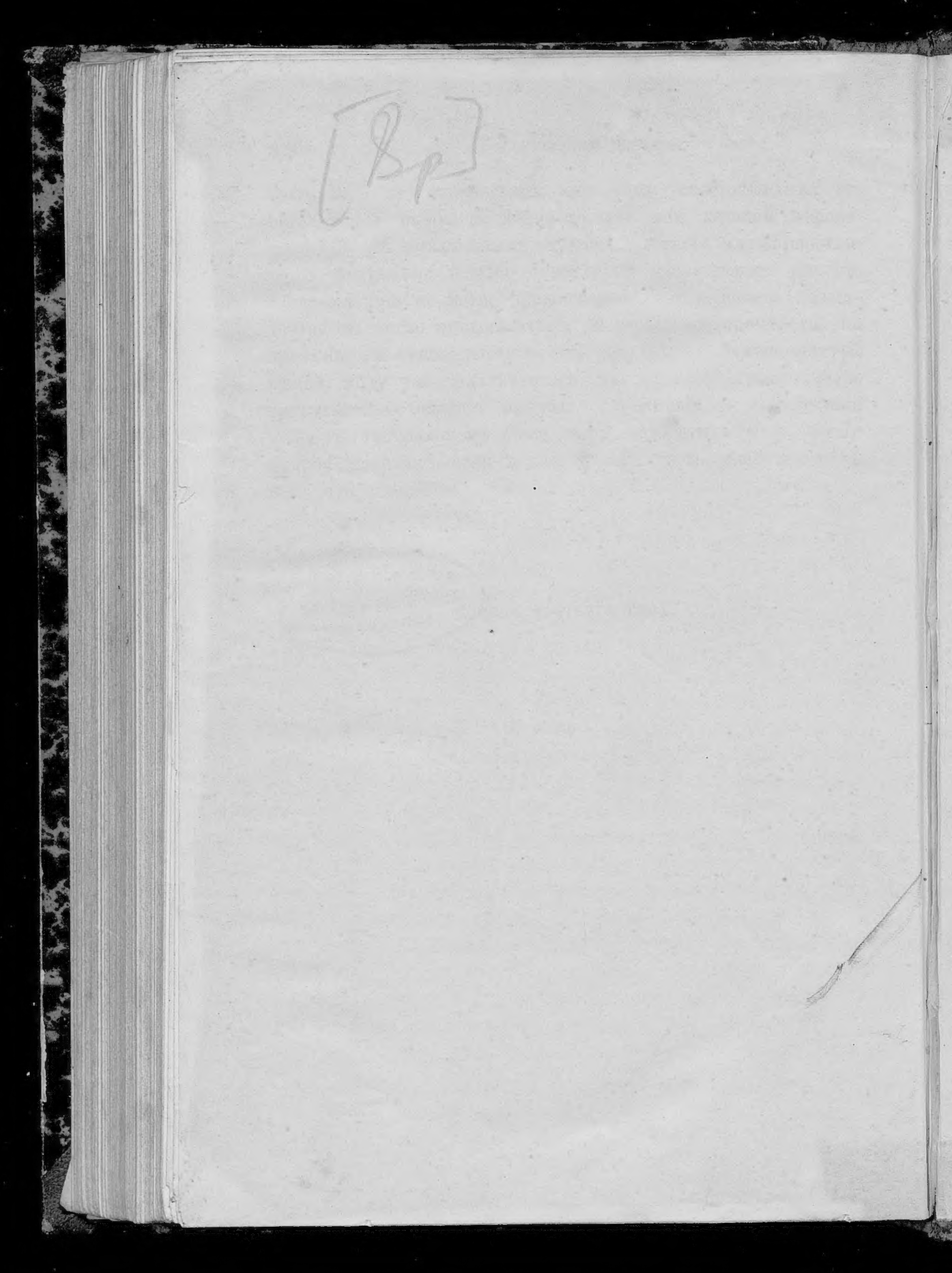
Камбасересъ не полагалъ, что это была сущая истина, а въ дѣйствительности боязнь его предупредила событіе. Но

---

[333]) Двадцатъ девятый бюллетень, 10 ноября 1806. *Прим. автора.*

былъ ли фактъ справедливъ или нѣтъ, совершился ли онъ сегодня или вчера, а важно то, что онъ казался вѣроятнымъ. И изъ всѣхъ этихъ слуховъ, ложныхъ или справедливыхъ, отдѣлялось весьма отчетливое впечатлѣніе, что эта фантасмагорія не могла продолжаться, что подобное владычество не могло продолжаться, не имѣло ни прочности, ни причины къ существованію, что оно было противно натурѣ вещей, ходу ума человѣческаго, что въ немъ должно было видѣть только явленіе минуты, случайный и мимолетный метеоръ, что наконецъ была пора возвратиться къ болѣе мудрой политикѣ, если хотѣли спасти хоть слабую часть того, что завоевали.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

[8p]

